СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Рецензии

ХРОНИКА

СТАТЬИ

ПРИБАЛТИКА В 1917—1940 ГОДАХ

П. Дауге

Экономические и политические предпосылки революций 1917—1918 годов

Рассматриваемый в настоящей статье период представляет собой исключительно богатую по содержанию фазу в историческом развитии Прибалтики. Сказочно быстрое, бескровное превращение в 1940 году трех буржуазных государств в советские союзные социалистические республики является небывалым в истории фактом.

Чтобы понять причины этого замечательного события, необходимо ознакомиться с историей происшедших в Прибалтике в 1917—1918 гг. революций, за которыми последовал мрачный период 20-летней реакции.

До начала первой империалистической войны (1914—1918 гг.) развитие капитализма в Прибалтике достигло высокого уровня. Первое место в развитии промышленности и торговли в Прибалтике занимала Латвия. Она же занимала центральное место и в дальнейшем ходе происходивших в Прибалтике социальных пертурбаций.

Латвия была вообще одним из наиболее развитых промышленных районов бывшей Российской империи. Количество занятых в промышленности рабочих Латвии выросло за период с 1897 по 1913 г. с 53 723 до 108 565 человек, а стоимость промышленной продукции поднялась с 256,7 млн. лат до 829 млн. лат, т. е. увеличилась на 223%, причем наиболее быстрый темп роста показали отрасли химическая, бумажная, пищевая.

Былая мелкая, полукустарная промышленность уступает место крупной фабричной промышленности; в Латвии совершается быстрая концентрация производства. Если в 1897 г. в среднем на одно предприятие приходилось 50 рабочих, то в 1913 г. среднее число занятых в предприятии рабочих уже составляло 144. Общий процент городского населения Латвии тем самым поднялся с 29,2 в 1897 г. до 40,3 в 1914 году [1].

Главным промышленным центром Латвии стала Рига. Население этого города увеличилось с 282 230 человек в 1897 г. до 518 тыс. в 1913 г., в том числе около 100 тыс. рабочих [2].

Среди рижских фабрик и заводов были такие гиганты, как резиновая фабрика «Проводник» (12 тыс. рабочих), Балтийский вагоностроительный завод (4 тыс. рабочих), вагоностроительный завод «Феникс» (6 тыс. рабочих) и целый ряд других крупных предприятий: металлургических, текстильных, химических, полиграфических и др.

Такому интенсивному росту промышленности Рига обязана в значительной степени своему чрезвычайно выгодному географическому положению — на берегу Рижского залива, у устья судоходной реки Даугавы

---

[1] Ринг И. «Латвия», стр. 36. 1936.

[2] Стучка П. Демократическая Латвия. «Коммунистический Интернационал» № 2 за 1924 г., стр. 189.

(Западная Двина). Объединяя 5 железнодорожных магистралей, Рига стала первостепенным узловым пунктом российского импорта и экспорта и притягательным центром как отечественного, так и заграничного капитала. «Деньги шли в рижскую промышленность,— говорит в своем исследовании экономики Латвии И. Маркон,— золотым потоком как из-за границы, так и из внутренних источников. В течение 6—7 лет до войны... в Риге открылись отделения почти всех крупных банков, из которых многие были заинтересованы в рижской индустрии» [1].

Вторым по развитию промышленности и торговли городом в Латвии являлась Лепая (Либава), расположенная на берегу Балтийского моря и обладающая первоклассным незамерзающим портом, защищаемым крепостью и представлявшим в начале империалистической войны одну из баз военно-морского флота царской России. Количество жителей Либавы выросло с конца XIX в. почти втрое и достигло в 1914 г. около 100 тысяч. Здесь развиты были до войны судостроительная, мукомольная, кожевенная и другие отрасли промышленности.

Третье место среди городов Латвии завоевала по своему торгово-промышленному значению небольшая Вентспилье (Виндава), имевшая к 1914 г. 26 тыс. жителей. В городе имелись машиностроительный завод и льнопрядильня. Большее значение приобрел этот город как порт с почти не замерзающей гаванью.

Всей своей экономикой Латвия была неразрывно связана с Россией. Русский рынок поглощал, согласно данным, приведенным Рингом по известному статистическому исследованию А. Бушевица «Где выход?», 88,4% всех резиновых изделий, 86,2% продукции машин, 75,2% красок, изготовляемых в Латвии.

Чрезвычайно большую роль играли латвийские порты во внешней торговле России. В 1913 г. проходило через латвийские порты 20% всего импорта (631,6 млн. лат) и 28% всего экспорта (928,4 млн. лат) Европейской России [2].

Насколько пагубным для латвийской транзитной торговли оказался отрыв Латвии от России, показывает резкое снижение роли Вентспилье (Виндава) как портового города. В то время как в 1911 г. через порт Вентспилье прошло 1215 судов с 703,5 тыс. регистровых тонн, в 1920 г. число судов упало до 123 с тоннажем 36,3 тыс. регистровых тонн [3].

Характерно, что один из самых ярых латвийских националистов, А. Берг, незадолго до начала империалистической войны резко подчеркивал нерациональность отрыва Латвии от России. Он писал: «Нам всеми силами надо стремиться, чтобы мы могли остаться под властью этого большого и сильного государства. В политическом отношении самостоятельная Латвия сделалась бы игрушкой в руках больших воинственных соседних государств, а в экономическом — клочком земли, опоясанным новыми таможенными сетями. Таким образом, экономические и культурные интересы требуют того, чтобы наша промышленность не была оторвана от русских сырьевых баз и выключена из русских рынков» [4].

Но, после того как Россия превратилась в социалистическое государство, Берг стал одним из самых озлобленных врагов России и защитником «самостоятельной» Латвии.

Помимо бурно растущей промышленности Латвия отличалась в довоенное время также высокоразвитым сельским хозяйством. Импортируемые из Западной Европы сельскохозяйственные машины нашли в Латвии весьма широкое применение, в особенности в кулацких хозяйствах.

---

[1] Маркон И. «Народное хозяйство и финансы Латвии», стр. 38. Рига. 1930.
[2] Ринг И. «Латвия», стр. 37.
[3] Большая Советская энциклопедия (БСЭ). Т. X, стр. 238.
[4] Ринг И. «Латвия», стр. 40.

Рационализируя полевое хозяйство, латвийские земледельцы стали в то же время в широких размерах переходить на животноводство, улучшая луговое хозяйство, расширяя травосеяние и т. п. Площадь кормовых трав в кулацких хозяйствах оказалась в 3 раза больше нежели в имениях.

Эта модернизация сельского хозяйства привела, вполне естественно, к освобождению рабочих рук и к массовой пролетаризации крестьянства и одновременно к резкому обострению классовых противоречий в деревне.

Среди концентрированного в городах заводского пролетариата, как и среди батрачества, в особенности после ленских событий, заметно нарастало революционное настроение. Волна протеста против зверского расстрела ленских рабочих прокатилась по всей Латвии. Резко увеличилось количество забастовок: в одной только Лифляндской губернии имели место в 1913 г. 234 забастовки, в которых участвовало 121 023 рабочих, а в 1914 г.—355 забастовок с участием 183 555 рабочих, причем в 1913 г. 67% всех забастовок, а в 1914 г. 73% носили явно выраженный политический характер[1].

Стачки, руководимые социал-демократией Латышского края, носили организованный характер. Партия ни на минуту не прекращала своей работы в глубоком подполье в годы реакции. Сильно сократившись в количественном отношении, партия в то же время значительно окрепла организационно и идейно.

Аналогичный с Латвией процесс быстрого промышленного подъема за годы, предшествовавшие империалистической войне, мы наблюдаем в Эстонии.

По всенародной переписи 1897 г., в бывшей Эстляндской губернии, т. е. северной половине сегодняшней Эстонии, количество сельского населения составляло 83,7%, а городского населения — 16,3%; к 1 января 1932 г.— 67% сельского и 33% городского населения.

В области промышленности и сельского хозяйства Эстония вслед за Латвией являлась одной из передовых областей России.

Соединение эстонских портов железнодорожной сетью с внутренними губерниями России, главным образом с Петербургом, послужило мощным толчком к развитию местной промышленности. В 1881 г. в Таллине (Ревель), главном промышленном центре Эстонии, было всего 28 промышленных предприятий, а в 1900 г.— уже свыше 100, в которых было занято больше 10 тыс. рабочих.

В развитии эстонской промышленности уже к концу XIX в. руководящую роль играл иностранный капитал. Эстонская же буржуазия и эстонский национальный капитал сосредоточили свое внимание главным образом на торговле, строительстве, на мелкой и средней промышленности. Так например крупнейшая в царской России хлопчатобумажная Кренгольмская мануфактура в Нарве была создана английским капиталом, целлюлозная фабрика «Вальдгоф» в Пярну (Пернов) — германским капиталом.

Число промышленных рабочих в крупных предприятиях достигло в Эстонии до войны 50 тыс., из них свыше 19 тыс. текстильщиков, 17,5 тыс. металлистов, 3 тыс. деревообделочников, 3,5 тыс. рабочих бумажных и целлюлозных заводов.

В 1917 г. в Ревеле насчитывалось уже свыше 40 тыс. промышленных рабочих, к которым еще необходимо прибавить около 15 тыс. рабочих, занятых на строительстве крепости[2].

Эстонские портовые города, так же как и латвийские, играли до войны крупную роль в российском экспорте и импорте.

---

[1] «Латвия и ее армия», стр. 6. Госвоениздат. М. 1938.

[2] Пегельман Г. «Экономический кризис в Эстонии», стр. 8—9. М. и Л. 1932.

В эстонской деревне существовали до революции 1917 г. весьма схожие с Латвией экономические отношения. Классовый антагонизм был здесь даже еще более резко выражен. 57,9% всей земельной площади Эстонии было сосредоточено в руках помещиков — немецких баронов и пасторов. Крестьянская масса остро страдала от безземелья, и многие крестьяне вынуждены были эмигрировать в глубь России, где возник ряд эстонских колоний, а также в Америку.

Накануне империалистической войны эстонский пролетариат, жестоко пострадавший после поражения революции 1905—1907 гг., стал пробуждаться к новому революционному подъему. Работавшая в глубоком подполье эстонская социал-демократическая партия неоднократно оказывалась жертвой провокации и предательства. Так например в 1908 г. была почти целиком разгромлена ревельская организация. Все члены партийного комитета и около 200 членов партии были арестованы. В 1910 г. провалилась конференция, созванная для объединения сохранившихся немногочисленных партийных ячеек. Лишь в 1912 г. начала в Нарве выходить газета «Kiir», ставшая организующим центром также для рабочих других городов. Возникает ряд партийных ячеек в Пярну, в Тарту (Дерпт—Юрьев). В марте 1914 г. состоялось в Ревеле совещание представителей социал-демократических организаций, а в июне того же года в Нарве была созвана партийная конференция [1].

Третья, самая большая из прибалтийских стран — Литва,— насчитывавшая накануне мировой войны около 2,5 млн. населения, являлась в то же время самой отсталой из этих трех стран не только в промышленном развитии, но и в отношении сельского хозяйства. Литва — типичная аграрная страна, ее городское население составляло не больше 13,3%. По данным фабричной инспекции за 1913 г., на территории бывших Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний было 462 промышленных предприятия, подлежавших надзору фабричной инспекции, с 20 542 рабочими. До войны в Литве было только 6 фабрик, насчитывавших каждая больше 500 рабочих [2].

Отсталости сельского хозяйства в немалой степени содействовала местная, католическая по преимуществу, поповщина, стремившаяся удерживать крестьянство в средневековой тьме и в рабской покорности эксплоатировавшим его польским, русским и эстонским помещикам.

В революции 1905—1907 гг. литовский пролетариат активно боролся вместе со всем российским пролетариатом против самодержавия, против помещиков и против буржуазии, под руководством социал-демократической партии Литвы. Однако в период реакции оппортунистическое, ликвидаторское течение одержало полную победу в партии, и лишь после ленских событий поднялось влияние левых, возглавлявших начавшееся забастовочное движение. Вытравить из сознания литовского трудового крестьянства революционные традиции царским карателям не удалось.

Однако отсутствие крупных промышленных центров и концентрированных в них крупных пролетарских масс обусловило сравнительно слабый размах революционного движения в Литве в период подготовки и продолжения империалистической войны.

Оккупация Литвы и Латвии германскими империалистами и ее влияние на развертывание революционных событий в Латвии

В начале империалистической войны и в особенности после оккупации летом 1915 г. Литвы, а вслед за нею и части Латвии немецкой армией в обеих этих странах местная буржуазия разжигала патриотиче-

[1] Пегельман Г. «Эстония. Исторический очерк». БСЭ. Т. 64, стр. 710.
[2] Мицкевич-Капсукас В. «Очерки современной Литвы». «Коммунистический Интернационал» № 2 за 1924 год.

кое настроение. Их представители в Государственной думе — Ичас от имени литовского «народа», Гольдман от имени латвийского «народа» — огласили с думской трибуны декларации, призывающие всех к «священной войне» с Германией. Особенно отличился «прогрессист» Я. Ю. Гольдман, выступивший со следующим торжественным заявлением: «Господа члены Государственной думы! Один из первых выстрелов нашего врага раздался в той стране, представителем которой я являюсь. Это было под Либавой, в Курляндии... Среди латышей и эстонцев не найдется ни одного человека, кто бы не признал, что все, что нами достигнуто в смысле благосостояния, нами достигнуто исключительно под сенью российского двуглавого орла... В это море крови, в котором хотелось выкупаться сидящему в Берлине тирану, в это море латыши и эстонцы вольют также свою последнюю каплю крови, чтобы... этот человек не только выкупался в нем, но и утонул. Наши сыновья, братья и отцы не только героически будут сражаться в рядах армии, но и у нас дома, в каждой хате, на каждом шагу враг встретит самого ярого противника, у которого он может снять голову, но из уст которого он даже в минуту смерти услышит лишь одно: «Да здравствует Россия!»

За этой подхалимской речью, за которую Гольдману аплодировал даже сам Пуришкевич, последовала самая яростная агитация как в местной, так и в столичной прессе. В «Новом времени» пелись дифирамбы патриотизму латышского народа и его преданности царскому престолу, и в результате Гольдману вместе с его коллегой по Государственной думе И. П. Залитом удалось добиться у военного министра и у главнокомандующего царской армией разрешения формировать латышские дружины добровольцев.

Во главе организационного комитета для формирования военных частей стал Гольдман. Фактически Гольдман и К° не столько были озабочены будущностью латышского народа, сколько благополучием своих собственных кулацких благоустроенных усадеб.

Теперь, когда нам открыт доступ к военным, а также к дворцовым архивам, становится ясным, что латышские стрелковые батальоны сделались жертвой самой подлой провокации и предательства, объектом темных интриг русских реакционных генералов и германских шпионов. Связанные с неописуемыми жертвами бои 8 марта 1916 г. и бои зимой 1917 г. в Тирельских болотах, на Пулеметной горе и на Острове мертвых, бои, в которых латышские стрелки, героически прорвавшие немецкий фронт, но не получившие обещанной военным командованием помощи, потеряли около 60% своего состава, были результатом предательства, исходившего из придворных сфер, тайно связанных с германской разведкой. Чиновники из балтийско-баронского дворянства, продавшиеся царизму, просто не доверяли вооруженной латвийской молодежи: очень свежи были в памяти революционные бои латышского пролетариата 1905—1907 годов.

«Спрашивается, — читаем мы в латышской газете «Социалдемократс»,— не было ли все это известно Гольдману и Залиту? Не знали ли они, что судьба Курляндии слишком мало интересует Мейендорфов, Маклаковых, Распутиных? Они это знали... В то время когда дегенераты царских высших сфер, германские шпионы и бароны поскорее старались ликвидировать свою ошибку, т. е. допущение формирования латышских национальных стрелковых полков, Гольдман не только отмалчивался в Государственной думе,.. но все еще продолжал вербовать и даже административными мерами принуждать латышей вступить в стрелковые полки... В батальоны принимались без ведома родителей 15—16-летние юноши... В первом полку не было бойца старше 19 лет!»[1]. Известно,

[1] «Социалдемократс» № 27 за 1917 год.

что старшие возрасты, вплоть до 40 лет, были мобилизованы правительственными властями.

В то время когда Гольдман творил свое преступное дело, партия пролетариата — социал-демократия Латышского края — не дремала. Все больше и больше сплачиваясь вокруг большевистской РСДРП и освобождаясь от своего оппортунистического руководства, партия вновь подняла непримиримую борьбу против царизма, против своей буржуазии, против немецкого дворянства. Оставшись до начала империалистической войны еще в составе II интернационала, она, тем не менее, с самого начала объявления войны заняла резко антивоенную позицию, ведя непримиримую борьбу против социал-шовинизма, разоблачая меньшевистских ренегатов. Правда, ряды партии сильно поредели не только в результате мобилизации, но и в результате массовых арестов, тюремного заключения и ссылки. Но мобилизованные члены партии честно выполняли свою революционную миссию в рядах армии, внося туда идеи большевизма.

Их агитацией объясняется и то, что после декабрьских кровопролитных боев среди латышских стрелков быстро стал нарастать дух антивоенного протеста и глубокого возмущения. Мощным толчком к росту революционного настроения послужило известие о свержении Николая Кровавого. Стали образовываться солдатские организационные комитеты, а во всех ротах и командах создавались партийные ячейки. Стрелки собирались и открыто обсуждали создавшееся положение. Появилась фронтовая газета «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок»). Однако вначале газета целиком еще находилась под руководством заядлых меньшевиков Мендерса и Скуенека, продолжавших разжигать среди стрелков патриотический дух. Большевистская «Циня» («Борьба») стала выходить в Риге только с середины мая 1917 года.

В начале апреля 1917 г. вернулся из эмиграции Владимир Ильич Ленин и на следующий же день после возвращения выступил со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами», в которых он с гениальной четкостью нацелил партию на социалистическую революцию. Его тезисы легли в основу происходившей с 19 по 22 апреля (4—7 мая) в Москве XIII конференции членов социал-демократии Латышского края и находящихся в других городах России латышских социал-демократических групп. На этой конференции большевики поставили ребром вопрос о необходимости положить конец пресловутому «единству» латышской партии, о необходимости изгнания меньшевиков из ее рядов, о необходимости создания нового, III Интернационала. Все принятые на конференции резолюции: об отношении к Временному правительству, об Учредительном собрании, о III Интернационале и даже по аграрному вопросу, этому наиболее уязвимому месту в программе социал-демократии Латышского края,— в основном соответствовали ленинским установкам. О совершенных ею в аграрной политике ошибках речь будет ниже.

С выработанными на конференции революционными директивами делегаты вернулись в Латвию, где они среди местных организаций, а в первую очередь среди латышских стрелков, вели большую разъяснительную работу. От 12 до 17 мая происходил в Риге пленум объединенного совета латышских стрелковых полков, на котором большевикам удалось одержать решительную победу над меньшевистскими ренегатскими и эсеровскими группами. Газета «Свободный стрелок» перешла в руки большевиков, а меньшевики Мендерс и Скуенек должны были уйти из редакции.

17 мая на пленуме совета латышских стрелковых полков после пятидневных бурных дебатов подавляющее большинство стрелков поняло, что только большевистская партия, как единственно революцион-

ная, может вывести народ из жуткого хаоса империалистической бойни. «Туже всех воспринимали ленинскую установку о братании, о непризнании Временного правительства и пр.,— как пишет один из участников пленума,— господа офицеры».

Латышские стрелки повернули свой фронт по-ленински против собственной буржуазии, против собственного правительства, за социалистическую революцию, на стороне советов. Исполнительный комитет латышских стрелковых полков—«Исколастрел»—сыграл в дальнейшем выдающуюся роль в борьбе за установление советской власти в Латвии. Но он не ограничивался в своей пропагандистской работе одними латышскими стрелками, а вел также борьбу в других частях XII армии, в исполнительном комитете которой — в «Искосоле»,— в особенности среди командного состава, меньшевики и эсеры еще удерживали руководящие позиции.

В конце июля в Риге состоялся I съезд рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, на котором был избран исполнительный комитет Латвии — «Исколат». Таким образом, в Латвии, как и в остальной России, создалось временно «двоевластие», т. е. власть революционного народа и власть Временного правительства.

Встревоженное правительство Керенского решило срочно расформировать небезопасные для него латышские стрелковые полки. Был отдан приказ о закрытии большевистских газет «Циня» и «Свободный стрелок», и одновременно принимались всевозможные меры к уничтожению социал-демократии Латышского края. Но это не удалось: «Циня» продолжала выходить в подполье, а вместо закрытого «Свободного стрелка» уже на следующий день вышел первый номер «Латышского стрелка».

Чтобы задушить революцию, Керенский 21 августа 1917 г. предательски сдал Ригу, этот оплот пролетарской революции в Латвии.

Невзирая на все репрессивные меры, еще в июле 1917 г. социал-демократия Латышского края созвала свой V партийный съезд. На съезде присутствовало 116 делегатов с решающим голосом. Они представляли 6622 организованных членов партии. Но кроме них присутствовало почти столько же делегатов, присланных от разбросанных во время войны по России социал-демократических групп и представлявших еще 6427 членов партии.

По своему составу съезд был большевистским. Лишь маленькая группа, из 6 человек, принадлежала к меньшевикам-интернационалистам.

Съезд утвердил принятые на апрельской, XIII конференции резолюции, и партия продолжала при все обостряющейся ситуации подготовку масс для дальнейшей революционной работы.

После занятия Риги кайзеровскими войсками район деятельности партии резко сократился. Оставались лишь три уезда Лифляндской губернии: Валкский, Вольмарский и Венденский,— и на этой ограниченной территории партия продолжала в теснейшем контакте со стрелковыми большевистскими организациями свою революционную работу, все шире охватывая трудовые массы. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что на происходивших осенью 1917 г. выборах в уездные земские советы социал-демократия Латышского края завоевала свыше 70% всех поданных голосов.

Численный состав партии к этому времени значительно сократился. На созванной 16(29) октября 1917 г. чрезвычайной конференции социал-демократии Латышского края делегаты представляли всего 2426 организованных членов партии. Среди делегатов были также представители

от стрелков и окопных рабочих. Конференция обсуждала главным образом один вопрос — «О текущем моменте».

Вопрос этот был выдвинут в связи с состоявшимся 10 октября 1917 г. историческим заседанием ЦК РСДРП, на котором, согласно представленному Лениным плану, было решено в ближайшие дни начать вооруженное восстание. Принятая ЦК резолюция, лично написанная Лениным и разосланная уполномоченным ЦК по всем фронтам, гласила, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», а поэтому «ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы» [1].

Конференция социал-демократии Латышского края целиком присоединилась к этой исторической резолюции и со всей решительностью стала на ленинский путь борьбы. В принятой конференцией резолюции говорится: «Конференция считает, что настал момент последней, решительной борьбы, в которой должна решиться судьба не только российской, но и всемирной революции... Приготовляясь к предстоящим боям, пролетариат Латвии ставит себе задачей поддерживать самое тесное единение с революционными рабочими Петрограда и Москвы и поддерживать всеми силами и всеми средствами борьбу российского пролетариата в его борьбе за завоевание государственной власти» [2].

Из представителей Центрального комитета социал-демократии Латышского края и «Исколастрела» был создан при XII армии Военно-революционный комитет, который выпустил манифест к населению с призывом поддержать созданное в Петрограде рабоче-крестьянское правительство.

В ответ на это «Искосол» (где среди офицерского состава находились еще эсеро-меньшевистские элементы) создал в Валке контрреволюционный «Комитет спасения родины». Последний безуспешно пытался натравить на Военно-революционный комитет малосознательную часть солдат XII армии, а также разгромить помещение газеты «Латышский стрелок». Посланный РВС для защиты подступов к Петрограду 6-й Туккумский полк латышских стрелков к этому времени уже вернулся, и при его помощи все контрреволюционные вылазки были ликвидированы.

15 ноября состоялся съезд депутатов XII армии, на котором подавляющее большинство стрелковых депутатов высказалось за поддержку советской власти. После этого и «Искосол» XII армии перешел в руки большевиков.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России определила всю дальнейшую судьбу маленькой Латвии.

14—15 декабря в Вольмаре состоялась конференция социал-демократии Латышского края, а вслед за ней, 16—17 декабря,— съезд рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, на котором была провозглашена советская власть в неоккупированной части Латвии.

Город Валк без сопротивления был занят революционными стрелками, а с 20-х чисел декабря 1917 г. и здесь начал свою работу Исполнительный комитет Латвийского совета рабочих, стрелковых и безземельных депутатов (сокращенно «Исколат») при непосредственной дружной военной поддержке «Исколастрела». «Исколат» возглавлял покойный Фр. Розин-Азис, автор классического труда «Латышский крестьянин», крупнейший знаток истории Латвии и латвийского крестьянства.

Советская Латвия. Наступление контрреволюции

В молодой Советской Латвии «Исколат» под руководством тов. Розина развернул интенсивную работу. Были приняты все доступные меры

[1] Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 330.
[2] «Социалдемократс» № 134 за 1917 год.

по укреплению органов диктатуры пролетариата как в немногих уцелевших от оккупации городах, так и в деревне. Сохраняя стрелковые полки, «Исколат» приступил к организации отрядов Красной гвардии, этих первых ячеек будущей Красной Армии. Была разработана широкая программа коренной реформы всей культурной жизни страны. Буржуазная печать была закрыта, а типографии национализированы. Был введен 8-часовой рабочий день, установлен минимум заработной платы для рабочих и служащих. Энергично заработали профессиональные союзы, не прекратившие своей деятельности в самые черные дни реакции и во время войны.

Одновременно была проведена широкая школьная реформа. К делу народного просвещения были привлечены видные педагоги, деятели литературы и искусства, часть которых вместе с эвакуированными из Латвии во время немецкой оккупации учреждениями работала в Москве, в так называемом Культурном бюро, созданном при Комитете помощи беженцам. Религия была окончательно изгнана из школы. Церкви широко использовались для устройства митингов. Лучшими специалистами была разработана программа и методика всеобщего обучения. Однако работа эта, как и вся вообще реформа местной жизни, была прервана в самый разгар ее развертывания.

Центральной задачей советской власти в Латвии было проведение аграрной реформы. С точки зрения ленинизма и на основании гигантского опыта практического разрешения аграрного вопроса в СССР, мы должны признать проводимую в Латвии аграрную политику неправильной, несмотря на то что ее руководителем был крупнейший знаток аграрных отношений в Латвии тов. Розин. Ошибка заключалась в том, что, проводя национализацию баронских имений и кулацких крупных усадеб, советское правительство отказалось от раздела земли между безземельными и малоземельными крестьянами, а в первую очередь приступило к созданию совхозов или сельскохозяйственных коммун, причем средним и мелким хозяевам их усадьбы были оставлены во временное пользование.

В психологии большинства батраков и безземельного и малоземельного крестьянства сидела веками укоренившаяся привязанность к земле, с которой необходимо было считаться. Этот факт не был учтен молодой советской властью. И эта ошибка, как увидим дальше, повторилась в 1919 г., при вторичном создании советской власти в Латвии.

Начатая аграрная реформа, как и все прочие мероприятия советской власти, была прервана в конце февраля предательским нарушением Троцким в Бресте прямых директив большевистской партии. Отказавшись от подписания мира на предложенных Германией условиях, он дал повод германским империалистам прервать переговоры и начать новое наступление. К концу февраля немецкая армия заняла всю Латвию.

Одновременно с наступлением немцев началось отступление русской армии. Таким образом, вследствие предательства Троцкого Латвия была отдана на растерзание германским империалистам.

Советское правительство покинуло Валк почти одновременно со вступлением немцев в город. Эвакуация правительственных органов, имущества, архивов и пр. была связана с большими трудностями. Железнодорожное сообщение между Валком и Псковом было разрушено, и члены правительства лишь на пятое утро добрались до Пскова, где их ожидал новый «сюрприз»: к вечеру Псков был занят немецкой армией, и правительство очутилось во вражеском окружении.

После падения советской власти начался один из самых мрачных периодов в истории Латвии. Немецкие оккупанты, приветствуемые воспрявшими духом баронами, буржуазией и кулачеством, считали аннексию Латвии завершенной. Весь 1918 год латвийская деревня стонала под невиданным гнетом «карателей».

«Немецкие войска вместе с помещиками и кулацкими бандами организовали расправу над революционерами и их семьями, расстреливали их по первому указанию барона, кулака, пастора. На площадях городов воздвигались виселицы. «Для устрашения» трупы на них висели по три дня. В Вольмаре без суда и следствия было расстреляно несколько комсомольцев, совсем еще детей... По всей Латвии был создан режим, какого не было в худшие времена самодержавия»[1].

Все продовольственные ресурсы, весь жалкий скарб были реквизированы у латышских крестьян. Латвия находилась под угрозою страшного голода. Особенно жестоко немецкие власти расправлялись с батраками и рабочими. Концентрационные лагери были переполнены латышскими революционерами. Но несмотря на все нечеловеческие страдания латышский революционный народ не собирался капитулировать перед грубой властью черной реакции.

Еще осенью 1917 г., когда Рига уже находилась в руках германских империалистов, когда немцами была разогнана созданная в Риге молодая социалистическая городская дума и разгромлены профсоюзы, Центральный комитет социал-демократии Латышского края, а также Рижский комитет партии остались на месте, продолжая в подполье свою революционную работу. Переименовавшись в спартаковскую группу социал-демократии Латышского края, они пытались установить связь со спартаковцами Германии. Начала работать партийная типография, и была установлена связь с немецкими солдатами.

В начале 1918 г. стали выходить газеты «Спартак» и «Биедрс» («Товарищ»). 6 января партия организовала весьма обширную демонстрацию на улицах города. Против демонстрантов оккупантами было пущено в ход оружие. В результате ночных облав почти все члены Центрального комитета и около сотни партийных активистов были арестованы. После жестоких истязаний несколько человек из них было расстреляно.

Однако несмотря на усилившиеся репрессии и предательские акты со стороны меньшевиков революционная воля большевиков не была сломлена. «Социал-демократия Латышского края,— читаем мы в передовице «Спартака»,— не только существует и продолжает работу во всех частях Латвии, но, пробравшись через проволочные заграждения и сквозь ряды жандармов и национальных шпионов, она вновь добилась своего организационного и идейного сплочения, собираясь на свою XVI Вселатвийскую конференцию»[2].

Конференция эта, состоявшаяся в конце мая — начале июня 1918 г., знаменательна тем, что на ней окончательно и навсегда из рядов социал-демократии Латышского края были изгнаны меньшевики. Партия вела пролетариат Латвии без колебаний по ленинскому пути навстречу новым боям за победу советской власти.

Белый террор в Латвии. Предательство латвийских меньшевиков

К осени 1918 г. произошли крупные изменения на империалистическом фронте. В коалиции среднеевропейских держав появилась глубокая трещина. В сентябре вышла из строя Болгария, вынужденная заключить перемирие с Антантой. За ней последовала Турция в конце октября, а в начале ноября капитулировала Австро-Венгрия. В ноябре, после ряда тяжелых поражений, за ними последовала Германия.

В Германии поднимается революционная волна. Еще в конце октября начинается восстание матросов в Киле, которое быстро охватывает почти весь германский военный флот. Революционное движение растет

---

[1] Ринг И. «Как живут крестьяне Латвии», стр. 27. Л. 1934.
[2] «Спартакс» № 6. 1918.

как в самой стране, так и среди армии на разных участках фронта. Братание на русском фронте принимает широкие размеры.

Одновременно с капитуляцией Германии резко усиливается революционное движение в Латвии. Но Латвия еще продолжает находиться под властью оккупационной армии. Правда, согласно мирному договору, Германия была обязана отозвать свои войска из всех занятых районов, не только из Франции и Бельгии, но также и из России. Но, согласно п. 12 договора о перемирии, реоккупация Латвии должна была быть отложена до того момента, когда Антанта это найдет целесообразным.

«...Франция, Англия и Америка,— говорил Ленин,— требуют от немцев, чтобы они оставались в Курляндии и продолжали войну...» [1].

Не подлежит сомнению, что германские оккупанты с удовольствием согласились с требованием Антанты, так как им вовсе не улыбалась мысль о возможной потере Латвии как ценной колонии и как буферного государства против ненавистной им Советской России.

Однако строить свою политику исключительно на силе штыков становилось для Германии невозможным. Этому в сильной степени мешало продолжающееся разложение собственной армии и быстрое нарастание революционного движения в Латвии. Нужно было найти компромисс с определенными группами местного населения, способными сторговаться с германским империализмом и оказать сопротивление надвигающейся в Латвии революции.

Навстречу этому шла латвийская буржуазия, поддерживаемая лидерами меньшевиков. Возникла идея создания «независимого» латвийского буржуазного государства как наилучшего барьера против социалистической революции.

Начинается политически-жульнический торг между немецкими оккупантами и латвийскими «патриотами». Посредником-маклером в этом торге был известный немецкий «социалист» Август Винниг, присланный в сентябре 1918 г., т. е. еще при царствовании Вильгельма, в Латвию в качестве уполномоченного германского министерства внутренних дел с целью ознакомиться с перспективами колонизации Прибалтики [2].

14 ноября 1918 г. Винниг был утвержден в роли «германского генерального уполномоченного в Прибалтике». И в этой роли он вел переговоры с идеологами буржуазной Латвии.

Прежде всего он связался с социалистом-революционером, инженером Скубикисом, а через него — с меньшевиками П. Калныным, Ф. Мендерсом и др., а также с представителями буржуазной партии — Вейнбергом, Недра, Красткальном и Ульманисом.

Он быстро нашел общий язык с д-ром Мендерсом, «придерживающимся определенно антибольшевистской тактики». С особой любовью Винниг отзывается об известном «социалисте» д-ре М. Валтерсе, который «до такой степени считался германофилом, что в начале войны он должен был быть арестован русскими, но удрал в Финляндию, где и скрывался у германофила — уездного начальника».

И вот, продолжает Винниг, «с социалистами, к которым я должен был в то время отнести также д-ра Валтерса, я скоро нашел общий политический язык. Они были честными врагами Антанты, хотя и противниками старой Германии, но они считали возможным сотрудничать с грядущей молодой Германией» [3].

18 ноября с разрешения оккупационных властей был создан из пред-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 260.

[2] См. Winnig A. «Am Ausgang der deutschen Ostpolitik», p. 11—12. Berlin. 1921.

[3] Ibidem.

ставителей буржуазных и соглашательских партий так называемый «Народный совет» и была провозглашена «независимая» Латвийская республика. Во главе созданного буржуазного временного правительства стал лидер кулацкого «Крестьянского союза» Карл Ульманис. М. Валтерс был назначен министром внутренних дел, Залитс — военным министром. С этим карикатурным правительством Винниг заключил договор не только о совместной борьбе против Красной Армии, но и о том, что правительство Ульманиса гарантирует право гражданства и право на приобретение земли немецким солдатам, принимающим участие в борьбе против большевиков. Таким образом, латвийские «патриоты» обрекли Латвию на полную зависимость от империалистической Германии.

Однако это, так называемое правительство просуществовало недолго. Трудящиеся массы измученной и обманутой Латвии восстали с оружием в руках и в середине декабря 1918 г. установили в Латвии вторично советскую власть.

Появление в Риге отряда латышских стрелков решило судьбу Риги. Немцы отступили. «Вслед за удравшими баронами и за ушедшею уже раньше крупною буржуазиею уходят германские социал-демократы в солдатских шинелях со своим представителем Виннигом, местная немецкая самооборона (Selbstschutz) и латышские социал-демократы-меньшевики (Калнынь, Мендерс и др.)»[1].

Советская власть в Латвии вновь победила.

Победа и поражение советской власти в Литве и Эстонии

Что происходило за этот период в Литве и Эстонии? Летом 1915 г., как мы уже упомянули, Литва была занята наступающими на Россию германскими оккупационными войсками. На Литву, так же как и на Латвию, были направлены колонизаторские планы империалистической Германии. И здесь, как и в Латвии, происходил позорный торг местной буржуазии при поддержке «социалистических» предателей относительно создания «самостоятельного» марионеточного государства под протекторатом Германии.

С этой целью в сентябре 1917 г. была созвана в Вильно конференция из представителей местного кулачества и буржуазной интеллигенции, с участием литовских меньшевиков, на которой была избрана Тариба (Государственный совет) в составе 20 человек. 16 февраля 1918 г. Тариба провозгласила Литву «независимым» государством, а 23 марта Вильгельм II санкционировал эту «независимость», превратив фактически Литву в германскую колонию. К концу года в Литве было создано «собственное» правительство во главе с Вольдемарасом.

Однако этой «независимости» был скоро положен конец. Под влиянием победившей в России Великой Октябрьской революции в Литве быстро начинает нарастать революционное движение, особенно обострившееся к концу 1918 г., когда и в Германии назревала революция, в результате которой пал трон Гогенцоллернов. Народ Литвы настойчиво требовал изгнания из страны германских оккупантов.

Германские оккупанты должны были покинуть занятую ими Литву. И здесь мы видим точное повторение событий в Латвии. Как и в Латвии, германская армия не полностью покидает территорию Литвы, а по требованию Антанты останавливается в Ковенском районе, чтобы сохранить там плацдарм для будущего наступления на Страну советов. Вместе с оккупантами в Ковно бежит продавшаяся им литовская буржуазия со своими меньшевистскими прихвостнями. 16 декабря Литва была

[1] Стучка П. «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии». Ч. 1-я, стр. 10. Изд. ЦК коммунистической партии Латвии. 1919.

объявлена советской социалистической республикой. Главой советского правительства был избран старый, испытанный большевик В. Мицкевич-Капсукас.

В феврале 1919 года освобожденная Литва объединилась с Белорусской Советской Социалистической Республикой, и таким образом возникла объединенная Советская Социалистическая Республика Литвы и Белоруссии.

Молодая советская республика просуществовала около 3 месяцев, не успев как следует развернуть своей революционной творческой работы. Коммунистическая партия Литвы (КПЛ), фактическая руководительница происшедшего переворота, была в этот период чрезвычайно слаба. Вследствие аграрного характера литовского народного хозяйства у нее не было широкой и твердой пролетарской базы. Кроме того советская власть Литвы допустила аналогичные с советской властью Латвии ошибки по аграрному и ряду других вопросов, помешавшие образованию тесного союза между пролетариатом и крестьянством и консолидации революционных сил.

Объединенными силами иностранных интервентов, белопольских и белолитовских банд советская власть в Литве была задушена. 20 апреля 1919 г. поляки заняли Вильно, а вслед за тем была занята вся Советская Литва.

Во главе правительства «независимой» буржуазной Литвы стали «избранники» объединенной буржуазно-кулацкой верхушки.

В апреле же 1919 г. была принята временная конституция. Вся власть до созыва Учредительного собрания сосредоточилась в руках Тарибы в составе 40 человек во главе с «прославившимся» в истории буржуазной Литвы А. Сметоной.

Эстония была последнею из стран Прибалтики, подвергшихся во время империалистической войны немецкой оккупации. Февральский переворот 1917 г. застал Эстонию в отличие от Латвии и Литвы еще свободной от иноземного нашествия. Поэтому контакт Эстонии с революционным Петроградом еще не был нарушен и победа над царизмом была встречена эстонским народом с большим энтузиазмом. Народ восстал, двинулся широкими демонстрациями по улицам Ревеля к царским тюрьмам, разрушая полицейские участки и освобождая из тюрем политических заключенных. Солдаты присоединились к рабочим колоннам. Большевистские организации вышли из подполья и стали во главе рабочего движения. Были созданы первые советы рабочих и солдатских депутатов. Однако, как и в Петрограде, в советах Эстонии вначале значительно преобладали меньшевики и эсеры, с которыми сомкнулась эстонская национальная буржуазия. Стремясь вырвать руководство местной жизнью из рук трудящихся, буржуазия организовала в Ревеле созыв так называемого «национального собрания» с целью избрания «земского совета» («Maapäev») ввиде местного парламента. О «национальном» характере этого собрания красноречиво говорит тот факт, что «видный представитель эстонской буржуазии, впоследствии ее министр и глава правительства господин Поска, будучи в 1917 г. уполномоченным Временного правительства, запретил городским и местным самоуправлениям вести делопроизводство на родном языке» [1].

В своем озлоблении против большевиков буржуазия устроила в редакции большевистской газеты «Kiir» погром. Но ей не удалось задушить начавшийся революционный подъем. Большевики к осени 1917 г. уже завоевали в Ревельском совете рабочих и солдатских депутатов подавляющее большинство, а 15 ноября 1917 г. «земский совет», или, как буржуазия его именовала, «сейм», был разогнан.

---

[1] Рястас О. и Алас Э. «Эстония», стр. 6. М. 1931.

Но буржуазия не унималась. Потерпев неудачу при попытке создания объединенного антибольшевистского кулака из собственных сынков, эсеров и меньшевиков, вплоть до баронского отребья, она обратилась непосредственно к немецким оккупантам, занявшим в сентябре 1917 г. острова Эзель и Даго, с просьбой занять и остальную Эстонию.

В середине февраля 1918 г. началось наступление германских войск. Сначала был занят Ревель, а к 24 февраля — и вся остальная Эстония. Советская власть вынуждена была покинуть страну, тем более что на основании грабительского брестского мира Эстония должна была отойти к Германии.

За время своего 3½-месячного пребывания у власти первая советская власть Эстонии не успела развернуть широкой программы по преобразованию внутренней жизни страны. Основное внимание она обратила на разрешение аграрного вопроса.

Как и в Латвии, была объявлена национализация земли, а на конфискованных землях крупных баронских имений создавались образцовые советские хозяйства; менее крупные земельные участки сдавались в аренду. Но, как и в Латвии и Литве, безземельные, малоземельные крестьяне и батраки земли не получили. Это было серьезной ошибкой, которую буржуазия впоследствии ловко использовала в борьбе против советов, включив в свою конституцию пункт о разделе земли.

24 февраля 1918 г. эстонская буржуазия, рассчитывая на благосклонное к себе отношение со стороны приглашенных ею же германских оккупационных войск, объявила Эстонию буржуазной республикой. Но она ошиблась в своих расчетах. Оккупационные власти, заняв на следующий же день Ревель, сместили эстонскую национальную власть и установили в стране свою военную власть, привлекая к участию в ней представителей местного дворянства.

Тогда буржуазия обратилась за помощью к Антанте, умоляя оккупировать Эстонию и взять под свой протекторат ее «независимость». В ноябре 1918 г., после окончательного разгрома Германии и вспыхнувшей в ней революции, Антанта прислала в эстонские воды свои крейсеры, и Германия вынуждена была вывести войска из оккупированных областей. Этим воспользовалась эстонская буржуазия для восстановления своей власти. Ослабленный репрессиями и голодом пролетариат был не в состоянии оказать ей вооруженное сопротивление, Англия, соглашаясь на признание «независимости» Эстонии, потребовала от эстонской буржуазии мобилизации всех ее сил для борьбы с большевиками. С этого момента эстонская буружуазия стала верной союзницей Антанты в ее борьбе против Советской России.

Отряды эстонского пролетариата, вернувшиеся на родину после эвакуации германских войск из Эстонии, подняли восстание, и 28 ноября Красной Армией была занята Нарва, а 30 ноября в Эстонии была вторично объявлена советская власть.

Во главе трудовой эстонской коммуны стал испытанный большевик Анвельт. Всюду в городах и в сельских местностях были созданы советы; принимались меры к восстановлению сильно пострадавших от оккупантов промышленных предприятий, к очистке страны от контрреволюционных банд, к обеспечению фронта продовольствием, а главным образом — к возобновлению приостановленной в феврале работы по проведению аграрной реформы.

Но работа эта скоро снова была прервана начавшимся в первых числах января 1919 г. контрнаступлением оправившихся от первого испуга белоэстонских отрядов, которым на помощь прибыли финские добровольцы. Объединенная контрреволюция оказалась сильнее изнуренной в длительных боях Красной Армии.

Контрреволюция восторжествовала. 19 мая 1919 г. в Ревеле (Таллине) было созвано Учредительное собрание, на котором Эстония была объявлена «демократической республикой».

Вторичное восстановление советской власти в Латвии

Вернемся опять к событиям, развернувшимся за это время в Латвии.

Здесь несколько позднее нежели в Эстонии была вторично восстановлена советская власть. 13 января 1919 г. состоялся в Риге Учредительный съезд советов Латвии. На съезде присутствовало 705 делегатов, среди них делегаты только что освобожденных от оккупантов городов Митавы (Елгавы), Туккума, Тальсена, а также из занятых еще немцами Либавы и Виндавы.

Съезд открыл краткой речью будущий руководитель советской власти Латвии П. И. Стучка. Почтив память борцов, павших 13 января 1905 г. во время грандиозной демонстрации солидарности с петербургским пролетариатом, оросившим 9 января 1905 г. своей кровью улицы столицы, Стучка предоставил слово приехавшему из Москвы председателю ВЦИК Я. М. Свердлову, приветствовавшему съезд от имени ВЦИК.

Вот текст этой исторической речи с незначительными сокращениями, ярко и правдиво характеризующей роль латышского пролетариата в общероссийской революции.

«Товарищи! Приветствую в вашем лице I Съезд Рабочих, Безземельных и Стрелковых Советов объединенной Латвии,— начал свою речь тов. Свердлов.— Я приветствую от имени Центр. Исполн. Комитета в вашем лице те десятки тысяч лиц, которые своею кровью добивались свободы. Я приветствую в вашем лице те массы, которые в борьбе за попранные германским империализмом права подготовляли тот праздник, который мы празднуем в настоящий момент. Товарищи, едва ли с какой либо другой частью бывшей Российской империи связаны мы так тесно, как связаны мы с красной Латвией. Тысячи из лучших товарищей, выгнанные отсюда полчищами германского империализма, там, на территории Советской России, сохранили в целости свои организованные силы и вместе с нами боролись против общего врага.

Ни с чем мы так тесно не связаны, как с стрелками Латвии. Своим постановлением от 25 декабря с. г. Центральный Исполнительный К-т Советов признал самостоятельность Латвии. Но это не значит, что мы не попрежнему близки. Мы знаем хорошо, что то единство, которое соединяет нас, ничем и никогда нарушено быть не может. Мы хорошо знаем, что те удары, которые падут на нас, будут встречены как с нашей, так и с вашей стороны сильным отпором и всякий удар, направленный на вас, будет ударом и для нас. Мы знаем, товарищи, что вы прошли определенную школу. Когда мы в октябре 1917 г. взяли власть в свои руки, мы были без опыта, мы должны были учиться на практике. Из вас десятки и сотни тысяч прошли уже эту школу, и вы с первого момента избегаете те ошибки, которые поневоле проделывали мы. Но мы скажем вам, что вы можете вести вашу работу спокойно и вы создадите крепкую организацию. Мы знаем, товарищи, как знаете и вы, что империалисты всех стран всю свою силу направляют на то, чтобы уничтожить нашу революционную победу. Если наша революция уже закрепилась, то в этом значительная доля принадлежит не только нам, но и вам. Чем более империалисты стараются уничтожить нашу власть, тем более она крепнет и мы можем сказать, что мы их не боимся; мы знаем, что время работает в нашу пользу... . .

Мы должны все свои силы напрягать на создание мощной и крепкой власти. В этой ответственной работе мы пойдем рука об руку. Да

здравствует красная Латвия, да здравствует власть трудящегося народа во всем мире!»[1].

На съезде, продолжавшемся три дня, была утверждена структура новой советской власти, принята конституция Советской Латвии и избрано правительство. Были намечены основные вехи для предстоящей реорганизации местной жизни. Стоявший в порядке дня аграрный вопрос был снят ввиду тяжелого заболевания автора проекта тов. Розина-Азиса, и окончательное решение этого вопроса было отложено для подробного обсуждения на II съезде советов, который предполагалось созвать в конце апреля.

После съезда началась героическая работа при исключительно тяжелых условиях. Страна была разорена. Одной из первоочередных задач были мероприятия по улучшению продовольственного дела. Оккупанты при отступлении разграбили все продовольственные запасы. Народ голодал. Советская власть приняла все меры к заблаговременному засеву всей пахотной земли, но до нового урожая предстояло долго ждать. К счастью, на помощь изголодавшемуся латышскому народу пришла Советская Украина, оказавшая продовольственную помощь.

Но это были только временные меры. Длительные и прочные результаты могла дать лишь правильно проведенная аграрная реформа.

Как проводилась эта реформа?

Была объявлена национализация всей «частной собственности на земли и инвентарь имений, с передачей в ведение Советов всех помещичьих, казенных и церковных земель с инвентарем»[2].

«Инвентарь арендаторов и бывших владельцев крестьянских усадеб подлежал только регистрации (т. е. описи), с оставлением его, поскольку он необходим в хозяйствах, заведуемых самими его владельцами. Паровые же молотилки и вообще машины и орудия производства, которые не в полном объеме могут быть использованы в одном хозяйстве, были национализированы с вознаграждением или без такового».

Но тут следует один из тяжелых перегибов, совершенных органами советской власти Латвии, а именно: «...рабочий, поступающий в советское хозяйство, также лишен был права иметь свой скот, но мог его продать за полное вознаграждение советскому хозяйству».

К этому позднее была внесена поправка «о праве его обратной покупки», но поправка эта, конечно, немногим улучшила дело.

Стучка признает, что «тут требовалось крайне осторожное и умелое проведение в жизнь нашей политики, чтобы не вызвать раздражение. К сожалению, это у нас не соблюдалось в достаточной мере... На местах не всюду отдавали себе отчета об особых условиях нашей деревни и стали увлекаться созданием сельских коммун, видя в них идеал будущего сельского хозяйства и посему всячески вовлекая (хотя бы силою) в созидаемые коммуны».

Как на одну из ошибок, совершенных непосредственно советской властью Латвии, мы должны указать именно на то, что в Советской Латвии, так же как и в Советской Эстонии и Литве, руководящие органы отказались от раздела национализированных баронских, церковных и казенных земель среди малоземельных и безземельных крестьян, обратив главное внимание на создание крупных образцовых совхозов. Таких совхозов в Латвии было создано около 230.

---

[1] Стучка П. «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии», стр. 11—12.

[2] Настоящая, как и дальнейшие, цитата по аграрному вопросу взята из брошюры П. Стучка «Пять месяцев Социалистической Советской Латвии», стр. 81—89.

Восстановление местной промышленности являлось чрезвычайно трудной задачей. Большая часть промышленных предприятий была в начале мировой войны эвакуирована в Центральную Россию. Реэвакуировать их не удалось. Другая часть была сильно разрушена, и ее нужно было во что бы то ни стало восстановить. Прежде всего были пущены в ход те предприятия, которые еще функционировали. К числу их относятся фабрика для переработки фруктов и овощей, скотобойня, общественные столовые и пр. Одновременно было приступлено к срочному восстановлению и оборудованию полуразгромленных заводов. Стали функционировать, хотя и в значительно сокращенных размерах, бывший Балтийский вагоностроительный завод, завод «Феникс», лесопильный завод Клеманса и др. Была оборудована путем объединения ряда мелких мастерских механизированная обувная мастерская для снабжения красных бойцов обувью. Мастерская изготовляла до 5 тысяч пар сапог в неделю.

Разработанный обширный проект предусматривал восстановление целого ряда производств: химического, писчебумажного, деревообделочного, по производству искусственного удобрения и др. Был также поднят вопрос о широкой электрификации страны за счет использования в первую очередь воды Западной Двины.

В результате этих мероприятий количество занятых на рижских заводах рабочих выросло с 3½ тыс. в январе до 12 тыс. в начале мая.

Следует упомянуть о школьной реформе, в основном являющейся продолжением прерванной в 1918 г. реформы, широко задуманной первой советской властью в Латвии. Программа этой реформы была разработана на современных научно-педагогических началах, но она натолкнулась на чрезвычайно тяжелые препятствия. Латвийское учительство, принимавшее в революции 1905—1907 гг. выдающееся участие в качестве агитаторов и пропагандистов, жестоко пострадало от карательной экспедиции. По далеко не полным данным, из 2 тыс. латышских сельских учителей карательной экспедицией было расстреляно, повешено и замучено в тюрьмах 362 человека[1]. Часть передовых учителей эмигрировала в Америку, часть полностью перешла в лагерь буржуазии.

Помимо реформы народной школы были проведены мероприятия в отношении средних и высших учебных заведений. Рижский политехникум, закрытый во время оккупации края, был восстановлен и превращен в университет, с привлечением наиболее прогрессивных профессоров.

Из прочих реформ отметим еще введение страхования рабочих, 8-часового рабочего дня, организацию для безработных общественных работ, издание декрета о свободе союзов, печати, собраний для трудящихся, об уравнении в правах всех проживающих в Латвии национальностей и т. д. Буржуазная печать, как и в РСФСР, была закрыта, и все типографии были национализированы.

Мы должны упомянуть еще о некоторых специфических уклонах в работе советской власти Латвии. Так например в построении органов пролетарской диктатуры было осуществлено почти полностью слияние советских органов с партийными органами. Особенно ярко это сказалось при построении профессиональных союзов, которые в отличие от профсоюзов РСФСР были организованы как производственные союзы, непосредственно подчиненные государственному руководству, что, несомненно, должно было привести к бюрократизации профсоюзного аппарата.

Установка эта была дана на состоявшемся 1—6 марта 1919 г. VI съезде СДЛК, на котором были подведены итоги пройденного этапа

[1] «Петербургас Лапа» от 3 августа 1906 года.

и принят ряд организационных и тактических директив для дальнейшей работы советской власти в Латвии.

На этом съезде присутствовало 159 делегатов с решающим голосом, представляющих 8378 организованных членов партии. Среди них было 40 делегатов от 2018 латышских стрелков-коммунистов.

Здесь же получил свое разрешение поднятый еще на XIII конференции СДЛК вопрос об окончательном исключении меньшевиков из рядов партии. Съезд обсуждал и утвердил новую программу, изменил название партии, приняв за основу утвержденный VIII съездом РКП(б) проект программы партии, и переименовал очищенную от меньшевиков и всякого типа соглашателей социал-демократическую партию Латышского края в Коммунистическую партию Латвии. Она включилась в семью Третьего, Коммунистического Интернационала.

Компартия Латвии совершила также ошибку в вопросе об организации латышских стрелков. Эта ошибка аналогична ошибке в вопросе о взаимоотношениях между советской властью, партией и профсоюзами. В ущерб принципу единоначалия и строгой военной дисциплины в латвийской армии существовали наряду с командирами и комиссарами также и выборные органы — параллелизм, несомненно, вредный в острой военной ситуации. Такая установка была вызвана недоверием солдатской массы к военному начальству, в котором они подозревали замаскировавшихся эсеров и меньшевиков.

Все эти невольные ошибки и сознательные отступления от общего правила были совершены при чрезвычайно осложнившемся политическом положении. Со всех сторон надвигалась контрреволюция. Советской власти приходилось преодолевать неимоверные препятствия, чтобы справиться со своими ежедневными задачами в стране, покрытой развалинами. «Бо́льшая часть страны,—говорил Ленин в своем докладе «О внешнем и внутреннем положении Советской Республики» Московскому совету рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г.,—переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления,— бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск. Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ладан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам...» [1].

У Гинденбурга были широкие планы. Уже в начале марта 1919 г. он поручил генералу фон дер Гольцу организацию «железной дивизии» и так называемого «ландесвера» для наступления на Советскую Латвию. В «железную дивизию» влились также отряды немецкой «самоохраны», организованные бежавшими из Латвии баронами, и латышские белогвардейцы. Позднее к ним присоединились также русские белогвардейские отряды, возглавляемые Бермонтом-Аваловым. Фон дер Гольцем была разработана новая программа германской «восточной политики», в которую входила не только новая оккупация Латвии, но и мысль об «объединении с Деникиным и Колчаком, чтобы нанести смертельный удар русскому большевизму» и чтобы превратить «реставрированную Россию

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 208.

в свою союзницу, с помощью которой Германия могла бы разбить могучую Англию» [1].

С целью завоевания выгодного плацдарма для такого широко задуманного наступления нужно было вторично оккупировать Латвию и засесть в ней прочно, превратив ее в свою колонию. Об этом и говорит бравый генерал фон дер Гольц в своем знаменитом «Послании»: «Разоренные и обессиленные окраинные провинции России (речь идет о Латвии.— *П. Д.*) требуют рук прилежных немецких крестьян для обработки здешней плодородной земли. Многим лишенным родины можно было бы здесь доставить работу и хлеб. Особенно моим солдатам, которым при вербовке была обещана земля» [2].

Фон дер Гольц не шел по стопам Виннига, а счел более целесообразным распустить созданное при участии Виннига «национальное правительство» Ульманиса. Узнав, что последний успел повернуть свой фронт в сторону Англии, он назначил новое «правительство» Латвии во главе с еще более покладистым пастором и писателем А. Недра, продавшимся целиком балтийскому баронству и германскому империализму. Одновременно Гольц начал наступление на Латвию.

«В борьбе против советской власти и Красной Армии объединились все силы внешней и внутренней контрреволюции. Против 30 тысяч красноармейцев выступило около 80 тысяч белогвардейцев и интервентов. 22 мая 1919 г. отряды фон дер Гольца захватили Ригу. Захват Риги означал падение советской власти в Латвии, просуществовавшей там пять месяцев.

15 тысяч убитых и расстрелянных, тысячи арестованных — таков итог «хозяйничания» первых месяцев буржуазного правительства Латвии» [3].

Красные войска вынуждены были оставить Латвию, и вместе с ними покинуло Латвию ее советское правительство. Фон дер Гольц готовился к занятию всей Прибалтики, вплоть до Петрограда, но натолкнулся на сопротивление Антанты. Достигнув своей цели: «освободив» Латвию и всю Прибалтику чужими руками от Красной Армии и от советской власти, Антанта потребовала удаления германских войск из Прибалтики, с тем чтобы закрепить в ней свои собственные империалистические позиции. 23 июня немцы оставили Либаву — последний оплот германских колонизаторских вожделений.

Оставшиеся еще в пределах Латвии белогвардейские банды Бермонта-Авалова были изгнаны объединенными белоэстонскими и белолатвийскими отрядами. Германофил А. Недра был заменен на посту премьер-министра пресловутым вождем латвийского кулачества—Карлом Ульманисом.

Буржуазно-демократическая эра в Литве

Контрреволюция победила во всей Прибалтике.

Литва, раньше других ставшая буржуазной республикой, вступила на путь «современного» капиталистического развития. Самая отсталая из прибалтийских стран, «Л и т в а,— как говорит тов. Мицкевич-Капсукас,— п е р е ж и в а е т   в   н а с т о я щ и й   м о м е н т   э п о х у   п е р в о н а ч а л ь н о г о   н а к о п л е н и я, и спекулятивный капитал играет при этом главную роль. «Обогащайтесь!» — этот лозунг французской буржуазии, провозглашенный 80—90 лет тому назад, стал лозунгом литовской буржуазии. Можно сказать, что до войны литовской денежной буржуазии

---

[1] General Graf Rüdiger von der Goltz «Meine Sendung in Finnland und im Baltikum». Leipzig. 1920 (цит. по брошюре «Латвия и ее армия». Государственное военное издательство).

[2] Там же.

[3] Там же.

совершенно не было. Ловкие ее дельцы начали обогащаться только со времени империалистической войны, работая вокруг комитетов помощи пострадавшим от войны. На горькой нужде беженцев они уже тогда умели сколотить себе порядочный капиталец. Но особенно погрели они руки, подобравшись к казенному мешку независимой Литвы.

Крупнейшие литовские банки (банк католического попа Вайлокайтиса и торгово-промышленный банк бывшего члена Государственной думы Ичаса и К°) выросли при прямом содействии государства и за счет правительственных субсидий, беспроцентных ссуд, казенных поставок, а главным образом благодаря бессовестной спекуляции... Литовские банки, особенно христианский банк попа Вайлокайтиса, сумели наживать и на падающем царском рубле, и на «остах»[1], и на германской марке и, наконец, на литах[2]. По краткосрочным ссудам он брал поистине христианские проценты — от 160 до 200%».

Банки Вайлокайтиса и Ичаса имели отделения во всех городах Литвы: «Торговопромышленный банк Ичаса к концу 1922 г. имел 21 отделение, банк Вайлокайтиса в апреле 1923 г. имел 24 отделения»[3].

С этими «патриотическими» банками конкурировал банк Соловейчика и К°, где был сконцентрирован главным образом еврейский капитал.

Мы уже говорили об образовании временного литовского правительства Сметоны и возглавляемой им Тарибы. 15 апреля 1920 г. Тариба передала свои полномочия избранному литовским «народом» Учредительному сейму.

Сейм подтвердил провозглашение независимости Литовской республики. 12 июля 1920 г. был заключен мир между Литвой и РСФСР и мирным договором обусловлено признание Литовской республики де-юре. Англия же и Франция в надежде на восстановление в России царской власти отказались от признания прибалтийских государств, и лишь в 1922 г., после окончательного крушения надежд на падение Советской России, Антанта признала Литовскую республику.

Правительство Литвы заседало в Ковно, так как Вильно еще оставался в руках Польши, хотя правительство РСФСР своим мирным договором признало Вильно за Литвой. 14 июля 1920 г. Красная Армия выбила поляков из Виленской области и Вильно, который и был возвращен Литве. 7 октября 1920 г. Польша подписанным в Сувалках договором также отказалась от Виленщины. Однако уже через два дня польские войска под командой генерала Желиговского, грубо нарушив договор, вновь заняли Вильно. Грабеж этот был 18 марта 1923 г. узаконен конференцией стран Антанты. Но он не был признан литовским народом и правительством Советского Союза.

Ковно оставался до октября 1939 г. временной столицей Литвы.

В 1922 г. Литовский сейм утвердил первую конституцию Литовской республики, сосредоточившей законодательную власть в руках сейма, а исполнительную — в руках президента республики и кабинета министров. Президент, как и сейм, избирался на три года. Выборы в сейм были «всеобщими». Даже солдатам в признательность за их борьбу против большевиков в 1920 г. были предоставлены избирательные права. На «демократических» началах избирались органы местного самоуправления. Конституция даже предоставляла «свободу союзов».

Но такова была лишь внешняя сторона дела. Пролетариат и беднейшее крестьянство подвергались жестоким репрессиям и фактически не могли выставлять своих кандидатов в сейм. Коммунистическая партия

---

1 «Ост» — сокращенное название «Ostmark» (восточная марка).

2 Лита — денежная единица буржуазной Литвы.

3 Мицкевич-Капсукас В. «Очерки современной Литвы». «Коммунистический Интернационал» № 2 за 1924 год.

была загнана в глубокое подполье. Вся политика сейма и правительства являлась не чем иным, как диктатурой буржуазии.

Как и конституция Литовской республики, аграрная реформа тоже была рекламирована в самых демократических тонах. На деле же она целиком была использована в интересах эксплоататорских классов.

Очень меткую характеристику господствующих в Литовском сейме партий дает Мицкевич-Капсукас в упомянутой выше статье, утверждая, что «влияние каждой из партий определяется той ролью, которую играет представляемый ею банк».

Руководящей партией в первом сейме была так называемая «Христианско-демократическая партия» — хадеки. Одним из вождей этой партии был упомянутый выше ксендз Вайлокайтис.

Партия хадеков фактически состояла из трех частей: «Христианско-демократической партии», «Крестьянского союза» и «Рабочей федерации труда».

Свое влияние на правительство хадеки проводили через банковские круги, а также через многочисленные католические организации. Во внешней политике они были ярыми врагами СССР и сторонниками соглашения с Польшей.

Второй, наиболее влиятельной партией была партия таутининков (националистов). Она опиралась на самую реакционную городскую и сельскую буржуазию, на военщину и на высшее чиновничество. Но на выборах в первый сейм она собрала очень мало голосов и не имела своего представителя. Только в сейм второго созыва она провела трех своих представителей. К этой партии принадлежали такие одиозные фигуры, как первый и последний президент и будущий диктатор Литвы Сметона, первый премьер-министр по иностранным делам Вольдемарас, крупный банкир-промышленник Ичас.

Численно наибольшую фракцию составляли лаудининки (народники-селяне), получившие в сейме первого созыва 16 мест, а в сейме второго созыва — 22 места. Это партия крестьян-середняков, городской мелкой буржуазии, интеллигенции. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции эта партия в 1917 г. приняла даже название «социалистической». Позднее она от него отказалась, приняв участие в коалиционном правительстве. Часть этой партии скатывалась все больше и больше на позиции таутининков, другая часть — на позиции контрреволюционного троцкизма. Среди лидеров этой партии отличался бывший президент Гриниус.

Видное место среди партий сейма играли также социал-демократы, получившие в сейме первого созыва 8 мест, а в сейме второго созыва — 15 мест.

В начале 1919 г., когда часть Литвы находилась в руках советской власти, партия эта почти совсем распалась. Ее центральный комитет на словах сделал было попытку договориться с ЦК компартии Литвы насчет объединения. Но после падения советской власти лидеры социал-демократии Кайрис и Пакнис вошли в коалиционное правительство и вместе с хадеками участвовали в разгроме пролетарских организаций.

Что касается коммунистической партии, то она не только не была представлена в сейме, но со дня провозглашения «демократической» республики Литвы подвергалась самым жестоким преследованиям. За одну принадлежность к ней приговаривали военным судом к смертной казни. Рабочая печать была совершенно подавлена, профсоюзы, которые несмотря на все гонения в большинстве своем шли за большевиками, разбиты, а правления их постоянно арестовывались.

Из прочих рабочих партий в Литве следует еще упомянуть о «Рабочей группе». В первый сейм ей удалось провести 5 депутатов, из них один был скоро изгнан из сейма, а остальные были арестованы немедленно после закрытия сейма.

Рассмотрим вкратце экономическую политику и прежде всего аграрную реформу, проведенную в буржуазной Литве.

Целью реформы в Литве было, согласно § 1 утвержденного Учредительным собранием Литвы земельного закона, «наделить безземельных и малоземельных землей, развить мелкое и среднее землевладение и передать государству те земельные богатства, управление и органы которых лучше могут быть проведены государством, чем частными лицами» [1].

Как видим, литовское буржуазное правительство подходило к аграрной реформе весьма либерально, не пугая помещиков конфискацией их земельной собственности и не очень опасаясь выступления крестьянских масс с определенными революционными требованиями. Но в этом вопросе пришлось считаться с требованиями солдатской массы, при помощи которой оно установило в стране свою диктатуру.

«Когда в 1918 г. литовское правительство организовало первую литовскую армию, то в нее удалось привлечь 20 тыс. добровольцев только тем путем, что каждому добровольцу на случай удачи в гражданской войне было обещано наделение землей... Начатая в 1919 г. земельная реформа в Литве длилась до 1930 г.... По первоначальному закону каждый помещик в Литве имел право сохранить из своих владений 80 га, в том числе 25 га леса. Фактически же отчуждение земель производилось в Литве лишь у помещиков, имевших свыше 150 га (а потом эта норма была закреплена законом 1930 г.)... Через государственный земельный фонд Литвы за время с 1919 по 1930 г. прошло 710 тыс. га. Из этого количества 625 тыс. га были отчуждены у помещиков, а остальное состояло из земель, принадлежавших ранее государству, банкам и т. д.... В фактическое же распределение поступило лишь 421 тыс. га». Анкета о желающих получить землю «выявила наличие 39 тыс. малоземельных и 56 тыс. безземельных претендентов на получение земли. Фактически получила землю примерно лишь половина лиц, подавших об этом в 1919 г. заявление, причем в первую очередь удовлетворялись бывшие военные» [2].

По данным Рубинштейна, после проведенной реформы осталось в Литве около 8 тыс. хозяйств с земельной площадью свыше 50 га. Этой категории лиц принадлежит 16% всей земли. Кулацким хозяйствам с земельной площадью от 20 до 50 га принадлежит 37% земли. Таким образом, помещики вместе с кулаками обладают 53% всей земли. Кроме них в Литве имелось свыше 70 тыс. хозяйств с площадью до 5 га каждое, владельцы которых вынуждены были продавать свою рабочую силу на сторону. Тысячи крестьян, не имеющих ни клочка земли, влачили в Литве самое жалкое существование, батрачествуя у кулаков и помещиков или заполняя все растущие кадры безработных.

Любопытно, что при составлении инструкций для комиссий по землеустройству в Литве были положены в основу тексты столыпинских законов с незначительными лишь изменениями.

Земельная культура оставалась в Литве на чрезвычайно низком уровне. Система трехполья вплоть до последнего времени была преобладающей формой земельного хозяйства, и в отличие от Латвии и Эстонии попытки «данизации» сельского хозяйства, т. е. форсированного развития животноводства, имели лишь временный успех в 1923—1925 гг., когда поголовье скота заметно увеличилось. Центральное место в животноводстве Литвы занимали свиноводство и молочное хозяйство. По поголовью свиней и вывозу бекона Литва оставила позади Латвию и Эстонию.

Развитие промышленности в Литве при буржуазном правительстве, как и в дореволюционное время, значительно отставало. В Литве, по официальной статистике, в промышленности и ремесле на 1 января 1939 г.

---

[1] Рубинштейн К. «Литва», стр. 43. Соцэкгиз. 1940.
[2] Там же, стр. 43—45.

насчитывалось 124 тыс. рабочих, но подавляющее большинство их было занято в мелких ремесленных мастерских, с числом рабочих до 5 человек.

По литовской статистике, предприятия с 5 рабочими уже отнесены к промышленным предприятиям. Количество «предприятий» за время существования самостоятельной Литвы показывает их несомненный рост. Число рабочих выросло с неполных 20 тыс. человек, занятых в 1925 г., до 41 тыс. человек в середине 1938 г., а к началу 1939 г. снизилось до 38 тыс. человек. Эти 38 тыс. человек были распределены по 1316 предприятиям, т. е. в среднем приходилось около 30 человек на одно промышленное предприятие. На 1 апреля 1939 г. в Литве насчитывалось 108 заводов с количеством рабочих не менее 50 человек [1].

Как видим, литовским плутократам не приходилось, как их латвийским соседям, бояться концентрации революционного пролетариата в крупных промышленных центрах.

Экономическая забитость рабочих и крестьянских масс, политика террора против коммунистической партии, политика постепенного суживания всяких конституционных прав дала правящей клике возможность сравнительно легко совершить в декабре 1926 г. с помощью офицерства государственный переворот и установить неприкрытую диктатуру литовской плутократии.

Главой заговорщиков и руководителем переворота был Антонас Сметона, лидер партии таутининков, одной из самых малочисленных партий в Литовском сейме. Но, как мы видели, партия эта объединяла самые влиятельные в политическом отношении элементы: банковскую и промышленную буржуазию, военщину и высшее чиновничество. В распоряжении партии находилась почти вся пресса, так как оппозиционная пресса была задушена.

Главной опорой таутининков были многочисленные отряды полувоенных, полуполицейских организаций из сельской и городской мелкой буржуазии и государственных чиновников, объединенных в союз стрелков под названием «шаулистов». Последние насчитывали в своих рядах до 30 тыс. человек, располагавших всеми видами оружия, вплоть до авиации. Этот союз, как и кадровая армия, подчинялся командующему литовской армией и состоял на военном бюджете.

Кроме этой чисто белогвардейской организации существовал еще так называемый «союз литовской националистической молодежи» («Яунои Лиетуна»), насчитывавший до 40 тыс. членов и также представлявший собой полувоенную организацию, подчиненную непосредственно бывшему президенту Сметоне.

Чувствуя за собой такую крепкую опору, Сметона после совершенного им в 1926 г. переворота постепенно ликвидировал все гарантированные конституцией 1922 г. свободы и права граждан, а 15 мая 1928 г. декретировал новую конституцию, согласно которой функции президента были значительно расширены. Сейм был лишен права избрания президента, которому предоставлялось право назначения и смещения министров, утверждения законов и бюджета, право роспуска сейма и т. п. Однопалатная система была заменена двухпалатной, возрастной ценз избирателей повышен с 21 года до 24 лет, а право быть избранным предоставлялось лишь лицам, достигшим 30-летнего возраста. Количество депутатов сейма было сокращено с 85 до 49.

В 1936 г. в Литве были ликвидированы все политические партии, кроме правительственной партии таутининков, возглавляемой диктатором Сметоной.

Наконец, в 1938 г. сеймом была утверждена третья конституция, еще больше усиливавшая власть президента.

---

[1] См. Рубинштейн К. «Литва», стр. 57—58.

Буржуазно-демократическая эра в Эстонии

Через месяц после создания буржуазной власти в Литве установилась власть буржуазии в Эстонии. 19 мая 1919 г. состоялось Учредительное собрание, на котором была провозглашена «независимость» Эстонии и страна была объявлена «демократической республикой».

Если взять внешнюю сторону опубликованного 15 июня 1920 г. и утвержденного 9 августа текста «Основного закона Эстонской республики», то можно подумать, что Эстония была чуть ли не самой свободной страной капиталистического мира.

«Высшим органом власти, осуществляющим в Эстонии государственную власть, является сам народ в лице своих имеющих право голоса граждан», — гласит § 1 «Основного закона». Всем гражданам гарантируется равенство перед законом, неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, слова, коалиций, собраний и т. д. Национальным меньшинствам предоставляется культурная автономия. Конституцией Эстонии даже гарантирована свобода стачек, и в ней имеется пункт об отсутствии в стране государственной религии и сословий.

Законодательным органом является государственный сейм — рийгиког, представляющий однопалатный парламент, избираемый на 3 года в числе 100 человек. Избирательным правом пользуются все граждане обоего пола, достигшие 20-летнего возраста и состоящие в гражданстве Эстонии не менее одного года. Выборы производятся на основании «всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайной подачи голосов», по пропорциональной системе.

Правительство назначается парламентом и перед ним ответственно. Во главе правительства стоит государственный старшина, которому принадлежит также представительство Эстонии в сношениях с правительствами иностранных государств. Эстонской конституцией не предусмотрен президент, как это имеет место в других демократических буржуазных республиках [1].

Нужно заметить, что в этой, на первый взгляд ультрадемократической, конституции ее буржуазные авторы прибавили к пункту о «свободах» весьма существенную оговорку о возможности ограничения этих свобод в интересах «публичной безопасности, нравственности, государства и в случаях, особо предусмотренных законом».

Широко используя эту маленькую зацепку, эстонские плутократы, как увидим дальше, сумели перевернуть вверх ногами всю эту «демократическую» конституцию и свести на-нет все громогласно обещанные свободы.

Что означало на языке буржуазных правителей слово «народ», как «высший орган власти», или «неприкосновенность личности, свобода совести, слова, коалиций, собраний, стачек», видно из того, что через несколько дней после провозглашения этой конституции, в августе 1919 г., буржуазное коалиционное правительство Эстонии во главе с социал-демократами разогнало первый всеэстонский съезд профсоюзов, арестовало 120 делегатов съезда, 76 из них были высланы через фронт в СССР, а 26 убито в Изборске руками наемных бандитов самым зверским образом. Ревельский центральный совет профсоюзов был закрыт [2].

Ниже мы увидим, что вся эта «демократическая» конституция буржуазной Эстонии превратилась в ничего не стоящий лоскуток бумаги и ни в одной из прибалтийских стран контрреволюция не свирепствовала так жестоко, так нагло, как именно в Эстонии.

---

[1] См. «Конституции буржуазных стран». Т. I. М. и Л. Соцэкгиз. 1935.

[2] Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 7. Изд. ЦК МОПР СССР. М. 1925.

Посмотрим бегло, из каких партий и лиц было составлено эстонское «демократическое», «народное» правительство и в чем выразились проведенные им демократические реформы.

На Учредительном собрании в 1919 г. большинство голосов получили социалистические партии, при выборах же в первый сейм в 1920 г. социал-демократы получили 29 мест, а коммунисты — 5 мест. К этому времени советская власть в Эстонии была задушена и коммунистическая партия загнана в подполье, но своего влияния на трудовые массы она не потеряла. На новых выборах в сейм в 1923 г. коммунисты вместе с руководимыми ими профсоюзами получили невзирая на суровое преследование 15% всех голосов, между тем как число голосов, полученных социал-демократами, сократилось с 29% в 1920 г. до 20% в 1923 году.

Социал-демократическая партия опиралась главным образом на мелкобуржуазные массы городов, на рабочую аристократию и часть деревенской интеллигенции. За нею шла также менее сознательная часть городского и в особенности сельского пролетариата и полупролетариата. Еще до учредительного собрания социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков) объединилась с независимой социалистической рабочей партией (бывшими эсерами) в единую Эстонскую социалистическую рабочую партию. С самого начала партия эта шла рука об руку с буржуазией против революционного пролетариата. Так например в 1919 г. социал-демократы принимали самое активное участие в организации похода Юденича на Петроград.

В июне 1919 г. премьер К. Пятс проговорился в Учредительном собрании, что именно социал-демократы более других настаивали в конце 1918 г. на применении жестоких мер против рабочих и требовали английской оккупации. Партия социал-демократов не опровергала этого. В органе эстонских банкиров и помещиков профессор Улуотс, один из лидеров аграрной партии, заявил по этому поводу: «Смейтесь теперь и смейтесь громко. Не мы изменялись, а изменялись вы: история благоприятно повлияла на вас, и вы перешли на нашу сторону»[1].

26 сентября 1919 г. Михаил Мартна, один из лидеров социал-демократии, заявил: «Я вчера сказал в своей фракции, что мои друзья в правительстве являются стражами Сиюна (с правой стороны: верно!). Они не могут вести социалистическую политику... Мы удовлетворяемся этим, и я повторяю еще раз: присутствие моих товарищей в правительстве является поддержкой буржуазного общества и буржуазного строя...

По непосредственному распоряжению министра внутренних дел социал-демократа Геллата, в 1919 г. состоялся разгон и арест I съезда профсоюзов и высылка делегатов на фронт, где часть из них «самовольно» была убита. 11 января 1919 г. орган ЦК социал-демократов дает палачам следующие «директивы»: «Регулярно расстрелы должны производиться лишь по постановлению военного суда... Своевольных убийств не должно быть, если сломлено вооруженное сопротивление противника. Смертью карается лишь государственное предательство...»

Когда ужасы белого правосудия заставили вопиять камни, тогда социал-демократы нашли, что военные суды что-то плохи, ...что там сидят, якобы, молокососы-офицеры, и социал-демократы требовали... вместо этих офицеров... подлинных юристов. После истязания и расстрела тов. Кингиссепа, произведенных по постановлению полевого суда, лидер социал-демократии Мартна жаловался: «Если бы смертный при-

[1] Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 9.

говор вынес более солидный суд, то никто ничего дурного об эстонской республике не мог бы сказать. А вот теперь заграницей думают, что у нас белый террор»[1]. Комментарии излишни.

«Крестьянский союз» объединял представителей финансовой и промышленной буржуазии и зажиточных крестьян — «серых баронов», собрав при выборах более 30% всех голосов. Лидерами этой партии были вышеупомянутый Пятс и генерал Лайдонер. Оба они отъявленные враги Советского Союза и известные палачи.

«Крестьянский союз» опирался на белогвардейскую, добровольческую военную организацию — «Лигу защиты», подчиненную военному министерству.

В 1932 г. «Крестьянский союз» объединился с так называемой партией поселенцев, состоявшей из крупных землевладельцев.

К «Крестьянскому союзу» близко примыкала «Прогрессивная народная партия», возникшая еще в 1905 г., имевшая своих представителей в Государственной думе и опиравшаяся на шовинистически настроенные слои городской и сельской буржуазии.

В дальнейшем с «Крестьянским союзом» объединились также партии центра: христианские демократы, руководимые эстонскими лютеранскими пасторами, и трудовики, представлявшие интересы средней и мелкой буржуазии городов, некоторые слои крестьянства и деревенской интеллигенции, а также националисты, сыгравшие немаловажную роль в подготовке плутократического переворота.

Эстонская коммунистическая партия с момента падения советской власти была загнана в подполье и подвергалась самым жестоким гонениям. Невзирая на свирепствовавший в стране белый террор ей удалось дважды провести в рийгикогу своих представителей (в 1920 и в 1923 гг.): первый раз — под флагом профсоюзов, второй раз—под флагом «единого фронта» революционных рабочих организаций. После кровавого подавления восстания рабочих в Ревеле 1 декабря 1924 г., жертвою которого пали многие из лучших членов партии, буржуазным палачам вместе с социал-предателями удалось внести разложение в ряды подпольной коммунистической партии, заразить их оппортунистическими уклонами и довести партию до состояния организационного кризиса. Но благодаря вмешательству и братской помощи со стороны Коминтерна партия вновь выправилась и в дальнейшем энергично работала над сплочением масс, между тем как социал-демократическая партия все больше и больше теряла на них влияние.

Экономическая политика буржуазной Эстонии целиком определялась интересами правящей буржуазно-помещичьей верхушки. В центре мероприятий правительства стояла аграрная реформа. В Эстонии, так же как и в Литве, она проводилась под углом зрения интересов кулачества.

В Эстонии до первой империалистической войны значительная часть земли принадлежала небольшой кучке помещиков — немецких баронов,— а крестьяне являлись арендаторами небольших земельных участков или просто батрачили у помещиков. Кроме этих социальных групп имелась еще не многочисленная, но крепкая прослойка сельских кулаков. В 1919 г. буржуазным правительством был издан закон о национализации помещичьей земли, превращении ее в государственный земельный фонд и разделе среди безземельного и малоземельного крестьянства. При этом «крестьянская партия» преследовала совершенно определенную цель — завоевать путем создания многочисленной армии крестьян-землевладельцев защитников своей кулацкой политики.

И социал-демократия усердно поддерживала идею раздела помещи-

[1] Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 9—10.

чьей земли как очень выгодный лозунг для парламентской борьбы и как средство против большевистской опасности.

10 октября 1919 г. был принят учредительным собранием закон о конфискации обширных владений немецких баронов, а также казенных и церковных земель, однако вопрос о возмещении за конфискуемые земли был хитроумно оставлен открытым до 1926 года, когда он был разрешен уже дополнительным законом в пользу помещиков.

Всего было конфисковано около 1500 крупных земельных владений и создано за их счет свыше 70 тыс. новых, главным образом средних, мелких и мельчайших хозяйств. Средняя площадь так называемого поселенческого хозяйства составляла немногим больше 10 га, в том числе около трети хозяйств — до 5 га.

Небольшая часть конфискованных имений была оставлена ввиде селекционных, мелиоративных и пр. хозяйств, в которых в качестве хозяев оставались бывшие владельцы — немецкие бароны, приспособившиеся к условиям «демократического» строя. Остались также нетронутыми имения, принадлежавшие еще до учредительного собрания эстонским владельцам. Некоторые имения были розданы ввиде награды офицерскому составу, участвовавшему в гражданской войне, и отдельным политическим деятелям за «особые заслуги» по спасению отечества.

За остальные конфискованные имения правительством была назначена крупная оплата, достигающая 70 с лишним миллионов крон, тяжким бременем ложившаяся на плечи крестьянских масс Эстонии. В 1927 г. в Эстонии насчитывалось около 4 тыс. банкротств поселенческих хозяйств [1].

Классовое расслоение эстонской деревни, согласно переписи 1929 г., представляется в следующем виде: хозяйства полупролетариата составляют 22%, хозяйства бедняцкие — 12%, середняцкие — 45%, кулацкие — 21%. К этому надо прибавить, что в результате указанных банкротств тысяч малосостоятельных хозяйств и скупки их земель владельцами имений образовались новые имения с площадью земли до 2 тысяч га [2].

Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис еще больше ухудшил тяжелое положение крестьянства. Кризис вызвал резкое понижение цен на сельскохозяйственные продукты экспорта (бекон, масло и пр.). К концу 1931 г. «доходы крестьянства в сравнении с 1929 г. понизились процентов на 50—60, между тем как расходы растут в связи с ростом сборов и налогов... В деревне растет тревожное настроение и отчаяние...

Крестьяне потеряли надежду и веру в способность или желание нынешнего правительства вывести сельское хозяйство из образовавшегося тупика. В результате крестьяне сами начинают искать выхода. Есть предположение организовать с.-х. забастовку, уволить всех с.-х. рабочих, оставить необработанными поля и т. д., чтобы этим самым заставить правительство считаться с нуждами крестьян» [3].

Обнищание эстонских крестьян достигло при плутократическом правительстве невиданной дотоле степени.

Немногим лучше обстояло дело с промышленностью. В начале настоящей статьи мы указывали на высокую степень развития эстонской промышленности в довоенное время и на то, что эстонская промышленность не пострадала, подобно латвийской, от интервенции; наоборот, военная промышленность, текстильная и пр. даже расширились.

После заключения мира с РСФСР буржуазное правительство Эстонии находилось в сравнительно благоприятных условиях. В ее распоря-

---

[1] Пегельман Г. «Экономический кризис в Эстонии», стр. 12—15.
[2] Рястас О. и Алас Э. «Эстония», стр. 12.
[3] Пегельман Г. «Экономический кризис в Эстонии», стр. 36.

жении остались крупнейшие заводы государственного масштаба. К этому еще прибавился крупный денежный фонд в размере 15 млн. золотых рублей, который РСФСР уплатила Эстонии при заключении мира. Эстония также освободилась от участия в уплате старых царских долгов. Тем резче бросается в глаза быстро наступившее истощение страны.

Уже в 1923 г. золотой запас был исчерпан, кредит был расшатан, промышленность быстро катилась вниз по наклонной плоскости.

Так, на заводе «Двигатель» количество рабочих сократилось с 600 человек в 1921 г. до 250 человек в 1922 г. и до 120 человек в 1923 г.; на Русско-Балтийском вагоностроительном заводе—с 1200 человек в 1921 г. до 800 человек в 1922 г. и до 250 человек в 1923 г. и т. д. Текстильные заводы, предоставлявшие работу около 5 тыс. рабочим, в конце 1923 и в начале 1924 г. вовсе остановились[1].

В дальнейшем текстильная промышленность несколько оживилась благодаря участию иностранного капитала, но и она после кризиса 1929 г. снова резко сокращается, и число занятых в ней рабочих снижается с 9650 человек в 1929 г. до 6900 человек в 1931 году. Безработица увеличивалась с каждым годом. Из общего числа 30 тыс. промышленных рабочих в Эстонии в 1928 г. оказались безработными: в 1930 г.— 4054 человека, в 1932 г. — 7121 человек, в 1933 г. — 16 511 человек[2].

Резкое сокращение производства, снижение заработной платы, рост безработицы и рост дороговизны вполне естественно привели к чрезвычайному обострению классовой борьбы, к возмущению рабочих и крестьянских масс и к невиданному кровавому террору со стороны правящей клики.

«Буржуазия не находила выхода из создавшегося положения,— читаем мы в документах ЦК МОПР. — Правящий класс, как смердящий труп, разлагался. Военный министр подписывает смертные приговоры рабочим и на другой день валяется пьяным на улице. Другого министра из христианской партии обвиняют во взяточничестве, третьего — в подписании подложных акций и т. д.»[3].

Доведенное до катастрофического состояния внутреннее положение страны толкало эстонский пролетариат на путь революционного разрешения кризиса.

В начале 1924 г. эстонским правительством были закрыты все профсоюзные и другие легальные организации рабочих, были ликвидированы все рабочие фракции в рийгикоге, а также в городских и уездных органах самоуправления; правительственные агенты, нагло издеваясь над конституцией, арестовали за две ночи около 300 представителей рабочих и крестьян, в том числе и всю парламентскую фракцию. В конце ноября состоялся суд над 149 коммунистами, из них 39 были приговорены к пожизненной каторге, 28 — на 15 лет каторги и т. д.

Ревельский пролетариат был выведен из терпения. Возмущение масс достигло невиданной остроты и вылилось 1 декабря в форму открытого восстания. Восставшие рабочие заняли ряд государственных и военных учреждений, вокзал, почту, здание рийгикога, ряд полицейских участков. Однако силы были неравные, и после двухчасового боя контрреволюция победила. Пролетариат оказался недостаточно подготовленным для восстания. Руководившая восстанием коммунистическая партия переоценила силы пролетариата и, главное, не сумела увязать выступление своих боевых отрядов с широкими пролетарскими и крестьянскими массами.

Белый террор принял неслыханные размеры. Были пущены в ход самые утонченные пытки, перед которыми бледнеют все ужасы, пережитые эстонскими рабочими в период царской карательной экспедиции.

---

[1] См. Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 4.
[2] См. БСЭ. Т. 64, стр. 692.
[3] Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 5.

По неполным данным, после декабрьского восстания было расстреляно свыше тысячи рабочих, произведено свыше 6 тыс. обысков, более 2500 рабочих и крестьян брошено в тюрьмы.

Всего за первые 7 лет существования «независимой» Эстонии уничтожено буржуазией 15 тыс. пролетариев. Это на 1 миллион населения![1].

5 февраля 1925 г. эстонским правительством был внесен законопроект «об охране государственного строя», который при всемерной поддержке социал-демократии был утвержден палатой. Новый закон предоставлял министру внутренних дел право аннулировать по своему усмотрению избирательные списки и таким образом лишать революционных рабочих и крестьян избирательных прав. Это был первый решительный шаг в сторону уничтожения парламентского режима и к замене его диктатурой плутократической верхушки.

Урезанная до неузнаваемости конституция казалась правящей верхушке слишком демократичной. В 1933 г. белогвардейская организация «ветеранов войны» подняла широкую кампанию за отмену конституции и за введение в стране «сильной власти» путем создания не существовавшей раньше в Эстонии должности президента с диктаторскими полномочиями. Для изменения конституции требовалось, по закону, народное голосование, референдум. В конце 1933 г. путем самых грязных махинаций реакционным силам удалось состряпать «народное» голосование, давшее свыше 60% в пользу выдвинутого проекта. Правительство «Народной партии» Теннисона, выступившее против этого проекта, подало в отставку и уступило место лидеру «Крестьянского союза» Пятсу.

Выборы президента были назначены на 12 марта 1934 года. Однако правительство Пятса, опираясь на армию, а также на военизированные отряды «кайцелитов», избрало упрощенный способ установления диктатуры плутократической верхушки: оно просто распустило ригиког, отменило выборы президента, объявило в стране военное положение, запретило даже существование организации «ветеранов войны», приостановило деятельность всех политических партий, назначило главнокомандующим прославившегося в подавлении рабочего движения генерала Лайдонера и установило в стране ничем не прикрытую военно-плутократическую диктатуру Пятса—Лайдонера, свирепствовавшую в Эстонии вплоть до июня 1940 года.

Буржуазно-демократическая эра в Латвии

С момента восстановления в мае 1919 г. буржуазной власти начинается «самостоятельное» существование буржуазной республики в Латвии. Правительство РСФСР первым признало самостоятельность Латвии. 11 августа 1920 г. между Латвией и РСФСР был заключен мир и установлены дипломатические отношения. Капиталистические страны Запада признали Латвию лишь 26 января 1921 года.

13 февраля 1922 г. в Риге было созвано учредительное собрание, провозгласившее Латвию независимой демократической республикой.

Согласно принятой конституции, суверенная власть Латвии «передавалась» латвийскому народу. Законодательная власть принадлежала сейму, избираемому на 3 года всеобщим, равным, прямым, тайным, пропорциональным голосованием. Право голоса имели все граждане обоего пола, достигшие 21 года. Исполнительная власть сосредоточивалась в руках президента республики, тоже избираемого на 3 года, и кабинета министров. Президент получил право назначать премьер-министра, а последний составлял кабинет. Формально правительство считалось ответственным перед сеймом. Президент имел право роспуска сейма, хотя, по букве конституции,— лишь на основании народного голосования. В мир-

[1] См. Рястас О. «В тисках «демократии», стр. 20—22.

ное время он являлся главой всех вооруженных сил страны. В случае войны ему принадлежало право назначения главнокомандующего[1].

Еще задолго до созыва учредительного собрания в Латвии велась широкая предвыборная кампания, в которой особенно изощрялись социал-демократы. Вождь социал-демократов Фр. Мендерс выступил 11 августа 1919 г. на заседании «народного совета» с речью, в которой не только хвалил демократическую программу своей партии, но и с удивительной откровенностью разболтался, с какой целью последняя будет отстаивать самую что ни на есть демократическую конституцию. Она готова предоставить избирательное право даже (!) не достигшим совершеннолетия.

«Когда мы приступим к обсуждению этого законопроекта по пунктам, тогда мы предложим, — говорил он, — двадцатилетний возраст для избирателей, и мы это будет защищать потому, что в этот критический момент, когда приходится вести борьбу против коммунизма, народному совету необходимо пустить в ход сильные демократические средства, столь демократические, какие только возможны»[2].

Другими словами, этот демократизм нужен для борьбы против коммунизма, для обмана народных масс, для их отвлечения от революционной борьбы!

Прежде чем перейти к разбору мероприятий молодого буржуазного правительства Латвии, следует сказать несколько слов о фракционном и личном составе латвийского сейма и правительства.

Первым президентом Латвийской республики был избран на учредительном собрании в 1920 г. адвокат И. Чаксте, бывший член Государственной думы первого созыва, член кадетской партии. После утверждения конституции в 1922 г. его сменил на посту президента лидер «Крестьянского союза», пресловутый К. Ульманис, возглавлявший латвийское буржуазное правительство несколько раз, вплоть до того времени, когда он в 1934 г. счел момент подходящим для установления неприкрытой диктатуры латвийской плутократии и уничтожения последних остатков конституции. Председателями сейма были также и социал-демократы Ф. Весманс и д-р П. Калнынь.

Правительства менялись необычайно часто. За время существования конституционного парламента, т. е. с 1922 по 1934 г., сменилось в Латвии 17 кабинетов, среди которых 11 возглавлялись представителями «Крестьянского союза».

Еще большую пестроту представляет фракционный состав сейма. На 100 членов сейма первого созыва насчитывалась 21 фракция, второго созыва — 25 фракций.

Самой многочисленной партией в сейме была социал-демократическая партия Латвии—СДРПЛ,—образовавшаяся из различных меньшевистских групп, исключенных в 1918 г. из социал-демократии Латышского края. Лидерами партии были д-р Ф. Мендерс, Ф. Целенс, А. Рудевиц и др.

На выборах в первый сейм социал-демократическая партия завоевала 37,1% голосов, во второй сейм — 35,7%, а на выборах 1931 г. — лишь 19,8% всех голосов, потеряв к этому времени в значительной степени свой престиж в глазах пролетарских масс.

В 1924 и 1927 гг. представители социал-демократической партии участвовали в буржуазном коалиционном правительстве, принимая активное участие в преследовании коммунистов и левых рабочих организаций.

В целях сохранения за собой влияния на низовые массы социал-демократы перестроили свою программу в соответствии с программой австрийской социал-демократии, украсив ее букетом «левых» фраз и гро-

[1] «Конституции буржуазных стран». Т. I.
[2] «Протоколы Латвийского народного совета». Ч. 1-я.

согласных парламентских обещаний. Одновременно с этим социал-демократические лидеры всемерно боролись против установления предложенного коммунистической партией «единого пролетарского фронта» для борьбы с подготовляемым плутократией переворотом.

Руководящей партией в латвийском сейме фактически был латвийский «Крестьянский союз», несмотря на то что по числу депутатских мест он значительно уступал социал-демократической партии. На выборах в первый сейм он завоевал 17% голосов, во второй — 16%, а в четвертый (в 1931 г.) — 12,5%. Он представлял главным образом крупную деревенскую буржуазию, а также частью городскую буржуазию. Лидерами партии являлись К. Ульманис, А. Альберинг, К. Кливе, К. Паулюк.

Следующая по количеству депутатских мест была буржуазная партия «новохозяев», представлявшая наиболее зажиточную часть новых середняцких крестьянских хозяйств, созданных после национализации баронских, церковных и прочих земель, а также офицерство патриотической армии и разных правительственных чиновников. Лидером фракции был ярый реакционер Я. Блоднекс, особенно жестоко преследовавший в бытность свою главой правительства коммунистические и вообще левые организации.

Возглавляемая известным адвокатом Арведом Бергом партия «национального центра», представлявшая крупный промышленный и финансовый капитал, в сейме первого созыва не имела ни одного представителя, но в дальнейшем, блокируясь с так называемыми «христианскими социалистами» и с «союзом мира, порядка и производства», она завоевала значительное влияние и сыграла немалую роль в подготовке контрреволюционного переворота в Латвии. Уже в 1927 г. с ведома этой партии офицер Олиньш организовал в Вольмаре военный путч, который, однако, вовремя был подавлен. Между партией Берга и партией Ульманиса шла постоянная грызня, но к моменту ульмановского переворота 1934 г. обе партии спелись и действовали сообща.

Следует еще отметить небольшую партию «прогрессивного объединения», составленную из махровых ренегатов пролетарского движения, отколовшихся от социал-демократической партии крайних правых, во главе с журналистом и статистиком М. Скуенеком, ставшим после ульмановского переворота заместителем премьер-министра.

Целый ряд партий национальных меньшинств (немцев, латгальцев, русских, евреев, поляков) составлял вместе на выборах в сейм около 15% всех голосов. Коммунистическая партия Латвии с приходом к власти буржуазии вынуждена была уйти в глубокое подполье и подверглась жестоким преследованиям. Многие из самых преданных членов партии погибли в революционных боях, многие были вынуждены эмигрировать, чтобы спасти свою жизнь. За оставшимися в Латвии членами партии, за членами их семейств, за каждым сочувствовавшим Советскому Союзу следили по пятам.

В 1921 и 1922 гг. охранниками буржуазной Латвии было переброшено без ведома советского правительства через границу РСФСР около 140 человек, причем ряд товарищей был предательски убит при «попытке к бегству». В Риге в 1921 г. были варварски убиты двое из самых любимых партией работников — Арайс (Берце) и Шильф (Яунзем),— а осенью 1922 г. был повешен тов. Пурит. В латвийских тюрьмах томились сотни честных борцов рабочего класса.

Невзирая на бешеный террор компартия самоотверженно продолжала работу в подполье, издавая свой орган «Циня» и листовки, разоблачая предательскую роль социал-демократов и предупреждая рабочих против готовящегося наступления объединенной реакции, в особенности после наглядного примера вольмарского путча 1927 года. Социал-демократия со своей левой фразеологией все больше и больше теряла свой

прежний престиж, а когда компартия при активной поддержке масс добилась возможности в 1928 и в 1931 гг. участвовать совместно с рабоче-крестьянской фракцией на выборах в сейм, за список кандидатов этой фракции первый раз было подано 52 тысячи, а второй раз — около 70 тысяч голосов.

Руководство профсоюзами компартия также постепенно вырвала из рук социал-демократии, и ее влияние сказалось во все растущем революционном настроении масс. Когда в 1929 г. во всех капиталистических странах Запада начался мировой кризис, особенно сильно отразившийся на латвийской промышленности и вызвавший резкое ухудшение материального положения рабочего класса, в Латвии поднялась невиданная за все время существования в ней буржуазной власти стачечная волна, охватившая в 1929 г. около 80% всех рабочих Латвии.

Одновременно компартия вела пропагандистскую и организационную работу в войсковых частях, связанную с большими трудностями и риском ввиду сильной зараженности армии антисоветским и антикоммунистическим духом и широко поставленного в армии ульмановского шпионажа.

Признаки готовящегося переворота замечались все больше и больше. Компартия об этом неоднократно предупреждала. Социал-демократия, наоборот, усыпляла массы, утверждая открыто в своей прессе, на собраниях, даже с трибуны сейма, что черносотенный переворот в Латвии — просто миф, что она своим парламентским весом защитит демократические свободы, что на все попытки отмены этих свобод она ответит чуть ли не всеобщей забастовкой. Больше того: она незадолго до путча разоружила находящиеся под ее же руководством, но недостаточно надежные социал-демократические юношеские спортивные организации.

В октябре 1933 г. Ульманис поехал заграницу за получением от своих западных единомышленников директивы об организации переворота. По возвращении оттуда 1 декабря, на конференции «Крестьянского союза», он изложил свои планы и заключил соглашение со своим прежним конкурентом по делам контрреволюции Арведом Бергом, а также с представителями местного баронства. 11 декабря 1933 г. в своем органе «Брива земе» («Свободная страна») он бросил открытый вызов оппозиции, подчеркивая необходимость изменения конституции «без малейших уступок». В свою очередь Берг в своем органе «Латвис», а немецкие реакционеры в органе баронов «Ригаше рундшау» («Рижское обозрение») высказали полную солидарность с Ульманисом. В это время лидер социал-демократической партии Ф. Мендерс разразился в органе социал-демократической партии «Социалдемократс» статьей, в которой доказывал, что Латвия представляет собой счастливое исключение среди европейских стран и что ей со стороны плутократической клики никакой переворот не угрожает, так как, мол, теперь, в 1933 г., самый опасный период прошел, «потому, может быть, что самая глубокая точка кризиса уже позади и вместе с этим ослабевает психоз неудовлетворенности в рядах мелкой буржуазии... которую эксплоатирует для своих целей крупная буржуазия... Все это дает нам основание для утверждения, что нигде не написано, что и в Латвии должна прийти к власти плутократия... Мы вполне спокойно можем и на этом съезде утверждать, что наша партия против путча реакционной буржуазии призовет трудящиеся массы на борьбу всеми средствами» [1].

В чем же заключались эти «средства борьбы», рекомендуемые латвийскими социал-демократами? Лидеры этой насквозь прогнившей партии обещали преодолеть поднимающуюся, вооруженную до зубов реакцию избирательными бюллетенями на предстоящих выборах в сейм, в который объединенная клика ульмановцев, бергистов, «христианских

[1] «Социалдемократс» от 6 мая 1934 года

социалистов» и прочих сил реакции собиралась внести новый проект изменения, обеспечивающий конституции организацию «власти сильной руки».

Раньше чем перейти к результатам этой любопытной дуэли между вооруженными избирательными бюллетенями эсдеками и вооруженными пушками и пулеметами ульмано-бергистами, следует вкратце остановиться на экономической политике буржуазных правителей «свободной» Латвии.

Аграрная реформа в Латвии, по сути дела, мало чем отличалась от таковой в Литве и Эстонии.

Согласно этой реформе, все государственные, помещичьи и церковные земли подлежали национализации. В руках помещиков были оставлены участки, не превышающие 100 га. Остальная площадь поступила в государственный земельный фонд. Также и у крупных кулаков площадь, превышающая 100 га, подлежала отчуждению.

Земельный фонд был составлен из 3024 тыс. га баронских земель, 628 тыс. га казенных земель и 67 тыс. га земель пасторатов, итого 3719 тыс. га. В этот фонд вошло 1,65 млн. га пахотной земли, 1,49 млн. га леса и 0,55 млн. га неудобной земли [1].

Из этой национализированной площади «к 1935 г. было распределено 186 345 земельных участков, из коих 52 786 пошли на образование новых хозяйств, 22 022 — на обзаведение собственной землей бывших долгосрочных землепользователей и арендаторов, 51 959 — на прирезки к старым хозяйствам, 44 759 — на участки под торговые и промышленные предприятия, 8364 — государственным и общественным организациям и 6741 — на различные другие цели. В составе получивших земли под указанными рубриками оказались не столько трудящиеся крестьяне, сколько кулацкие верхи и различные другие буржуазные элементы. Лишь бывшим помещикам, церковным приходам, государственным и общественным организациям выделено 81 838 участков» [2].

Чисто кулацкий характер этой реформы резко бросается в глаза. Громко провозглашенные обещания, что отныне «не будет больше безземельных», что «все станут хозяевами», что «все станут равными», что «каждый будет иметь свою лошадку и свою коровку», остались жульническим обманом. От этой реформы, правда, выросло число середняцких хозяйств. В 1920 г. их было 18 603, или 19,4%, и земли в них — 302,1 тыс. га, или 10,4%; в 1929 г.— 70 549, или 30,5%, хозяйств, и земли в них — 1058 тыс. га, или 17,1%. Средний размер середняцкого землевладения, таким образом, уменьшился с 16,2 га до 14,7 га. То же самое показывают бедняцкие хозяйства, число которых за этот период увеличилось с 53 165 до 66 724 хозяйств, между тем как их средний размер уменьшился с 6,4 до 6,1 га.

Но, помимо этих бедняцких хозяйств, в Латвии насчитывают еще 31 тыс. так называемых «будочников», получивших в аренду клочки земли до 2 га. Это батраки и мелкие ремесленники, вынужденные работать у кулаков. Если к «будочникам» и бедняцким хозяйствам прибавить еще около 200 тыс. батраков, совершенно безземельных, и поденщиков, то получится армия в 310 тыс. сельских пролетариев и полупролетариев, т. е. около 1/3 всех жителей Латвии [3]. Где же обещанное равенство, ради которого тысячи наивных тружеников доверяли свою судьбу «патриотическим» крикунам из буржуазного и социал-демократического лагеря?

Сельское хозяйство Латвии, занимавшее до империалистической войны одно из первых мест в царской России, стало регрессировать.

---

[1] См. Ринг И. «Латвия», стр. 86.
[2] Там же, стр. 86—87.
[3] Там же, стр. 89—90.

Продукция зерна с каждым годом падала, и Латвия вынуждена была импортировать хлеб из-за границы. Импорт хлеба достиг в 1929 г. 238,7 тыс. тонн. Кризис сельского хозяйства в Латвии стал стабильным.

Чтобы выйти из положения, буржуазные правители Латвии по примеру своих литовских и эстонских соседей взяли линию на так называемую «данизацию» сельского хозяйства, т. е. на расширение животноводства, усиление травосеяния и луговодства. Между тем зерноводство пошло на убыль. Нелогичность и прямую пагубность такого подхода подчеркивал даже такой блюдолиз Ульманиса, как упомянутый нами статистик и будущий министр М. Скуенекс, который, сопоставляя в своем статистическом исследовании урожайность хлеба в Латвии с урожайностью в других европейских странах, приходит к следующему выводу: «Из всех приведенных в настоящей книге сравнительных таблиц последние показывают самую неблагоприятную для Латвии картину. Это заслуживает особенного внимания потому, что сельское хозяйство является основным занятием латвийских жителей и что от расцвета сельского хозяйства определенно зависит судьба всех остальных отраслей жизни... Нелепым является тот взгляд, будто на зерновое хозяйство не следует обращать внимания, если в сельском хозяйстве центр тяжести перенесен на животноводство. Нелепость такого взгляда доказывает тот факт, что в странах с высокоразвитым животноводством также и зерновая продукция очень высока» [1]. И он указывает на Голландию и Данию, с которых Латвия якобы берет пример, но действует беспорядочно.

Но и расчеты на усиленное производство и экспорт бекона, масла, кожи и прочих продуктов животноводческого хозяйства не оправдались. Ориентируясь все время на капиталистический Запад, в особенности на Англию, кулацкие правители Латвии просчитались: во время мирового кризиса цены на сельскохозяйственные продукты настолько снизились, что Латвия оказалась бессильной конкурировать с западными странами, быстрее и дешевле удовлетворяющими спрос на животноводческие продукты. Тут не помогли и многомиллионные экспортные премии, выплачивавшиеся кулацким производителям бекона и масла и ложившиеся тяжелым бременем на государственный бюджет. Так, в 1935 г. поступило в карманы кулаков 25,3 млн. лат.

Латвийская буржуазия в своем ослеплении и ненависти к коммунизму пренебрежительно относилась к Советскому Союзу, который единственно мог гарантировать оздоровление всей экономики Латвии. В результате такого хозяйничанья обнищание крестьянских масс Латвии быстро прогрессировало. С 1930 по 1934 год в Латвии за долги было распродано имущество 16 883 крестьянских хозяйств, а из числа «новохозяйств» за 10 лет было продано с молотка 9358 хозяйств, составлявших 14% их общего числа [2].

Что касается промышленности буржуазной Латвии, то она развивалась не в сторону концентрации производства, а, наоборот, в сторону ее измельчания. Если в Латвии в 1913 г. насчитывалось 753 предприятия, то в 1929 г. их число выросло до 2948, а среднее число занятых на предприятии рабочих с 144 в 1913 г. упало до 24 в 1929 г., т. е. сократилось в 6 раз.

Своей наивысшей точки развития латвийская промышленность до ульмановского переворота достигла в 1929 году. Но и в это время стоимость ее продукции несмотря на численный рост предприятий составляла лишь 54% довоенной стоимости [3].

---

[1] Скуенекс М. «Латвия среди других европейских стран», стр. 104. Рига. 1929 (на латышском языке).

[2] Ринг И. «Латвия», стр. 151.

[3] Там же, стр. 81.

Развитие по отдельным отраслям шло крайне неравномерно. В то время как полиграфическая промышленность достигла в 1929 г. 117% по сравнению с 1913 г., а пищевая — 105,7%, текстильная промышленность дала за этот период лишь 62,3%, а металлическая упала до 22,5%, химическая — даже до 20,1% [1].

Единственный выход из промышленного и сельскохозяйственного кризиса латвийская буржуазия находила в усиленном наступлении на рабочий класс и трудовое крестьянство. Восьмичасовой рабочий день стал пустым звуком, ибо фактически он продолжался 12, 14 и даже 16 часов. Почти полное отсутствие технической охраны на латвийских заводах привело к огромному росту несчастных случаев. Достаточно сказать, что с 1925 по 1929 г. имели место 42 596 несчастных случаев, а с 1930 по 1934 г.— 142 899, т. е. увеличились больше чем втрое. Весьма тревожным явлением был катастрофический рост безработицы. В 1925 г. в стране насчитывалось 7 тыс. безработных, а в 1929 г.— уже 13 тысяч. В 1932 же году число безработных достигло 32 тыс., помимо исключенных буржуазией из списков биржи труда. Фактическая цифра безработных составляла в 1932 г. около 50 тысяч [2].

Буржуазная Латвия получила от прошлого богатое культурное наследство: почти стопроцентную грамотность, широкую сеть средних учебных заведений, кадры народных учителей, владевших в большинстве своем тремя языками: латышским, русским и немецким, — крупные литературные и научные силы, богатые сокровища собранного фольклорного материала, высокий процент лиц разных специальностей с законченным высшим образованием.

Латвия обладала широкой школьной сетью, обширной периодической прессой и развитым книгоиздательским делом. Казалось, что налицо были все материальные условия для развития культуры, однако все направление культурной жизни, которое никак нельзя отделить от общего направления хозяйственной и политической жизни страны, находилось в руках лиц, накладывающих на все отрасли культуры свою буржуазно-классовую печать, придававшую всему развитию узко тенденциозное, фальшиво-патриотическое, антидемократическое направление.

Коммунистическая печать, всякое истинно марксистское направление в науке и литературе были задушены. Мистицизм и религиозный дурман отравляли школу, где закон божий был обязательным предметом для каждого учащегося. Для каждого вероисповедания в Латвии был учрежден свой епископат. Лютеране немецкой национальности имели еще добавочного епископа; католики же и православные имели даже архиепископов.

О каком-либо развитии свободной, прогрессивной мысли в буржуазной Латвии говорить не приходится. Замалчивались и преследовались произведения такого видного писателя — романиста, критика и историка литературы,—как А. Упитс, ныне председателя Союза латышских писателей и журналистов и заместителя председателя Президиума Верховного Совета Латвии, любимого латышским пролетариатом поэта революционера Эдуарда Вейденбаума, и других.

Но некоторых из них даже буржуазные наемные писаки вынуждены были признать выдающимися деятелями Латвии. Придворный литератор, небезызвестный Ян Лапин, в 1935 г. в органе «вождя» «Брива земе» в связи с 70-летием со дня рождения Райниса писал: «Райнис был великой личностью, великим явлением в нашей жизни. Вслед за Карлом Ульманисом и... генералом Яном Баллодисом (!!) он самый популярный

[1] Ринг И. «Латвия», стр. 78—80.
[2] Там же, стр. 132—137.

латыш современной эры... Когда Райнис в 1920 г. вернулся в Латвию из эмиграции, он был встречен с таким почетом, какой не был оказан ни одному из латышских писателей, но это была одновременно репетиция похоронной процессии Райниса... Райнис насквозь находится в плену социализма, и Райнису трудно высказать что-либо, чтобы не намекнуть на социализм и не призывать к социализму. Думая о борцах за социализм, он любит фанатиков с ограниченным горизонтом (!), не знающих жалости к людям (!) и видящих перед собою лишь одну звезду, Райнис всюду бунтует против власти, и у него встречаем много сатиры про филистерскую ограниченность».

И к этому он прибавляет: «Райнис своими взглядами много беды причинил латышскому народу и сам преподнес ему много малоценных работ, которые появились на свет мертворожденными», и т. д.

Говоря так о Райнисе и желая его похоронить как поэта, этот ренегат из ренегатов, когда-то крутившийся около социал-демократии, Лапин сознательно умалчивает, что, давая такую характеристику, он имел в виду бессмертные книги Райниса: «Посевы бури», «Новая сила», «Тихая книга» и другие, — изъятые в свое время из обращения царской цензурой, а в годы ульмановщины сожженные на костре современными диктаторами.

Но правящая клика не ограничилась выпадами против Райниса. В 1925 г. латышские белобандиты пытались ночью выкрасть его из квартиры с целью убийства. К счастью, эта попытка в решительный момент была пресечена товарищами, случайно находившимися вблизи. Райнис сам об этом подлом поступке упоминает в предисловии к X тому своих сочинений [1].

Таков был культурный облик буржуазно-демократической эпохи в Латвии.

Переходя к анализу вопроса о государственном перевороте 1934 г., нужно иметь в виду, что он был совершен при полной консолидации наиболее реакционных группировок латвийского сейма, спевшихся насчет необходимости изменения конституции, проект которой должен был быть внесен на рассмотрение сейма в мае 1934 года. Однако Ульманис по примеру своего эстонского коллеги Пятса даже не собирался вносить этот проект. Втихомолку, при строжайшей конспирации он подготовил военный переворот, чтобы одним ударом покончить с последними остатками бумажной конституции.

С этой целью в ночь на 16 мая в Ригу были стянуты из соседних уездов большие отряды военизированных белолатвийских «айсаргов» и контрреволюционно настроенные воинские части; были приняты все меры к подавлению возможных революционных выступлений рабочих путем широко организованной полицейской облавы; ненадежные воинские части были разоружены и заперты в казармах.

После переворота правительство Ульманиса ликвидировало все конституционные учреждения, в первую очередь сейм. Объявленное Ульманисом «оздоровление всей народнохозяйственной жизни» началось с многочисленных арестов. Все политические партии были распущены, в том числе, формально, даже «Крестьянский союз»; все демократические свободы были уничтожены, печатные органы с признаками оппозиционного направления закрыты; оставшаяся печать была целиком унифицирована в резко реакционном направлении.

Лидеры социал-демократической партии, обещавшие в случае попытки совершить переворот призвать «трудящиеся массы на борьбу всеми средствами», сами очутились за решоткой ульмановской тюрьмы, за исключением явных пособников и блюдолизов «вождя», вроде «левого» социал-демократа Ф. Целенса, в свое время боровшегося в армии

---

[1] Райнис Я. Соч. Т. X, стр. 9.

Колчака против Советов, а после переворота продолжавшего занимать пост полномочного министра Ульманиса в Париже.

Вслед за этим было приступлено к ликвидации органов местного самоуправления — уездных и волостных — с передачей всей власти на местах правительственным эмиссарам. Профсоюзы были «перестроены» на полувоенный лад и поставлены под строжайший административный контроль, а кооперативные организации — под контроль государственных финансовых органов.

Культурную политику правительство Ульманиса базировало, как сказано в принятой еще в 1931 г. программе «Латвийского национального объединения», на развитии «национального самосознания» и «христианского миропонимания», где соответственные пункты гласят: «Религия и церковь, как основа нравственности и культуры, должны быть обеспечены необходимым влиянием всего государства и общества»; «Преподавание религиозных учений в школе должно быть обязательным»; «Должны быть запрещены все печатные органы, распространяющие безнравственные писания и рисунки и проповедующие классовую борьбу», и т. д.

В своей хозяйственной политике правительство исходило из кулацких интересов. Для кулаков и помещиков были увеличены экспортные премии; были введены хлебная и сахарная монополии, значительно повышены косвенные налоги, ложившиеся на плечи массового потребителя; были также увеличены таможенные ставки.

Если до переворота, как указывалось выше, в области промышленности правительство придерживалось линии на измельчание производства, не допуская его концентрации в крупных промышленных единицах, то теперь, наоборот, центром экономической политики стало создание трестов и синдикатов. Создавались акционерные общества по производству и сбыту резиновых изделий, объединявших все главные предприятия резиновой промышленности; образовался текстильный синдикат, который охватил 90% всей хлопчатобумажной промышленности; в других отраслях хозяйства проводилась такая же политика. Вся металлическая промышленность оказалась сосредоточенной в руках германского капитала и государства. На селе создавалось центральное общество экспорта масла, акционерное общество «Бекон-экспорт» и т. д. Весь импорт был сосредоточен в руках 850 крупных фирм, тогда как до переворота импортом занималось до 10 тыс. фирм[1].

Однако и такой резкий поворот в сторону концентрации капитала не мог вывести Латвию из кризиса. Не будучи в состоянии конкурировать на мировом рынке со своими экономически более сильными западными соседями и упорно игнорируя несомненные выгоды экономического сближения с Советским Союзом, Ульманис и его клика привели страну к хозяйственному и культурному застою. Одновременно с обогащением кучки махровых сельских кулаков и городских банкиров и промышленников шло систематическое ухудшение материального положения трудящихся масс. И несмотря на закрытие свободных профсоюзов, на запрещение стачек, на вынужденное безмолвие прессы и на бесчисленное количество арестов революционное брожение в массах росло с каждым годом.

Коммунистическая партия Латвии, работая в подполье в невиданно тяжелых условиях, продолжала сплачивать рабочих для предстоящих боев и, исправив допущенные ею раньше сектантские ошибки, заключила в 1934 г. с разочаровавшимися в своих вождях социал-демократическими организациями договор о едином пролетарском фронте. А в 1936 г. произошло организационное объединение коммунистической

---

[1] См. Ринг И. «Латвия», стр. 182—184.

и социалистической молодежи под названием «Союз трудящейся молодежи Латвии». Благодаря созданию единого фронта стали учащаться несмотря на все полицейские рогатки массовые выступления пролетариата и крестьянской бедноты, принимая все более и более угрожающий характер. База кулацко-плутократической диктатуры стала расшатываться, и никакими искусственными мерами и политическими фокусами нельзя было приостановить естественное развитие исторического процесса, предвещавшего близкий конец режиму буржуазной диктатуры.

Конец контрреволюции и торжество советской власти

Из данного краткого обзора экономического и политического развития трех прибалтийских стран за годы их «самостоятельного» существования видно большое сходство пройденного ими исторического пути, сходство в средствах и методах, при помощи которых их правители на разных этапах старались удерживать свое классовое господство. Во всех трех странах торжественно провозглашенный буржуазный «демократизм» превратился постепенно в полнейшую реакционную диктатуру. Во всех трех прибалтийских странах буржуазная власть была фактически создана при непосредственной поддержке западноевропейских империалистических правительств. Это обстоятельство и определяло всю внешнюю политику Литвы, Латвии и Эстонии — политику подхалимства и раболения к империалистам Запада, политику вражды и ненависти к Советскому Союзу.

В своем историческом докладе на Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 г. Ленин, характеризуя положение в прибалтийских странах, говорил: «Известно, какое давление оказывал империализм Антанты на эти маленькие страны, наскоро созданные, бессильные, целиком зависящие от Антанты даже в самых насущных вопросах, как вопрос продовольствия, и во всех других отношениях. Вырваться из этой зависимости они не могут. Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас... Они знают, что сплошь и рядом английский посол в такой стране значит больше, чем любой тамошний царь или парламент. И если этих истин мелкобуржуазные демократы до сих пор понять не могли, то теперь действительность заставляет их это понять. Оказывается, что по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным элементам маленьких стран, которых грабят империалисты, мы представляем из себя если не союзников, то соседей более надежных и ценных, чем империалисты» [1].

Правители буржуазных стран Прибалтики в своем антисоветском ослеплении действовали в прямой ущерб благополучию своих народов. То и дело они явно и тайно нарушали взятые на себя при заключении мира обязательства. Более того: по требованию западных империалистов они делали все, чтобы превратить Прибалтику в плацдарм для нападения на Страну Советов. Они усиленно вооружали свои армии, организовывали дополнительные кадры добровольцев: «айсаргов», «кайцелитов», «шаулистов», — строили вразрез со своими бюджетными возможностями явно направленные к советской границе стратегические дороги, фабриковали провокационные, лживые газетные «утки» о якобы империалистических планах СССР и т. д.

Достаточно привести несколько характерных примеров для иллюстрации добрососедских намерений СССР и враждебно-предательских актов правителей стран Прибалтики.

[1] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 562—563.

Уже заключенный союзным правительством мирный договор 1920 г. с прибалтийскими странами на началах признания «права наций на свободное самоопределение вплоть до отделения» сразу показал колоссальные выгоды для этих стран от сближения с великим восточным соседом. В мирном договоре с Литвой советское правительство категорически отстаивало право Литвы на Вильно и всю Виленскую область. Оно передало литовскому правительству 3 млн. рублей золотом в то время, когда советская власть воевала с Польшей и сама находилась в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. Оно включило в мирный договор специальный пункт (ст. 8) о том, что литовское правительство не имеет права взыскивать с крестьян долги различным русским банкам, тем самым освобождая крестьянскую массу Литвы от давящего ее ярма. Мы уже говорили о том, что при заключении мира с Эстонией последняя получила 15 млн. рублей, послуживших основным капиталом для возобновления расстроенной эстонской промышленности.

Колоссальную выгоду получили страны Прибалтики от заключенных с Советским Союзом торговых договоров, несмотря на то что западные империалисты всячески тормозили их заключение, желая в своих шкурных интересах монополизировать рынок этих стран. Так например торговый договор с Латвией в 1927 г. сразу увеличил на 50% промышленный экспорт Латвии в Советский Союз. Колоссально выросли доходы Латвии от советского транзита. Торговый договор от 1933 г. увеличил товарооборот Латвии в 3 раза. То же самое относится к Эстонии и Литве.

Невзирая на резкое различие политического строя между Литвой и СССР правительство Литвы не могло не оценить исключительно доброжелательное к литовскому народу отношение советской власти, защищавшей его от хищнических притязаний Польши. Поэтому Литва первой из трех стран Прибалтики заключила 28 сентября 1926 г. с СССР договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов. Латвия же и Эстония оттягивали подписание такого договора и лишь под давлением острого экономического кризиса, парализовавшего в сильной степени надежды на ожидаемое от западных империалистов спасение, они заключили аналогичный пакт с СССР лишь в 1932 году.

В заключенном с Литвой договоре было подчеркнуто в специальной ноте, что фактическое нарушение литовских границ, произведенное Польшей за время, истекшее с момента заключения мирного договора от 1920 г., не поколебало отношения СССР к виленскому вопросу. И когда Польша в марте 1938 г. спровоцировала с Литвой пограничный инцидент с целью захвата новых территорий, тогда только благодаря энергичному вмешательству СССР новый разбойничий налет польских империалистов был предотвращен.

Несмотря на вышеприведенные факты, правительства всех трех стран Прибалтики продолжали интриги против СССР. Еще в 1920 г. в Гельсингфорсе была созвана Балтийская конференция с явно антисоветской целью. В 1922 г. состоялась Варшавская конференция из представителей Польши, Латвии, Финляндии и Эстонии с целью объединения Малой Антанты со странами Прибалтики, чтобы создать буферное полукольцо против СССР. Ввиду натянутых отношений с Польшей Литва в конференции не участвовала. Вообще эта затея реальных результатов не дала.

В 1923 г. Латвия и Эстония заключили оборонительный союз против СССР. В 1924 г. в Женеве под покровительством Лиги наций была организована с той же целью так называемая Балтийская Антанта — из Литвы, Латвии и Эстонии. Латвия предоставляла приют самым разнузданным кликам бежавших из Советского Союза русских белогвардейцев, главных авторов упомянутых выше газетных «уток», распространявших

в зарубежной прессе самые чудовищные сведения о рабочих «забастовках», о крестьянских «восстаниях» в СССР, о близкой «гибели» советского строя.

Советский Союз несмотря на все это ни на шаг не отступил от своей миролюбивой позиции и заключил в октябре 1939 г. известный пакт о взаимопомощи, тем самым взяв эти страны под свою могучую защиту, причем исключительного внимания заслуживает договор с Литвой, согласно которому Советский Союз, освободив Вильно и Виленскую область от польского ига, передал их полностью Литовской республике.

Но как ответили на все эти дружелюбные акты Советского Союза правители прибалтийских стран? Используя военный конфликт между СССР и Финляндией в конце 1939 г. и рассчитывая, что настал весьма выгодный момент для интервенции против СССР, правители этих стран организовали две тайных конференции: в декабре 1939 г. и в марте 1940 г., — на которых состоялись встречи главнокомандующих армиями этих стран: Беркиса — от Латвии, Лайдонера — от Эстонии и Герулайтиса — от Литвы. А 10 февраля президент Латвии К. Ульманис выступил открыто по радио с провокационной речью, призывая латышский народ и свою армию быть готовыми и встретить «тяжелый решительный момент» во всеоружии. Были приняты экстраординарные меры к усилению армий и всяких средств вооружения этих стран.

Правители прибалтийских стран своими тайными соглашениями нарушили одну из главных статей заключенного только что пакта о взаимопомощи, запрещающую договаривающимся сторонам заключать какие-либо союзы или участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон.

Но этот шаг контрреволюционных правительств прибалтийских государств был последним их шагом, направленным против народов Прибалтики и народов СССР.

Двадцатилетний период жесточайшей контрреволюции в Литве, Латвии и Эстонии кончился. Из застигнутых врасплох правителей этих стран лишь одному Сметоне удалось позорно скрыться. Освободившиеся народы еще не вынесли своего окончательного приговора виновникам их двадцатилетних мук. Но история им вынесла свой справедливый приговор. Со сцены истории сметены навсегда эксплоататорские классы Прибалтики, и ее народы своим волеизъявлением провозгласили у себя советский строй.

В первых числах октября 1940 г. все три страны Прибалтики на VII сессии Верховного Совета СССР были торжественно включены в братский Союз Советских Социалистических Республик. Над странами Прибалтики засияло солнце Сталинской Конституции. Началась новая, счастливая эра для народов Прибалтики. Рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция Литвы, Латвии и Эстонии дружно приступили к строительству новой жизни.

К ИСТОРИИ КАПИТАЛИЗМА В БОЛГАРИИ

Акад. Н. Державин

I

После завоевания султаном Мурадом II Константинополя (1453) и окончательной ликвидации балканских государств: Сербии — в 1459 г., Боснии — в 1463 г. и Албании — в 1464 г. — в жизни болгарского народа, с 1393 г. находившегося в турецкой зависимости, наступил довольно длительный период относительно мирного существования. Разбежавшееся в момент завоевания население стало постепенно возвращаться к мирному труду. Новая власть на первых порах обеспечивала угнетенному народу национальную и вероисповедную терпимость. Некоторая часть разоренного крестьянского населения, однако, предпочла обосноваться в городах, которые своею относительной организованностью в области административного управления и суда более обеспечивали его существование и возможность труда чем деревенская обстановка. Приток крестьянского населения в города содействовал развитию ремесла, росту торговли и общему подъему материального благополучия. С конца XVI в. это положение вещей в городах, однако, стало ухудшаться [1].

В этот период в Болгарии начался процесс территориального перераспределения производящего населения, передвижки центров хозяйственной жизни страны, упадка старых центров и нарастания новых. Одновременно с перемещением главнейшего центра хозяйственно-политической жизни страны с севера и северозапада (города Тырново, Видин и др.) на южную периферию полуострова, в Константинополь, происходила концентрация всех важнейших международных политических и торговых связей завоевателя на великом военном пути Константинополь — Адрианополь (Одрин) — София — Белград — Вена. На протяжении ряда веков существования старой, феодальной Турции, по крайней мере вплоть до начала XIX в., этот путь был главной артерией, связывавшей ее с центрами западноевропейской торговли и промышленности, с одной стороны, и служившей основным направлением ее наступления на Запад — с другой. В силу этого указанный путь и прилегающие к нему с юга и с севера районы в первую же очередь были густо колонизованы турецким элементом. Расположенные по этому пути старые города: Адрианополь, Филиппополь, София — выросли в крупные административно-политические центры с преобладающим турецким населением и большими гарнизонами, что вызвало и быстрое развитие их как центров торговли и ремесленного производства. Вдоль этого пути выросли новые центры производства и торговли вроде городов Татар-Пазарджик, Харманли и Цариброд, сделавшихся административными, ремесленно-производственными и торговыми провинциальными центрами. В таком же порядке вырос в турецкое время и ряд укрепленных городов по Дунаю: Рущук, Свиштов и Лом, а также по дороге от Филиппополя в Македонию — город Дупница.

С другой стороны, турецкое завоевание имело своим следствием вынужденную передвижку болгарского населения внутри страны, из угрожаемых районов в более защищенные природными условиями, а потому и менее доступные для неприятеля горные районы, где, вдали от чуженациональной власти, ее насилий и произвола, оно создало ряд поселков, которые затем выросли в крупнейшие центры национальной торговли и промышленности. Так возникли Габрово, Трявна, Троян, Панагюрище, Копривщица, Калофер и другие болгарские города.

В истории строительства городов в Болгарии в турецкое время можно различать в основном три типа городов. Один тип — это города, обязанные своим возникновением или развитием стратегическим интересам завоевателя. Таковы были Никополь, Видин, Ниш и Варна. К этому же типу принадлежали и вновь возникшие города-крепости взамен ликвидированных болгарских и византийских крепостей внутри страны, в Родопах, на Балканах и во Фракии. Это были обширные, построенные по последнему слову тогдашней военной техники укрепленные пункты, предназначенные для размещения сильных гарнизонов. Эти новые укрепленные пункты явились основою будущих городов. В них селились

[1] См. Златарски В. «Български възстания и опити за възстания до средата на XIX век». «България 1000 години». I, стр. 708 и сл. София. 1930.

прежде всего ремесленники и торговцы, обслуживавшие надобности гарнизона, а затем — их семейства и масса руководящего административного персонала. Строительство этих городов-крепостей требовало множества рабочих и мастеров, занятых на постройке военных и частных сооружений, а также дорог, водопроводов и пр., и, таким образом, из средневековой крепости с течением времени вырастал город с хозяйством, совершенно отличным от хозяйства окрестных деревень.

Второй тип болгарских городов, возникших в турецкое время,—это поселки-станции вдоль больших стратегических и торговых путей, связывавших столицу империи с Западом. Самым значительным из этих путей, проходившим через болгарскую территорию, как мы уже знаем, был путь из Константинополя через Адрианополь и Софию на Ниш и далее — к Дунаю. Второй путь шел через Никополь вдоль Дуная. Эти специальные придорожные станции, так называемые караванные станции, предназначались для надобностей военного транспорта, для почтовых связей, для торговли и, наконец, для отдыха путников и смены лошадей. Первоначально это были обширные каменные постройки с помещениями для проезжающих и с конюшнями для лошадей. Они устраивались на определенном расстоянии друг от друга, иногда в открытом поле, вблизи какой-нибудь караульни, где дорожная стража и военные патрули охраняли дорогу от разбойников. Такие караванные станции с течением времени превращались в базу для развития ремесленного и торгового поселка, население которого обслуживало технические и потребительские нужды проезжающих, а затем, в зависимости от условий местности, эти же караванные станции-поселки превращались и в рыночные центры для населения окрестных деревень. Таким путем в Болгарии в турецкое время, XV—XVIII вв., возникли торговые и ремесленные поселки, получившие у болгар специальное название «паланка» и разросшиеся впоследствии в целые города вроде названных выше городов по дороге Адрианополь—Ниш: Татар-Пазарджик, Харманли и Цариброд; или по дороге от Филиппополя в Македонию — Дупница, Петрич,— а также вдоль Дуная и на Черноморском побережье: Рущук, Свиштов, Лом, Балчик и Каварна.

Третьим типом болгарских городов, возникших в эпоху турецкого завоевания, были чисто болгарские по составу населения горные поселки, население которых было связано обязательством исполнения какой-либо определенной государственной повинности, вроде охраны горных проходов и лесов, почтовой службы, военно-вспомогательной и военно-полицейской службы и т. п. Население этих поселков пользовалось определенными привилегиями и сравнительным экономическим благополучием, образуя особый слой в составе болгарского населения, известный на официальном языке под именем «привилегированной райи». Горные поселки этого населения, как и вообще горные болгарские поселки, привилегированные или просто защищенные от военных и административных бесчинств и анархии завоевателя своею топографической недоступностью и отдаленностью от военных и административных центров, превратились с течением времени, в XVIII и XIX вв., в цветущие промышленные по преимуществу центры, игравшие ведущую роль в экономической жизни всей страны как центры ремесленного и мануфактурного производства, вроде названных выше городов: Габрово, Троян, Панагюрище, Копривщица и др. [1].

Типичным для множества болгарских городов, возникших в более позднее время, но в ту же эпоху турецкого владычества, является город Казанлык (Казанлък), известный в литературе с XVII века. Расположенный на южном склоне главного Балканского хребта, среди живописной и плодородной долины реки Тунджи, он был заселен в основном потомками тех болгарских крестьян, которые в связи с турецким наступлением бежали некогда в неприступные для завоевателя горы и под их прикрытием продолжали здесь жить своею несложною, примитивною общественною и хозяйственною жизнью. К спустившемуся с гор в долину, на территорию будущего города, населению стали постепенно присоединяться выходцы из окрестных сел, разбросанных по высотам и горным ущельям Средней горы и Балкан, устраиваясь на работу, как и их предшественники, в имениях у турецких помещиков на положении рабочей «райи». За свою работу они получали от помещика по 100 грошей в год, пару лаптей (царвули), шапку и определенное количество зерна на пропитание семьи. Лучшая земля, как и сады по долине реки Тунджи, принадлежала помещикам и турецкому населению.

По имеющимся в нашем распоряжении данным [2], первые основоположники города занимались почти исключительно земледелием, обслуживая все свои жизненные потребности собственным домашним хозяйством. Они сами строили жилища, сами из кож своего скота делали обувь, из шерсти своих овец сами ткали грубую ткань, сами же изготовляли из своего материала и необходимые им примитивные орудия производства. Но так как спустившиеся с гор и осевшие на плодородной земле казанлыкчане были исключительно земледельцами, а оставшиеся в горах их сородичи—по преимуществу деревообделочниками и отчасти скотоводами, то из этого исконного разделения труда у тех и других очень рано явилась естественная потребность в обмене продуктами производства, и горцы время от времени, особенно осенью, стали спускаться в долину и здесь обменивать

---

[1] См. Sakazov I. «Bulgarische Wirtschaftsgeschichte». IV, S. 217—224. 1929.

[2] Павлов А. «Опит за проучване миналото и настояще икономическо положение на гр. Казанлък». «Списание на българското икономическо дружество». Кн. 7-я, стр. 411—444. Год XI. 1907.

вои кожи, шерсть, деревянные изделия на продукты земледельческого хозяйства. Употребление денег в это время было крайне незначительно и обмен продуктами производился обыкновенно натурою. Вначале основным занятием болгарских сельских трудовых масс было, как отметили мы выше, земледелие. Но в их среде издавна уже имелся трудовой элемент и неземледельческий, который, отказавшись, в условиях крепостных отношений, от невыгодного хозяйства на помещичьей земле, выкупал у помещика свой пахотный участок и становился мелким земельным собственником или же посвящал себя какому-либо другому производству.

Дополнительным, подсобным занятием у населения городов типа Казанлыка наряду с земледелием было овцеводство. Однако почти вплоть до Крымской войны овцеводство носило здесь характер узко домашнего хозяйства, обслуживая почти исключительно семейно-потребительские нужды. Крымская война и реорганизация турецкой армии явились мощным толчком, способствовавшим превращению домашнего овцеводческого хозяйства в товарное хозяйство и возникновению крупного овцеводческого хозяйства. В связи с этим в Казанлыке появляются сначала со стороны, а впоследствии и из среды местного населения торговцы — скупщики овец — и крупные овцеводы, поставлявшие скот на константинопольский рынок.

С середины XIX в. в Казанлыке развивается и получает у части его населения, а также и у населения его района характер промышленного производства розовое производство, т. е. сбор розовых лепестков и варка из них розовой воды и эссенции, первым потребителем которых было местное турецкое население. Впервые болгарская розовая эссенция вышла на заграничный рынок через Бухарест в начале XIX века. В середине XIX в. в Константинополе была организована специальная немецкая торговая компания, которая имела своих агентов в Казанлыке и большими партиями стала поставлять розовую эссенцию заграницу. Это послужило толчком к развитию в Казанлыке розовой промышленности, а в связи с этим и целого ряда других, вспомогательных производств, например: изготовления медной посуды (казанджийство), лудильного производства (калайджийство), жестяного производства (тенекеджийство) и бондарного производства (бъчварство). Специальные флакончики для разлива розовой эссенции («мускал», или «гюлански шишета») изготовляли в Казанлыке специалисты-стеклодувы в особой мастерской (она сохранилась и до настоящего дня); эти стеклодувы появлялись в Казанлыке ежегодно в начале весны из Константинополя. Работа их носила сезонный характер.

Издавна появлялись в Казанлыке на такую же работу золотых дел мастера — албанцы (златарство, куюмджийство, куюмджилък), добывавшие для своего производства золотоносный песок в окрестностях города. Это были пионеры ювелирного мастерства в Казанлыке. Они же явились здесь и пионерами оружейного производства.

Пришлым со стороны явилось в Казанлыке и специальное мастерство пошивки платья из грубого сорта сукна, известного под названием абá (абаджийство).

Став центром первичного производства и обмена для своего ближайшего района, Казанлык с течением времени постепенно расширил свой рынок далеко за пределы своего района на целые области империи — вплоть до Сербии и Боснии на западе и Малой Азии с Константинополем на востоке, откуда в Казанлык, в свою очередь, шли караваны с продуктами иноземного производства. Это в значительной степени содействовало росту различных отраслей местного мелкого производства, хотя некоторые из них еще долгое время оставались на положении узко домашнего производства, в качестве неизменного спутника мелкокрестьянского, натурального хозяйства, служа подсобным источником существования семьи. И только излишки от своего личного потребления помещичий крестьянин выносил на базар.

Первым видом производства, выделившимся из мелкокрестьянского домашнего производства в самостоятельную отрасль народной промышленности, оторвавшимся от крестьянского земледелия и переместившимся из крестьянской избы в специальную ремесленную мастерскую, было так называемое мутафчийство, т. е. производство всевозможных изделий из козьей шерсти: пряжи, подпруг и поясов, одеял, специального сорта редкотканного полотна, специальных сумок, мешков и т. п. Наивысшего процветания это производство достигло в Казанлыке в первой половине XIX века. Со времени Крымской войны, когда Турция широко открыла двери для товаров западноевропейской промышленности, это производство очень быстро стало приходить в упадок. В период его процветания в Казанлыке имелось до 45 мастерских, в которых работало до 500 рабочих. Всю продукцию «мутафчийского» производства закупали приезжавшие ежегодно в Казанлык торговцы-скупщики из различных мест, особенно из Константинополя.

Другим видом производства, рано выделившегося из домашнего производства в самостоятельное профессиональное, было так называемое гайтанджийство, т. е. шнуровое производство. С конца XVIII в. рыночный спрос на шнуры как необходимый приклад для украшения костюмов настолько вырос, что самые искусные домашние хозяйки-мастерицы оказались не в состоянии справиться с ним своими примитивными, домашними средствами, рассчитанными на ограниченные потребности семейно-домашнего обихода. Развиваясь вместе с ростом спроса, шнуровое производство в Казанлыке достигло наивысшего процветания ко времени освобождения Болгарии, когда здесь работало до 32 шнуровочных мастерских по 5 ткацких станков (чарк) в каждой и когда несколько мастеров-собственников имело у себя по 50—60 наемных ра-

бочих. Пряжа для шнуровых мастерских изготовлялась обыкновенно на стороне, по домам, причем это являлось основным занятием большого количества семейств.

Выделившись из домашнего производства в самостоятельную отрасль мелкой промышленности в связи с ростом требований рынка, свечное производство и тесно связанное с ним мыловарение достигли в Казанлыке наивысшего развития ко времени Крымской кампании. К 1875 г. в Казанлыке имелось около 20 мыловаренных мастерских, в которых, кроме хозяина—собственника мастерской,— работало по 2—3 рабочих. Эти мастерские вырабатывали в год до 20 тыс. ока мыла и 28 тыс. ока сальных свечей, что составляло, если считать ока равным приблизительно 1½ кг, 30 тыс. кг мыла и 42 тыс. кг свечей. Продукция эта вывозилась в Адрианополь, в Константинополь и в другие города старой Турции.

Из домашнего производства выделилось с течением времени в самостоятельное и красильное ремесло (бояджийство). Около 1875 г. красильный цех в Казанлыке насчитывал в своем составе до 20 мастерских-лавок, в которых работало по 2—3 рабочих.

По тем же данным, в 70-х годах в Казанлыке имелось 73 мелких кожевенных, в том числе и специально обувных ремесленных мастерских, в которых было занято от 1 до 3 рабочих; 22 железоделательных мастерских, 20 гончарных; от 8 до 10 мастерских, в которых работало до 50 рабочих, изготовлявших медную посуду; оловянное производство было представлено 30 мастерскими; шерстеткацкое — 27 мастерскими, в которых было занято 80 рабочих. В 30-х годах прошлого столетия в Казанлыке отмечается выделение из домашнего производства в самостоятельную отрасль производства пошивочного ремесла со специальностью изготовления кафтанов (кафтанджийство) и платья из грубого сукна абá (абаджийство). В 70-х годах прошлого столетия, на которые падает расцвет мелкого ремесленного производства в Казанлыке, здесь было 40 кафтанджийских мастерских, в которых было занято по 2—3 рабочих, и 44 абаджийских, в которых работало около 120 подмастерьев (калфа) и учеников (чирак).

Платье европейского покроя стали носить в Казанлыке, как и вообще в Болгарии, сравнительно поздно. Первая пошивочная мастерская-лавка этого рода производства в Казанлыке была открыта в 1862—1863 гг., а лиц, одевавшихся в платье европейского покроя (френски дрехи), можно было, говорят, перечесть по пальцам. Накануне освобождения Болгарии таких мастерских в Казанлыке было уже 10. Изготовление платья из кож (кожарство, кожухарство) было представлено в Казанлыке в это же время 32 мастерскими-лавками, в которых было занято до 60—70 рабочих.

Около 1850—1855 гг. в Казанлыке была открыта первая лавка, которая стала торговать европейскими колониальными и мануфактурными товарами. По свидетельству болгарских источников, это было памятным событием в жизни города. Спустя 10—15 лет после этого здесь была открыта и вторая лавка, торговавшая красным товаром (ситец и прочая бумажная мануфактура). Спустя еще несколько лет из среды местных мелких ремесленников выдвинулось несколько торговцев товарами европейского производства, доставлявшимися из Константинополя, чем был нанесен известный удар местному ремесленному производству. Решительный удар ему был нанесен после Крымской войны, когда с постройкой в 1873 г. железной дороги, связавшей столицу империи непосредственно с Европой, турецким рынком овладел западноевропейский капиталист. Освобождение Болгарии от турецкого владычества, включившее страну в мировой капиталистический кругооборот и вызвавшее быстрый рост национальной промышленности, нанесло окончательный удар мелкому производству повсюду в стране, в том числе и в таких городах и городках, как Казанлык.

Во всех городах, возникших в турецкое время на территории Болгарии, хозяйственная жизнь в большей своей части была сосредоточена в руках болгарского производящего элемента, численно постоянно возраставшего за счет массовой убыли турецкого элемента, часто становившегося в силу своих бытовых условий, по свидетельству обширной корреспонденции дубровницких купцов, жертвой свирепствовавших на полуострове в среде именно турецкого населения ужасающих по своим последствиям эпидемий чумы, холеры и дизентерии.

II

История разложения натуральных форм хозяйства и развития капитализма в Болгарии еще не написана. К сожалению, болгарские историки редко обращали внимание на эту важнейшую проблему, останавливаясь почти исключительно только на описании видов производства и количестве производимой ими продукции. Но кое-что в этом отношении дают нам все же и болгарские источники. Так например из очерка доктора Ив. Симеонова и С. Чомакова «Ножарството» в с. Нова Махла (Габровско) [1] мы узнаем, что сырье, необходимое для ножевого производства, местные ремесленники получали у габровских торговцев на следующих началах:

1) мастер получал от торговца сырье и денежный аванс для своих личных надобностей и содержания своих рабочих; спустя известное время он расплачивался со своим кредитором продукцией своего производства; вслед за этим он вновь брал у того же торговца аванс;

2) менее состоятельные ремесленники брали деньги взаймы в банке или у ростовщиков или же выполняли какую-либо по-

[1] См. «Списание на българското икономическо дружество» Кн. 1-я и 2-я, стр. 46—68. Год XIV. 1910.

стороннюю для своей специальности работу и на полученные таким образом деньги покупали сырье; кредиторами их чаще всего бывали лавочники-бакалейщики, с которыми они расплачивались натурою, т. е. своим товаром; таким же способом, т. е. расплачиваясь натурой, они приобретали для себя лично предметы первой необходимости и рассчитывались со своими рабочими;

3) мастер получал от торговца сырье в кредит с обязательством доставить ему ножи; торговец, однако, не был связан обязательством взять у ремесленника весь доставленный ему товар: он оставлял у себя часть товара на сумму стоимости выданных ремесленнику материалов, а остальной товар предоставлял мастеру сбывать, где ему угодно, и мастер в этом случае вынужден был сам находить себе покупателя и сбывать свой товар по пониженной цене; во избежание этого мастер сбавлял цену на весь свой товар и оставлял его у своего кредитора, получая от него взамен железо и все необходимое для своего производства.

Описанные выше формы производства представляют собою «первые стадии капитализма в промышленности». Непосредственно к ним примыкает капиталистическая мануфактура, представляющая собою сравнительно крупную мастерскую с большим числом одновременно занятых рабочих, выделывающих один и тот же сорт товаров, под командой одного и того же капиталиста, при ручной технике производства.

Таким образом, мануфактура, как капиталистическая форма производства, представляет собою промежуточное звено между ремеслом и мелким товарным производством, с одной стороны, и крупной машинной индустрией (фабрикой) — с другой. Ручная техника, как базис производства, сближает мануфактуру с мелкими промыслами, а «...образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих», сближает мануфактуру с фабрикой[1].

Ремесла и мануфактура в Болгарии в эпоху турецкого феодализма, как мы увидим ниже, не представляли собою в смысле организации производства и сбыта продукции ничего нового сравнительно с тем, что было отмечено в этом отношении Марксом и Лениным. Имеющийся в распоряжении советского исследователя материал представляет собою лишь иллюстрацию к высказываниям классиков марксизма.

Главнейшими отраслями болгарской ремесленной и мануфактурной промышленности в турецкую эпоху, поскольку можно судить об этом по имеющимся в нашем распоряжении данным, были следующие.

1. Скотопромышленность (джелепчийство) и связанные с ним откорм скота, торговля скотом, убой его на скотобойнях (салхана) и приготовление консервированных жиров и мяса на продажу. Эта отрасль промышленности была развита в городах Габрове, Тырнове, а также в населенных преимущественно турецким элементом городах Шумене, Татар-Пазарджике и др. Собственные скотобойни имели более богатые промышленники; ими же пользовались обыкновенно и более мелкие промышленники, заарендовывая их на несколько дней. Обычно на скотобойнях работало 30—35 рабочих; рабочий день продолжался 13—14 часов. Из мяса приготовляли специального рода вяленые колбасы (суджук) и вяленое мясо (пастьрма); жировые отходы перерабатывались в сало (лой), которое поступало в продажу и шло частью на питание, частью на изготовление свечей.

Имеющиеся в литературе данные по городу Габрово говорят, что в турецкое время, в XIX в., здесь имелось три бойни, где убивалось ежегодно до 2500 голов крупного скота, в том числе 75% буйволов, и более 20 тыс. голов мелкого скота. Крупные габровские мясопромышленники убивали ежегодно до 300 буйволов.

2. Текстильное производство имело три основных отрасли: ткачество (тъкачество), шнуровое производство (гайтанджийство) и плетение (плетачество).

Хлопчатобумажное производство было сосредоточено преимущественно в городах, где были расквартированы воинские части, как например в Сопоте, Самокове и др. В городе Сопоте имелось до 120 мастерских («керхани») по 20 ткацких станков в каждой. С выселением из города турецкого элемента это производство здесь вымерло. То же было и в Тырнове. В городах Карлове, Сопоте и Пирдопе ткали полотенца. Шелкоткацкое производство было широко развито в Тырновском, Габровском, Дряновском и Харманлийском районах. Во Фракии производилось до 160 тыс. кг шелковичных коконов. Тем же производством занимались многие домашние хозяйства в Габровском районе. В середине XIX в. в Тырновском районе иностранцы закупали все местное производство коконов. Болгарский шолк высоко ценился заграницей. В начале XIX в. он считался самым лучшим и самым белым из всех шелков, производившихся в Турции. Болезнь шелковичного червя в 1865 г явилась причиной упадка этого производства в Болгарии.

Хлопкоткацким ремеслом, а также тканьем материй из конопли и льна в Болгарии занималась кроме того почти каждая семья для собственного потребления. Хлопок разводился в Македонии, преимущественно в округе города Сереса (Сер) В конце XVIII в., по свидетельству французского консула в Солуни — Божура,— здесь производилось ежегодно до 70 тыс. тюков хлопка стоимостью свыше 5 млн. франков; одна треть этого производства потреблялась внутри страны[2].

Основным видом текстильной мануфактуры в Болгарии, возникшим еще до появ-

---

[1] Ленин. Соч. Т. III, стр. 311.

[2] Сакъзов И. «Развитието на градския живот и на занаятите в България през XVIII —XIX век». Сборник «България 1000 години». I, стр. 691. София. 1930.

ления на полуострове турок (о чем имеются свидетельства византийских источников от XIV в.), было абаджийство (см. выше), распространенное по всей Болгарии, особенно в тех районах, которые страдали от недостатка пахотной земли. Города Сливен, Габрово, Самоков, Панагюрище, Котел, Трявна, Троян и радопские деревни в турецкое время представляли собою текстильные центры. Производственная техника этой сукноткацкой домашней мануфактуры комбинировала в себе следующие стадии: 1) приготовление шерсти; 2) прядение; 3) тканье и 4) аппретура готового материала — его отделка и прессовка.

Почти вся работа производилась надому. Изредка шерсть доставлялась для окраски в красильню. Расческа шерсти производилась на ручных станках (дарак). Для прядения употреблялась ручная самопрялка. Тканье производилось на простом деревянном станке (стан). После 1834 г. в Самокове и Панагюрище вошел в употребление заимствованный заграницей ткацкий станок более усовершенствованного типа, так называемый самолет, удвоивший быстроту тканья, так как челнок приводился здесь в движение не ручным способом, а посредством специального приспособления. Но работа на этом станке требовала большой физической силы, поэтому его введение в производство сопровождалось вовлечением в ткацкое ремесло большего числа мужчин.

Этот вид домашней индустрии не требовал особых помещений, и больше всего времени ему уделялось осенью и зимою. В нем принимало участие все семейство с известным разделением труда. Иногда применялся наемный труд — стариков и детей — для чесания шерсти. Шерсть добывалась в каждом семействе от собственных овец, ввиду чего шерстяное производство имело свои центры там, где было сильно развито овцеводство.

Болгарское сукно, грубое (аба́) и тонкое (шаек), имело широкий сбыт на внутреннем рынке страны. В XIX в. оно было в ходу повсюду в Сербии, Малой Азии и Анатолии. Так как выделка тонкого сукна носила характер мелкого производства, то каждая семья занималась ею и для надобностей рынка и для своего личного потребления, причем производитель не был в непосредственной связи с потребителем: между ними стояло большое число посредников, которые постепенно овладели организацией производственного процесса.

Развитие домашней суконноткацкой мануфактуры в Болгарии в 60-х годах прошлого столетия получило сильный толчок в связи с реформой обмундирования новой турецкой армии, которая стала одеваться в сукно (шаек) местного производства. Это обстоятельство вызвало возникновение в Болгарии наряду с домашней суконной мануфактурой производства с применением наемного труда, получившего особенно широкое приложение в подготовительной фазе производственного процесса. Во всех балканских городках появляются рабочие — женщины и мужчины, — которые выполняют по заказу предпринимателя-капиталиста работу у себя надому. В некоторых городах имелись сотни и тысячи женщин, которым фабрика или торговец суконными изделиями (абаджия) раздавали пряжу, а получали готовое сукно (шаек). Заработок этих рабочих при исключительно большом рабочем дне был очень низок.

К концу турецкой эпохи в некоторых болгарских городах стали появляться суконные фабрики; первая такая фабрика возникла в Болгарии в 1875 году.

В некоторых местах Болгарии, как например в городах Чипровцы, Копиловцы, Железна, Царибрд и др., было развито тканье ковров (килим), которые были особенно в большом употреблении у турецкого населения, а также в армии. В ковровом производстве были заняты преимущественно женщины.

Типично болгарским массовым мануфактурным производством было шнуровое производство (гайтанджийство). Изготовление шнуров ручным способом практиковалось в Болгарии уже в XVIII в. в городах Карлове, Калофере, Сопоте. В начале XIX в. оно было машинизировано путем применения специальной деревянной вязальной машины (чарк), заимствованной из Германии; впоследствии эти машины стали выделываться в Габрове. Первоначально производитель шнуров на вязальной машине сам готовил себе пряжу. Затем он перешел к закупке ее непосредственно от прях. Иногда такой гайтанджия закупал только шерсть-сырье, а чесание ее производилось в его доме женщинами-чесальщицами (влачерки) или же шерсть раздавалась пряхам для пряжи. В 1860—1870 гг. в Болгарии имелось до 10 тыс. вязальных машин на 12 веретен, каждая с годовой производительностью до 2 млн. ока шнура на сумму в 10—12 млн. левов. Продукция производства сбывалась на больших ярмарках в Узунджове и Ески-Джумая, причем на узунджовской ярмарке торговые сделки на шнуры выражались в десятках миллионов франков, составляя ¼ всего оборота ярмарки. Кроме того болгарские шнуры вывозились также в Анатолию, Боснию и Сербию.

По данным, опубликованным В. Александровым[1] в статье «Из историята на един западнал поминък», накануне освобождения Болгарии в Карлове работало 2 тыс. вязальных шнуровых машин, приводившихся в движение водою; в Калофере работала 1000 таких машин и в Сопоте — 700, а всего в Карловском районе работало 3700 таких машин, дававших ежегодно до 493 200 ока, или 36 999 пудов, продукции.

3. В центрах текстильной мануфактуры: Сливене, Клисуре, Панагюрище, Карлове, Калофере, Котеле, Габрове, Трявне, Самокове и др.—одновременно высоко была развита и пошивочная мануфактура (терзилък), изготовлявшая различные виды платья. В особенно благоприятных условиях для сво-

[1] «Списание на българското икономическо дружество». Кн. 1-я, стр. 9. Год IX, 1905.

его развития эта мануфактура была там, где были расквартированы турецкие гарнизоны, например в городе Самокове, где местные портные олевали 2 турецких корпуса. Часть своего портняжного товара болгарские портные отправляли в периферийные районы империи: в Малую Азию, Македонию, Адрианополь, Константинополь и на греческие острова. В одном только небольшом городке Копривщице с населением в 4—5 тыс. работали 300 болгарских мастеров-портных, 700 подмастерьев и учеников, вырабатывавших портновского товара на сумму до 1000 турецких фунтов. С 1871 по 1875 г. Болгария вывезла в Румынию этого товара на сумму около 48 тыс. левов. Наиболее оживленная торговля портняжным товаром производилась в августе — октябре: ярмарки, городские базары и лавки были тогда наполнены этим товаром.

Во многих местах болгарские портные со своими орудиями производства или с готовым товаром переезжали из города в город, из села в село, появлялись даже в Смирне, в Брусе, в Ангоре. В Константинополе работало около 800 мастеров и подмастерьев из Копривщицы. В этом производстве можно было встретить уже более высокую технику. Имелось известное разделение труда, вплоть до выделения в ремесленную специальность производства отдельных частей тогдашнего платья.

4. Кожевенным производством (табаклък) занят был преимущественно турецкий элемент населения. Как самостоятельная отрасль производства эта мануфактура появилась на полуострове только после заселения его турецким народом. Турецкая кавалерия нуждалась в обработанной коже в огромном количестве. В городах Старой Загоре, Казанлыке и Татар Пазарджике это производство всецело было сосредоточено в руках турок, поэтому цех кожевников пользовался известными привилегиями. Его «протомастер» назывался «яху-баба» и считался старшим над всеми «протомастерами» других цехов, являясь одновременно и арбитром в их спорах.

В некоторых болгарских городах (Етрополь, Митровица) этим производством было занято все работоспособное население. Главнейшими центрами этого производства[1] были Габрово, Етрополь, Казанлык, Старая Загора, Татар-Пазарджик, Карлово, Хасково, Чирпан, Самоков, Шумен и др. Для определения его размеров могут служить следующие данные. Город Карлово, который имел около 10 тыс. населения, вырабатывал ежегодно около 300 тыс. овечьих и козьих кож. Только в одну Румынию вывозилось на 100 тыс. левов кожевенного товара. Вывозился этот товар также на далекие окраины Турции и в Австрию.

5. В тесной связи со скорняжным производством (табаклък) стояло в Болгарии обувное производство (папукчийство). Его появление в Болгарии, однако, относится к более позднему времени чем скорняжество, в балканских городах оно появилось в XVIII веке. К 1850 г. в городе Габрове имелось около 150 мастеров-туфельщиков. Обувная мануфактура поставляла на рынок разнообразные туфельные изделия (емении, калеври, пантофи), а также кожаные лапти (царвули), сапоги (ботуши), башмаки (кондури) и пр. Один мастер вместе с подмастерьем и учеником вырабатывал в год около 1000 пар обуви. В городе Габрове среднее годовое производство обуви за годы 1855—1875 составляло около 200 тыс. пар туфель (емении), ⅘ этого производства вывозилось за город. Габрово зарабатывал на этом производстве около полумиллиона франков. Главнейшим потребителем туфель было турецкое население. Сельчане повсюду употребляли преимущественно лапти (царвули). Габровская туфельная продукция (емении) продавалась на пиротской, узунджовской, ескиджумайской, карнобатской и адрианопольской ярмарках. Крупнейшими центрами обувной мануфактурной промышленности в Болгарии были Шумен и Хасково, где широко было развито и кожевенное производство. Большое количество обувного товара вывозилось за пределы Болгарии. В одну только Румынию за 1871—1875 гг. было вывезено его на 118 тыс. левов.

6. По имеющимся в нашем распоряжении данным, турки, захватив полуостров, застали довольно широко развитую кустарную горную промышленность в Северной Македонии, в Кюстендильском, Кратовском, Дубницком и других районах, где она держалась вплоть до Крымской войны. Кратовский район славился своими медными и серебряными рудниками, а в самом городе Кратове в XVI и XVII вв. чеканилась монета с обозначением на ней имени султана и города Кратово. Большая часть крестьянского населения округов Кратово, Крива-Паланка, Каменица, Куманово, Овчеполе, Кочани и Враня было занято вплоть до середины XIX в. кустарным добыванием рудных ископаемых. Это были маданджии (от турецкого «мадан» — доменная печь) и рудари. По своему социальному положению все маданджии пользовались в Турции правами так называемой привилегированной райи. Во главе кратовских серебряных и железных рудников стоял турецкий управляющий—откупщик. Около 1660 г. в этой роли фигурирует в документах некто Махмудпаша. Он жил в Скопие и вносил в казну ежегодно по 70 мешков акче[1]. У него были три помощника-надзирателя, которые назывались «нарастаты» (от греческого parastatis). Всякий, открывший новую рудничную мину для разработки, получал титул «ўтманин»—термин, уцелевший от работавших здесь в старину саксонских рудокопов (немецкое — Hüttenmann).

В 1836 г. о кратовских и других рудниках дал подробную справку известный французский путешественник по Турции Ами Буэ[2]. Город Кюстендил (древний Ulpia

[1] Основная единица монетной системы в старой Турции, равная приблизительно $^1/_5$ франка.

[2] Boué A. «La Turqufe d'Europe». Vol. III, p. 59—61.

Pautalia) уже в классические времена славился своими исключительными богатствами, в том числе золотыми, серебряными, железными и медными рудниками. Многие топографические наименования в Кюстендилском районе носят явные следы горнопромышленного производства местного населения: село Згурово — лат. scauria, scoria; болг. згура, згурия (шлак); горные поселки у села Страдалово носят название Са́сани от Са́си, т. е. саксы, саксонцы; имеется в этом же районе и село Са́са, ранее называвшееся Са́ксово; в Осоговских горах известна поляна под названием «Сребрно коло», где и сейчас имеются следы оловянного, серебряного и медного шлака; в верховьях реки Бистрицы имеются два притока, известные под именем Плавило. Известия о добывании золота в Кюстендилском районе восходят ко II—III вв. нашей эры.

К северозападу от Кюстендила местность, известная под именем Краиште, славилась уже в старое время огромными запасами железомагнетитной руды; село Божица в этом же, Македонском районе было известно своими железными рудниками. В городе Дупнице в середине XVIII в. работали 5 железоделательных мастерских. Как центр железоделательной промышленности, Дупница была известна еще в начале XIX века. Кроме того в Дупницком районе местное население занималось промывкой золота и серебра[1].

Горные разработки имелись в Болгарии также около города Самокова и Чипровци. Уже в начале XIX в., в 1827 г., в Самокове, по данным Ив. Саказова, имелось много доменных печей, где плавилась руда, из которой приготовлялись якоря, земледельческая утварь и пр. Самый город Самоков стал так быстро расти, что в 1844 г. уже имел население в 3 тыс. человек, а в 1864 г. — в 10 тысяч. В этом году здесь было зарегистрировано 43 железоделательных завода и кузницы. В 1869 г. это число выросло до 80 доменных печей и 18 железоделательных заводов, которые давали ежегодно 53 тыс. австрийских центнеров кованого железа. Главным рынком железа был город Татар-Пазарджик, откуда железо шло в Южную Болгарию и в Адрианополь.

7. Медное производство (медникарство) состояло в изготовлении разных видов кастрюль, медных блюд, сковород, котлов и пр. Продукция эта поступала на внутренний рынок. Медь доставлялась из Трапезунда, Малой Азии и Константинополя.

8. Ножевое производство (ножарство) состояло в изготовлении разных ножей, кинжалов, ятаганов и ножниц. Центрами этой промышленности были Пловдив, Станимака, Карлово, Казанлык, Сливен и Габрово Продукция сбывалась на чирпанской и карнобатской ярмарках. По данным того же автора, в Габрове имелось 300 ножевых мастерских, в которых работало до 1800 подмастерьев и учеников. В 1871—1875 гг. часть этого производства на сумму около 70 тыс. левов шла в Румынию. В городе Сливене изготовляли ножницы, которые шли в Казанлык, Карлово и Габрово, а также в Сербию, Македонию, Адрианополь, Константинополь и Малую Азию.

9. Кузнечное мастерство (налбантство) было сосредоточено в руках турецкого элемента, а также цыган. Главными предметами производства были гвозди, подковы, платы. Главными центрами производства были Габрово, Сливен, Филиппополь и Татар-Пазарджик.

В Болгарии были еще ювелирное производство (куюмджийство), а также производство различных мелких изделий из меди, олова и цинка (дюкмеджийство), как то: перстней, колец, браслетов, серег, пряжек, подсвечников, ручек для дверей и окон, всевозможных украшений, церковной утвари и т. п. Это были старые производства, известные в Болгарии еще в средние века. Центрами ювелирного производства были города Тырново, Габрово и др.[2].

Типичными городами — центрами промышленности в Болгарии в эпоху турецкого феодализма — были подбалканские местечки. Мужчины, женщины и дети были заняты здесь по домам непрерывно, в течение всей своей жизни одним и тем же ремесленным производством в форме домашней промышленности. В тех домашних хозяйствах, где глава семьи был занят торговлей, извозным промыслом (кираджилък) или на сезонной работе заграницей, работой руководила его жена, распределявшая ее между остальными членами семьи сообразно с их возрастом и способностями.

За исключением времени, необходимого для приготовления пищи и платья для семьи, все остальное время — «от зари до зари» (от тъмно до тъмно) — уходило на домашнюю индустрию. Единственным отдыхом было время обеда и ужина. В подбалканских городах, где не существовало земледелия, работа была одинаково напряженна и зимою и летом. Наемный труд был редкостью. Сырье, необходимое для различных хозяйственных отраслей, изготовлялось обыкновенно дома. Очень часто, однако, материал доставлялся из-за границы. По мере приближения ко второй половине XIX в. ввоз европейского сырья, производство из которого давало более тонкую продукцию, становился больше.

К середине XIX в. во всей империи, по всем подбалканским городам и местечкам, машинизировался ряд отраслей хозяйственного производства. Машинизация отдельных отраслей производства вела к большей интенсификации труда и к освобождению большого числа рабочих рук, необходимых для первичной обработки сырьевого мате-

[1] См. Иванов Йордан. «Северна Македония. Исторически издирваньа», стр. 237—253. София. 1906.

[2] См. Сакъзов И. «Развитието на градския живот и на занаятите в България през XVIII—XIX вв.». Сб. «България 1000 години», стр. 689—696; его же «Bulgarische Wirtschaftsgeschichte», S. 224—237.

ла. Постепенно небольшие подбалканские города, лишенные возможности обрабатывать землю, говорит д-р Ив. Саказов, превратились в большие промышленные центры, откуда ежегодно десятки тысяч подвод выезжали по всем направлениям внутрь страны для размещения продукции производства.

В то время как одни семьи в течение всего года работали только по заказу и с ограниченным количеством сырого материала, другие, говорит тот же автор, приготовляли «товар» для продажи его на разных ярмарках. Многие производители ждали периодического посещения их города торговцами-ремесленниками или комиссионерами-посредниками. Города, которые были центрами определенной промышленной отрасли, создавали самые разнообразные формы обмена: они поддерживали оптовика, торговца-иностранца, ярмарки и ежедневный городской рынок.

Несмотря на отсталость Турции того времени в ней развились почти все отрасли промышленной деятельности, в большей или меньшей мере отвечавшие западноевропейскому мануфактурному хозяйству, с той разницей, что последнее уже давно расставалось с ручным способом производства, тогда как Турция в это время едва успела создать условия для правильного развития ручного мануфактурного хозяйства с крайне ограниченным участием в нем машин самого примитивного вида [1].

Приведенные выше данные, сообщаемые болгарскими авторами, Ив. Саказовым, Йорд. Ивановым и др., уже достаточно говорят о роли городов как организующих центров ремесленного и мануфактурного производства, о характере производственной жизни страны. Эти данные с несомненностью подтверждают наличие здесь уже к концу XVIII и к началу XIX в. капиталистических элементов в производстве, а вместе с тем наличие к этому времени в составе болгарского общества элементов национальной торговой и мануфактурно-промышленной буржуазии, или так называемого чорбаджийства [2], наживавшего огромные барыши за счет нищенски оплачиваемого народного труда.

III

Турецкие войны на полуострове, заполнившие собой всю вторую половину XIV в., равным образом как и захват турками всех византийских владений, закончившийся к середине XV в., внесли расстройство в экономическую жизнь полуострова: европейские рынки оказались отрезанными от Азии; Черное море со своими богатыми генуэзскими и венецианскими торговыми факториями — изолированным от связей с Средиземноморьем. Старые мировые пути из Европы в Азию были заняты победоносно наступавшим на Европу завоевателем. Открытие Америки и морского пути в Индию в XV в. очень быстро сказалось разрушительным образом на всей торгово-промышленной жизни полуострова. Западноевропейская торговля на Черном море, сосредоточивавшаяся до того времени в руках торговых республик, Генуи и Венеции, заглохла. От таких цветущих некогда черноморских колоний, как Сугдея, Кафа, Малатра, Килия, Аккерман, Варна и др., вскоре остались одни только городские стены и башни, которые своими печальными руинами еще до сих пор говорят любознательному туристу о былой предприимчивости генуэзских купцов. Черное море утратило на время для европейской торговли свое значение мирового торгового пути, соединявшего Европу с Азией, и превратилось в «mare clausum» — закрытое море, представлявшее для причерноморских городов ограниченный район торговых операций, не выходивших за пределы столицы новой империи.

Положение вещей на Черном море несколько улучшилось с того времени, когда европейские завоевания турок подходили к концу и они стали налаживать нормальные дипломатические сношения с Европой. С этого момента выросла прежде всего роль Дуная как транзитного пути для европейской торговли с средиземноморскими портами. Выросли в своем торговом значении также черноморские города Месемврия и Варна как центры северного торгового пути, который вел через Валахию в Польшу. Значительное оживление черноморских городов начинается с XVIII века. Город Созополь, расположенный на юговосточном Черноморском побережье бывшей болгарской территории, ввозит в страну рис, кофе, сахар, фески, шали из Стамбула и Каира, меховые куртки из Салоник и турецкие шаровары (потури). Рядом с ним в это же время вырастает и вскоре становится торговым центром для всей Южной Болгарии портовая деревня Бургас, расположенная несколько севернее Созополя. Из Бургаса шли караванные пути в глубь страны, по направлению к болгарским городам Ямболу и Сливену. Через Бургас и Созополь вывозились из Болгарии в Стамбул пшеница, ячмень, овес, фрукты, масло. К середине XIX в. Бургас вырос уже в крупный торговый центр, в котором имелось несколько иностранных (французских) торговых контор; в 1845 г. отсюда было вывезено 1200 тыс. кг пшеницы. Таким же вывозным торговым центром для Северовосточной Болгарии был портовый город Балчик. Торговля Константинополя с Валахией, Молдавией, Польшей и Средней Европой велась через болгарские города Месемврию, Варну на Черном море и отсюда караванами через Рущук и Силистру на Дунае. В вывозной торговле Северовосточной Болгарии принимали участие купцы из города Шумена, поставлявшие на константинопольский рынок продукты местного овцеводче-

---

[1] Сакъзов И. Указ. соч., стр. 687—689.

[2] Болгарское слово «чорбаджи» или «чорбаджия» турецкого происхождения; дословно значит «раздаватель чорбы», т. е. похлебки или борща; переносно — «господин», «богатей», «вельможа»; на языке турецких янычар это слово имело значение «начальник», «предводитель».

ского хозяйства, имевшего своим центром город Котел: сыр-кашкавал, шерсть. В черноморском торговом городе Анхиало, расположенном между Бургасом и Месемврией, в местности, богатой лесом, строились для Турции морские суда. Отсюда же доставлялась в Стамбул местная соль. Месемврия вывозила строительный материал и вино. Крупнейшим, однако, торговым центром на Черноморском побережье в турецкое время был город Варна, складочный пункт для всей Северной Болгарии, а также Молдавии и Валахии. Из Варны шли караванные пути внутрь страны и по направлению к Дунаю, на Силистру, Рущук и Никополь. Ежедневно в варненскую гавань приходило от 10 до 12 больших и малых судов, которые грузили здесь хлеб, сало, мясо, колбасу, воск, пшеницу и строительные материалы. Ввозимые через Варну товары поступали на внутренний рынок; центрами внутренней рыночной торговли на северовостоке Болгарии были города Провадия, Шумен и др.

Через Дунай Турция поддерживала торговые связи с Западной и Средней Европой, откуда в Болгарию поступали соль, мануфактура, железо и медь. Крупнейшие придунайские города, как Никополь, Рущук, Видин, были торговыми центрами и вместе с тем представляли собой и сильно укрепленные военные пункты. Никополь, между прочим, вывозил лучшую болгарскую шерсть в Германию. Рущук, расположенный на пути Бухарест — Варна, играл в это время роль крупного торгового посредника между Турцией и Валахией, причем вся торговля с Валахией была сосредоточена тогда в руках рущукских купцов, которые доставляли в Валахию товары из внутренних болгарских торговых центров, например из Сливен или Узунджово, славившихся своими ярмарками, а также из Адрианополя и Стамбула. Особенное оживление дунайской торговли падает на время после заключения русско-турецкого договора 1783 г., когда Дарданеллы и Босфор были открыты для внешних сношений. С этого времени Дунай стал торговым транзитным путем из Европы не только в столицу Турции, но также и для черноморских городов России, для Персии и Марселя. По Дунаю Турция вывозила сукно, фарфор, зеркала, платки, оружие, железные товары и пр. В 1789 г. ввоз из Средней Европы в Турцию выражался в сумме 6 млн. гульденов, вывоз—9 млн. гульденов. Дунайская торговля еще более ожила после парижского мира 1815 г., объявившего Черное море открытым и нейтральным[1].

Огромное политическое и хозяйственное значение в жизни завоевателя с первых же дней его утверждения на европейской территории играл старый римский исторический путь, via Singidunum, или via militaris, из Константинополя на Белград, через Адрианополь, Филиппополь и Софию, соединявший столицу новой империи непосредственно с Центральной Европой[2]. Прежде всего это был путь военных наступлений Турции на Европу, и поэтому, в смысле своего благоустройства и обеспечения безопасности передвижения, он пользовался особенным вниманием турецкого правительства. За исключением римлян, говорит проф. И. Шишманов, никто из завоевателей действительно не обращал такого внимания на стратегические и торговые пути, как турки. Первой заботой султанов была постройка путей... Вслед за взятием Константинополя Мохамет II приказал исправить путь в окрестности города и построить мосты на озерах при Регионе и Атире. Мостовые были подновлены, и кроме того по всему пути были построены караван-сараи для путешественников по образцу византийских пандохий, арабских фондуки и средневековых итальянских фондаки и т. д.[3]. Для защиты путешественников от разбойничьих нападений со времени султана Сулеймана была организована специальная система охраны пути местным христианским населением, так называемая дербенджии. Но с середины XVI в. путь начал приходить в упадок. Шоссе пришло в такую негодность, что даже верхом на лошади было трудно им пользоваться. Караван-сараи были настолько запущенны и грязны, что путешественники предпочитали проводить ночь в своей повозке или в тесных крестьянских избах. Передвижение по турецким дорогам стоило путешественникам больших мучений, о чем они всегда говорят в своих путевых дневниках и записках (Герлах, Бусбек, Тафернер, Безолт и др.). Вместе с утверждением турецкого владычества на полуострове этот путь на всем своем протяжении оказался в руках завоевателя и был открыт для движения с запада на Стамбул для торговых караванов, путешественников, западноевропейских дипломатических миссий и для всего местного населения. Расположенные по этому пути названные нами выше крупнейшие областные болгарские города Филиппополь (Пловдив), Татар-Пазарджик и София выросли в турецкое время в крупные торговые центры. В городе Филиппополе, лежащем в центре богатейшего производительного района и населенном преимущественно турецким элементом, торговля, по показаниям европейских путешественников, была сосредоточена в руках болгар, дубровчан, греков, евреев и армян. Болгары,

[1] См. Сакъзов И. Указ. соч., . стр. 247—253.

[2] Описание этого римского пути, известного у болгарского народа под именем «латинского» или «Троянова» пути, см. Jireček K. «Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel und die Balkanpässe. Eine historisch-geographische Studie». Prag. 1877. Его же, «Cesty po Bulharsku». Prag. 1888; Шишманов И. «Стари пътувания през България». Т. IV, стр. 333 и сл. «Сборник за Народни Умотворения Наука и Книжнина» (НУК). София. 1891.

[3] См. Шишманов И. Указ. соч., стр. 369. Статья дает обширный материал из показаний путешественников о состоянии пути в разное время и организации обслуживания путешественников.

частности в XVIII в., вели в этом городе крупную торговлю шолком, шерстью и хлопком и поддерживали торговые связи с Австрией, где у них в городе Пресбурге была своя торговая колония, и даже с Лейпцигом. Большим областным торговым центром в XVIII в. был город Татар-Пазарджик, расположенный на том же большом торговом пути из Европы в Стамбул и связанный торговыми путями с внутренними производящими центрами страны, какими были тогда города Самоков и Дупница. Татар-Пазарджик был складочным центром торговли железом, которое шло отсюда на восток, в Пловдив, Адрианополь и Стамбул.

Крупнейшим торговым центром уже в XVII в. был болгарский город София — «один из важнейших городов-посредников в Турции, потому что только через Софию ведет путь на Венгрию». Одно сообщение, относящееся к 1640 г. (епископ Петр Богдан), говорит о Софии: «Она лежит на большой дороге и в центре страны, и поэтому представляет собою торговый центр, куда сходятся отовсюду люди: из Венгрии, Валахии, Молдавии, даже из Польши и других стран. Здесь можно найти одежду и товары разного рода, как итальянские, так и восточные». В XVI в. в Софии уже имелась значительная торговая колония дубровчан (рагузан); хранившиеся на их складах товары в 1505 г. оценивались в 287 тыс. аспров [1]. София в это время была центром торговли с Дубровником, который имел здесь свое постоянное консульство. Софийские купцы поддерживали торговые связи как внутри страны, так и с заграницей; они ввозили мануфактурные товары из Дубровника, Венеции, Флоренции и вывозили заграницу главным образом кожу и шерсть. В Софии в это время можно было купить даже заграничные вина из Сардинии, с острова Тенедоса и Азорских островов [2].

В турецкое время в Болгарии была высоко развита и внутренная торговля. Разнообразие производительных сил страны создавало своего рода производственную специфику ее отдельных районов и областей; особенности же производства отдельных групп населения выдвинули в качестве основного, преобладающего производителя в стране болгарский народ, поставив чуженациональный по отношению к нему элемент завоевателя в положение потребителя.

Инициативная роль в производственной жизни страны в турецкое время принадлежала болгарскому национальному элементу, откуда затем проистекал и его идеологический рост. Инициатива во внутреннем товарообмене была сосредоточена здесь тоже в руках болгарского элемента, а не в руках завоевателя, что неизбежно должно было привести к более быстрому накоплению богатств в руках национальной торговой буржуазии, что и привело болгарскую буржуазию начиная со второй половины XVIII в. к постановке в теории и на практике проблемы национально-политического раскрепощения.

Уже в XVIII в. отдельные города и прилегающие к ним районы Болгарии пользуются известностью как крупнейшие во всей империи торгово-промышленные центры определенных областей производства. Так например город Котел был известен как центр овцеводческой промышленности; Самоков, Чипровци, Габрово и др. — как центры горной промышленности, железной и медной мануфактуры и т. д. Такое районирование производства вызывало оживленный внутренний товарообмен в стране, повышало товарную производительность населения и диктовало соответственные формы товарообмена. Местом товарообмена для населения деревень служили обыкновенно городские рынки (по-турецки чаршия, или пазар). Судя по дошедшим до нас описаниям, это были ряды лавок, т. е. нечто вроде «торговых рядов», где каждый ряд торговал определенной продукцией производства. Описание такого рынка города Софии в 1580 г. оставил константинопольский посол Контарини. «В Софии,— говорит он,— очень хорошие лавки. На одной улице находятся только сапожники, изготовляющие прекрасные сапожные произведения. На другой улице изготовляются седла и другие принадлежности конской сбруи; на третьей улице — попоны, гребни, седла и конные ремни; на этой улице изготовляются оловянные сосуды; на другой находятся портные, шьющие плащи (шинели) из козьей шерсти. В другом месте продаются предметы питания: чечевица, горох, бобы, сушеные винные ягоды, овощи и т. д. Хлеб в изобилии, также мясо, особенно баранина, козье мясо и, наконец, вино, правда, не очень хорошее, но дорогое» [3].

По сообщению, восходящему к XVI в., в Софии функционировал специальный «медный рынок». Позже в Болгарии функционировали и другие специальные рынки: скотные, конные, шорные и т. п. Во всех прибрежных городах имелись рыбные рынки. В некоторых городах рыночная торговля производилась в специально построенных крытых рынках, носивших название безистени [4].

Интересам городской торговли служили также так называемые куршумли-хане, т. е. постоялые дворы, со специальным помещением для прибывших в город торговцев, которым предоставлялось право трое суток провести здесь бесплатно. Уже в XVI в. (1574 г.) такой постоялый двор больших размеров был построен Ибрагим-пашой в Татар-Пазарджике. В 1512 г. такой же постоялый двор исключительно больших размеров был построен Мустафа-пашой на тор-

[1] Аспра — самая мелкая монета в старой Турции, равная приблизительно $^1/_{120}$ франка.

[2] См. С а к ъ з о в И. Указ. соч., стр. 245—247.

[3] См. С а к ъ з о в. Указ. соч., стр. 255.

[4] См. Ш и ш м а н о в И. «Стари пътувания през България». «Сборник за Народни Умотворения Наука и Книжнина». Кн. IV, стр. 371, 418, 420 и др.

говой станции Харманли. Такие же постоялые дворы имелись и во многих других болгарских торговых городах.

Крупная оптовая торговля производилась обыкновенно на ярмарках. Сюда съезжались со своими торговыми караванами местные и иностранные купцы. Широкой известностью пользовалась, например, ярмарка в городе Ески-Джумая, в Северовосточной Болгарии, недалеко от города Шумена. На этой ярмарке оборот за семь дней торговли достигал 10—15 млн. левов (золотых франков). Основным предметом торговых сделок на ярмарке был рабочий и убойный скот, а также и другие товары, доставлявшиеся сюда оптовиками из крупнейших болгарских торговых центров, в том числе австрийская и английская мануфактура. Константинопольские купцы продавали здесь шерсть, американский хлопок и пр. Мелочные торговцы из ближних и дальних деревень запасались на этой ярмарке товарами на весь сезон. Ежегодно в сентябре функционировала знаменитая ярмарка в местечке Узунджово, в Южной Болгарии, недалеко от Адрианополя. В середине XIX в. (по данным 1841 г.) местечко это имело около 2 тыс. жителей, на ярмарку же сюда съезжалось ежегодно 50—60 тыс. человек [1].

IV

Внешняя торговля в турецкой Болгарии, как и в Турции вообще, была сосредоточена прежде всего в руках иностранных купцов, сначала дубровчан, венецианцев и генуэзцев; впоследствии к ним присоединились французы, голландцы, англичане, австрийцы. Насколько торговля с заграницей представляла собою важный фактор в хозяйственной жизни империи, видно, в частности, из того, что, кроме своей национальной монетной системы, основанной на акче, Турция имела параллельно и вторую, иностранную, или торговую, систему, основанную на гроше, который позже стал основной монетной единицей у турок [2].

В 1363 г. султан Мурад I заключил торговый договор с дубровчанами. В 1384 г. такой же договор был заключен турецким правительством с венецианцами и в 1387 г. — с генуэзцами. На основании этих договоров иностранным купцам разрешалось: 1) свободно ездить по всей империи и производить торговлю различными товарами местного производства: шерстью, воском, кожей, сафьяном, мелким и крупным рогатым скотом, лошадьми и зерновыми продуктами; 2) ввозить из своих стран готовые изделия промышленности: сукна, платки, железные изделия, оружие и пр.; 3) иметь свои магазины и мастерские, владеть недвижимым имуществом на правах частной собственности и иметь свои церкви и училища. Крупные судебные дела торговцев-иностранцев с турецкими подданными рассматривались в специальном высшем суде; иски, не превышавшие 4 тыс. аспров, рассматривались в местных судах. Дубровницкие купцы пользовались монополией на закупку и вывоз из страны шерсти. Таможенный сбор на товары иностранных купцов не превышал 3% их стоимости. Квартиры их, а равно и квартиры консульских представителей пользовались правом экстерриториальности. Администрации всех рангов строжайше запрещалось чинить какие бы то ни было насилия над дубровницкими, генуэзскими и венецианскими торговцами. Взамен предоставленных им торговых прав и привилегий эти торговцы обязаны были уплачивать довольно значительную дань (даждие). Так например дубровчане, получавшие от султанов освободительные грамоты, написанные на славянском языке, вносили ежегодно хараджа в сумме 12 тыс. венецианских червонцев [3].

В наиболее благоприятном положении в Турции находились дубровницкие купцы. Крупнейшие операции они вели сухим путем. Главнейшими дорогами, по которым велась ими караванная торговля, были: Дубровник (Рагуза)—Новый Пазар—Ниш—Дунай, или Новый Пазар — Скопие — Кюстендил — София — Тырново — Шумен — Провадия, а также София — Пловдив — Адрианополь — Стамбул. Во всех названных городах дубровницкие купцы имели свои колонии, склады и церкви. Колонии эти не были, однако, многолюдны. Так например в 1581 г. дубровницкая колония в Софии насчитывала 150 человек, в Филиппополе—20, в Силистре на Дунае—40, в Тырнове—25, в Провадии — 30. В 1640 г. эти колонии имели в Софии 58 человек, в Филиппополе — 69, в Шумене — 27, в Рущуке — 20 и т. д.[4].

В 1521 г. при Сулеймане II (1520—1566) был заключен договор с Венецией, дававший венецианцам право торговли по всей Турции и обеспечивавший охрану безопасности торговцев. В 1535 г. Турцией был заключен договор «о мире, дружбе и торговле» с Францией, по которому французским купцам давалось право свободного передвижения и торговли по всей Турции, а французским гражданам — право капитуляций, т. е. освобождение французских подданных от подсудности турецкому суду

[1] См. Сакъзов И. Указ. соч., стр. 256 и сл.

[2] См. Милев Н. «Факторите на българското възраждане». Сборникъ в честъ на професор Ив. Д. Шишманов, стр. 122 сл. София. 1920. 60 акре равнялось стоимости одного венгерского дуката, или 11,85 франка; см. Геров Н. «Допълнения на бълг. речник», стр. 4. Пловдив. 1908 Грош, тож пиастр, равен болгарскому леву, или одному франку.

[3] См. Баласчев Г. и Ихчиев Д. «Привилегиите на християните-рая в Османската империя и документи върху тях». «Минало». Т. I, стр. 23 и сл. 1909. Привилегии, данные султанами в различное время дубровницким купцам, опубликованы Ф. Миклошичем в «Monumenta Serbica», стр. 363, 523, 526, 550.

[4] См. Станев Н. «България под иго», стр. 37 и сл. София. 1928.

передача их дел на рассмотрение французского дипломатического агентства и соответственной при нем организации, независимой от турецкой юстиции.

Большими правами и привилегиями в начальный период турецкого завоевания полуострова пользовались, по крайней мере де-юре, также и торговцы-иноверцы турецкого подданства. Султаны давали им специальные ферманы и бераты, которыми обеспечивались за ними права и оговаривались их обязательства. На основании этих грамот торговец — бератлия, национал, — обеспечивался полными гражданскими правами наравне с торговцами господствующей нации. Он имел право свободно путешествовать по всей стране. Этим торговцам предоставлялось право иметь торговые конторы как у себя в родном городе, так и в Стамбуле и в Смирне, вести сухопутную караванную и морскую торговлю с Европой, Азией и Африкой, иметь у себя для ведения торговых дел двух заместителей или доверенных лиц. Торговые склады, магазины и жилища этих торговцев пользовались правом неприкосновенности. Без соответственного султанского постановления в них не имели права входить ни представители администрации, ни военные для использования их помещения под квартиры.

Отечественные торговцы, как и иностранцы, не были подсудны местным кадийским (шериатским) судам Без специального султанского постановления местная власть не имела права конфискации имущества такого торговца-бератлии. Все судебные дела их или возбуждаемые против них рассматривались в специальном верховном суде в Стамбуле. Такой купец вносил обычно государству от 1500 до 4 тыс. аспров[1], что составляло приблизительно от 25 до 50 венгерских дукатов, или от 297 до 830 франков.

После заключения кучук-кайнарджийского мира (1774) болгары получили право вести торговлю с Россией. Уже во второй половине XVIII в. болгарские торговцы встречаются и за пределами Турции: в Австрии, Венгрии, Валахии, Германии, России; главным образом в Вене, Лейпциге, Землине, Браилове, Бухаресте, Крайова, в Нежине, в Москве, позднее в Одессе и т. д.

В действительности, однако, положение болгарских торговцев было значительно хуже того, чем оно может представляться стороннему наблюдателю на основании широковещательных султанских фирманов и бератов. Эти документы обыкновенно были малодейственны на местах, особенно в эпоху царившей в Турции со второй половины XVIII в. анархии, а если и оказывали влияние, то не сами по себе, а скорее в силу тех вещественных приложений, которыми они подкреплялись со стороны их обладателей при предъявлении местным властям, от чего в значительной мере, если не целиком, были свободны торговцы-иностранцы, находившиеся под покровительством своих дипломатических представительств. С другой стороны, если болгарские торговцы-оптовики и в состоянии были соответственными подачками откупиться от голодной и алчной своры агентов власти, то это не всегда в состоянии были делать рядовые, розничные торговцы, не обладавшие к тому же и султанскими защитительными грамотами. Этот торговый слой испытывал постоянные притеснения и произвол со стороны турецкой администрации. В еще большей степени испытывали притеснения крестьяне, поставлявшие на рынок продукты своего хозяйства. Эти притеснения неблагоприятно отражались как на общем товарообмене, так, в частности, и на оптовых операциях болгарских торговцев-бератлиев и их компаньонов — дубровчан.

Таким образом, болгарская национальная буржуазия во второй половине XVIII в. оказалась лицом к лицу с двумя существенными преградами, стоявшими на пути капиталистического развития национального хозяйства и промышленности: разлагавшийся феодальный строй чуженациональной государственности и ограничение в политических правах оттесненной национальности. Классовые интересы национальной буржуазии подталкивали ее мысль и инициативу к поискам выхода из создавшегося тупика. Простым, паллиативным выходом из создавшегося положения для болгарской национальной буржуазии в это время явился прежде всего или вынужденный переход в иностранное подданство с перенесением своей операционной базы заграницу с целью приобретения всех льгот и преимуществ, которыми пользовались иностранные торговцы, или же не менее вынужденное соглашение с торговцем-иностранцем о принятии последним болгарского торговца под свое покровительство. Характер подобных соглашений и их детали нам, к сожалению, неизвестны; доступная нам литература о них не говорит, но что они, вероятно, обусловливались для болгарского купца уплатой значительных сумм, не может подлежать никакому сомнению.

В 1795 г. таким французским протеже был пловдивский (филиппопольский) торговец, болгарин Димитър Иван; другой болгарин-купец, Алекси Хаджи Гено, в том же году получил ферман, как австрийский подданный. Основоположник болгарской журналистики известный Константин Фотинов в 1842 г. предпринимает поездки по Турции под покровительством Франции, как драгоман (переводчик) французского генерального консульства в городе Смирне. Селиминский, прежде чем открыть греческое училище в Плоешти, принимает меры к переходу в английское подданство. Впоследствии обычным для болгарской буржуазии, особенно в Румынии, стал переход в русское подданство[2].

---

[1] См. Сакъзов И. Указ. соч., стр. 263 и сл. Библиография по торговле на Балканском полуострове в эпоху турецкого завоевания.

[2] См. Шишманов И. «Увод в историята на българското възраждане». Сб. «България 1000 години», стр. 292. София. 1930.

Обыкновенно у нас думают, говорит болгарский историк, что экономическое усиление болгар в Турецкой империи началось только с конца XVIII в., одновременно с хозяйственным овладением городами болгарским элементом. Однако исследования в архивах старой Дубровницкой республики с несомненностью устанавливают, что дубровчане никогда не выпускали из своих рук части городской торговли и ремесел. Пользуясь большим доверием и привилегиями со стороны верховной турецкой власти, дубровчане проникли преимущественно в болгарские земли, где очень скоро создали свои торговые колонии. Из сохранившейся корреспонденции, которую они вели в Софии, Филиппополе, Тырнове, Праводии, Рущуке, Никополе, Силистре и Чипровцах, видно, что во всех этих городах они поддерживали оживленную торговлю с купцами и ремесленниками-болгарами, имевшими свои торговые дома. Кроме того мы встречаемся с десятками имен чисто болгарских торговцев и ремесленников в целом ряде других городов и местечек, как Варна, Разград, Видин, Враца, Ямбол, Гепса, Казанлык, Кюстендил и др. Мы находим болгарских торговцев даже далеко от нынешних болгарских границ: в Бухаресте, Тырговище, Драма, Родосто и др.

Это была только одна часть обширной клиентуры дубровчан, через которую они скупали сырье у сельского населения и размещали всевозможного рода итальянскую и дубровницкую мануфактуру. Тесное единение дубровчан и болгар (т. е. дубровницкой торговой буржуазии с болгарской) очень сильно укрепляло дух болгарского населения. Нигде болгары не чувствовали себя так свободно, как в тех городах, где дубровчане имели свои значительные колонии. Это единение было настолько сильно, что благодаря ему выросло значительное освободительное движение в Северной Болгарии, которое привело к большому восстанию в 1685 г. с центром в Чипровце. Когда в следующем (XVIII) веке дубровчане вынуждены были покинуть Турцию, болгары вместе с евреями заняли в хозяйственной жизни городов их место [1].

Имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о том, что во второй половине XVIII в. в Болгарии уже имелся в наличности довольно значительный слой крупной национальной буржуазии, использовавшей в своих торговых интересах на первых порах названные нами выше паллиативные меры, обеспечивавшие в известной степени свободу торговой конкуренции и накопления.

Уже для XVII в., говорит проф. Н. Милев, мы имеем известия, что многие болгары, занимавшиеся торговлей, устраивались под покровительство дубровчан, чтобы пользоваться их правами; позже имелись торговцы, пользовавшиеся покровительством Австрии, России или Франции. Бератлии (утвержденные грамотой, имеющие грамоту), ферманлии (имеющие ферман) и драгоманы (представители, агенты, переводчики) развивали большую хозяйственную деятельность, пользуясь двойным преимуществом: как местные люди, они отлично знали рынок, а как иностранные протеже, они платили пониженные сравнительно с турецкими подданными пошлины и не подвергались всевозможным вымогательствам со стороны таможенных, финансовых и административных чиновников.

С усилением хозяйственных связей между Турцией и Западом и с постепенным проникновением болгарского населения в города торговое сословие увеличивалось. Паисий, иеромонах Хилендарского монастыря на Афоне, автор знаменитого в истории болгарского национального возрождения рукописного труда 1762 г. «История славеноболгарская», укоряя соотечественников в том, что они стыдятся называть себя болгарами, дает картину тогдашнего болгарского общества, в котором торговый элемент был достаточно значительным [2]. Отец и дядя пламенного приверженца национально-возрожденческой идеологии Паисия, писателя Стойко Владиславова (он же Софроний Врачанский, 1739—1815), автора знаменитой автобиографии «Житие и страдания грешного Софрония» XVIII в., были прасолами (джелепин), т. е. торговцами скота в Константинополе [3]. Некоторые из этих торговцев располагали значительными богатствами. Так, состояние Стати Пенковича в 1802 г. исчислялось в 520 тыс. левов, состояние Тодорана Чинко—в 350 тыс. левов, Атанаса Велко — в 50 тыс. левов и т. д.[4].

Сосредоточивая в своих руках большие богатства, болгарское «чорбаджийство» (торговая и денежная буржуазия) на известном этапе своего развития играло не только хозяйственно, но и политически крупную организующую роль в жизни болгарского национального общества. В руках этого класса в доосвободительную эпоху были сосредоточены большие церковные имущества, являвшиеся нередко предметом эксплоатации и личной наживы. Как члены школьных попечительных советов, чорбаджии играли решающую роль в деле народного образования; с 1840 г. они входили в губернские правительственные советы (меджилиси) в качестве представителей «райи» и обыкновенно были соучастниками во всех злоупотреблениях турецкого чиновничества и администрации. Танзимат выдвинул вперед в государственной иерархии, говорит болгарский историк, те разложившиеся элементы, которые под именем чорбаджиев сделались вскоре самыми верными прислужниками тирании. Они были

[1] См. Сакъзов И. «Развитието на градский живот и на занаятите в България през XVIII и XIX век», сб. «България 1000 години» стр. 687.

[2] См. Йордан Иванов «История Славеноболгарская», стр. 6. София. 1914.

[3] Орешков П. «Автобиография на Софроний Врачански». София. 1914.

[4] См. Милев Н. Указ. соч., стр. 142—145.

пионами официальной власти и часто анатичными врагами своего племени[1].

Живую, разоблачающую картину общественного и семейно-бытового уклада жизни рбаджийской среды, яркие образы отдельых ее представителей, роль их как социальных паразитов и хищников для ередины пятидесятых годов прошлого века дал один из крупнейших болгарских исателей, Петко Тодоров (1879—1916), в раме «Първите» («Первые»), написанной в 912 году.

На протяжении всей новой истории болгарского народа «чорбаджийство» как социальный слой играет роль злейших враов народа, эксплоататоров труда и душиелей народной свободы. Национально-освободительное движение и революционная орьба болгарской демократии начиная с 0-х годов в лице лучших представителей еволюционной мысли: Георгия (Савы) тойкова-Раковского, Василия Левского, юбена Каравелова и Христо Ботева — развается неизменно под знаком двойной орьбы: с чуженациональным гнетом и с ечественным «чорбаджийством» как его гентом и сотрудником в деле насильниской эксплоатации и угнетения трудовых сс. В глазах турецкого правительства и в ю административной практике болгарский рбаджи играл роль посредника между астью и населением, а это создавало орбаджийству» особо привилегированное оложение, поддерживавшееся с его сторо- и соответственными денежными вклами[2].

Борьба передовых элементов болгарской мократической общественности с «чорджийством» красной нитью проходит и в арой, доосвободительной болгарской прес, начиная почти с первых дней ее зароения. Так например в газете «Българа дневница» № 16 от 9 октября 1857 г., статье «България», мы читаем следуюие интересные строки, характеризующие авовое и материальное положение болгаркого крестьянина, эксплоатируемого «чорджийством»: «На расстоянии шести часов Тырнова находится село Элена, имеющее 00 и более домов. Все его жители — болры и управляются несколькими своими арейшинами свободно, без какого бы то было чужого влияния, имея только одго турка, субашу (начальник полиции), в честве символа правительственной влаи. С селом Элена связаны более чем тыс. семейств (домохозяйств) болгар, живущих в окрестностях в небольших деревньках: их называют колибами и колибами. Эти бедные колибары разделены еленскими чорбаджиями между собою по 0, 200, даже и по 600 домохозяйств, и зотся: «райя» хаджи Николува, хаджи Христева, хаджи Порданова и пр., т. е. вдвойне «райя»: и султану и вышеназванным чорбаджиям, которые вносят в Тырново всякого рода даждие (налоги) за присвоенных ими «райя», а затем собирают с нее, сколько им заблагорассудится. Бедные деревеньки никогда не выпутываются из несправедливо наложенного на них долга. Из года в год они более должают. Эленские паны не допускают в свои деревни ни одного купца, чтобы он купил там что-нибудь из местного сельского производства: шолк, шерсть, овец и пр., — но насильственно отбирают себе труд бедняков по сниженным и сбитым ценам. Деревни бесплатно выполняют для них работы на виноградниках и повсюду, где встретится в том надобность. Доставляют им бесплатно по обязанности сыр, масло, кур, поросят, ягнят и притом по нескольку раз в году,— словом, чорбаджии эксплоатируют их как рабов, только что не могут продавать их, но сын наследует отцовское «райство», и никогда бедняк-крестьянин не может выйти из этого двойного подданства. Эти эленские паны имеют огромное влияние и во всей тырновской округе»[3].

Повидимому, этих именно эленских чорбаджиев, известных в истории болгарской общественности своей хищнической эксплоатацией крестьянства, нарисовал и Петко Тодоров, уроженец села Элена, в названной выше социальной драме «Първите», в которой дал блестящую страничку из истории классовой борьбы в Болгарии до освобождения, борьбы поднимающейся мелкой буржуазии и нищающего крестьянства против своих угнетателей—чорбаджиев. Действие в драме относится к тому самому времени, к которому относится и разоблачающая хищничество эленских чорбаджиев названная выше статья в газете «Българска дневница».

Таким образом, к началу XIX в. болгарская буржуазия уже значительно выросла и окрепла. Этот процесс консолидации национальной буржуазии у болгар стоял в тесной связи, с одной стороны, с ростом городов и развитием в стране капитализма, с другой—со все более и более широким втягиванием турецкого рынка в западноевропейский капиталистический товарооборот. Последнее обстоятельство одновременно служило и тем подрывным фактором, который с этого же времени, но особенно с середины XIX в., все больше разрушал национальную мануфактуру, вызывая разорение ремесленников и обнищание крестьянства, втянутого в обслуживание мануфактурного производства (рассеянная мануфактура), и тем самым вносил расстройство и в ряды буржуазии, вызывая обострение внутриклассовых и национальных противоречий.

---

[1] См. Страшимиров Д. «История на Априлското възстание». Т. I, стр. 283. Пловдив. 1907.

[2] См. Бакалов Г. Христо Ботев, р. 8. София. 1934.

[3] Минпес Б. «Държавнополтичните и социалностопанските идеи в българската доосвободителна литература». Сб. НУК за 1900 год. Кн. XVI–XVII. «Дял за държавни науки», стр. 23.

БОЛГАРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ *
(1915—1918 гг.)

Хр. Кабакчиев и *Р. Караколов*

Болгария после выделения ее в отдельное княжество оставалась страной преимущественно мелкого землевладения и мелкого ремесленного производства; в круглых цифрах больше 80% ее населения жило в деревне и меньше 20% — в городе.

Развитие капитализма в Болгарии было ускорено изданием закона 1905 г. о защите промышленности и политикой умеренного протекционизма, осуществлявшейся при помощи таможенного тарифа 1906 года.

Быстрый темп развития промышленности Болгарии до империалистической войны виден хотя бы из того факта, что в 1900 г. в ней было 103 относительно крупных предприятия с общим капиталом до 19 823 тыс. левов, а в 1911 г. число их возросло до 345 с капиталом в 91 098 тыс. левов. Т. е. в течение 10 лет число относительно крупных предприятий больше чем утроилось, а вложенный капитал возрос почти в 5 раз [1].

Промышленное развитие Болгарии происходило в то время, когда западные страны переходили от классического капитализма к империализму — к господству финансового капитала. Поэтому характерной чертой капиталистического развития Болгарии было проникновение в болгарское хозяйство финансового капитала западноевропейских стран, сращивание его с местным капиталом, а вместе с тем и стремление подчинить его себе.

Иностранный капитал начал проникать в Болгарию в форме иностранных займов на железнодорожное строительство, путем образования филиалов крупнейших иностранных компаний и банков в Болгарии, в кредитное дело, промышленность и т. д.

За время с 1888 по 1909 г. Болгарией было заключено около 15 иностранных займов. Но более систематическое внедрение иностранного капитала началось в 900-х годах, когда страна переживала промышленный подъем.

В течение одного только пятилетия (1906—1910 гг.) иностранные банки в Болгарии реализовали чистую прибыль в 4 млн. левов. Число иностранных и смешанных акционерных обществ в Болгарии с каждым годом увеличивалось. В 1912 г., накануне балканской войны, общее их число вместе с местными, но без иностранных страховых обществ достигает 172 с 161 135 тыс. номинального капитала и 117 299 тыс. левов внесенного капитала. Из этих 172 акционерных обществ 148 местные с капиталом в 74 472 тыс. левов, а 24 иностранные с капиталом в 86 663 тыс. левов [2].

Согласно утверждениям крупного болгарского статистика-финансиста Кирилла Попова, в 1911 г. в Болгарии было вложено иностранного капитала на 731 млн. левов. Причем в предприятиях общественного пользования — 610 млн. левов, в частных предприятиях — 41 млн., из которых 31 миллион левов был объединен в руках акционерных компаний.

В промышленность проник главным образом бельгийский капитал, а в банки — французский, австрийский и отчасти германский. Из внешних займов ⅔ составляли французские капиталы, а остальную часть — австрийский, германский и русский [3].

Если иностранные займы 1888, 1889 и 1892 гг. были использованы для выкупа старых и строительства новых железнодорожных линий, то из общей суммы всех займов до 1910 г. для производственных целей было израсходовано лишь 274 167 287 левов, а на военные цели пошло 366 603 186 левов.

Росли доходы страны: доход регулярного бюджета, составлявший в 1879 г. 28 941 734 лева, возрос в 1914 г. до 224 251 254 левов. Но еще быстрее росли расходы по армии: с 7 335 911 левов, израсходованных военным министерством в 1879 г., расходы

* Публикуемая статья является результатом совместной исследовательской работы покойного тов. Кабакчиева и тов. Караколова. Закончена и подготовлена к печати тов. Караколовым.

[1] Жак Натан «Икономическа история на България, след освобождението», стр. 71. София. 1938.

[2] Там же, стр. 169, 172—173

[3] Там же, стр. 183.

то же министерства в 1914 г. возросли, регулярному бюджету, до 49 437 572 ров, а вместе с внебюджетными кредитоциями достигли 425 159 572 левов [1].

Таким образом, Болгария уже к началу лканской войны стала крупной военной лой на Балканах. Болгарская воинственя буржуазия и царь Фердинанд усиленно дготовляли страну к захватническим, имриалистическим войнам.

Балканская война

Балканский союз был военным и динатическим союзом балканских государств, был направлен против Турции и имел оей целью завоевание ее европейских проций и их раздел. Балканский союз был йным. но был заключен с согласия и под кровительством царской России, следовально и всей Антанты.

Антанта стремилась привлечь на свою рону балканские государства, чтобы спечить для себя их поддержку в империалистической войне, к которой готовились европейские государства обоих лагей. Германия со своей стороны поддерживла Турцию, на которую она имела больое экономическое и политическое влияние. сторической необходимостью являлась зача национального освобождения угнетентх народов Балканского полуострова, чх ционального объединения, уничтожения татков феодализма и наделения землей лканского крестьянства. Рабочие и креьяне на Балканах были еще слишком сла, чтобы разрешить эту задачу революциным путем; это дало возможность господвующим классам выступить в качестве ганизаторов «освободительной» войны.

Война балканских союзников против Турии была непродолжительна и окончилась разгромом. Но после победы Балканский юз немедленно распался; 16 июня 1913 г. жду вчерашними союзниками началась йна, закончившаяся разгромом Болгарии. гда же Болгария порвала с русским цазмом и с Антантой и перешла в лагерь йзера Вильгельма и центральных держав. ело в том, что царская Россия поддержа притязания Сербии на львиную долю Мадонии. Сербию толкала в межсоюзничеую войну и Австро-Венгрия, стремившаяразрушить Балканский союз, в котором а не без основания видела орудие Росм и Антанты. Румыния, воспользовавшись нятостью болгарских войск в войне с ерашними своими союзниками (Сербия и еция) и незащищенностью северных грац Болгарии, 27—28 июня 1913 г. перешла аницу и без единого выстрела оккупирола Добруджу и почти всю Северную Болрию. Межсоюзническая война привела к зделу Болгарии по Бухарестскому миру 3 июля 1913 г.). Болгария потеряла всю обруджу, а впоследствии, по Цареградому миру (16 сентября 1913 г.),— и больюю часть отвоеванной у турок Фракии. Граница с линии Энос — Мидия отодвинулась на левый берег Марицы.

Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесняков) в ноябре 1912 г. отправила чрезвычайному базельскому конгрессу II интернационала обращение, в котором заявляла:

«Мы решительно протестуем против кровавой и ужасной, разорительной для балканских народов войны, которую господствующие классы и династии ведут с целью захвата чужих территорий и осуществления своих капиталистических и монархических стремлений... Осуждая самым решительным образом войну и требуя ее немедленного прекращения, мы заявляем, что сознательный болгарский пролетариат одновременно борется и будет бороться за национальное объединение и независимость балканских народов. Но для достижения этой цели мы требуем создания Балканской Федеративной Республики...» [2].

Партия тесняков протестовала и против подготовляемой межсоюзнической войны, во время которой сбылось предсказание партии о распаде Балканского союза. В своем манифесте от 17 апреля 1913 г. партия заявила:

«Война еще не закончена с Турцией, балканские народы сегодня толкают к новой более страшной опасности... Балканские правительства готовят для балканских народов новую страшную бойню, братоубийственную истребительную войну... Балканская социал-демократия выдвигает Балканскую Федеративную республику, как единственную политику балканских народов, ведущую к свободе, независимости, национальному объединению и социальному развитию» [3].

Переход Болгарии в лагерь центральных держав

Поражение Болгарии в межсоюзнической войне послужило для Фердинанда поводом, чтобы освободиться от правительства Гешева—Данева, которое пришло к власти с согласия царской России. Фердинанд призвал к власти руководителей германофильских партий — Радославова, Тончева и Генадиева. Это означало новый курс внешней политики Болгарии, подготовку с помощью центральных держав к новой войне против Сербии в целях реванша. В манифесте, которым Фердинанд закончил последний этап балканской войны, говорилось, что болгарская армия «свертывает свои знамена до более благоприятных времен».

Германофильское правительство Болгарии, в которое входили партии Радославова, Тончева и Генадиева под председательством Радославова, желая укрепить свое положение, в ноябре 1913 г. произвело выборы в парламент. Однако выборы несмотря на полицейское давление не дали правительству парламентского большинства. В этот парламент более 50 тыс. избирателей выбрало 18 представителей рабочей социал-

---

Сакаров Н. «Българските държавни финанси», стр. 31, 51, 126—127. София, 1918.

[2] Газета «Роботнически вестник» за ноябрь 1912 года.

[3] Там же, № 26 от 17 апреля 1913 года

демократической партии (тесняков), которая до балканской войны не имела в парламенте своих представителей. Столь выдающийся успех партии тесняков явился результатом главным образом ее упорной, непримиримой борьбы против войны.

В феврале 1914 г. правительство Радославова провело новые выборы, прибегнув к мерам величайшего предвыборного террора. В этих выборах РСД партия (тесняков) получила 45 тыс. голосов, и число ее депутатов в парламенте уменьшилось до 11. Германофильские партии получили незначительный перевес в парламенте, всего на 13 человек, но для правительства этого было достаточно, чтобы закончить переход в лагерь центральных держав и начать подготовку по вовлечению Болгарии в империалистическую войну.

Первым делом правительства в этом направлении было заключение соглашения с германскими банками на получение займа для военных целей. Заем был 5-% на общую сумму 500 млн. левов при эмиссии в 84% и выдавался по частям. По условиям займа, германское общество получило право построить железнодорожную линию Хасково—Портолагос и пристань Портолагос, а также право на эксплоатацию угольных шахт в Пернике и Бобов-Дол. По поводу этого займа руководитель парламентской группы партии тесняков Д. Благоев протестовал с трибуны парламента и разоблачил предательский характер финансовой политики германофильской и руссофильской партий.

Империалистическая война и отношение к ней Болгарии

Болгария не могла вмешаться в империалистическую войну в самом ее начале. Она только что вышла из балканской и межсоюзнической войн с еще не залеченными ранами, с расстроенной и деморализованной армией и сильным народным возмущением. Правительство Радославова, укрепляя свои позиции, накопляя силы, подготовляя страну к войне, заняло выжидательную позицию и объявило «строгий нейтралитет». Но ни для кого не было тайной, что этот «строгий нейтралитет» являлся благожелательным для центральных держав, что через болгарскую территорию перевозились военные материалы, подводные лодки и военные инструктора из Германии и Австро-Венгрии в Турцию.

Антанта, не скупясь на обещания, пыталась привлечь Болгарию на свою сторону. Но ни Россия, ни Англия с Францией не могли обещать Болгарии серьезные территориальные компенсации, не затрагивая интересов других балканских государств— в первую очередь Сербии и Румынии. Сербы не желали уступить Болгарии Македонию, Румыния — Добруджу. Проект Венизелоса образовать союз балканских «христианских» государств также скоро провалился. Эти обстоятельства, а также военные успехи Германии в первый период войны и заключение займа с Германией предрешили присоединение Болгарии в империалистической войне к германскому блоку. С момента возникновения империалистической войны, в августе 1914 г., и до вступления Болгарии в эту войну, в сентябре 1915 г., державы Согласия неоднократно пытались изменить наметившуюся ориентацию Болгарии. Так, уже 5 августа 1914 г. Россия сделала Болгарии предложение забыть недавнее прошлое, т. е. межсоюзническую балканскую войну и бухарестский мир, согласовать «свою политику с начинаниями России» и не предпринимать ничего помимо нее. 11 августа 1914 г. Сазонов обратился к болгарскому правительству с предложением оказать «сопротивление наступательным действиям Турции»[1]. 30 сентября 1914 г. Англия предложила Болгарии поддерживать «дружественные отношения с союзниками». Она согласна была оплатить эту дружбу деньгами. 3 ноября того же года Англия направила Болгарии вербальную ноту, в которой предлагала ей «присоединиться к тройственному согласию против Турции», гарантируя ей в обмен Фракию до «линии Энос—Мидия, часть Македонии на восток от Вардара, на юге по линии, определенной сербско-болгарским договором», и финансовую помощь[2].

Германия и Австро-Венгрия в свою очередь 23 мая 1915 г. предложили Болгарии «за ее благосклонное отношение к союзникам (т. е. к ним же самим) — уже сейчас завладеть сербской Македонией... спорной и бесспорной зоной... в границах сербско-болгарского договора от 29. II. 1912 г.»... и частью «территорий, принадлежащих теперь Греции и Румынии по бухарестскому договору от 27. VII. 1913 г., если эти страны вступят в войну против центральных держав»[3]. Правительство Радославова, однако, напомнило им, что оно имеет территориальные претензии во Фракии — до линии Энос—Мидия.

29 мая 1915 г. Антанта, включая и Италию, делает первое общее предложение Болгарии присоединиться к ней и начать войну против Турции. В качестве компенсации Болгарии разрешалось оккупировать немедленно Фракию до линии Энос—Мидия, а после окончания войны ей гарантировалась Македония в границах: на севере и на западе — по линии Егри-Паланка, Велес, Охрид и Битоля, на юге и востоке— по линии теперешней сербско-греческой и сербско-болгарской границы; обеспечивалась также Кавала, было дано обещание «содействовать в переговорах с Румынией по вопросу о Добрудже», обещана была и финансовая помощь[4]. Болгарское правительство просило 14 июня 1915 г. страны Антанты уточнить, какие территориальные компенсации получат Сербия и Греция за уступку вышеуказанных территорий Болгарии, а также просило разъяснить принципиальные основы переговоров с Румынией

[1] Д-р Радославов В. «Болгария в Световната криза», стр. 94—95. София. 1923.
[2] Там же, стр. 99.
[3] Там же, стр. 108
[4] Там же, стр. 106.

по вопросу о Добрудже. 29 мая 1915 г. правительства Антанты сделали заявления Пашичу о необходимости уступить Болгарии часть Македонии с целью привлечь Болгарию в число союзников. Пашич отказался взяться за подготовку общественного мнения, считая это совершенно невозможным... По его словам, каждый член скупщины и каждый серб предпочтет погибнуть вместе с Сербией, нежели сделать уступку в пользу болгар, которые режут и сжигают сербов. Зрелые и долгие размышления, сказал он, привели его к заключению, что ныне предъявленное требование неисполнимо. За всю оказываемую державами помощь Сербия глубоко благодарна. Ему больно отказывать России, он готов ради нее пожертвовать жизнью, но не может поступить нечестно, отдав Болгарии родное, кровное население ради приобретения других земель. Он усматривает большое несчастье в том, что в России считают Македонию болгарской. Пусть Сербии ничего не дадут, но нельзя отнимать у нее лучшую часть... Он говорил, что Сербию распинают; в самую критическую минуту, ее ампутируют»[1]. Переговоры заглохли.

4 августа 1915 г. Антанта сделала Болгарии второе общее предложение. В качестве компенсации за вступление Болгарии в войну на стороне Антанты ей гарантировалась после войны «бесспорная зона» Македонии. 13 сентября того же года, уже после объявления общей мобилизации в Болгарии, Антанта сделала третье предложение Болгарии, дополняющее первые два, но не вносящее ничего нового[2].

В это время Германия уже успела сделать свое роковое дело. Правительственная Болгария, сохраняя лицемерный нейтралитет, связала судьбу болгарского народа с центральными державами. 24 августа (6 сентября) 1915 г. д-р Радославов, сохраняя величайшую секретность, не осведомив даже своих коллег министров (за исключением министра финансов Д. Тончева), заключил в Софии одновременно два договора: 1) договор о дружбе и союзе между Германией и Болгарией и 2) тайную конвенцию между Германией и Болгарией.

Договаривающиеся стороны обещали взаимно поддерживать мир и дружбу и не вступать ни в какой союз или соглашение, направленное против одной из договаривающихся сторон, и проводить одинаковую политику... (ст. 1); Германия гарантировала политическую независимость и территориальную целостность Болгарии... (ст. 2) и т. д.

В тайной конвенции говорилось о том, что Болгария и Германия предпринимают совместно военные действия против Сербии и что при этом Германия гарантирует Болгарии захват следующих территорий: всей сербской Македонии — спорной и бесспорной зоны — по сербско-болгарскому договору от 29 февраля 1912 г.; всех сербских земель на восток от Моравы, начиная от Дуная до слияния болгарской и сербской Моравы и дальше по водоразделу этих двух притоков, по гребню Черной горы, охватывая Кочаник, и по горе Шар, согласно санстефанскому договору... (ст. 1); в случае если Румыния присоединится к неприятельскому лагерю, Болгария получит Добруджу в пределах берлинского договора с поправкой... (ст. 2); если Греция сделает то же самое, Болгария получит земли, отданные ей по бухарестскому договору 1913 г. (ст. 3); Германия и Австро-Венгрия обещали ассигновать болгарскому правительству военный заем в 200 млн. левов (ст. 5); соглашение вступало в силу одновременно с военной конвенцией (ст. 6).

Военную конвенцию заключил в Плесе (Германия) полковник Ганчев в духе тайного соглашения с конкретизацией обязательств сторон в военно-оперативном отношении: Болгария обязалась не позже 15 дней со дня заключения договора мобилизовать не меньше 4 дивизий, с тем чтобы на 35-й день они были сосредоточены на сербской границе и готовы к наступлению... (ст.ст. 1 и 9); Болгария обязалась также мобилизовать по меньшей мере еще одну дивизию, которая должна оккупировать Македонию (ст. 9); Болгария могла получить от Турции военную помощь и поставить турецкие воинские части под свое командование... (ст. 10) и т. д.[3].

Ровно за три дня до этого соглашения, 21 августа (3 сентября) 1915 г., был заключен, тоже тайно, договор с Турцией, согласно которому последняя уступала Болгарии добровольно во Фракии территорию около 2 тыс. кв. км, отодвигая свою границу на 2 км на восток от левого берега Марицы и параллельно ей до самого Эгейского моря. Эту территорию Болгария должна получить после того, как она проведет мобилизацию, объявит войну Сербии и откроет для Турции путь Константинополь — Вена. Кроме того Болгария обязывалась поставлять Турции хлеб и уголь[4].

Однако Антанта не прекратила попыток привлечь Болгарию на свою сторону. 21 сентября 1915 г. Франция вручила болгарскому правительству ноту, в которой указывалось, что мобилизация в Болгарии есть враждебный акт, направленный против Сербии, что вся ответственность за разжигание войны на Балканах падет на Болгарию, и требовала «немедленного увольнения германских офицеров из болгарской армии»[5].

Аналогичную по содержанию ноту Англия вручает болгарскому правительству 4 октября. Не отстает и царская Россия. 4 октября 1915 г. российский императорский полномочный министр предъявил болгарскому правительству ноту, в которой

---

[1] Сборник документов «Международные отношения», серия III. Т. VIII. Ч. 1-я, стр. 8.

[2] См. там же, стр. 112—113 и 117.

[3] Текст договоров см. д-р Радославов В. Указ. соч., стр. 130—134.

[4] Станев Н. «Най-нова история на България». Кн. II, стр. 249. София. 1925.

[5] Д-р Радославов В. Указ. соч., стр. 123.

правительство Фердинанда обвинялось в том, что оно «окончательно отдает судьбу Болгарии в руки Германии», что действия Болгарии направлены против Сербии, а следовательно, против России. Если в 24 часа «болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не будут приняты меры к немедленному устранению из болгарской армии немецких офицеров», говорилось в ноте, то дипломатические отношения с Болгарией будут прерваны[1].

Державы Согласия, помимо дипломатического давления, широко применяли и подкуп. Русские дипломаты советовали своему правительству не скупиться. Тайные встречи шефа правительственной партии стамболовистов, бывшего до того министром иностранных дел в кабинете Радославова, д-ра Н. Генадиева с русским послом в Константинополе Гирсом в конце 1914 г., поездка Генадиева в Рим в январе — феврале 1915 г., тайная его поездка из Рима в Париж в конце февраля и встреча там с министром иностранных дел Франции Делькассе возымели свои результаты: Генадиев вернулся из Парижа «убежденным» руссофилом, антантофилом и еще в Риме обещал своим новым друзьям, что если болгарское правительство пойдет с центральными державами, то он первый поднимет мятеж против него. Это быстрое преображение крайнего германофила в крайнего руссофила объясняется тем, что д-ра Генадиева «полюбили» русские и французские банки и «подарили» ему несколько десятков миллионов франков[2]. По предложению Сазонова, совет министров царской России решил скупить в Болгарии весь урожай хлеба. На эту операцию было ассигновано 50 млн. франков. При обсуждении операции не скрывали, что это мероприятие должно явиться прикрытой формой подкупа болгарских государственных деятелей, в карманы которых попадала значительная часть названной суммы[3]. Д-р Н. Генадиев был главным героем нашумевший тогда «деклозифовой аферы». Во главе целой армии агентов Антанты он пытался скупить в течение августа — сентября 1915 г. по вольной цене весь хлеб и продовольствие Болгарии для стран Антанты. Афера получила огласку, и даже депутатский мандат не спас Генадиева от тюрьмы.

Несмотря на проявленные Антантой усилия Болгария все же вступила в войну с Сербией. 7(20) октября 1915 г. российское императорское правительство объявило официально о разрыве дипломатических отношений с Болгарией.

[1] Радославов В. Указ. соч., стр. 125—126.

[2] См. сборник документов «Константинополь и проливы». Ч. 2-я, №№ 172, 173, 175, 176, 177, 179 и 180. Изд. НКИД. М. 1926; см. также Добри Петков «Виновниците за погрома на България», стр. 58. София. 1927.

[3] См. сборник «Международные отношения». Серия III. Т. IX, документы №№ 57, 126. 1937.

После всего этого была сделана попытка организовать государственный переворот при помощи подкупленного д-ра Н. Генадиева, его сотрудника Ал. Стамболийского и какого-то неизвестного генерала — руководителя «Тайной болгарской военной организации» на солунском фронте. Об этом свидетельствует меморандум Генадиева и Стамболийского Америке и Антанте[4]. Об этом говорит и «Памятная записка» и. о. директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего Н. А. Базили, доложенная министру иностранных дел Сазонову 4—8 апреля 1916 года[5].

Назревала в России также идея оккупации порта Бургаса и черноморского побережья Болгарии, чрезвычайно необходимых России для осуществления ее наступательных операций в проливах. Но этому плану помешала ее союзница и скрытая соперница — Англия[6].

Отношение политических партий Болгарии к войне

В период войны в Болгарии насчитывалось 9 буржуазных и мелкобуржуазных партий и одна пролетарская — марксистская партия — партия тесняков. Только одна пролетарская партия за весь период войны вела принципиальную и мужественную борьбу против войны. Все другие партии по вопросам внешней политики и выбора союзника Болгарии в предстоящей войне с самого начала войны четко разделились на 2 группы: германофильскую и руссофильскую, или антантофильскую. К германофильской относились все 3 правительственные партии, вернее фракции либеральной партии, а именно: фракция д-ра В. Радославова; фракция национал-либералов, или стамболовистов (последователи Ст. Стамболова), шефом которой был д-р Н. Генадиев, и фракция младолибералов, или тончевистов, шефом которой был Д. Тончев. Правительство этой либеральной «концентрации» возглавлял д-р В. Радославов. Эти партии после освобождения Болгарии исторически сложились как антирусские и германофильские. В этом смысле политика правительства Радославова с самого начала была ясна. Правительство Радославова тянуло Болгарию в сторону центральных держав. В этом помогал и царь Фердинанд. Руссофильская, или антантофильская группа объединяла остальные буржуазные и все мелкобуржуазные партии Болгарии, а именно: народную партию, шефом которой был И. Е. Гешов, партию цанковистов (прогрессистов) во главе с д-ром Даневым, демократическую партию во главе с Ал. Малиновым, радикал-демократическую во главе с Костурковым, Земледельческий союз во

[4] Добри Петков «Виновниците за погрома на България», стр. 128 — 136.

[5] См. сборник документов «Константинополь и проливы». Ч. 1-я, стр. 215 и 218—219. Изд. НКИД. М. 1925.

[6] См. сборник документов «Константинополь и проливы». Ч. 2-я, документы №№ 219, 221, 233 и др.

главе со своим молодым вождем Ал. Стамболийским и, наконец, «широко-социалистическую» (меньшевистскую) партию во главе с Я. Саказовым.

Весь этот блок оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий — от крайнего руссофила д-ра Данева до так называемого «социалиста» Я. Саказова — был совершенно единодушен в вопросе об участии Болгарии в войне на стороне России и Антанты.

На руссофильские партии опирались дипломатические агенты России, Англии и Франции. Оппозиционный блок вел борьбу против правительства Радославова. Выпустив осенью 1914 г. обращение к болгарскому народу, подписанное 105 депутатами парламента, он мобилизует общественное мнение в стране. 15 марта 1915 г. общественные деятели во главе с поэтом Ив. Вазовым обратились к царю Фердинанду с письмом, в котором предлагали ему не слушать дурных советов своих германофильских советников. «Царь и народ должны объединиться и идти по традиционному пути рядом с братской Россией...»[1]. Шефы оппозиционных партий настаивали перед Радославовым на созыве парламента, созыве королевского совета и образовании правительства из всех партий.

В правительственной среде тоже начались отколы. Д-р Генадиев, возвратившись из Парижа, объявил себя антантофилом, но [illegible] мая 1915 г. был исключен из партии стамболовистов, и шефство перешло к Д. Петкову. Будучи несогласен с германофильской политикой правительства, военный министр генерал Филов 4 августа 1915 г. подал в отставку; на его место был назначен полковник Жеков. Происходила чистка офицерского состава армии. Старые, испытанные генералы были отодвинуты на задний план, командные высоты заняли молодые, верные правительству офицеры. Главнокомандующим армией был назначен германофил генерал Жеков. Молодые офицеры 10 августа дали заключение о готовности болгарской армии начать действия.

Тем временем антантофильский оппозиционный блок собирался на совещание, в котором участвовали: от демократической партии — Малинов, Ляпчев, Мушанов, от народной — Гешев, Т. Тодоров, Буров; от данковистской — д-р Данев, Люцканов, Сафов; от радикальной — Костурков, Георгиев, д-р Фаденхехт; от Земледельческого союза — Стамболийский, Димитров, Торлаков; от «широко-социалистической» партии — Сакызов, Пастухов, Джидров. После нескольких заседаний совещание обратилось с воззванием к болгарскому народу, в котором говорилось:

«Сегодняшний роковой момент требует, чтобы представители оппозиции и правительство совместно обсудили то поведение, которое необходимо для Болгарии... Радославов под разными предлогами отказывается разговаривать с народом о своей политике. Он боится, что если созовет парламент, получит выражение недоверия... Эта правительственная политика разрушительна, а не созидательна, разделяет, а не объединяет народ: эта политика... осуждена сегодня общественным мнением, как губительная, потому что не имеет поддержки в парламенте. Эта политика навязывается силой вопреки чувствам и воле народа и противоречит интересам государства»[2]. Оппозиционный блок протестует против германофильской политики правительства и призывает болгарский народ потребовать «немедленно созыва чрезвычайной сессии парламента». Газеты оппозиционных партий, печатая этот «призыв», сопровождали его объяснением, которое ясно вскрывает его смысл: «Правительство ведет Болгарию к сближению с центральными державами и верит, что с их помощью осуществит народный идеал. Оппозиция думает, наоборот, что с помощью держав Согласия объединение Болгарии более гарантировано»[3]. В конце августа 1915 г. болгарское общество было сильно взбудоражено циркулировавшими слухами о том, что правительство заключило тайный договор с Турцией. Группа писателей, профессоров, военных и др. во главе с поэтом Вазовым обратилась с воззванием ко всем гражданам Болгарии, без различия партийности, профессии и общественного положения, «подняться как один, чтобы не допустить этого дикого дела. Поддержать депутатов оппозиционных партий в их борьбе... Не допустить повторения 16-го июня! Не допустить более ужасного разгрома Болгарии»[4]. 29 августа 1915 г. лидеры всех оппозиционных партий опять собрались на совещание и единогласно было решено тотчас же потребовать аудиенции у царя Фердинанда. По инициативе Ал. Стамболийского 2 сентября было устроено новое совещание для обсуждения и отправки письма царю. Наконец требуемая аудиенция была разрешена в царском дворце 4 сентября 1915 г., на ней присутствовали: А. Малинов, Ал. Стамболийский, И. Е. Гешев, д-р Данев, представитель радикальной партии Найчо Цанов; «широко-социалистическая» партия не имела представителя.

В речи к царю шеф демократов А. Малинов говорил: «Теперешнее правительство решилось на авантюры, которые принесут Болгарии только катастрофы. Для видимости оно говорит о нейтралитете, а втайне готовит союз с Германией. В первом случае Болгария превратится наподобие Бельгии в плацдарм для вторгшихся в Сербию германцев и высадившихся в Салониках англо-французов. Во втором случае мы будем иметь против себя три балканских (Сербию, Грецию и Румынию) и четыре великих государства. Это будет конец Болгарии. Положение тяжелое. Чтобы выйти из него, нужно созвать парламент и образовать правительство, в котором будут участвовать все партии»[5]. И. Е. Гешев и д-р Данев дополнительными аргументами поддержали Малинова. А представитель радикалов

---

[1] Станев Н. Указ соч., стр. 223.

[2] Там же, стр. 242—243.
[3] Там же, стр. 243—244.
[4] Там же, стр. 250—251.
[5] Там же, стр. 253—254.

Н. Цанов высказался более определенно: «Вы толкаете Болгарию к центральным державам, которым дасте военную помощь против нашей освободительницы. Это против всей нашей вековой истории и против естественных интересов Болгарии»[1].

Крестьянский союз участвовал в общем хоре оппозиционных руссофильских партий против германофильского правительства. Резолюция парламентской его фракции от 23—24 мая 1915 г. проводит ту же самую линию. Самый радикальный вождь Крестьянского союза — Ал. Стамболийский — в своем интервью газете от 25 августа 1915 г. открыто заявил: «Мы желаем теперь, когда четверное согласие делает нам предложение, предупредить правительство, чтобы оно не отвергло предложения «государств согласия» вести переговоры и не упустило бы возможности соглашения с ними»[2]. Когда стало известно, что правительство заключило союз с Германией, Стамболийский выступил с декларацией о том, что он и его партия стоят на позиции нейтралитета. И на аудиенции у царя 4 сентября 1915 г. в своей резкой, смелой речи, обращенной к царю, он говорил:

«...Если Вы завтра совершите то же самое преступное деяние (т. е. начнете опять войну.— *Р. К.*), мы, люди Земледельческого союза, не только не будем сдерживать народное негодование против Вас, но и сами станем его выразителями, вынесем Вам тяжкий, но справедливый приговор... Всякое действие, предпринятое Вами вместе с теперешним правительством, заранее осуждено совестью болгарского народа, так как он потерял доверие лично к Вам... и ко всем партиям, управлявшим Болгарией. Поэтому мы предупреждаем: 1) отклоните Ваше правительство от всяких авантюр; 2) сохраните нейтралитет; 3) не предпринимайте ничего серьезного без парламента и общественного кабинета (т. е. коалиционного правительства.— *Р. К.*), который, оценивая все и представляя все течения общества, может внести спокойствие в страну и возвратить Вам то доверие народа, без которого народ не может творить свою судьбу, а может преждевременно превратить свою страну в бойню и кладбище; 4) не забывайте, что народная душа раздвоена и что теперешнее правительство менее всего в состоянии сплотить и сделать ее способною к подвигам и делам, решающим участь народа. Эта раздвоенность души может превратить страну в арену мятежей и бунтов»[3]. Смысл этого выступления несмотря на острый язык тот же, что и у других ораторов оппозиции. Здесь слово «нейтралитет» является лишь прикрытием антантофильской политики Крестьянского союза. Эта смелая речь Стамболийского и последовавшие за ней репрессии, суд и осуждение его на пожизненную каторгу, создали ему в крестьянских массах, ненавидевших войну, ореол борца против войны.

Но когда стало ясно, что царь Фердинанд и его правительство бесповоротно встали на путь союза с Германией, оппозиционные партии начали свертывать знамя борьбы с правительством. Еще до вступления Болгарии в войну центральный орган народной партии — газета «Мир» — писала:

«...В жизни государства бывают моменты, когда критика и борьба должны прекратиться. Этот момент настал для нашей страны... В тот день, когда развернутся знамена Болгарии и ее армии, мы должны свернуть свои партийные знамена...»[4]. И действительно, оппозиционные партии «свернули свои знамена» после объявления мобилизации. Болгария в союзе с Германией объявила войну Сербии. В парламенте, созванном после оккупации Сербии и Македонии, после речи Д. Благоева, выступившего против войны, появлялись поочередно руководители оппозиционных партий, чтобы декларировать свое присоединение к политике правительства и обещать ему свою поддержку.

И. Е. Гешев — шеф народной партии, решительный сторонник Антанты до вмешательства в войну,— заявил:

«Ни слова не произнесем с целью умалить значение какого бы то ни было фактора борьбы за народное единство. Мы не желаем заниматься политикой, когда народ создает эпопею, творит историю. Преклонимся же благоговейно перед павшими героями за защиту отечества и отдадим честь живым ратникам за благо народа. Они покрыли лаврами опечаленную, бесправную Болгарию, утешили своей ценной и благородной кровью, как целебным бальзамом, ее народную душу. От имени народной партии заявляю, что мы будем голосовать за военные кредиты в 500 миллионов»[5].

В этом духе говорили все остальные шефы буржуазных оппозиционных партий — парламент голосовал за военные кредиты и выразил доверие правительству.

Когда в январе 1916 г. кайзер Вильгельм посетил Болгарию, царь Фердинанд устроил ему в городе Нише торжественную встречу, приветствуя словами: «Ave, Caesar, morituri te salutant»,— а в Софии, на софийском вокзале, руководители оппозиционных партий во время встречи кайзера стояли шпалерами. Некоторые из руководителей оппозиционных партий, в том числе и руководители «широких социалистов», позже посетили кайзера в германской главной квартире, чтобы засвидетельствовать свою верность Германии.

«Широкие социалисты», т. е. болгарские меньшевики, вели себя в балканской войне как буржуазные шовинисты: они открыто перешли в лагерь социал-патриотов, голосовали в Народном собрании (болгарский парламент) за военные кредиты, одобрили переход немецкой и французской социал-демократии в лагерь империалистической буржуазии своих стран, присоединились к

---

[1] Станев Н. Указ. соч., стр. 255.
[2] Горов М. «Борьба крестьян в Болгарии», стр. 81. М. 1927.
[3] Стамболийский А. «Двете ми срещи с цар Фердинанд», стр. 14 и 15. София. 1919.
[4] Станев Н. Указ. соч., стр. 290.
[5] Там же, стр. 262.

еждународному социалистическому бюро» интернационала, поддерживавшему импе-алистическую войну. Они дали свое со-асие на участие в международной конфе-нции социалистов в Стокгольме в 1917 г. послали делегатов на эту конференцию. еф «широких социалистов» Янко Сакызов своем интервью, данном сотруднику «Ин-рнациональ кореспонденц» в Берлине в 17 г., заявил: «Когда наконец Болгария чала третью войну, мы не хотели проти-стоять национальному объединению... Без мнения, Радославов имел право против с... Соглашение (Антанта.— *Р. К.*) ни-гда бы не заплатило за наш нейтралитет кедонией... Теперешний успех Болгарии, торый обеспечивает нам получение Маке-нии, является самым большим личным иумфом Радославова. Напоследок я ча-о говорил ему: «Теперь ты делаешь свое литическое завещание и обеспечиваешь бе место в национальной истории»[1]. «Ши-кие социалисты» целиком поддерживали лгарскую империалистическую буржуазию ее захватнических планах в отношении кедонии и Сербии; они требовали при-единения сербской Моравской долины и мынской Добруджи к Болгарии, принима- участие в болгарской делегации к гер-нскому императору, требовавшей осу-ествления великоболгарских чаяний на лканах, и участвовали в первом после йны болгарском правительстве, поддержи-вшем империалистический мир и Антан-у.

олько одна партия в Болгарии, партия сняков, проводила ясную и твердую по-тику, направленную против войны, как йны империалистической, а также против астия Болгарии в этой войне на сторо-какой бы то ни было из воюющих групп. ртия тесняков подняла знамя борьбы за хранение мира и за Балканскую демокра-ическую федеративную республику. С этой литикой мира и лозунгом БДФР партия илась еще на Базельский конгресс II ин-рнационала; эта политика проводилась и империалистической войне с самого ее чала.

Еще при заключении займа в июне 1914 г. Германии ЦК БРСДП (тесняков) издал нифест против займа и протестовал са-ым решительным образом против граби-льской, разорительной и предательской нансовой политики властвующей буржуа-ии.

При объявлении Австро-Венгрией войны рбии от парламентской группы партии сняков Д. Благоев решительно протесто-л в парламенте против войны, высказыва-ь за сохранение мира. Последовал ряд отестов — воззваний, собраний и митин-в — от имени партии тесняков против вой- во всей стране. ЦК и парламентская акция напечатали новый манифест против йны, который заканчивался словами: олой войну, да здравствует мир, да равствует Балканская Федеративная Ре-спублика, да здравствует освободитель-ный социализм!»[2].

Д. Благоев в первой своей статье, посвя-щенной империалистической войне, писал: «После общей войны придет общая револю-ция в Европе. Более того, в самый разгар войны, в разгар начатого общего взаимно-го истребления можно ожидать взрыва ре-волюции».

Газета «Роботнически вестник» — цент-ральный орган партии, занявший ту же са-мую позицию по отношению к войне, что и Д. Благоев,— 12 августа 1915 г. предупреж-дала:

«Война не будет короткой и будет страш-но разорительной. Ужасы Балканской вой-ны покажутся детскими игрушками в срав-нении с небывалыми ужасами общеевропей-ской войны».

14—15 августа 1914 г. «Роботнически ве-стник» напечатал резолюцию Базельского конгресса II интернационала против войны и с полным правом заявил, что «болгарский сознательный пролетариат остался верным этому воззванию».

26 октября 1914 г. Д. Благоев на собра-нии протеста, организованном партией тес-няков в Софии, заявил, что причиной вой-ны служит империалистическая политика капиталистических государств. Одной из ошибок является голосование кредитов на ведение войны и участие социалистов в правительствах Франции и Бельгии. Креди-тами и вхождением в правительство социал-демократия подкрепляет войну.

1 декабря 1914 г. Д. Благоев в своей статье «Magister dixit» обрушился со всей силой против социал-патриотических пози-ций Г. В. Плеханова и против его призыва к болгарским социал-демократам и болгар-скому народу поддержать в войне Россию и Антанту. Он подчеркнул, что в «нынеш-ней войне, небывалой по своим размерам... можно надеяться на вспышку революции в России, которая может привести к револю-ции в других воюющих странах»[3].

На приезд в Болгарию Парвуса в январе 1915 г. и призыв его к болгарским социали-стам примкнуть в войне к Германии Д. Благоев ответил статьей «Г. В. Плеха-нов и Парвус», в которой разоблачил дема-гогию Парвуса.

БРСДП (тесняков) в феврале 1915 г. от-правила в «Международное социалистиче-ское бюро» II интернационала письмо, в ко-тором заявляла:

«Настоящая война, война империализма за господство над миром и за уничтожение социализма, должна послужить исходным моментом к социальной революции... Импе-риалистическую войну мы встретили в штыки, будучи уверенными, что братские партии всех воюющих стран станут на един-ственно правильную испытанную позицию борьбы против войны... Но в нашем стрем-

---

[1] «Роботнически вестник» № 50 от 6 ию- 1917 года.

[2] См. Благоев Д. «Общеевропейская война». Журнал «Ново время» от 1 августа 1914 года. Кн. 15-я.

[3] См. журнал «Ново время» за декабрь 1914 года.

лении уберечь Балканы от повторной войны мы встретили большие затруднения в поведении наших товарищей на Западе и в особенности во Франции и в Германии. Все то, что они делают и говорят, используется широчайшим образом нашими врагами — буржуазными шовинистами и милитаристами — для того, чтобы представить всех нас перед народными массами в самых черных красках, как врагов отечества и народа... Решения международных конгрессов... останутся для нас незыблемыми и обязательными, несмотря на то, что поведение официальных представителей пролетариата большинства воюющих стран противоречит им... война... должна быть использована для нанесения смертельного удара буржуазии и монархизму» [1].

23 февраля 1915 г. БРСДП (тесняков) устроила общебалканский митинг с участием представителей сербской и румынской партий. В резолюции, принятой на этом митинге, требовалось от «балканских правительств и балканских парламентов немедленно войти в соглашение для общей обороны против угрожающего балканским народам иностранного нашествия, откуда бы оно ни исходило, и для установления основ балканского федеративного союза». И далее: «Общебалканский митинг рабочих категорически требует от балканских правительств и балканских парламентов войти в соглашение с другими нейтральными государствами и сделать совместное предложение воюющим о прекращении войны и немедленном заключении мира».

И действительно, еще до этого митинга и особенно после него парламентская группа БРСДП (тесняков) внесла в парламент ряд подобных предложений.

1 июня 1914 г. открылся XX конгресс партии, первый конгресс после балканской войны. В резолюции по докладу о балканской войне и националистической политике буржуазии, сделанному Хр. Кабакчиевым, конгресс подчеркнул проводимую партией борьбу и необходимость ее продолжения с новой силой против националистической политики буржуазии, которая подготовляет и толкает страну к новой войне.

6—8 июля 1915 г. в Бухаресте состоялась вторая балканская социал-демократическая конференция [2]. Партия тесняков заняла на этой конференции ясную и решительную позицию против войны.

10—12 августа 1915 г. состоялся XXI конгресс БРСДП (тесняков). По основному докладу на конгрессе — «Война, положение на Балканах и социал-демократия»,— сделанному В. Коларовым, была принята резолюция, в которой разоблачался империалистический характер войны и насильственная, завоевательная политика германофильских и руссофильских буржуазных партий. Резолюция решительно отвергла всякое участие болгарского народа в европейской войне на чьей бы то ни было стороне, протестовала против «дерзкого посягательства больших воюющих империй на нейтралитет и независимость балканских государств». Против империалистической войны боролся и общий рабочий синдикальный союз во главе с Г. Димитровым, который участвовал не только в руководстве партии тесняков, но и был одним из тех, которые возглавляли эту борьбу.

Г. Димитров несмотря на депутатскую неприкосновенность был осужден военным судом за «подстрекательство солдат к неповиновению начальству» к строгому тюремному заключению; 29 августа 1918 г. он был брошен в тюрьму, откуда освобожден только после войны.

Против вмешательства Болгарии в империалистическую войну, а также и против общей мобилизации, начатой 10 сентября 1915 г., ЦК и парламентская группа партии выпустили очень резкое нелегальное воззвание. Это воззвание послужило поводом для предания ЦК и парламентской группы тесняков военному суду за «государственную измену». Несмотря на преследования партия продолжала с неустанной энергией борьбу против войны. 15 декабря 1915 г. на первом заседании парламента Д. Благоев произнес от имени партии следующую декларацию против войны и военных кредитов:

«Социал-демократия ничего общего не имеет с воинствующей и народоубийственной политикой болгарской буржуазии и болгарского царизма, протестует против нее и возлагает на них всю ответственность за эту политику и ее последствия для народа и его будущности. Она заявляет, что отклоняет всякую поддержку их кровавого дела и совместно с сознательным пролетариатом всего света приложит свои усилия для торжества мира и социализма. По этим соображениям мы голосуем против военных кредитов в 500 млн. левов».

Участие Болгарии к империалистической войне

Болгария, объявив «вооруженный нейтралитет», начала общую мобилизацию своих войск 10 сентября 1915 года. А 1 октября, через 20 дней, манифестом Фердинанда было объявлено: «...наступил подходящий момент! Европейская война идет к концу. Победоносные армии центральных сил находятся в Сербии и быстро наступают. Призываю болгарский вооруженный народ к защите родного края, поруганного вероломным соседом, и к освобождению порабощенных наших братьев от сербского ига. Мы будем воевать против Сербии вместе с храбрыми войсками центральных империй. Наше дело свято и справедливо...» [3].

Так началась война против Сербии. Болгария мобилизовала не 4 дивизии, как это было договорено с Германией, а целых 10 болгарских дивизий и 1 македонскую диви-

[1] См. письмо ЦК БРСДП (тесняков), подписанное секретарем партии Г. Кирковым, опубликованное в «Роботнически вестник» № 251 от 21 февраля 1915 года.

[2] Первая балканская социал-демократическая конференция состоялась в январе 1910 г. в Белграде.

[3] Станев Н. Указ. соч., стр. 271.

ию из македонцев-эмигрантов и бывших волченцев со своими офицерами, в количестве 30 тыс. человек. Сформированы были армии: первая — под командой генерала Бояджиева — сосредоточивалась на сербской границе, от Дуная до гор. Трына; вторая — под командой генерала Тодорова, перед которым была поставлена задача оккупировать Македонию,—была расположена на сербско-греческой границе, от гор. Трына до устья р. Марицы; третья — под командой генерала Тошева — была сосредоточена на румынской границе, в Добрудже. После царского манифеста Первая и часть второй армии ринулись на Сербию и Македонию. Армия генерала Бояджиева, численностью около 100 тыс. человек, тремя колоннами перешла сербскую границу и нанесла поражение сербской армии. Уже 15 октября она заняла Пирот, 23-го — Ниш, 4-го — Алексинац и соединилась с главными силами своих союзников. В Македонии продвижение шло еще быстрее: 4 октября болгарские войска заняли Враня, а от 5 до 9 октября—Штип, Велес, Куманово и Скопие. 3 октября в Солуне высадилась союзническая армия генерала Серрайля, но помочь Сербии она не могла. Сербский народ сражался храбро и отстаивал свою землю и независимость, неся большие жертвы. Но под напором австрийской армии, с одной стороны, и болгарской — с другой, его сопротивление было сломлено. Болгарские войска быстро заняли всю Моравскую долину, и после ожесточенных сражений, которые продолжались от 26 октября до 1 ноября, сербская армия была отброшена с большими для нее потерями к Косову полю, где собралось не больше половины ее первоначального состава, т. е. около 100 тыс. человек. Но и здесь она не могла удержаться и отступила к Албанским горам. Во время отступления и в боях у Призрена, где участвовало около 100 тыс. человек, сербская армия была окончательно разбита, значительная часть ее попала в плен. Остатки разбитой сербской армии, сербское правительство, командование армии, скупщина (парламент) и король Петр со своим окружением принуждены были бежать зимой через Албанские непроходимые горы к берегам Адриатического моря, откуда они были перевезены на остров Корфу; армия была реорганизована и впоследствии вместе с союзниками приняла активное участие в боях на солунском фронте.

В течение двух месяцев (1 октября — 30 ноября 1915 г.) Сербия и Македония были оккупированы, и война с Сербией закончилась. Война Австрии с Черногорией продолжалась. Только после взятия столицы—Цетыны (1 января 1916 г.)— Черногория капитулировала. С декабря 1915 г. целых 8 месяцев болгарская армия находилась в бездействии. И только с августа 1916 г. началась борьба с армией стран Согласия на солунском фронте, где война приняла позиционный характер и длилась до 15 сентября 1918 г., до прорыва болгарского фронта на Добро-поле.

Для управления оккупированными Сербией и Македонией болгарское правительство назначило свою администрацию. Для характеристики действий этой администрации и болгарских оккупантов достаточно указать, что ими в Сербии было убито 20 тыс. человек и сожжено около 40 деревень. А из высланных в Болгарию нескольких десятков тысяч сербов большая часть погибла[1].

28 августа 1916 г. Румыния вступила в войну против центральных держав. Болгария 1 сентября того же года объявила войну своей «северной соседке», «отнявшей у нее плодородную и дорогую Добруджу». Царь Фердинанд приказал болгарской армии «сразить коварного соседа... обеспечить объединение болгарскому народу, освободить от рабства своих братьев в Добрудже»[2]. Армия (3-я) генерала Тошева, численностью около 100 тыс. человек, занимавшая линию от Дуная до Черного моря и целый год находившаяся в бездействии, была брошена на Добруджу. 4 сентября был занят гор. Добрич. 5—6 сентября штурмом, с большими потерями для болгар, был взят сильно укрепленный Тутракан, где свыше 30 тыс. румынских солдат и офицеров попало в плен, 9 сентября был занят гор. Силистра. Борьба за овладение Кубадином кончилась победой болгарско-турецкой армии над русско-румынской. 22 декабря болгарская армия заняла Тульчу, и до конца декабря 1916 г. вся Добруджа, до устья Дуная, была занята болгарскими войсками. 6 декабря 1916 г. немцами при участии болгарских дивизий был занят Бухарест, и в скором времени оккупирована почти вся Румыния.

Экономика Болгарии во время войны и положение народных масс

Пролетариат, ремесленники и трудовое крестьянство Болгарии, испытав на себе все ужасы недавно минувшей балканской и межсоюзнической войн, были против новой ненавистной войны. Стихийные выступления 27-го Чепинского и 29-го Ямбольского полков 5 октября 1915 г. кончились поражением. Чтобы прекратить антивоенное движение в армии, было расстреляно много солдат. Желая навязать свою волю трудовому народу, царь Фердинанд и правительство Радославова расправлялись свирепо с малейшим проявлением несогласия, неподчинения, а тем более противодействия. Царским указом был утвержден небезызвестный раздел IV военно-карательного закона, который угрожал смертью за малейшее нарушение воинской дисциплины.

Так болгарский народ, скованный законами военного времени, был брошен на новое истребление в интересах буржуазии и династии и обречен на неслыханные испытания: гибель на фронте и ограбление в тылу.

Война принесла всему народному хозяй-

---

[1] См. статью Димитрова Г. «Европейская война и рабочее движение на Балканах». Журнал «Коммунистический Интернационал» № 5—6 за 1924 год.

[2] Станев Н. Указ. соч., стр. 321.

ству дезорганизацию и разруху. Почти все работоспособное мужское население было мобилизовано. Промышленность, сельское хозяйство, ремесленное производство лишились рабочей силы. Сельское хозяйство кроме того лишилось большой части рабочего скота. Не менее ⅓ рабочего скота использовалось на войну, а остальная часть пошла на прокормление армии. Сильно сократилось пополнение новыми орудиями и машинами. Размер обрабатываемой площади сократился на ¼, производительность труда упала. Если средний урожай за 1911—1915 гг. равнялся 2,5 млн. т. зерна, то в 1918 г. было собрано всего лишь 1,2 млн. тонн [1]. Крестьянская Болгария, основной статьей экспорта которой была пшеница, во время войны импортирует муку из Америки. Если в 1911 г. Болгария экспортировала на 47 639 340 левов пшеницы, а пшеничной муки — на 13 650 412 левов, то в 1916 г. экспорт пшеницы абсолютно прекратился; наоборот, Болгарии пришлось ввезти для своих нужд 1 109 351 кг муки, а в 1919 г. импорт муки достигает 23 252 605 килограммов [2]. На ввоз продовольствия Болгария потратила половину своих золотых запасов. Сильно сократилась и другая важная статья болгарского экспорта — скот и пищевкусовые продукты. В 1912 г. экспорт живого скота доходил до суммы в 4 млн. левов, пищевкусовых продуктов—до 125 млн. левов, а в 1919 г. экспорт живого скота падает до нуля, пищевкусовых продуктов—до 2 млн. левов [3].

Промышленность также сильно пострадала. Крупная промышленность, не связанная с военными нуждами, почти прекратила работу. Больше 70% индустриальных предприятий приостановило полностью или сократило до минимума свою работу [4]. Некоторое увеличение числа рабочих имело место в горной, пищевкусовой и отчасти в металлургической промышленности. В текстильной произошло сокращение числа рабочих, а также количества годовых рабочих дней. Производство сахара почти прекратилось.

Больше всего во время войны пострадало ремесленное производство. Не менее 75% всех мастерских было закрыто вследствие мобилизации либо из-за задолженности и отсутствия средств, сырья и кредита.

Налоговое бремя непрерывно росло: прямые налоги с 26 млн. левов в 1915 г. возросли до 58 млн. левов в 1918 г., а косвенные — с 75 млн. левов в 1915 г. до 220 млн. левов [5].

Государственный бюджет с каждым годом рос. Если в 1915 г. он выражался в сумме 275 379 886 левов, то в 1918 г. достигает 479 414 011 левов, а вместе с чрезвычайным бюджетом — 518 722 693 лева, не считая сверхсметных кредитований. Баснословно росли расходы по ведению войны. Если в 1911 г. бюджет военного министерства равнялся 38 600 006 левам, то в 1915 г. он достиг 59 315 960 левов и вместе со сверхсметными кредитованиями — 539 315 960 левов. А в 1918 г. одни только сверхсметные кредитования для военных нужд достигают астрономической цифры — 3 235 500 тыс. левов! Только сверхсметные кредиты на военные нужды за 1915—1918 гг. составляют 4 650 500 тыс. левов. За 3 года на военные нужды израсходовано на 1 119 324 340 левов больше чем за весь период свободного существования Болгарии (1879—1912 гг.) по всем статьям государственного бюджета.

К концу 1917 г. война обходилась Болгарии (по подсчетам д-ра Н. Сакарова) ежедневно в 4—5 млн. левов. По его же подсчетам, государственный долг к концу 1917 г. достиг 7 млрд. левов (в 10 раз больше чем накануне балканской войны) [6].

Но не только буржуазное государство грабило широкие народные массы: грабили и воровали, кто как мог, капиталисты, купцы, приказчики, предприниматели, поставщики, администраторы, военачальники и т. д. В то время когда (по образному выражению болгарского финансиста Д. Иорданова) «изнемогающий вооруженный болгарский народ был прикован целые три года к голым скалам Албании и Тиквиш, по диким склонам Беласицы... хищные гиены, одни как поставщики, другие как государственные предприниматели, бесцеремонно воровали, копили богатства, вкладывали их в десятки акционерных обществ, чтобы замаскировать свое обогащение» [7].

Грабили эти тыловые гиены не только болгарский народ: грабили они свободно, открыто инонациональное население в оккупированных Сербии, Македонии и Румынии, где, кроме творившихся безобразий и произвола, «разыгралась огромная спекуляция денежным курсом» Сербии и Румынии [8].

Буржуазия богатела, быстро копила капиталы, возникали и росли акционерные общества. За один только 1917 г. образовалось 65 новых обществ с основным капиталом в 378 900 тыс. левов, а за время с 1913 по 1918 г. было образовано 155 обществ с капиталом в 620 825 тыс. левов. Кроме того ранее существовавшие общества увеличили свой капитал в 3—5 раз [9].

Если в 1911 г. акционерные общества и банки с общим капиталом в 100 млн. левов принесли 9,7% дивидендов, то в 1916 г., согласно опубликованному балансу, акционерное общество «Иван Калпазанов» получило 40% чистой прибыли, акционерное общество «Розова Долина»—34%, акционер-

---

[1] Горов М. «Борьба крестьян в Болгарии», стр. 97. М. 1927.

[2] Д-р Симсонов Н. «Насърдчаваната индустрия». Ч. 1-я, стр. 81—82. София. 1926.

[3] Тимов С. «Экономика Восточной Европы». Т. I, стр. 234.

[4] Цонев Г. и Владимиров А. «Сентябрьское восстание в Болгарии 1923 г.», стр. 41. М 1934.

[5] Горов М. Указ. соч., стр. 97.

[6] Д-р Сакаров Н. «Държавните дългове през войната», стр. 15, 20 и 23. София. 1918.

[7] Иорданов Д. «Войната и новите акционерных дружества», стр. 6.

[8] Д-р Сакаров Н. Указ. соч., стр. 52.

[9] См. Иорданов Д. Указ. соч., стр. 8.

ое общество «Александр I» — 43,1%, акционерное общество «объединенных табачных фабрик» с капиталом в 5 млн. левов получило 55% чистой прибыли[1].

В то же самое время жизнь трудящихся масс в тылу стала невыносимой. Дороговизна росла с каждым годом. Рабочие, уходя на фронт, оставляли свои семьи без всяких средств к существованию. Их жены и дети из-за сокращения производства не могли найти работу даже за нищенскую заработную плату. Рабочие же, занятые в производстве, проживали в полной нищете. Вследствие неимоверной дороговизны товаров первой необходимости сильно упала реальная заработная плата рабочих. Хотя номинальная заработная плата была повышена в 1917—1918 гг. на 30—40%, но зато цены на продукты питания и товары первой необходимости повысились по сравнению с 1915 г. на 300—400—500%, а некоторые — даже на 1000—1200%[2], а в конце войны увеличились в 25—30 раз по сравнению с 1910 годом[3].

Дороговизна, реквизиции, введение монопольных цен на сельскохозяйственные продукты, спекуляция, грабеж сильно ударили по трудовому крестьянству. Крестьяне были вынуждены отдавать свое зерно государству по твердым ценам: они получали меньше чем 0,5 лева за килограмм, а за муку, которую вынуждены были покупать, платили по 10—12 левов за килограмм[4].

На полученные по реквизиционным квитанциям деньги крестьяне не могли купить и половины того, что раньше покупали. Особенно тяжко стало положение крестьян в связи с неурожаем в 1918 г., когда крестьяне всей Центральной и Западной Болгарии вынуждены были покупать импортный хлеб. Число безземельных крестьянских хозяйств в конце войны достигло 40 тыс., а число карликовых — 110 тысяч[5].

Нажим реквизиционного аппарата, действие вооруженных реквизиционных отрядов, дороговизна, спекуляция, аферы, грабежи, насилие, разорение, нищета, голод—все это вызывало острое недовольство среди населения в городе, в деревне и на фронте. Во многих городах: Варне, Пловдиве, Софии и др.— происходили голодные бунты и выступления женщин. Деревня бунтовала: крестьянки выступали против реквизиции, против дороговизны, против войны. Оппозиция в парламенте вынуждена была заявить, что во многих местах деревня больше не дает реквизировать хлеб и поэтому государство вынуждено посылать вооруженные отряды, что население бунтует и протестует против того, что болгарские власти отбирают у него хлеб и отдают его германцам, а собственные его сыновья едят черствый кукурузный хлеб, ходят оборванные, умирают от голода и холода, что власти издеваются над крестьянами при реквизиции, насилуют солдатских жен и т. д.[6].

Настроения из городов и деревень переносились на фронт, в окопы. Солдаты, голодные, босые, оборванные, измученные, усталые от трехлетнего неравного боя с противником, далеко превосходящим их как в количественном, так и военно-техническом отношении, озлобленные против правящих классов, против царя и своих союзников — немцев,— против войны, начинают бунтовать: расправляются с ненавистными офицерами, уходят в тыл, сдаются в плен. Нарушения дисциплины, дезертирство, бунты становятся частым явлением. Вступление Америки в войну на стороне Антанты, Великая Октябрьская социалистическая революция в России и заключение Брестского мира, страшная перспектива наступающей четвертой зимы на фронте еще более усилили бунтарское, революционное настроение армии. Солдаты солунского фронта, требуя мира и прекращения войны, предъявили ультиматум правительству, что если до 15 сентября (1918 г.) не будет заключен мир, то они сами заключат его.

Царь Фердинанд в ответ на доклад главнокомандующего генерала Жекова о положении на фронте заявил: «Знаю, что дух армии очень плох, и что она, к сожалению, совершенно заражена всякого рода преступными идеями агитаторов. То, что считал невозможным, является печальным и опасным фактом: действующая армия окончательно отравлена всякими политическими и партийными страстями. Поэтому не могу больше рассчитывать на нее, как прежде. Катастрофические последствия от этого грозного положения не замедлят положить конец моей деятельности на Востоке»[7].

12 июля того же, 1918 г. главнокомандующий снова докладывает царю:

«Армия терпит лишения. Причина этому— беспорядки внутреннего управления Болгарии... Недоброкачественный хлеб не удовлетворяет тех, от которых отечество требует чрезвычайных усилий. Мясо выдается всего лишь раз в неделю. Бедствий по обмундированию еще больше. Солдаты голы и босы. Босоногие должны идти по острым скалам против врага. Вместо фуражки многие носят повязки из порванных мешков... А зима идет... Голодный желудок и плохое обмундирование — вот что создает плохой дух... Слухи о грабежах и обогащениях в тылу раздражают всех. Мы своей кровью охраняем здесь безопасность государства, а там, внутри — они ограбили его, продали и разбогатели... Теперешнее правительство создало это положение...»[8].

---

[1] См. Коларов В. «Кто выиграл от войны», стр. 23—24 (Речь, произнесенная в парламенте 27 октября 1917 г.).

[2] См. «Роботнически вестник» от 1 октября и 10 декабря 1917 г. и от 25 апреля 1918 года.

[3] См. журнал «Ново време», кн. 12-я. за 1920 г., ст. «Още по въпроса за нашата външна скъпотия».

[4] См. «Мемуары на Бюрото на търговско-промышлените камари в царствата», стр. 6. 1920.

[5] Горов М. Указ. соч., стр. 98—99.

[6] Станев Н. Указ. соч., стр. 385.

[7] Там же, стр. 389.

[8] Там же, стр. 389—390.

Влияние русской революции на Болгарию

Февральская революция и свержение царизма были встречены народными массами Болгарии и войсками с величайшим восторгом. Но особенный восторг возбудила Великая Октябрьская социалистическая революция, которая послужила переломным моментом в процессе революционизирования народных масс, и в развитии партии тесняков, принявшей большевистские лозунги.

Тираж партийного органа «Роботнически вестник» с 5 тыс. экземпляров быстро увеличился до 30 тыс. и больше. Фронт покрылся сетью нелегальных солдатских комитетов и полулегальных групп, распространявших партийную печать. Д. Благоев после победы Великой Октябрьской революции писал: «Судьба теоретиков и вождей II интернационала чрезвычайно трагична. Они провалились вместе с провалом II интернационала. И никогда уже они не смогут выдвинуться как новые теоретики и вожди международного пролетарского движения»[1].

«Рабочий вестник», центральный орган партии, занял ту же позицию, что и Д. Благоев, по отношению к русской революции, Циммервальдскому объединению и II интернационалу. В 1917 и в 1918 гг. конференции партии тесняков полностью подтвердили позицию партии.

Советское правительство 26 октября 1917 г. предложило всем воюющим государствам заключить общий мир без аннексий и контрибуций.

Капиталистические государства отвергли это предложение, и революционная Россия должна была заключить мир только с Германией.

Болгария вместе со своими союзниками заключила перемирие с Россией в Брест-Литовске 17 декабря 1917 года. По Брестскому миру 1918 г., Советской Россией с Германией было решено, что война между Болгарией и Россией прекращается, восстанавливается довоенное положение, Болгария примет участие в разрешении вопросов, связанных с Дунаем. 24 февраля 1918 г. был заключен мир между Румынией, центральными державами, Болгарией и Турцией, по которому Добруджа объявляется «кондоминумом» союзников.

Но война с Антантой продолжалась.

Конец войны — мир в Нейи

Правительство и главное командование видели растущее недовольство и брожение на фронте, но они не могли его остановить ни мерами насилия, ни обещаниями, в которые никто уже больше не верил.

После вмешательства США в войну и после русской революции царь Фердинанд, хорошо осведомленный о состоянии на фронте, безусловно, уже не верил в непобедимость Германии. Это побудило его искать контакта с Антантой. Германофильское правительство Радославова было заменено 20 июня 1918 г. руссофильской коалицией от демократической и радикал-демократической партий во главе с шефом демократической партии Малиновым.

Приход к власти руссофильской коалиции должен был послужить отдушиной для растущего брожения на фронте и в стране.

Однако новое правительство ничего не сделало для снабжения солдат пищей, одеждой, ничего не сделало оно и для прекращения войны. Поэтому брожение в армии продолжалось. Не помогла и агитация руководителей буржуазных партий, включая и самих министров и «широких социалистов», среди войск на фронте.

В это время силы Антанты на южном фронте увеличились. Франция и Англия собирали новые войска на солунском фронте; вооружение английских и французских войск и численность их далеко превосходили болгарскую армию. Все показывало, что болгарская армия не сможет выдержать ни одного серьезного сражения с более сильным противником. Это знали и правительство и главный штаб, но ничего не предприняли для заключения мира.

14—15 сентября 1918 г., после прорыва на доброполевском фронте, началось быстрое отступление болгарской армии; 25 сентября Болгария запросила мира, и 29 сентября было заключено перемирие в Солуне, согласно которому болгарское войско должно немедленно освободить все сербские и греческие земли (ст. 1); немедленно демобилизовать всю болгарскую армию, кроме 3 пехотных дивизий и 4 кавалерийских полков, необходимых для охраны восточных границ, Добруджи и железных дорог (ст. 2); сдать оружие союзному командованию (ст. 3); часть болгарской армии (в общей сложности около 90 тыс. человек), находящаяся на битольском фронте, должна сложить оружие и остаться в качестве заложников (ст. 5); Болгария обязывалась в четырехнедельный срок удалить со своей территории все германские и австрийские войска, военные органы, консульские представительства и гражданских лиц[2]. Условия перемирия были равносильны оккупации.

Болгарские солдаты, которые сражались храбро, бросили фронт и отправились к Софии, столице Болгарии, чтобы потребовать у правительства и болгарской буржуазии отчет о войне и о поражении Болгарии. Вспыхнуло известное Владайское восстание отступающих болгарских войск. Более 50 тыс. солдат поднялось против своих начальников и болгарского правительства, захватило главный болгарский штаб в пограничном городе Кюстендиле и остановилось в городе Радомире, около Софии. Тут правительство попыталось путем переговоров ликвидировать восстание и обезоружить восставших солдат. Для этой цели 25 сентября был выпущен из тюрьмы Ал. Стамболийский и в тот же день вызван на аудиенцию к военному министру и к царю

---

[1] «Ново време», кн. 2-я за 1919 г., статья Д. Благоева «Пролетариат и отечество».

[2] Ключников. Международная политика новейшего времени (сборник документов). Ч. 2-я, стр. 177—178. НКИД. М. 1926.

Фердинанду, где на него была возложена задача успокоить солдат. Стамболийский посоветовал царю «укрепить фронт всеми средствами, чтобы устоять, пока наше предложение о перемирии будет принято. После этого нужно приостановить продвижение отколовшихся от фронта частей, идущих к Софии, не дать им возможности превратиться в озверевшие толпы и наделать массу опустошений. С военным министром говорили по этому вопросу, и мы пришли к выводу, что я с другими моими товарищами... должен тотчас же попробовать своим влиянием успокоить их и вразумить и после этого перелететь на самый угрожающий участок боевой линии фронта. Я готов для этой миссии» [1].

Стамболийский и Даскалов явились в Радомир, но, убедившись, что восставшие солдаты не слушают никого и сметут все на своем пути, они под напором восставших масс провозгласили 27 сентября Болгарию республикой и повели восставшее войско к столице. Болгарское правительство не располагало никакими войсками, оно должно было для обороны Софии воспользоваться частью германских войск. Земледельческие руководители вместо организации наступления бросили фронт восстания. Наступление на Софию было отбито, и восстание с помощью юнкеров и германских войск с большими жертвами подавлено.

Восстание войск и наступление их на Софию могли быть организованы только партией тесняков, которая вместе с Земледельческим союзом пользовалась большим влиянием среди солдат и которая являлась главным организатором солдатских комитетов. Но партия тесняков не могла выполнить своей роли. Главная причина ее пассивности и неучастия во Владайском восстании — не изжитые тогда еще социал-демократические традиции. Партия тесняков не была еще большевистской партией. «Благоев, как основатель нашей партии,— говорит тов. Г. Димитров,—отличался от других особыми чертами, которые являются отличительными чертами болгарского тесничества и которые свидетельствуют о родственности тесничества в Болгарии с большевизмом... Но Благоев и болгарское тесничество отличались от большевиков и большевизма. И даже тогда, когда мы стали сооснователями Коммунистического Интернационала, мы далеко еще не были большевиками, настоящими большевиками. И то, что мы не были большевиками, привело нас к ошибкам в 1918 г. непосредственно после войны, во время восстания солдатских масс, а также при фашистском перевороте 9 июня 1923 г.» [2]. Партия тесняков с восторгом встретила большевистскую революцию и восприняла большевистские лозунги, но на деле была еще не способна возглавить восставшие солдатские массы, организовать восстание, распространить его по всей стране, присоединив к нему народные массы, и дать ему ясную, определенную революционную цель. Руководство партии видело во Владайском восстании только стихийный бунт разбитых на фронте солдат, не оценило по-ленински его огромное революционное значение для страны, а также его международное революционное значение. Но это историческое событие не прошло мимо Ленина, и он оценил его должным образом.

«Возьмите,— говорит он,— Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. Там теперь, где провозглашена крестьянская республика, в Софии, в этом важном железнодорожном пути... им приходится бороться с крестьянской республикой маленькой страны. С точки зрения военной, это— пустяки... а с точки зрения революционной— очень много. Это не колония... Это им не центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия,— тут солдаты разлагаются, когда они встречают революцию. Что это не фраза, это доказывает Германия» [3].

По отношению к Владайскому восстанию партия тесняков сделала величайшую ошибку, которую она не сразу осознала. Несмотря на это в целом партия вышла из войны окрепшей вследствие своей мужественной борьбы против войны. В мае 1919 г. на своем съезде она переименовалась в коммунистическую, приняла коммунистическую программу и присоединилась к III, Коммунистическому Интернационалу. Она стала массовой партией, второй политической силой в стране и первой в городах.

Война привела Болгарию к политическому и революционному кризису. 3 октября 1918 г. царь Фердинанд под нажимом восставших масс и по требованию Антанты отрекся от престола в пользу своего старшего сына Бориса. 4 октября вступил на престол князь Борис под именем царя Бориса III. Народные массы потеряли доверие ко всем правящим партиям Болгарии. Буржуазный государственный аппарат шатался, господство буржуазии было в опасности. Чтобы спасти свое положение, болгарская буржуазия, скомпрометированная в глазах народных масс, привлекает в государственное управление мелкобуржуазные левые партии, с помощью которых пытается внести успокоение в среду возбужденных рабочих и крестьянских масс, подавить революционное настроение в стране. Начинается быстрая смена правительств.

18 октября 1918 г. Ал. Малиновым было составлено первое широкое коалиционное

---

[1] Стамболийский А. «Двете ми срещи с царь Фердинанд», стр. 31. София. 1919.

[2] Димитров Г. «Д. Благоев» (Речь, произнесенная по случаю 10-й годовщины со дня смерти Д. Благоева на совместном собрании О-ва старых большевиков и болгарской политэмиграции в Москве в мае 1934 г.). См. журн. «Комунистическо знаме», кн. 5-я, за 1934 год.

[3] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 266.

правительство, с участием демократов, радикалов, представителей народной партии, Земледельческого союза и «широких социалистов». 28 октября 1918 г. Ал. Малинов уступает премьерство шефу народной партии Т. Тодорову, который возглавил ту же коалицию и привлек еще партию цанковистов, в частности д-ра Данева, а из Земледельческого союза — Ал. Стамболийского. Те же самые причины привели к новой реконструкции кабинета Т. Тодорова— 8 мая 1919 г.,— когда в качестве министра внутренних дел был привлечен и назначен «широкий социалист», болгарский Цергибель,— Кр. Пастухов. Это правительство произвело 18 августа 1919 г. парламентские выборы, на которых было избрано: 85 депутатов от Земледельческого союза, 47 от коммунистической партии (тесняков), 28 от «широко-социалистической» партии, 28 от демократической партии, 19 от народной партии, 8 от радикальной, 8 от прогрессивной партии, 2 от либеральной (правительственной во время войны) партии.

Ал. Стамболийский, как шеф самой крупной парламентской фракции — Земледельческого союза,— 6 октября 1919 г. возглавил новый коалиционный кабинет — из земледельцев, народников и прогрессистов (цанковистов) — и в качестве премьер-министра 10 октября 1919 г. выехал делегатом на Парижскую мирную конференцию. 16 октября Антанта оккупировала Фракию. 27 ноября 1919 г. Стамболийский подписал в Нейи, около Парижа, мирный договор, подводивший итог участию Болгарии в первой империалистической войне.

Согласно этому договору, болгарский народ, за то что обильно пролил кровь своих сыновей в интересах буржуазии и Кобургской династии, должен был уплатить репарации странам Антанты на сумму в $2^{1}/_{4}$ млрд. франков золота в течение 37 лет (ст. 121); должен был передать безвозмездно Сербии, Румынии и Греции в общей сложности: 13 500 дойных коров, 125 быков, 9200 волов, 12 500 лошадей, 2450 мулов, 33 тыс. баранов (ст. 127); должен был поставлять безвозмездно Югославии в течение 5 лет по 50 тыс. т. угля (ст. 128)[1] и т. д.

Вместо осуществления «национального идеала», «освобождения порабощенных братьев», т. е. вместо «объединения болгарской нации», договор требует раздела Болгарии. Македония была поделена в основном между Югославией и Грецией, а Фракия была поделена между Грецией и Турцией, и Болгария лишилась порта Деде-Агач и выхода в Эгейское море. Добруджа осталась попрежнему под властью румынских чокоев (помещиков). Эта «освободительная» война привела к потере старых территорий, принадлежавших Болгарии до войны, прилегающих к сербской границе, а именно: часть Кульского района, часть Царебродского района с городом Царебродом, часть Трынского района, городок Босилеград и Струмишки — район, протяжением всего в 2430 кв. км с 91 888 жителями. Она также потеряла всю Южную Фракию, принадлежавшую ей до войны, протяжением 8423 кв. км с населением 230 тысяч[2].

Таким образом, территория Болгарии в результате войны уменьшилась со 114 077 кв. км до 103 244 кв. км, а население—с 5 млн. до 4700 тыс. жителей, то есть Болгария лишилась 10 853 кв. км и около 300 тыс. населения. Кроме того она потеряла 150 тыс. человек убитыми, 300 тыс. ранеными, 160 тыс. стали инвалидами. Ее государственный долг достиг более чем 100 млрд. болгарских левов. Это означает, что на каждого болгарского гражданина, включая и детей, приходится 22 273 лева государственного долга[3].

Таков печальный для Болгарии итог ее участия в первой империалистической войне.

---

[1] См. Международная политика новейшего времени (сборник документов). Ч. 2-я, док. № 204. Изд. НКИД. М. 1926.

[2] Там же. Статья 27-я, стр. 400.

[3] См. Димитров Г. Ст. «Европейская война и рабочее движение на Балканах». «Коммунистический Интернационал» № 5—6 за 1924 год.

СООБЩЕНИЯ

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

(Из времен революционного подполья)

Л. Бранденбургский

Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.
(В. Маяковский)

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем относится к апрелю 1905 года.

Работая над воспоминаниями о Ленине, мы вынуждены хоть вскользь писать и о своем прошлом. Мое участие в революционном движении началось в 1900 году. Будучи студентом Новороссийского университета, я примкнул к «Южной революционной группе», которая была первой искровской организацией в Одессе. В качестве члена совета землячеств Новороссийского университета я принял активное участие в той всеобщей стачке студентов, которая была организована зимой 1901—1902 г. и охватила до 30 тыс. человек. За участие в стачке я был арестован и исключен из университета без права поступления в высшие учебные заведения.

В 1903 г. я стал членом Одесской организации большевиков и вел пропагандистскую работу, а осенью 1904 г. был уже командирован в Екатеринослав (ныне Днепропетровск) Одесским комитетом, который являлся в то время центром большевистских организаций на юге России.

В Екатеринославе я скоро был введен в состав Комитета и с тех пор в течение ряда лет оставался в рядах профессионалов-революционеров.

В начале февраля 1905 г. мне понадобилось написать письмо-доклад в Женеву на имя Владимира Ильича о состоянии нашей организации, о нашей борьбе с меньшевиками и о поездке, которую я незадолго перед тем совершил по поручению екатеринославских большевиков в наш общероссийский большевистский центр, находившийся тогда в Петербурге. Летом 1904 г. меньшевики захватили большинство в Центральном Комитете и «необходимо было организовать новый, III съезд партии, чтобы создать новый ЦК партии... На трех областных конференциях большевистских комитетов (Южной, Кавказской и Северной) было избрано Бюро Комитетов большинства, которое повело практическую подготовку к III съезду партии» [1]. Это и был центр наших большевистских организаций в описываемый период.

Владимир Ильич в те годы и лично и при посредстве Надежды Константиновны Крупской поддерживал энергичную переписку с большевистскими организациями в России и отдельными членами этих организаций. Владимир Ильич был признанным руководителем и вождем большевиков, и мы, профессионалы-революционеры, усвоили уже тогда, в 1905 г., привычку отчитываться в своей работе перед Ильичем. Мы знали, что письма наши не останутся без ответа, что меры будут приняты. Владимир Ильич чрезвычайно дорожил этой связью с практиками.

Доклад мой был написан химическими чернилами и находился у меня дома. В мое отсутствие (я был на заседании комитета партии) в моей комнате жандармы произвели обыск. Вся моя «химия», а с ней вместе и паспорт попали в руки екатеринославской жандармерии, что заставило меня перейти на нелегальное положение и через некоторое время оставить Екатеринослав. В конце марта меня отправили на короткое

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 50.

время в Женеву, на выучку к Владимиру Ильичу. В марте или в самом начале апреля я был уже у Ильича.

Забыл название улицы, на которой жил Владимир Ильич, но твердо помню, что она находилась в конце знаменитой Rue du Carouge, которая была центром эмиграции вообще и большевистской эмиграции в особенности.

Владимир Ильич жил в небольшой квартире из двух комнат, на одном из верхних этажей. Я застал Ильича в кабинете, заваленном книгами, журналами, бумагами. Рабочим столом Владимиру Ильичу служил обыкновенный большой белый кухонный стол.

Сразу завязалась у нас оживленная беседа. Характерно, что прежде всего Владимир Ильич стал меня расспрашивать не о работе, а о том, как я путешествовал. А я готовился всю дорогу к деловому докладу. «Погодите, погодите, успеете. Передохните раньше, придите в себя».

Громко, заразительно хохотал Ильич, когда я ему рассказывал о том, как ночью, конспиративно, вместе с группой контрабандистов я «крал» русско-австрийскую границу. Весело разглядывал он мою зимнюю амуницию, показывая на горячие лучи апрельского солнца, которые падали на его «письменный» стол.

А затем, познакомивши меня с Надеждой Константиновной, Ленин предложил приступить к делу. «А что вы тут будете делать и как долго тут пробудете, я не стану спрашивать,— прибавил Владимир Ильич,— этот вопрос будет решен вместо вас и за вас другими».

Владимир Ильич встретил меня более чем дружески, как старший брат, как старший товарищ, подбодрил, создал сразу непринужденность в обращении и вместе с тем сразу же дал почувствовать, что я профессионал, что я член большевистской партии и что есть организация, которой я обязан подчиняться.

Владимир Ильич был исключительно внимателен к товарищам, внимателен, я бы сказал, до мелочей. Ведь мог же он без всякого труда направить меня к какому-нибудь товарищу, который занялся бы вопросом о моем устройстве в Женеве. Я, конечно, нуждался в помощи и содействии как человек, никогда не бывавший заграницей и не владевший местным разговорным языком. Ленин никому не перепоручил эту помощь, а лично дал мне подробные указания, в какой части города искать для себя недорогую комнату, сколько приблизительно следует платить, и направил меня в русскую столовую, находившуюся тут же недалеко, на Rue du Carouge. Этой столовой заведовала наша старая большевичка — О. Б. Лепешинская. Ленин предупредил меня о том, что столовая к вечеру обычно превращается в большевистский клуб и что там я, вероятно, встречу коекого из старых товарищей и заведу новые знакомства.

Прежде чем отпустить меня, Владимир Ильич сказал, что я обязан буду принять участие в жизни клуба и не только слушать других, но и сам читать доклады и лекции. Подробнейшим образом Владимир Ильич расспросил меня о том, какими теоретическими вопросами я интересовался в последнее время, какие книги читал, над чем работал, и в обстоятельной беседе пытался выяснить, что я собою представляю как большевик. «Надо будет подучиться»,— сказал он мне. Я ответил, что в этом основная цель моей поездки в Женеву. «Если, однако,— прибавил Владимир Ильич,— ход событий не потребует вашего возвращения на родину». Я тогда не обратил достаточного внимания на эту последнюю фразу, но через три месяца убедился в том, что Владимир Ильич не зря предупреждал меня об этом, ибо уже в июле мне было предложено, не без его участия, вернуться на подпольную работу в Россию. Но об этом ниже.

Узнав от меня, что я интересовался аграрным вопросом и аграрной частью нашей партийной программы, и основательно переговорив со мной на эту тему, он потребовал, чтобы я сразу же начал готовиться к докладу по аграрному вопросу.

Под личным руководством Владимира Ильича я эту тему разработал, и спустя приблизительно две — три недели, когда ознакомился с обстановкой, я сделал свой доклад в присутствии Владимира Ильича. Присутствие Ленина, с одной стороны, невероятно радовало и бодрило, но в то же время, как это нетрудно понять, и немало меня смущало. По его же предложению, я взял на себя руководство кружком по изучению аграрного вопроса. Так Владимир Ильич подходил к вопросу о выращивании молодых большевистских кадров.

Не успел я обосноваться в Женеве, не успел, как говорится, по-настоящему оглянуться и близко ознакомиться с городом, как мне было предложено вернуться к исполнению своих прямых обязанностей — большевика-профессионала. Русско-японская война ускорила ход революционных событий, вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин» в Черноморском флоте, недалеко от Одессы, где в то время происходила общая стачка рабочих. Незадолго перед этим в Лондоне собрался III съезд партии, состоявший из одних делегатов-большевиков; делегаты-меньшевики, которых задержали в Женеве, организовали там свою, меньшевистскую конференцию.

Когда III съезд закончил свою работу и Ленин вместе с другими товарищами-делегатами вернулся в Женеву, он сделал нам подробный доклад о работах съезда, после чего мы принялись за подробное и исчерпывающее изучение постановлений съезда.

Однако некоторым из нас недолго суждено было заниматься этим изучением. Вновь избранный на III съезде ЦК постановил направить немедленно на работу в Россию как можно больше членов партии, оказавшихся к тому времени по той или иной причине заграницей. В списке отправляемых в Россию — об этом можно говорить с гордостью — был и автор этих строк и ряд его товарищей (покойный

М. И. Васильев-Южин и др). Направили нас в различные города нашей необъятной родины: Васильев-Южин, например, получил направление в Одессу, я был направлен в Прибалтийский край.

Инструктировал нас лично Владимир Ильич, притом каждого в отдельности, в очень дружеской, интимной обстановке.

Много раз в жизни, в подпольной, а затем и в советской работе, мне поручались ответственные задания, и в связи с ними я получал подробные инструкции, но ничего, хоть отдаленно похожего на то, что имело место в моей революционной практике в июне 1905 г. в Женеве, я не встречал и не переживал. Мы, конечно, все получили общие указания — и очень дельные — от того члена ЦК, который непосредственно нас отправлял на работу. Но помимо этого с нами беседовал Владимир Ильич. Он назначил мне, например, встречу в кафе, как принято было в то время заграницей, на той же улице, Rue du Carouge. Встретились мы вечером, заказали по кружке пива. Отпив из кружки и отставив ее в сторону, Владимир Ильич заговорил. Владимир Ильич сжато и кратко охарактеризовал текущий момент, состояние России, положение на войне, происходившие в стране стачки, восстания крестьян, событие на «Потемкине», а затем перешел к постановлениям III съезда партии и резолюциям женевской конференции меньшевиков, которую он все время упорно называл съездом. «Два съезда — две партии», [1] — так Ленин определял сложившееся тогда положение.

Владимир Ильич говорил и о тактической линии III съезда, о крестьянстве, об организации революционных крестьянских комитетов, о конфискации помещичьих земель, о массовых политических стачках в городах, о принципиально допустимом участии большевиков во временном революционном правительстве и пр. Владимир Ильич говорил со мной об общей высокой культурности населения Прибалтийского края по сравнению с коренными русскими районами, требовал от меня и от моих будущих товарищей по работе в Риге, чтобы мы, зовя пролетариат в бой и готовя его к этому бою, напрягли все свои силы и отдали все свои знания, чтобы не допустить тлетворного влияния меньшевиков на революционных рабочих, чтобы сохранить чистоту большевистских рядов и дать рабочим Прибалтийского края правильное изложение всех тактических решений, принятых III съездом партии.

Владимир Ильич говорил долго и с большим увлечением. Мне запрещено было, конечно, что-либо записывать из того, что он говорил, да и не нужно было, ибо все, что говорил Ленин, крепко запоминалось.

После ответа Владимира Ильича на некоторые мои недоуменные вопросы, когда мы расставались, Владимир Ильич произнес такую фразу: «Мы вскоре увидимся в России». Ленин всегда видел будущее зорче всех и глубже всех. Мы, конечно, все тогда рассматривали ситуацию в России как очень революционную, но мы неспособны были предвидеть тот размах, который революция приняла в ближайшее же время, к осени 1905 г., то есть через какие-нибудь 3—4 месяца после описанной встречи. Мы не думали, что революция сможет вскоре принять такие формы, которые позволили бы Владимиру Ильичу работать среди нас, революционеров-практиков, и в самой России руководить революцией. Владимир Ильич оказался прав в своем предвидении.

Мне действительно суждено было скоро встретиться опять с Владимиром Ильичем в революционном Петербурге — весной 1906 г. на партийном собрании, на котором я председательствовал, а Ленин делал доклад. Я знал, что доклад будет делать Ленин, и встретил его как организатор собрания.

После вечера, который я провел с Владимиром Ильичем перед отъездом из Женевы и который запомнил на всю жизнь, я, как и другие товарищи, уезжавшие по предложению ЦК в Россию на подпольную работу, на другой же день отправился в путь.

Я имел право остановиться только в Берлине, где, согласно полученным от члена ЦК инструкциям, должен был захватить с собой на родину нелегальную литературу. В Берлине агент ЦК купил мне добротный немецкий костюм и модную шляпу, надел на меня «панцырь» (так мы называли специальное приспособление, в которое упаковывали подпольную литературу, главным образом выходившие заграницей большевистские газеты на тонкой папиросной бумаге, и который мы надевали под рубашку). Агент посадил меня в вагон 4-го класса (такие вагоны курсировали тогда между Берлином и Франкфуртом).

В Ригу я прибыл в начале июля. Здесь меня встретил другой агент ЦК. Это был Максим Максимович Литвинов, звали его тогда «Папашей». Меня немедленно свели с Рижским комитетом РСДРП(б), под руководством которого я и стал проводить в жизнь только что полученные в личной беседе директивы В. И. Ленина. Через неделю — другую мне предоставлено было широкое поле для революционной работы — Балтийский вагоностроительный завод. И вот рабочим этого завода главным образом я и передал все то, чему меня научил Владимир Ильич за три месяца пребывания в Женеве и непосредственно перед самым отъездом.

Директивы Ленина в развернутом виде были мною подробно переданы Рижскому комитету РСДРП(б), членом которого я скоро стал и в котором застал товарищей Кобозева, Бородина и др.

★

В третий раз я встретился с Владимиром Ильичем в Париже в годы столыпинской реакции. Вторая Государственная дума была распущена, социал-демократическая фракция предана суду, издан был новый избирательный закон, известный как закон третьего июня, который еще более сокра-

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 61.

тил представительство от рабочих и крестьян, а царское правительство стало преследовать все революционные организации пролетариата; начались карательные экспедиции и расстрелы.

Моя работа в Риге закончилась арестом. Несмотря на «амнистию» царя, объявленную в октябрьские дни, меня из рижской центральной тюрьмы не освободили, хотя как член социал-демократической организации я подпадал под действие точного смысла «амнистии». Вместо этого на скорую руку было состряпано новое обвинение, связанное с моей работой на Балтийском вагоностроительном заводе, по другой, уже более строгой статье царского Уголовного уложения, не подпадавшей под «амнистию». Эта статья и была мне неожиданно предъявлена с издевательским извещением, что по прежней статье я амнистирован. Свободу я получил только спустя некоторое время, когда под влиянием общей тогдашней революционной обстановки меня все же из тюрьмы выпустили, хотя и временно, до суда, и под денежный залог.

Прошло много времени. Я успел переехать на работу в Петербург и там был в конце июля 1906 г. на станции Удельная арестован и впоследствии вместе с другими осужден Петербургской судебной палатой по делу Петербургского комитета партии, известному как «дело 19». Я успел даже отбыть наказание по этому делу и вернуться к своей революционной работе, когда разгул на этот раз уже столыпинской реакции коснулся и меня. Спустя три года вспомнили все же о деле Балтийского завода и собрались поставить в рижском окружном суде процесс, по которому вместе со мной привлекалось еще около 20 товарищей.

Время было исключительно жестокое. Статья, по которой нас собирались судить, грозила каторгой, а я еще находился на свободе и даже вне Риги. Естественно, что меня буквально за несколько дней до начала процесса с легальным паспортом на имя товарища латыша отправили заграницу. Два месяца я прожил в Швейцарии. К тому времени Владимир Ильич вместе с некоторыми, активно работавшими большевиками переехал из Женевы в Париж.

В Париже мне посчастливилось в третий раз встретиться с Лениным. Это было в 1909 году.

Я встретил Ленина вскоре после общероссийской конференции РСДРП, состоявшейся в Париже в декабре 1908 г., резко осудившей, по предложению Ленина, ликвидаторство, и после совещания расширенной редакции большевистского «Пролетария» в 1909 г., исключившего из большевистской организации «отзовистов», этих «ликвидаторов наизнанку».

На этот раз я не пошел к Ленину на квартиру, а встретил его на первом же собрании большевистской секции (так называлась наша организация в отличие от меньшевистской группы). Незадолго перед тем вышла в свет знаменитая книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Над этой книгой Ленин усиленно работал в предыдущем, 1908 г., когда наступление контрреволюционной реакции нашло свое выражение также и в усиленных попытках «критиковать», «ревизовать» марксизм и когда появились всевозможные религиозные течения, прикрытые якобы «научными» доводами. «Критика» марксизма стала модой»[1].

Мы зачитывались новой книгой Ленина, этими «критическими заметками об одной реакционной философии». Ленин, только что выпустивший глубоко научный труд, поглощенный огромной революционной работой как вождь и руководитель всей большевистской организации нашей страны, находил время для активного участия в жизни нашей, весьма тогда немногочисленной парижской секции большевиков, собиравшейся регулярно в кафе на Орлеанской улице (Avenue d'Orléans). Ленин часто сам делал доклады, подробно останавливаясь на вопросах реакционной философии Маха и Авенариуса, исправлял ошибки, которые некоторые товарищи допускали, подпадая иногда под влияние модной тогда «теории».

Я хорошо помню случай с товарищем, имя его я забыл. Это был крепкий большевик, с живым умом, много над собой работавший. Прекрасный агитатор и пропагандист, он исключительно много читал. Читал он и Маха... и несколько увлекся им. Он начал безбожно путаться в вопросе о том, существуют ли вещи сами по себе, независимо от нашего сознания и восприятия, или же они существуют исключительно постольку, поскольку мы их видим, осязаем и пр.

Узнав об этих его сомнениях, Ленин в одном из своих докладов на нашей секции, обращаясь к этому товарищу, стал сердито стучать пальцами по столу и настоятельно требовал ответа, будет ли стол существовать, если он, Ленин, перестанет на него смотреть, и сохранит ли стол свою твердость, если он перестанет по нему стучать.

Длительно и подробно останавливался Ленин на вопросе о существовании объективной реальности. Видно было, что он хотел до конца убедить товарища, а вместе с ним и нас всех.

Хорошо помню, что наш товарищ после этого доклада Ленина понял свою ошибку и больше ее не повторял. В начале 1918 г. я встретился с ним в Москве, и мы, говоря о парижской эмиграции 1909 г., вспомнили об этом эпизоде.

Меньшевистские эмигранты в Париже немало глупостей болтали о философских работах Владимира Ильича, когда Ленин готовил свою книгу. Они не могли себе представить, что Ленин закончит труд, за который не осмелился приняться их вождь — Плеханов.

Плеханов и его ближайшие меньшевистские друзья считали себя уже десятки лет

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 97.

патентованными теоретиками марксизма. Им приналежало, стало быть, взять на себя защиту марксизма от всякой нечисти, нанесенной разгулом столыпинской реакции, «но они предпочли отписаться парой незначительных статей фельетонно-критического характера и потом уйти в кусты» [1].

А когда за эту исторически необходимую работу взялся Владимир Ильич и выполнил ее, меньшевики всячески поносили книгу, охаивая ее и в печати и на собраниях. Ленин всегда спокойно и терпеливо отвечал на возражения, хотя книга его была исчерпывающим ответом на все возможные в этой области вопросы. Замечательно при этом то исключительное внимание, которое Владимир Ильич уделял нам, небольшой группе большевиков, составлявших в то время нашу большевистскую секцию. Он неустанно предостерегал нас от увлечения Махом и Авенариусом как идеалистами, выражающими идеологию враждебных классов.

На наших собраниях Ленин резко разоблачал махистов и показывал нам, как их философский идеализм приводит к поповщине.

Ленин пристально следил за тем, чтобы никто из нас не свернул в сторону с марксистского пути. Если кто-нибудь из большевиков случайно хоть немного начинал заблуждаться, Ленин вовремя замечал это, подолгу и терпеливо объяснял ему ошибку, всячески помогая выпрямиться и вновь твердо стать на ноги.

Ленин всегда дорожил партийными кадрами. Так было в 1905 г., когда я встретился с Лениным в Женеве. Так было в 1909 г., когда я встретил Ленина в Париже.

До конца своей жизни В. И. Ленин оставался исключительно чутким и внимательным к людям.

Память о Ленине как вожде и учителе будет жить вечно!

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 97.

Н. Э. БАУМАН — АГЕНТ «ИСКРЫ»

(По переписке Н. Э. Баумана с «Искрой»)

К. Осипов

I

Тридцать пять лет тому назад, в 1905 г., в Москве был подло убит один из ближайших соратников Ленина, Николай Эрнестович Бауман.

Бауман родился в 1873 г. в Казани, в семье столярно-обойного мастера. Еще на гимназической скамье он примкнул к революционному движению. Окончив в 1895 г. Казанский ветеринарный институт, Бауман около года работал в Саратовском уезде земским ветеринаром. Как в институте, так и работая ветеринаром, Бауман энергично занимался марксистской пропагандой.

В 1896 г. Бауман переехал в Петербург, где немедленно вступил в ряды «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В марте 1897 г. он был арестован и после девятнадцатимесячного заключения в Петропавловской крепости сослан на 4 года в Вятскую губернию. В ссылке в городе Орлове (ныне Халтурин), Вятской губернии, Бауман провел всего 9 месяцев, после чего бежал заграницу.

Здесь его деятельность протекала сперва в группе «Освобождение труда» (он ездил вместе с Плехановым в Париж на социалистический конгресс), а когда в Швейцарию прибыл Ленин, Бауман сразу примкнул к нему. Ленин в некрологе о Баумане в 1905 г. писал, что он «участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела» [1].

В 1901 г. Бауман отправился нелегально в Россию в качестве московского агента «Искры». За короткий срок он проделал колоссальную работу. В феврале 1902 г. он был арестован.

Департамент полиции предназначал Бауману центральное место в подготовлявшемся крупном процессе искровцев. Но Бауман обманул ожидания охранки: в августе 1902 г. он бежал из киевской Лукьяновской тюрьмы вместе с 10 другими заключенными.

Снова для Баумана наступил период эмиграции и вместе с тем период совместной работы с Лениным. Бауман активно участвует в подготовке II съезда партии и выступает на этом съезде (под фамилией Сорокина) с большим докладом о состоянии социал-демократического движения в Москве.

В декабре 1903 г. Бауман возвращается в Россию и берет на себя руководство Московской большевистской организацией.

В июне 1904 г. полиции удается арестовать его.

[1] Некролог В. И. Ленина, посвященный Бауману, был помещен в центральном органе большевиков «Пролетарий» № 24 от 7 ноября 1905 года. См. Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 358—359.

Вплоть до октября 1905 г. Бауман сидел в Таганской тюрьме. Министерству внутренних дел хотелось поскорее упрятать его в отдаленные места Сибири, но министерство юстиции предпочло предать Баумана суду, рассчитывая, что последний воздаст Бауману «полной мерой» за все его деяния. Однако революция вынудила царское правительство отложить расправу с Бауманом. Восьмого октября 1905 г. его освободили из тюрьмы под залог, впредь до вызова в суд.

Баумана кооптируют в Московский комитет партии, и он сразу начинает играть там одну из главных ролей. И тут-то, в самый разгар его деятельности, его жизнь трагически прерывается: 18 октября (старого стиля), когда Бауман, стоя в извозчичьей пролетке, направлялся к группе рабочих, чтобы увлечь их в ряды демонстрантов, шедших под лозунгами большевиков, черносотенец Михалин вскочил сзади в пролетку и ударом железного лома раскроил Бауману череп.

Похороны Баумана вылились в невиданную дотоле революционную демонстрацию, в которой участвовало около 300 тысяч человек.

Такова в кратких чертах история жизни этого замечательного революционера.

Ниже мы останавливаемся только на одном из этапов деятельности Баумана: на его работе в 1901 г. в Москве в качестве агента ленинской «Искры».

★

Трудно охарактеризовать все значение людей, носивших скромное название агентов «Искры». Для того чтобы задуманная Лениным газета могла превратиться в орган, способный оформить и сплотить партийные ряды, надо было проделать громадную работу. Помимо распространения искровских изданий (газеты, брошюр и листовок) на обязанности агентов «Искры» лежало собирание для редакции статей, очерков и корреспонденций. Главное же — агенты «Искры» должны были руководить деятельностью социал-демократических групп на местах, вести борьбу с «экономистами», эсерами, разъясняя рабочим ошибочность и вредность рекомендуемой этими последними тактики. Агенты «Искры» вели на местах ответственную, руководящую работу, они не могли отказываться и от черновой работы.

Ленин считал «Искру» силой, объединяющей передовые кадры революционеров, вокруг которых могут сплотиться партийные ряды.

В мае 1901 г. Ленин поместил в № 4 «Искры» свою известную статью «С чего начать?» В этой статье он с исчерпывающей полнотой охарактеризовал задачи и роль «Искры», а также роль ее уполномоченных в России. «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор, — писал Ленин.—...И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им» [1].

Отсюда ясно, какое огромное значение Ленин придавал деятельности агентов «Искры». Последние должны были стать ее эмиссарами, ее представителями на местах, ее глазом и ухом, ее рупором. В то же время работа в качестве агента «Искры» должна была, по мысли Ленина, служить революционной школой, кузницей партийных кадров в лучшем смысле этого слова: кузницей профессиональных революционеров, настоящих политических вождей.

В числе первых агентов «Искры» был Бауман. Ленин направил его в Москву, где партийные организации были очень слабы, что особенно обнаружилось в связи с зубатовщиной. Вместе с тем на него была возложена обязанность обслуживать Владимирский и Иваново-Вознесенский районы. Это был опасный, тяжелый и почетный пост.

Из опыта было установлено, что в среднем деятельность агента «Искры» продолжалась не больше 2—3 месяцев; затем его, как правило, выслеживали филеры, и он подвергался аресту. Баумана еще не перестали искать в связи с его побегом из ссылки, его приметы и фотографии были разосланы повсеместно, и потому у него было еще меньше шансов чем у других продержаться сколько-нибудь продолжительный срок. Но это был целесообразный риск — и Бауман не колебался.

Из материалов департамента полиции видно, что Бауман с присущим ему искусством сумел замести следы, запутать охранку и благодаря этому обеспечить себе сравнительно продолжительный срок для работы. 7 ноября 1901 г. чиновник департамента полиции Ратаев отношением за № 3889 оповестил одесское жандармское управление:

«В дополнение к предыдущим сообщениям, департамент полиции имеет честь сообщить вашему высокоблагородию, для соображений, что Конкордия Захарова ведет переписку с проживающим в Лондоне Николаем Бауман, привлекавшимся вместе с ней к делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помещенным в розыскной циркуляр департамента от 13 декабря 1899 г. за № 2263» [2].

Опытный детектив, матерой охранник Ратаев был убежден, что Бауман находится в Лондоне. И того же, 7 ноября 1901 г. он адресуется к начальнику московского жандармского управления со следующим письмом: «Его высокоблагородию С. В. Зубатову. Милостивый государь Сергей Васильевич. В дополнение к письму от 2 сего ноября за № 3801, поспешаю уведомить ваше высокоблагородие, что 31 октября—13 но-

---

[1] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 111—112.

[2] «Николай Эрнестович Бауман», Сборник статей, воспоминаний и документов, стр. 41. М. 1937.

ября сего года некто из Нюрнберга сообщает шифром в Одессу к Конкордии Захаровой нижеследующее: «Грач меняет адрес для явки. Новый адрес: Мещанская, Старо-Екатерининская больница, спросить фельдшерицу Уркину, сказать ей: я от Зои. Впрочем, если воспользовались старым, то беды особенной нет. Послали ли в Торжок». Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие принять меры к выяснению «Грача», который, очевидно, является представителем организации «Искры» для Москвы, причем при установлении его личности не мешает иметь в виду приметы московского представителя «Искры» по описанию «Приятеля». Сообщаю только часть полученного письма за недостатком времени, полностью сообщу дополнительно» [1].

Департамент полиции напал на след «Грача», он даже правильно представлял себе истинную роль его; активно интересовался департамент и Бауманом. Но установить тождество этих двух лиц жандармские Шерлок Холмсы, обманутые искусной конспирацией Баумана, еще не могли.

★

В имеющейся литературе о Баумане установилось мнение, что он пробыл заграницей вплоть до осени 1901 года и только тогда отправился в Россию для нелегальной работы. Это мнение было впервые высказано в сборнике Истпарта «Ник. Эрн. Бауман» (1937 г.), где на стр. 15 говорится: «В конце 1901 г. В. И. Ленин направляет Баумана, как агента «Искры», в Москву», — а затем подхвачено авторами брошюр и статей о Баумане [2].

Между тем с этим мнением никак нельзя согласиться. Дело здесь не просто в «академическом» споре: в каком именно месяце приехал Бауман в Россию,— а в том, что за разницей в датах скрывается важный факт биографии Баумана, характеризующий его смелость, выдержку, искусство конспирации, наконец, показывающий, как велика была реальная польза, принесенная им «Искре». Бауман был арестован 11 февраля 1902 г.: если принять версию, что он прибыл в Россию осенью 1901 г., то надо заключить, что он «продержался» около 3 месяцев; это был «нормальный» срок для агентов «Искры», дольше этого редко кто из них оставался на свободе. Между тем Бауман, как мы постараемся сейчас доказать, работал нелегально в России почти год, виртуозно заметая свои следы от филеров.

Его репутация как конспиратора стояла так высоко, что в партии начали складываться своего рода легенды по этому поводу. Любопытный штрих: В. И. Ленин писал однажды Бауману, что последнему тем легче выполнить возлагаемое на него поручение, что он обладает 2 паспортами [3]. В ответном письме Бауман с недоумением заявляет: «Откуда взяли Вы, что у меня 2 паспорта? В действительности только один и как раз самый не подходящий для тамошней жизни» [4].

Бауман был изумительным конспиратором, в течение рекордно долгого времени сумевшим вести под носом у сыщиков ответственную, сложную работу. Надо полагать, что как раз эта строгая конспирация, заставлявшая его нередко скрывать свое местожительство даже от товарищей по партии, и послужила причиной ошибки, допущенной редакторами сборника Истпарта.

Обратимся к документальным данным.

В архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ) сохранилась переписка Баумана с «Искрой». Часть переписки была в разное время опубликована. Но многие письма никогда не публиковались и, может быть, не были раньше доступны для обозрения.

11 мая 1901 г. тов. Бауман извещает редакцию «Искры» о распределении № 2 газеты: 300 экземпляров отправлено им в Петербург, 100 экземпляров — лично «Богдану» (революционный псевдоним Бабушкина), 67—в Москву, 10—в Тверь и 76—в другие города. Таким образом, он разослал по России 553 экземпляра «Искры» [5].

Может возникнуть естественное предположение, что Бауман занимался транспортом литературы, сидя где-нибудь на границе в Германии или в Австрии. Однако это предположение не оправдывается при чтении других писем.

В письме Ленину от 23 мая 1901 г. Бауман заявляет: «...мне непонятен ваш расчет, будто бы 400 рублей ушло на «местную» работу. Вы не должны забывать, что... кругом были погромы и в моем распоряжении оказались только жалкие связи» [6].

Далее он пишет:

«Своему сидению здесь я придаю громадное значение. Не говоря уже о том, что самое распространение не может быть поставлено более или менее сносно без своего человека, мы будем всегда нуждаться в солидных связях и будем страдать от неправильного направления финансов, если здесь не установится контролирующий и организующий центр.

Если бы мы вздумали положиться на местные силы, то я уверен, что большая часть наших трудов пропадет зря, так как на всех линиях царит полнейшая дезорганизация и бывают моменты, когда ничего и никого не найдешь. Вот почему я в своих прежних письмах жаловался, что разрываюсь на части; пришлось в своей персоне соединять функции, которые обязательно должны быть раздельны. В настоящее время

---

[1] «Николай Эрнестович Бауман». Сборник статей, воспоминаний и документов, стр. 42.

[2] См., например, Строев В. «Н. Бауман», стр. 27; Колычевский И. «Николай Эрнестович Бауман», стр. 34 и др.

[3] См. Ленинский сборник VIII, стр. 165. Письмо Ленина Н. Бауману от 26 июня 1901 года.

[4] Архив ИМЭЛ № 28170; письмо Баумана от 25 июня 1901 года.

[5] Архив ИМЭЛ № 28166.

[6] Архив ИМЭЛ № 28167.

мое положение значительно улучшилось и я начинаю видеть кое-какие результаты от своей деятельности: связи растут и можно надеяться в скором времени на организацию и разделение труда. Благодаря полнейшей дезорганизации и новизне нашего дела случались такие печальные курьезы: деньги, предназначенные нам, попадали в руки Рабочего Дела...» (орган «экономистов».— *К. О.*).

«Громадное значение имело-бы, если бы Вы наиболее важных и конспиративных людей, с которыми вы вступили в сношения и которые намереваются работать для нас, направляли ко мне, дабы мы имели возможность уговориться о наших внутренних, местных отношениях. Вообще, связывайте, пожалуйста, тем или иным путем всех ваших новых сотрудников со мной, а ваш адрес для явки ко мне спросить..., а у нее спросить. Застать можно ежедневно от X часов утра до VI часов вечера по праздникам, кажется, только до 4 часов» [1].

Итак, уже из приведенных выдержек видно, что Бауман находился там, где только что были «погромы», где требовалась строжайшая конспирация, и т. д. Видно также, что он и до написания цитируемого письма, т. е. до 23 мая, находился там же («Я в своих прежних письмах жаловался...») и что он не ограничивался транспортировкой литературы, а вел обширную работу, объединяя в своих руках разрозненные связи, направляя и координируя все усилия.

В других письмах, которые также, повидимому, лишь недавно стали доступны для обозрения, можно найти много замечаний, не оставляющих сомнения в том, что Бауман вел обширную нелегальную работу в России в течение всей весны и лета 1901 года. Например: «...у меня явилось сомнение, считаете ли вы меня способным быть вашим представителем?»—и далее: «...не всегда удается документировать подлинность своего представительства...» [2],— то есть уже в мае 1901 г. Бауман рассматривался как представитель «Искры». В письме от 25 июня опять: «Напишите немедленно, считаете ли вы меня своим представителем» [3]. В письме от 6 августа говорится: «Вы указываете на других агентов, но я думаю, что эти агенты живут не в Питере и в Москве... здесь буквально ничего и никого не было, благодаря погромам и лету. Мне приходится ставить все снова» [4]. «Организую весь активный элемент в организации «Московского отделения «Искры» [5].

Количество таких примеров можно было бы умножить. Ограничимся пока приведенными; их, кажется, достаточно, чтобы убедиться в факте появления Баумана в России в качестве представителя «Искры» не осенью, а весной 1901 года. Весьма вероятно, что осенью его положение несколько изменилось: может быть, его компетенция была расширена и т. д. Но самый факт вряд ли может быть оспорен. Не останавливаясь пока на этом вопросе, обратимся к переписке, которая велась между Бауманом и редакцией «Искры» в течение всего 1901 года. Эта переписка представляет очень большую ценность для характеристики как самого Баумана, так и тех условий, в которых оказывались искровские агенты в России.

★

В цитированном большом письме Н. Баумана в «Искру» от 23 мая 1901 г. находим строки, в которых сквозь внешнюю сдержанность проглядывает глубокое волнение их автора: «Вы высказываете неудовольствие, что я слишком мало сообщаю о своей деятельности. Что ж поделаешь?! Ведь я могу и имеет смысл писать Вам только о конкретных, положительных и конечных результатах, но таковых до сих пор было мало. Только теперь начинают появляться видимые результаты моего пребывания здесь. Вообще же поверьте, я забочусь обо всем и добиваюсь буквально всего, что требуется нашему делу. Мне кажется, вы не должны бы сомневаться в моем знании потребностей и нужд нашего дела. Об этом мы слишком много говорили с Вами, чтобы я мог забыть так скоро их. Смею уверить, что я не упускаю ни одного случая, чтобы не извлечь ту или иную пользу для нас. Вы скажете, мы этого не видим — «не моя в том вина!» Результаты при наших условиях работы даются слишком туго, если принять во внимание еще, что я был здесь совершенно неизвестным человеком, так сказать, без роду, без племени. Между прочим, мне даны обещания доставить нечто ценное для нашего самого больного места, дать (так в подлиннике.—*К. О.*) целый ряд других обещаний, но о них не стоило писать раньше, нежели они осуществлятся (орфография подлинника. — *К. О.*). В заключение скажу, моя деятельность сводится к расширению и систематизации связей и эксплоатации этих связей для самых разнообразных наших потребностей. К сожалению, при всем моем желании, я не могу избежать абстрактности в этом пункте» [6].

Бауман был человеком дела. И когда он пишет, что «заботится обо всем» и не упускает ни одного случая ему можно верить. Его опытность, колоссальная энергия и преданность делу были уже испытаны. И все-таки результаты его работы были, на первый взгляд, очень скромные. В действительности результаты его деятельности могли сказаться лишь впоследствии; Бауман бросал семена, а всходы появлялись позднее, и он почти наверное знал, что ему-то уже не придется видеть их, что он уже будет к тому времени схвачен полицией.

В приведенных выше отрывках из переписки, а также и в приводимых ниже часто встречаются жалобы Баумана на требо-

---

[1] Архив ИМЭЛ № 28167.

[2] Архив ИМЭЛ № 28168, письмо Баумана от 30 мая 1901 года.

[3] Архив ИМЭЛ № 28170.

[4] Архив ИМЭЛ № 28172.

[5] Там же.

[6] Архив ИМЭЛ № 28167.

вательность к нему В. И. Ленина, на то, что Ленин якобы недооценивал его работу, и т. д. На самом деле все обстояло, конечно, не так. Ленин лучше всякого другого оценивал деятельность Баумана; не зря же он оставил его на ответственнейшем посту московского агента «Искры», а в 1903 г. вторично послал в Москву создавать там большевистскую организацию! Но, ценя революционных товарищей, любя их и заботясь о них, Ленин всегда оставался вождем, требовательным к себе и к другим (к другим, впрочем, меньше чем к себе), У всех, с кем ему приходилось встречаться и работать, Ленин пользовался таким огромным авторитетом, что каждое его слово производило сильнейшее впечатление: закаленные революционеры тяжело переживали малейшее проявление им неудовольствия и расцветали от его мимолетной похвалы [1].

Подобно другим, Бауман был также крайне чувствителен ко всякому отзыву Ленина, а значит, и очень мнителен. Ему чудилось «недоверие» или недовольство даже там, где его вовсе не было. Это было беспокойство за свою революционную репутацию, беспокойство за то, не ухудшит ли о нем своего мнения человек, которого Бауман безгранично чтил и уважал. Беспокоился он, как известно, напрасно. Но самый факт, что Бауман столь часто возвращается к этому вопросу, очень показателен; это свидетельствует, с какой горячностью относился Бауман к своему делу, как трепетно воспринимал мнение о себе партийных товарищей — и прежде всего, конечно, мнение Ленина.

★

30 мая Бауман снова пишет в «Искру». На этот раз он выдвигает проект крупного предприятия: организации на севере России нелегальной типографии. Часть письма зашифрована.

„1) У меня есть человек, который желает посвятить все свои силы и средства (8.^{н}1,3.^{а}2,5^{п}6,6.^{о}3, 2.^{с}3, 5.^{т}1,13.^{а}2, 18.^{н}1, 16.^{о}3, 12.^{в}1,13.^{к}1,12^{у}.4,15.^{т}1,15.^{и}5, 15.^{п}6,6^{о}6,9^{г}3, 8.^{р}6,8.^{а}7., 6.^{ф}1, 4.^{и}8,5^{и}.5), есть очень удобная 1.^{з}1, 4.^{е}3, 10.^{м}3,4.^{л}2,10^{я}.6, 7.^{д}1,14.^{л}2,-10.^{я}16,7.^{д}5.6.^{о}3,2.^{м}5,3^{а}.2,“

5.^{и}5,2^{с}.3,2.^{р}6, 4.^{е}3,7.^{д}1, 10.^{с}5, 8.^{т}3, 1.^{в}2, 3.^{а}2,8.^{н}1,8.^{а}7, 5.6,6.5, 5.3, 14.^{п}8, 8.^{о}9, 12.^{с}3, 5.^{т}11, 8.^{р}5, 6.^{о}5, 15.^{и}15,3^{к}.3, 5.^{и}15.

«...Обсудите и ответьте немедленно... Предупреждаю — окончательных результатов можно ждать только через год. Иначе этот человек (Баранов) не берется. Это его давнишняя мечта и ни на что другое он свои средства и силы не желает тратить... Можно ожидать солидной постановки...» [2].

Характерно, что Бауман не называет города, в котором живет. Кроме сохранившейся в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина переписки с «Искрой» нет никаких зафиксированных следов деятельности Баумана в период 1901 года. Однако даже по имеющимся в переписке отрывочным сведениям можно составить представление об объеме его деятельности — от транспортировки литературы и завязывания нужных связей до организации тайной типографии и руководства местной искровской организацией.

Нельзя обойти молчанием удивительную скромность Баумана в личных тратах. Бюджет «Искры» был весьма ограничен, буквально каждый рубль был на счету. И Бауман урезывает себя во всем. В цитируемом письме от 30 мая, как и во многих других письмах, он педантично отчитывается в своих расходах за месяц:

«Почтовые и канцелярские 1—89
Конки и извозчики 2—91
Железная дорога 6—50
Угощение в трактирах и пивных 3—
Богдану (Бабушкину. — *К. О.*) 30 —
Ему же на привоз чая от Паулины 20—
Итого 64—30

На мое содержание ушло из кассы 34—63

Всего 98—93» [3].

На 35 рублей, включая сюда, очевидно, и квартирную плату, в Москве можно было жить только очень скромно. И тем не менее Бауману было неловко, что он берет у партии даже эту мизерную сумму. Он пишет: «Неужели Эрнст [4] окончательно безнадежен?! Нельзя ли мое содержание назначить ему или кому-нибудь из его товарищей, конечно, с условием, чтобы он работал специально для нас» [5].

И в конце того же письма: «К сожалению, в этом месяце я не мог совершенно отказаться от пособия из кассы, так как на первых порах всегда больше расходов».

Это пишет человек, осуществлявший задачу колоссальной политической важности, ежеминутно рисковавший очутиться в лапах охранки, которая уже давно разыскивала его и приготовила ему местечко на каторге или у Северного полюса...

Вообще же деньги были для Баумана «узким местом». В голове у него постоянно возникали все новые планы, все новые комбинации, но многие из них увядали, не успев расцвести, из-за отсутствия средств.

Вот, например, письмо в «Искру» от 25 июня 1901 года [6]. Бауман начинает его с

[1] Ц. Зеликсон-Бобровская рассказывала, как однажды, живя в Швейцарии, она была поражена необычно унылым видом ее мужа, покойного В. Бобровского. Оказалось, что Ленин, приняв от Бобровского выполненную тем работу, вскользь заметил, что он ждал ее несколько раньше. Этого было достаточно, чтобы запоздавший в течение долгого времени чувствовал огорчение.

[2] Архив ИМЭЛ № 28168.

[3] Там же.

[4] Имеется в виду, повидимому, Эрнст Роллау — агент «Искры» в Кенигсберге, с.-д., искровец. В 1905—1907 гг.— один из лидеров «Латышского с.-д. союза». В 1907 г. убит конвойными якобы при попытке к бегству (см. Ленинский сборник VIII, стр. 144).

[5] Архив ИМЭЛ № 28165.

[6] Архив ИМЭЛ № 28170.

отказа покинуть свое местопребывание и заняться временно другой работой, требовавшей постоянных разъездов. Свой отказ он мотивирует денежными соображениями.

«Поверьте,— пишет он,— я оказываю в настоящее время неповиновение только потому, что путем горького опыта, на который нами потрачено несколько сот марок, знаю, что лично мне или вообще людям, подобным мне по национальности, по положению и связям можно браться за это дело только с громадными деньгами, не менее 1000 р. В противном случае потратить на разъезды рублей — 200, 300, а на постановку дела не останется ни гроша».

Существовало два основных источника получения денег: продажа нелегальных изданий и пожертвования сочувствующих. Но литература прибывала в ограниченном количестве, а доброхотные даяния бывали иной раз очень скромны. И потому недостаток денег был хроническим явлением.

В письме от 28 июля 1901 г., адресованном В. И. Ленину, Бауман сообщает:

«Перебиваюсь кое-как. У меня большая потребность съездить в некоторые места, но денег пока нет. А также я мечтаю повидаться с Вами, дабы поговорить о предстоящих делах и поделиться опытом... Боюсь, что эту мечту придется отложить опять-таки за неимением денег» [1].

И в конце, как невольный вздох, сорвавшееся признание: «Кроме того, было бы очень важно отдохнуть недельки две».

Деятельность Баумана по транспортированию и распространению литературы характеризуют следующие строки из его письма в «Искру» от 6 августа 1901 года:

«За последнее время получил: № 1—30 (экземпляров.— *К. О.*), № 3—420, № 4—500, № 5—376, № 6—170, Зари—15, Сам. и З.[2]—18, «Женщины-работницы» — 100, Красного знамени — 35, по требованию товарищей — 12, Манифеста — 10, 8-час (овой.— *К. О.*) д (ень.— *К. О.*) — 10. Послана литература в Москву, Богдану, Саратов, Самару, Казань, Астрахань, будет в Нижнем, Вятке, Малмыже, Елабуге, Твери и по мелочам в другие города и провинции. Цифровые данные в месячном отчете» [3].

Распространение изданий «Искры» было лишь частью многообразной деятельности Баумана.

В том же письме от 6 августа говорится: «Я уже не раз писал Вам, что здесь буквально ничего и никого не было, благодаря погромам и лету. Мне приходится ставить все снова. И на первых порах я один с женой исполнял все функции. Понятно, что мне некогда было ходить на собрания Вормса, Езерского, если бы даже нас их и пускали. Имейте в виду, что туда очень и очень трудно попасть. Теперь у меня есть знакомства подходящие и потому я обещаю Вам отчеты об этих собраниях... Согласно Вашему принципу я не поклонник кустарничества и стараюсь поставить солидную организацию. Придерживаясь этого принципа, нельзя добиться чего-нибудь быстро. Результаты моей работы Вы увидите в октябре, ноябре и т. д. Писать же Вам каким образом я добиваюсь того или другого считаю совершенно лишним и невозможным... Здесь нам никто на шею не бросается. Нужна 4—5 месячная борьба, чтобы сделаться хозяином. Не завтра, после завтра я буду хозяином и тогда буду сообщать Вам все нужное» [4].

Когда Бауман заявлял, что ставит солидную организацию, это не было брошенной на ветер фразой. Меньше всего он напоминал синицу, грозящуюся поджечь море. Спокойной уверенностью, гордым сознанием собственной силы дышат его слова «не завтра, после завтра я буду хозяином». В духе Баумана и тот срок, который он дает себе для этого: 4—5 месяцев.

В суете повседневных хлопот Бауману трудно было уделить достаточно времени разработке принципиальных вопросов партийной политики, но он никогда не упускал их из вида.

«Как только я свалю с себя черную работу, я постараюсь изложить свой взгляд на ближайшее будущее...—пишет он 6 августа.—Мне кажется, вам бы следовало пропагандировать, чтобы все ваши представители устраивали организации (местные), именуемые отделами «Искры». Я постараюсь провести эту идею здесь. Организую весь активный элемент в организации «Московского отделения «Искры», она же хозяин» [5].

Бауман вел развернутым фронтом наступление против «внутренних» врагов «Искры» — против соглашателей всякого толка и рода. В одном из писем он, пересылая в «Искру» корреспонденции рабочих, делает такую приписку: «...Поместите, что возможно, в «Искре», т. к. рабочие будут очень рады этому. Они очень любят Искру... Это мне поможет бороться с Комитетами и Рабочим Делом» [6].

Более подробно о масштабах напряженной деятельности Баумана узнаем из его письма Ленину, отправленного в ноябре 1901 года:

«Недели три тому назад я вступил в соглашение с одной местной группой, имеющей порядочные связи с рабочими... Проектировали организовать здесь комитет. Но вот недели 1½ тому назад приезжает «союзник»[7] с документами о расколе с Искрой и т. п. Надо сказать, что до появления союзника здесь при самых тщательных изысканиях ничего нельзя было найти, кроме упомянутой группы. Союзник кликнул клич и вдруг на собрании оказалось два «комитета». «Комитеты» эти ничем себя не

---

[1] Архив ИМЭЛ № 28171.

[2] «Самодержавие и земство». Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте.

[3] Архив ИМЭЛ № 28172.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Архив ИМЭЛ № 28184. Цит. по журналу «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 227.

[7] Представитель «Союза русских социал-демократов заграницей», издававшего журнал «Рабочее дело» — орган «экономистов».

проявили. На собрании союзник при помощи резолюции и отчетов последнего съезда внушал неприязнь и требовал прекращения сношений с Искрой. Буквально, группе, которая согласилась работать со мной, грозили бойкотом, раз она будет иметь сношения с Искрой. Союзник говорил, что они не имеют права бросать Рабочее Дело, т. к. оно одно в течение нескольких лет снабжало Россию литературой, грозил, что, соединяясь с «Искрой», москвичи будут оторваны от всех комитетов, т. к. все комитеты признают только Рабочее Дело. Новоявленные 2 комитета вполне сочувственно отнеслись к речам союзника и уже объявили в опале группу, союзную с нами. Никто из наших по конспиративным соображениям не был на этом собрании. На-днях я буду иметь переговоры с 2-мя комитетами. Посмотрим, что это за птицы» [1].

Из этого письма с несомненностью следует, что, кроме забот о литературе, о сборе средств, о собирании репортажа для «Искры» и т. п., Бауман вел энергичную кампанию против «экономистов», пытавшихся укрепить свои позиции в Москве.

Именно в этот момент чиновник департамента полиции Ратаев давал поручение выявить некоего «Грача», о котором поступила серьезная информация, и одновременно предписывал одесским охранникам последить за перепиской с «проживающим в Лондоне» Н. Э. Бауманом.

Если бы стало известно, что Бауман-«Грач» уже давно в Москве и развернул здесь интенсивную деятельность, в результате которой рассчитывает вскоре сделаться «хозяином», то есть возглавить все рабочее движение, акции Ратаева в высших сферах сильно упали бы.

В одном из следующих писем Бауман возвращается к вопросу о представителе «экономистов». 7 декабря 1901 г. он сообщает Ленину: «Я уже писал Вам, что я сошелся с группой для связи с рабочими и что наши окончательные переговоры затормозились тем, что с приездом союзника объявились 2 комитета. Когда я потребовал свидания с последними, мне сказали, что комитеты в отъезде! Каково? С другой стороны, дружественная нам группа, как только я и мои товарищи завели непосредственные сношения с рабочими, испугалась нашего авторитета и влияния. Обвиняют нас в желании оставить их в хвосте и главенствовать над ними. Буквально их слова. Желают нас извести обструкцией. Конечно, такая тактика тормозит дело, но в конце-концов они ничего не достигнут, т. к. мы имеем теперь адреса рабочих, которым страшно нравится Искра. Они говорят, что это единственный орган «не сухой» [2].

Как показали последующие события, «экономистам» не под силу оказалось справиться с искровцами. Несмотря на все старания «рабочедельцев» Бауман отрывал от них одну группу рабочих за другой, и, хотя охранное отделение сумело в конце концов прервать его деятельность, плоды этой деятельности уже невозможно было выкорчевать.

Популярность «Искры» и ее авторитет в рабочих массах росли не по дням, а по часам. В № 7 «Искры» (август 1901 г.) сообщалось о корреспонденции одного рабочего из России. «В прошлое воскресенье,— писал этот рабочий,— собрал одиннадцать человек и читал: «С чего начать?» [3], так мы до ночи не расходились. Как все сказано, как до всего дойдено.. Хочется нам письмо в эту самую «Искру» вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть... Теперь уже нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Однако чем больше увеличивалось влияние «Искры», тем труднее становилось транспортировать сотни и тысячи экземпляров журнала из-за границы. И тем не менее на первых порах эта задача разрешалась с подкупающей простотой. Литературу перевозили буквально под носом у жандармов: пользовались чемоданами с двойным дном; отправляли в адрес какой-нибудь технической фирмы модели машин, причем модель делалась из полого дерева, а внутри лежали номера журнала. Большим успехом пользовался такой прием: возвращавшимся из-за границы девушкам дарили шляпу, обязывая их передать в России определенному лицу коробку от шляпы; коробка делалась из прессованного картона, изготовленного из номеров «Искры», так что требовалось только «расслоить» картон, чтобы получить листы журнала.

Все это было довольно примитивно, но первоначально и этого было достаточно, чтобы обмануть бдительность недогадливых жандармов.

«Перечитывая сейчас переписку с Россией,— пишет Н. К. Крупская в своих «Воспоминаниях»,— диву даешься наивности тогдашней конспирации. Все эти письма о носовых платках (паспорта), варящемся пиве, теплом мехе (нелегальной литературе), все эти клички городов, начинающихся с той буквы, с которой начиналось название города (Одесса — Осип, Тверь — Терентий, Полтава — Петя, Псков — Паша и т. д.), вся эта замена мужских имен женскими и наоборот,— все сие было до крайности прозрачно, шито белыми нитками» [4].

Прошло немного времени, и жандармы научились разбираться в этих несложных хитростях. Однако количество удачно переправляемой литературы не уменьшилось. Матросы коммерческих пароходов привозили издания «Искры» через Батум и Ригу; на западной границе искусно орудовал М. М. Литвинов; связь с Москвой обеспечивал Бауман.

[1] Архив ИМЭЛ № 28124. Цит. по журналу «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 227.

[2] Архив ИМЭЛ № 28185. Цит. по журналу «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 227.

[3] Статья Ленина «С чего начать?» была помещена в № 4 «Искры» за 1901 год.

[4] Н. К. Крупская «Воспоминания о Ленине», стр. 68. М. и Л. 1930.

В октябре 1901 г. Н. К. Крупская от имени Ленина писала Бауману: «Относительно литературы писала прошлый раз. Можете ли Вы устроить у себя большой склад, тогда к Вам аккуратно будет приходить литература с Кавказа (там налажен новый, скорый путь, есть своя типография, где будет печататься Искра и брошюры), народ очень надежный. Надо будет брать все привозимое. Пишите поконкретнее о своих связях»[1].

Вероятно, в связи с этим письмом Бауман писал в октябре месяце: «Если у меня будет в достаточном количестве товара, то я могу удобно доставлять (без значительных проволочек) в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губернию, Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, Воронеж, Тверь, Орел. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки»[2].

Это был прямой и притом вполне удовлетворительный ответ на заданный ему Н. К. Крупской вопрос. Но Бауману кажется этого мало. Он все-таки беспокоится, что его «обойдут» при распределении литературы, и тревожно добавляет: «Конечно, раз я долго не буду в состоянии посылать им новинки, то все мои труды пропадут даром. Они, потеряв терпение, будут искать опять новых путей»[3].

Бауман отнюдь не собирался ограничиться снабжением литературой всех перечисленных пунктов. Его планы шли гораздо дальше: «Постепенно я надеюсь поставить на должную высоту корреспондентскую часть в упомянутых городах, включая сюда еще Тулу, Калугу и другие города этого района»[4].

Иными словами, он хотел включить в орбиту своей деятельности почти всю Европейскую Россию (особенно если учесть, что в письме от 31 августа, которое мы здесь для краткости не приводим, Бауман сообщал, что наладил регулярное снабжение литературой «Семена Семеновича», то есть «Северного союза»).

И это не были только благие намерения: «задумано» в данном случае означало «сделано». 13 ноября Бауман пишет в «Искру»:

«У меня установились сношения с Нижним, Казанью, Самарой и Саратовым. Пересылать литературу могу туда аккуратно, если она будет доставляться мне. Везде страшная нужда в № 7 и 8, также усиленно требуется Заря и Записка. Заря распространяется в очень ограниченном количестве. Когда будет № 2?»[5].

Живя в Москве, умудрившись оставаться даже не расшифрованным охранкой, Бауман завязал прочные связи со множеством городов. Он пересылал туда революционные издания, узнавал через особых корреспондентов обо всем, что могло пригодиться «Искре», вдохновлял местных искровцев в их борьбе против «экономистов». Поистине классический пример конспирации!

И к тому же в самой Москве ему пришлось столкнуться с особым обстоятельством, с задачей исключительной трудности и сложности: ему пришлось бороться с зубатовщиной.

★

25 октября 1901 г. в письме к В. И. Ленину Бауман подчеркивал огромное значение строгого соблюдения всех условий конспирации: пароля, шифра, условленных явок и т. д. В этом отношении он был педантом: достаточно было перепутать порядок слов в какой-нибудь фразе пароля, чтобы он отказывался продолжать беседу с забывчивым революционером впредь до получения о нем точных сведений. В упомянутом письме Ленину он дает объяснение своей необычайной осторожности: «За последнее время расплодилось много креатур Зубатова»[6].

Родиной зубатовщины была Москва. Здесь под авторитетным покровительством генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и обер-полицмейстера Трепова пышным цветом расцвело это своеобразное и отвратительное явление.

На первых порах Зубатов достиг видимого успеха. Многие малосознательные рабочие попались на его удочку, соблазненные возможностью безнаказанно посетовать на эксплоатирующего их фабриканта; иные же были уловлены в зубатовские сети с помощью провокаторских приемов. Своего апофеоза зубатовщина достигла 19 февраля 1902 г.: в этот день была устроена урапатриотическая манифестация у памятника Александру II в Москве. Зубатовским агентам удалось собрать 50-тысячную толпу, среди которой было много рабочих. Московские власти были в восторге; газета «Московские ведомости», захлебываясь, вещала о новой эре в рабочем вопросе.

Однако Зубатов и его покровители просчитались. Они пытались разрешить невозможную задачу: использовать недовольство, порожденное самодержавным строем, для того, чтобы укрепить этот строй, реабилитировать его в глазах тех, кто как раз больше всего страдал от него. Жизнь сильнее и убедительнее самой ловкой агитации; рано или поздно обман неизбежно должен был раскрыться, и рабочее движение неминуемо должно было выйти из берегов «легальности».

Но это все выяснилось впоследствии, через несколько лет. А в тот период, когда в Москве жил присланный Лениным в качестве полномочного агента «Искры» Ба-

---

[1] Архив ИМЭЛ № 1719. Цит. по журналу «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 224.

[2] Архив ИМЭЛ № 28718. Цит. по журналу «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 226.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Архив ИМЭЛ № 28182, письмо от 25 октября старого стиля; получено было «Искрой» 12 ноября нового стиля.

ман, в 1901 г., зубатовщина росла как бурьян; не только некоторые рабочие, но и многоопытные «политики» из лагеря либеральной интеллигенции поверили сперва в «новый курс» правительства. Предстояло открыть глаза обманутым, вскрыть истинную сущность зубатовщины.

И ко всему, что делал Бауман: к борьбе с «экономистами», к вербовке корреспондентов, к распространению литературы, к заботам о новой типографии, к пропаганде идей «Искры», к информации Ленину о положении в России,— у Баумана прибавилось новое дело — борьба с зубатовщиной.

В одном из писем в редакцию «Искры», датированном октябрем 1901 г., он сообщал: «Простите, что я обыкновенно пишу беспорядочно и второпях. Публика здешняя мучает ужасно. То и дело кого-нибудь недосчитываешься. До сих пор не могу свалить с себя черную работу, на которую уходит масса времени и нервов. Поэтому для писем остается у меня очень мало времени. Сейчас же я живу в очень неблагоприятных условиях. Одно утешение: чувствую себя совершенно здоровым»[1].

В день, когда Бауман писал эти строки, филеры уже шныряли по Москве, силясь установить личность «Грача» и напасть на его след. Кроме «Грача» их интересовали еще деятельные революционеры, носившие клички «Дерево» и «Виктор».

Ни Зубатову, ни Ратаеву не приходило в голову, что «Грач», «Дерево» и «Виктор»— одно лицо: вездесущий Николай Бауман.

В феврале 1902 г. охранке удалось, наконец, схватить неуловимого агента «Искры». По вызову киевских искровцев Бауман выехал к ним для обсуждения срочных партийных вопросов. Киевское охранное управление вело тщательную слежку за искровцами, и Бауман тотчас же по приезде был взят под наблюдение. Заметив это, Бауман немедленно покинул Киев. Желая ускользнуть от филеров, он поехал в Воронеж и в пути на полном ходу соскочил с поезда. Благодаря этому рискованному прыжку он действительно ушел от филеров, но предательство одного сельского ветеринара, которому пришлось довериться, погубило его. Он был арестован и отвезен в Киев. Оттуда, впрочем, он через полгода бежал и в декабре 1903 г. снова появился в Москве и возобновил работу по заданиям Владимира Ильича.

Но это уже новая глава в жизни Николая Баумана.

[1] Архив ИМЭЛ № 28178.

СЛАВЯНОФИЛЫ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО *

(Из истории русской общественной мысли середины XIX века)

С. Дмитриев

История русской общественной мысли есть история борьбы идей старых, теорий, отживавших свое время, с новыми, передовыми идеями. Понятно, что революционные, демократические, социалистические и научно-материалистические идеи величайших представителей русской общественной мысли: Радищева, декабристов, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова и других — не могли быть сколько-нибудь объективно и плодотворно изучены дворянской и буржуазной исторической наукой. После победы социалистической революции Покровский и его «школа», отвергавшие историческую науку как науку, тоже не могли дать и не дали серьезной разработки истории общественной мысли в России.

Некоторым исключением в области изучения общественной мысли были, пожалуй, только работы А. Н. Пыпина и В. И. Семевского, основанные на большой предварительной работе над источниками. Общие издания по истории русской общественной мысли, носившие характер обзоров: «История русской интеллигенции» Д. Н. Овсянико-Куликовского, «История русской общественной мысли» Иванова-Разумника, — не были основаны на исследовательской работе; и, по взглядам их авторов, книги эти оказались совершенно неприемлемыми.

Наконец, «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, к сожалению, тоже не является вполне удовлетворительным трудом. На этой работе Плеханова, написанной накануне первой мировой империалистической войны, в очень многом отразились взгляды старой, буржуазной историо-

* От редакции. Статья С. С. Дмитриева представляет собой обработанный доклад, прочитанный автором на заседании сектора истории СССР XIX—XX веков Института истории АН СССР. Доклад вызвал полемику, продолжавшуюся два заседания. Краткий отчет об обсуждении в секторе приводится ниже. Статья печатается редакцией в порядке обсуждения. Редакция приглашает историков высказаться по данному вопросу.

графии. Только некоторые части этого большого трехтомного издания были основаны на предварительном изучении автором источников. Работая заграницей, автор принужден был опираться исключительно на печатные материалы. Свою «Историю» Плеханов успел довести лишь до XIX в., т. е. до самого важного периода в развитии общественной мысли в России. Его статьи о декабристах, западниках и славянофилах, писателях-народниках составили лишь часть материала к ненаписанной истории русской общественной мысли в прошлом столетии.

Между тем история общественной мысли является исключительно важным разделом общей гражданской истории.

«Общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия,— сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие»[1].

Среди очень мало изученных направлений в истории русской общественной мысли едва ли не прежде всего следует назвать западничество и славянофильство. Направления эти, возникшие в первой половине прошлого века и определившие общественно-идейную борьбу 40-х годов, оказали очень большое влияние на последующее развитие общественной мысли в России. Недостаточная изученность западничества и славянофильства тем более досадна и не может быть далее терпима, что в русской политической и научной литературе установилась дурная традиция применять термины «западничество» и «славянофильство» не только для эпохи 40-х годов, но и в более широком смысле, чуть ли не для нескольких столетий в истории идейной жизни России[2]. Понятно, при таком расширительном пользовании этими терминами утрачивается, в сущности, всякое конкретно-историческое содержание этих понятий.

Западничество и славянофильство привлекали внимание многих историков и литературоведов. Существует громадная литература по этому вопросу, но обычно внимание исследователей привлекали отдельные деятели западнического или славянофильского лагеря (Герцен, Белинский, К. Аксаков, Хомяков). Работ же, посвященных западничеству или славянофильству как направлениям, нет.

Сравнивая относительную степень изученности этих двух направлений, легко заметить, что менее изучено славянофильство. Его бо́льшая сложность и отдаленность от прогрессивного, ведущего направления в развитии русской общественной мысли способствовали этому.

В современной исторической литературе при освещении славянофильства в силу ряда причин имеют место, как правило, противоречивые суждения. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров из литературной продукции ближайшего прошлого. В 1939 г. истории славянофильства коснулись центральные исторические издания: «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина» и др. Остановлюсь на работах четырех авторов: академика Н. Державина, члена-корреспондента АН Н. Мещерякова, И. Барера и А. Ковалевского[3].

Все сходство взглядов первых двух авторов исчерпывается обоюдным признанием неизученности западничества и славянофильства и того, что «вопрос об истинном характере этих двух группировок далеко нельзя считать полностью освещенным»[4]. Но на признании этого положения сходство и кончается. По существу же интересующего нас вопроса оба автора придерживаются совершенно разных (и в обоих случаях одинаково необоснованных источниками) мнений. По Мещерякову, «в среде помещиков, которые хотели продолжать свое хозяйство на старых, патриархальных основаниях, на основе крепостного права и всех тех привилегий, которые давал им существующий строй, возникло течение славянофильства». Славянофилы 40-х годов — помещики, реакционеры, защитники патриархальных основ и крепостного права; славянофильство — реакционная идеология. По Державину, «московские славянофилы в 40-х годах представляли собой группу националистически настроенной либеральной буржуазии» (разрядка моя — *С. Д.*). В конце статьи Державин говорит о «классовой сущности русского дворянско-помещичьего либерализма» (разрядка моя — *С. Д.*), понимая под этим славянофильство как направление.

Мнение Мещерякова о славянофильстве как о крепостнически-реакционном направлении совпадает с оценкой, данной славяно-

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 112.

[2] Плеханов, например, писал о западничестве как направлении в XVII в., называя Хворостинина, Ордина-Нащокина, Котошихина, и о славянофильском направлении в том же веке, называя Крижанича. См. Плеханов Г. «История русской общественной мысли» Кн. 1-я, стр. 283. ГИЗ. 1925. Общеизвестно наименование таких деятелей, как Д. Н. Шипов, Н. А. Хомяков и др., славянофилами, или, в лучшем случае, неославянофилами.

[3] Державин Н. «Герцен и славянофилы». См. «Историк-марксист» № 1 за 1939 г.; Мещеряков Н. «Западники и славянофилы». См. «Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина». Сборник IV. М. 1939; Барер И. «Западники и славянофилы в России в 40-х годах XIX века». См. «Исторический журнал» № 2 за 1939 г.; Ковалевский А. И. «Общественное движение 30—40-х годов XIX века». Изд. Военно-политической ордена Ленина академии РККА имени В. И. Ленина. М. 1939.

[4] Мещеряков Н. Цит. соч., стр. 193.

фильству Плехановым; характеристика же, данная Державиным, который считает славянофильство течением националистически настроенной либеральной буржуазии, имеет много общего с оценкой славянофильства, данной Шульце-Геверницем и П. Струве[1].

Ковалевский в своей работе «уясняет реакционную сущность славянофильства», используя для этой цели отношение Маркса и Энгельса к панславизму, так как, по мнению Ковалевского, панславизм был не чем иным, как «выступлением славянофильства на международной арене». Остается непонятным: каким образом панславизм, возникший как политическое движение в конце XVIII в. и окончательно сформировавшийся как реакционная идеология уже к 30-м годам XIX в., мог быть «выступлением славянофильства», возникшего не ранее 40-х годов XIX века? Для автора очевидным является еще никогда и никем не доказанное положение, будто панславизм и был основой основ, внутренней движущей силой славянофильства 40-х годов. Между тем положение это вряд ли может быть принято[2].

Статья Барера, опубликованная в «Историческом журнале», повторяет, сильно утрируя и ухудшая, старые взгляды Плеханова. Написанная крайне небрежно, она извращает даже фактическую историю, не внося ничего нового в освещение славянофильства. Славянофилы «крайне реакционны», они представители «правительственной партии», они будто бы «пользовались возможностью высказать свои взгляды с полного одобрения правительства» и в то же время «стремились сохранить цензуру, ограничивавшую западников». Только незнанием фактов можно объяснить подобные положения.

*

С какого времени можно говорить о славянофильстве как о направлении? Вопрос этот важен, так как нередко пишут о «славянофильстве 30-х годов». Так например Плеханов считал Хомякова и П. Киреевского «уже вполне сложившимися славянофилами»[3] еще в 1832 г., во время издания И. Киреевским журнала «Европеец», т. е., иными словами, еще до формулирования С. С. У[illegible]ым знаменитой «троицы» официаль[illegible]дности.

[1] Шульце-Геверниц «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России», стр. 142—196. СПБ. 1901; см. предисловие П. Струве к книге Шульце-Геверница; см. также Струве П. «На разные темы». Статья «В чем же истинный национализм?» СПБ. 1902.

[2] Заметим, кстати, что в № 10 журнала «Большевик» за 1940 г., в исторической справке «О панславизме», не говорится о панславизме славянофильства до реформы 1861 г. Справка «Большевика» говорит, что только «после поражения России в крымской войне, реформы 1861 г. и разгрома царизмом польского восстания 1863 г. панславизм окончательно смыкается со славянофильством». См. «Большевик» № 10 за 1940 г., стр. 87.

[3] См. Плеханов. Соч. Т. XXIII, стр. 55.

Исходной датой становления славянофильства как направления, а вместе с тем и образования кружка славянофилов следует считать 1839 год. Ранее этой даты нет оснований говорить о славянофильстве: его еще не было как системы определенных взглядов. Конечно, жили и действовали будущие деятели будущего славянофильства, конечно, задолго до 1839 г. были высказываемы отдельные мысли, напоминающие будущее славянофильство, но ни деятели эти еще не были славянофилами, ни отдельные высказываемые ими мысли не составляли системы славянофильства. Общественные теории не есть простые суммы слагаемых отдельных идей, а определенные системы идей даже и тогда, когда эти системы не лишены внутренне противоречивых положений. Познавательная ценность сближений с Крижаничем, Болтиным, Карамзиным и т. д. крайне сомнительна. Славянофильство как направление общественной мысли порождено было определенным историческим этапом в развитии русской общественной мысли, именно двумя последними десятилетиями перед отменой крепостного права в России и началом нового, «капиталистического периода русской истории»[4].

В 1839 г. два основоположника славянофильства — А. С. Хомяков и И. В. Киреевский — выступили в московских литературных салонах Елагиных, Свербеевых и Кошелева с двумя не предназначенными для печати статьями, в которых была впервые схематически изложена вся славянофильская концепция. Статья Хомякова носила название «О старом и новом»[5], статья Киреевского — «В ответ А. С. Хомякову»[6]. Статьи эти распространялись в списках и подвергались оживленному обсуждению, они были сообщены отсутствовавшим тогда в Москве лицам, мнением которых интересовались[7].

Если отправной датой для истории славянофильства был 1839 г., то к какому времени направление это окончательно сложилось? Ко времени выпуска первых трех славянофильских книжек «Москвитянина» за 1845 год. Таким образом, период становления славянофильства следует считать с 1839 по 1845 год. Конечно, и далее, после 1845 г., концепция развивается, изменяется, но именно к середине 40-х годов ее можно считать вполне сложившейся, готовой.

В эти же годы сложился и славянофильский кружок. Ведущими лицами в нем начиная с 1839 г. были А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, в большей степени первый. Киреевский медленно изживал свой

[4] Ленин. Соч. Т. II, стр. 419.

[5] Хомяков А. С. Соч. Т. III, стр. 11—29. 4-е изд. М. 1914.

[6] Киреевский И. В. Соч. Т. I, стр. 109—120. М. 1911.

[7] Сравни, например, любопытную заметку А. И. Кошелева (?) на одном из современных списков статьи Киреевского, хранящемся в Архиве Государственного исторического музея в Москве. Фонд Хомяковых № 178. Бумаги А. С. Хомякова. Ед. хр. № 17.

ранний западноевропейский либерализм. С самого начала были очень близки к их взглядам и как бы входили в их кружок П. В. Киреевский (брат И. В. Киреевского) и А. И. Кошелев, хотя второй и не стоял тогда полностью на позициях Хомякова и И. Киреевского. (Окончательно Кошелев вошел в кружок только в 1847—1848 годах) В 1841—1843 гг. к кружку примкнули рьяные гегельянцы, участники кружка Станкевича, молодые Ю. Ф. Самарин и К. С. Аксаков. Труднее точно определить, несмотря на исключительное обилие источников, время вхождения в группу славянофилов И. С. Аксакова; во всяком случае, к 1848 г. он был уже славянофилом. В особом положении находился среди славянофилов князь В. А. Черкасский. Он позже других, уже в начале 50-х годов, примкнул к ним. Черкасский не по мотивам идейной близости, а по практическим соображениям и расчетам примкнул к славянофилам, но не стал славянофилом. Он сам определил как mariage de raison (брак по расчету) свое отношение к славянофильству[1].

Второстепенными деятелями в кружке были А. Н. Попов, Д. А. Валуев, Ф. В. Чижов. Видную связующую роль играл старик С. Т. Аксаков, отец И. и К. Аксаковых. Впрочем, в идейную жизнь кружка С. Т. Аксаков, пожалуй, ничего нового и важного не внес.

Можно ли говорить о кружке славянофилов? Да, если учесть, что в общественно-идейной жизни 40—50-х годов славянофилы выступали с единой в общем системой взглядов, совместно эту систему выработали, имели постоянное личное тесное общение на вечерах-сходках у Киреевских, Елагиных, Хомяковых, Кошелевых, Аксаковых, Свербеевых, наконец, по крайней мере, дважды (в 1848 и в 1855 гг.) предпринимали попытки создать писанную программу кружка[2], а в конце 40-х годов вынуждены были вырабатывать для письменных сношений между собою даже особый шифр[3].

Попытки создать писанную программу, повидимому, не увенчались успехом. Общеобязательной написанной программы славянофилов до сих пор не найдено, вероятно, ее и не было. Отсутствие такой программы привело к значительной разноголосице между славянофилами. Некоторые считают, что эта разноголосица заходит очень далеко и позволяет ставить под сомнение даже самую возможность говорить о славянофильстве как едином направлении. Вряд ли такое мнение может быть принято. Правда, индивидуальных расхождений по второстепенным вопросам довольно много среди отдельных славянофилов, но по основным вопросам исследователь встречает у всех славянофилов единый, общий поток мыслей. Он лишь варьируется в зависимости от личности отдельных людей, но это вариации одного и того же типа, индивидуальные разновидности единого направления, с определенными идейными позициями.

Определившись как идейное направление к середине 40-х годов, славянофильство в дальнейшем переживает значительные изменения. Эта эволюция славянофильства еще менее привлекала внимание исследователей чем вопрос о возникновении и времени существования славянофильства как определенного направления в русской общественной мысли. Неясно, до какого же времени существовало и действовало славянофильство ввиде той системы взглядов, которая сложилась в первой половине 40-х годов. Можно ли говорить серьезно о славянофильстве С. А. Юрьева, Вл. С. Соловьева, «шиповцев», «евразийцев»? Наконец, каковы были этапы в развитии и изменении славянофильства? Внести известную периодизацию в историю славянофильства тем более необходимо, что нередко в литературе взгляды славянофилов 40-х годов рассматривались вместе со взглядами таких деятелей 60—90-х годов, как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов и даже М. Н. Катков и К. П. Победоносцев[4].

---

[1] Трубецкая О. «Князь В. А. Черкасский». Статья в сборнике «Освобождение крестьян. Деятели реформы», стр. 303. Изд. «Научное слово». М. 1911.

[2] В 1848 г. писали программу Хомяков, Самарин и Попов. Знали о составлении ее, повидимому, И. Аксаков и Кошелев. См. Хомяков. Соч. Т. VIII. Письма, стр. 273, 277, 278. М. 1900; Самарин. Соч. Т. XII. Письма 1840—1853 годов. М. 1911; Завитневич В. З. «А. С. Хомяков», Т. I. Кн. 1-я, стр. 389. Киев. 1902. В 1855 г. составляли практическую программу Хомяков, И. Аксаков, Самарин, Кошелев, Черкасский. Считавший, что его «обошли» при распределении вопросов программы, К. Аксаков в том же году отдельно изложил свои программные взгляды в известной записке, представленной Александру II. См. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени Ленина, фонд Самариных, папка № 140. Письма Ю. Ф. Самарина и К. С. Аксакова. Письмо № 118—Самарин к К. Аксакову от апреля 1855 года. «Записка» К. Аксакова впервые была напечатана в газете «Русь» №№ 26, 27, 28 за 1881 год.

[3] См. Самарин. Соч. Т. XII. Письма 1840—1853 годов. М. 1911. В одном из писем Самарина приведен и ключ к шифру.

[4] Так например автор интересной, хотя небесспорной, советской работы об исторической теории славянофилов Н. Л. Рубинштейн, анализируя взгляды Данилевского и Леонтьева, считал возможным с их помощью «яснее обнаружить социально-экономические корни» взглядов славянофилов 40—50-х годов. Это тем более странно, что автор указывает, что ни Данилевский, ни Леонтьев не были «прямыми последователями старых славянофилов», что они «своеобразно подошли к славянофильству, исправив и дополнив его», т. е., в сущности, создав новую систему взглядов. См. Рубинштейн Н. «Историческая теория славянофилов и ее классовые корни» в сборнике статей «Русская историческая литература в классовом освещении». Т. I, стр. 54, 106, 107. М. 1927.

Конечно, определяющим моментом в истории славянофильства, как и других общественных течений середины прошлого века, была крестьянская реформа 1861 года. Подходя с широкими, общими историческими перспективами, нужно различать поэтому два этапа в развитии славянофильства: славянофильство дореформенное, старое, или раннее, и славянофильство пореформенное, новое, или позднее. Однако такое разделение не вполне удовлетворяет, если при периодизации исходить не только из общих, широких исторических перспектив, но и из внутренних перемен в славянофильстве. Поэтому нам представляется небесполезным наметить в истории славянофильства три этапа. В основу предлагаемой периодизации положены как общеисторические события, так и перемены в центральных идеях славянофильства и наличном составе славянофилов. Эти три этапа примерно могут быть датированы так: 1839—1857, 1858—1864 и 1865—1880 годы. После 80-х годов вряд ли вообще уместно безоговорочно применять к событиям, взглядам и лицам термин «славянофильство». Во всяком случае, такое применение неизбежно будет носить условный характер.

Первый этап — 1839—1857 годы. Начальной датой служит год выступления славянофильства как нового направления; конечной — год гласной постановки правительством вопроса об отмене крепостного права. Это период становления и расцвета славянофильства. Он полностью проходит в крепостной России, когда самым насущным всеопределяющим вопросом был крестьянский вопрос и предстоящая ликвидация крепостного строя. Славянофильство носит на этом этапе по преимуществу теоретический характер. Главными деятелями направления являются Хомяков, И. и П. Киреевские, Самарин, К. Аксаков, Кошелев.

Второй этап — 1858—1864 годы. Начальной датой служит конец 1857 г., когда в ноябре и декабре рескрипты Назимову и Игнатьеву впервые провозгласили, что правительство приступило к крестьянской реформе; конечная дата этого периода—«благополучное» для царизма и господствующего класса завершение первого и решающего этапа в проведении крестьянской реформы, разгром польского восстания 1863—1864 гг., издание земской и судебной реформ. Это годы совершения царской Россией первого шага на пути превращения из монархии феодальной в монархию буржуазную. Это годы подготовки к вступлению и вступления в новый, «капиталистический период русской истории». Это годы первой в новой русской истории революционной ситуации 1859—1861 годов. Это период практического приложения к действительности теоретических взглядов славянофилов и, конечно, существенных изменений в процессе этого приложения. Крестьянский вопрос в его практическом разрешении стоит в центре внимания славянофильства. Славянофилы принимают самое деятельное участие в разработке и проведении крестьянской реформы в России и Польше. Главные деятели славянофильства уже не те, что на первом этапе. Вперед выступают Самарин, Кошелев, Черкасский. Уже нет в живых обоих Киреевских (умерли в 1856 г.). На втором плане стоят Хомяков, К. и И. Аксаковы; из них двое первых умерли в 1860 г., т. е. до реформы.

Третий этап — 1865—1880 годы. «Капиталистический период русской истории». Новая обстановка заставляет по-новому ставить и все общественные вопросы. Старое славянофильство более не существует. В системе взглядов, именуемой славянофильством, на центральное место выступают новые начала. Всеопределяющими становятся воинствующий национализм, идеи реакционного панславизма. Интерес к проблемам внешнеполитическим явно преобладает в этом новом славянофильстве над вопросами внутреннего развития. Главные деятели теперь — И. Аксаков (умер в 1886 г.), Самарин (умер в 1878 г.). Лидером является И. Аксаков, прежде не игравший в славянофильстве крупной роли. Особняком стоят два деятеля, признаваемые обычно в публицистике того времени «славянофилами», но по всей сути своих взглядов имеющие очень немного общего со славянофильством 40—50-х годов,—это Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. С особыми позициями выступают на этом этапе и старые персонажи: Кошелев (умер в 1883 г.) и Черкасский (умер в 1878 г.). Это период заката и распада славянофильства, период превращения его в исключительно реакционное направление.

Самым важным по своей объективной роли в истории русской общественной мысли, вместе с тем наиболее сложным из трех этапов является, конечно, первый. История идейной жизни 40-х — начала 50-х годов — прежде всего история западничества и славянофильства. Никогда позже славянофильство не имело того значения, которое оно имело в 40-х — начале 50-х годов. Именно для первого и отчасти второго этапа можно говорить о славянофильстве как таковом, т. е. о классическом славянофильстве. Все последующее изложение и относится к этому славянофильству.

★

Славянофильская теория многогранна. Легко могут быть выделены такие стороны славянофильства, как философские, литературно-критические и эстетические взгляды, богословские мнения, историографические воззрения. Для историка чрезвычайно важны теоретические взгляды славянофилов на экономические, социально-политические вопросы и вопросы внешней политики.

Одной из причин неизученности этих воззрений было то обстоятельство, что славянофилами более занимались историки литературы, критики и философы нежели историки.

Многогранная славянофильская теория возникла под значительным влиянием западноевропейской общественной мысли (сказалось воздействие философии, истории, политической действительности, литературы и экономической теории и практики Западной Европы). Бесспорно, что «само-

бытная» теория славянофилов сложилась под влиянием поздней философии Шеллинга, мистика и реакционера, философско-эстетических и этических взглядов реакционного романтизма, школы национальной политической экономии Фр. Листа и под известным влиянием французской социально-утопической литературы. Особо должно быть отмечено влияние западноевропейской реакционной политико-публицистической литературы французской реставрации. На него первый указал еще Н. Г. Чернышевский в 1856—1857 годах [1].

К влияниям западноевропейским славянофилы добавили «национальные», по их мнению, начала. Такими началами были прежде всего православие и община. В программном письме к Кошелеву «О сельской общине» (1848), которое не было предназначено для печати, но распространялось во многих списках, Хомяков писал: «Корень и основа — Кремль, Киев, Саровская пустынь, народный быт с его песнями и обрядами и по преимуществу община сельская... Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его — не останется ничего; из его же развития может развиться целый гражданский мир» [2].

Уже большое число разнообразных влияний указывает на внутреннюю сложность славянофильства. Действительно, при ближайшем знакомстве нетрудно заметить, что славянофильская теория в целом полна внутренних противоречий. В славянофильстве сосуществовали взгляды для 40—50-х годов относительно прогрессивные наряду с мнениями откровенно реакционными.

Обратимся сперва ко вторым.

Во-первых, теория славянофилов покоится на теологических основах, от начала до конца пронизана поповщиной; «душным византизмом» веяло от нее на революционного западника Герцена. «Вся мудрость человечества исчерпывается для них в писаниях отцов церкви»,— писал глава либеральных западников Грановский. Славянофилы выступали с программой создания новой системы философии на основании примата веры над разумом, чувства над сознанием, интуиции над логикой. И. Киреевский, считавшийся среди славянофилов непререкаемым авторитетом и кружковым специалистом по философии, в начале 50-х годов собирался издать курс философии, в котором было бы показано, что «истина науки в истине православия» [3]. В программной философской статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856) И. Киреевский развивал эти же мысли, призывая к выработке «цельного сознания верующего разума» [4]. Вся сумма философских взглядов славянофилов продуманно заострена против материализма. Философский материализм и связанный с ним, неизбежно из него вытекающий атеизм резко враждебны славянофильству.

Крупнейшей заслугой Плеханова является то, что ему удалось в статьях об общественных движениях 30—50-х годов вскрыть с совершенной убедительностью, что вся концепция славянофильства пронизана страхом помещика перед развивающейся борьбой классов, перед революцией. Вся концепция славянофилов допускает известное историческое движение вперед, но при непременном избежании революционного переворота. Не только о политической ненависти, которая, по его мнению, слабее и принадлежит лишь «богатым мира сего», но о гораздо более сильнейшей «нравственной ненависти» против «переворотов и революций» как о внутренней одушевляющей его силе свидетельствовал в частном письме к единомышленнику Хомяков [5]. Русскому народу, воспитанному в общинном мире, по мнению И. Аксакова (арестованного в марте 1848 г. и излагавшего в письменных показаниях перед жандармами и Николаем I свой и вместе с тем общеславянофильский символ веры), «всякое восстание, всякий насильственный революционный путь ненавистны, противны его нравственным убеждениям и основам его быта, проникнутого духом веры» [6].

Славянофилы едва ли не впервые развивают идею об особом пути развития России, самобытности русского исторического процесса, особой духовной личности русского народа, мирного, верующего, не притязающего на власть. Изображая условного, идеального русского человека, славянофилы, как это совершенно правильно показал Плеханов, изображали глупого, покорного, темного мужичка, который не бунтовал бы против русских помещиков и царя. Русский народ, по мнению славянофилов, не хочет бремени власти, он никогда не боролся за власть; отношения между помещиками и крестьянами — это мирные, патриархальные, отеческие отношения между отцами и детьми.

Славянофильство — система взглядов монархическая, теория, враждебная буржуазным формам политического строя стран Западной Европы. Славянофилы — монархисты.

Наконец, славянофильство с самого возникновения носит на себе известный налет реакционных панславистских идей, который постепенно, главным образом на втором и особенно на третьем этапе истории славянофильства, настолько усиливается, что превращает все славянофильство (по его роли в общественной жизни России) в позднюю разновидность реакционного панславизма.

[1] Чернышевский Н. «Очерки гоголевского периода русской литературы». См. Соч. Т. II, стр. 70—72. П. 1918.

[2] Хомяков. Соч. Т. III, стр. 462. 4-е изд. М. 1914.

[3] Киреевский И. Соч. Т. I. стр. 100. М. 1861.

[4] Там же, стр. [illegible] М. 1911.

[5] Хомяков. Соч. Т. VIII, стр. 212. 3-е изд. М. 1900. Письмо А. С. Хомякова к А. Н. Попову 1852.

[6] Сухомлинов М. И. «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению». Т. II. СПБ. 1889. Статья «И. С. Аксаков в сороковых годах». В статье впервые опубликованы показания Аксакова.

Итак, славянофильство покоится на теологических основаниях, антиреволюционно, выдвигает учение о «самобытности» России, является теорией монархической и некоторыми сторонами близкой к реакционному панславизму.

Многие авторы склонны при характеристике славянофильства здесь ставить точку. Однако сказанным выше еще не дана исчерпывающая характеристика славянофильства. Славянофильство — явление очень сложное, и наряду с указанными реакционными началами в нем были заключены иные начала, отнюдь не реакционные для своего времени. Эти начала заключаются прежде всего в тех сторонах славянофильства, которые менее всего изучены, а именно в социально-политических и экономических взглядах славянофилов. Понятно, как важны для историка именно эти взгляды.

Отдельные славянофилы расходились в вопросах о том, как и когда ликвидировать крепостное право, на каких условиях освободить крестьян; тут расхождений было довольно много, но не было ни одного славянофила, который бы последовательно, от начала до конца, стоял на точке зрения необходимости дальнейшего неизменного сохранения крепостного права в стране. Положение это, впервые с достаточной полнотой выраженное еще в конце 80-х годов В. И. Семевским, отнюдь не склонным к преувеличению заслуг славянофилов в постановке крестьянского вопроса [1], к сожалению, многими современными авторами недооценивается. Ходячим, общим местом стал с легкой руки Плеханова тезис о славянофилах-крепостниках, отстаивавших незыблемость крепостного права.

Между тем именно вопрос о крепостном праве является самым важным, всеопределяющим вопросом для 40—60-х годов. Среди «самых живых, современных национальных вопросов» русской действительности, «которыми занята вся Россия в ее апатическом сне», В. Г. Белинский в знаменитом письме к Н. В. Гоголю 1847 г. на первое место ставит вопрос об уничтожении крепостного права. «Нельзя забывать,— указывал Ленин,— что в ту пору... от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [2]. Если учесть исключительное положение вопроса об уничтожении крепостного права среди всех общественных вопросов 40—60-х годов, то вряд ли можно игнорировать постановку его в славянофильстве [3].

Между тем славянофильство в целом как направление, несомненно, враждебно крепостному праву. Оговоримся для ясности, что речь идет о взглядах славянофилов, выразившихся в направлении славянофильства, а не о практической хозяйственно-вотчинной деятельности славянофилов-помещиков в их имениях. То, что частные помещичьи дела славянофилов расходились с их взглядами, как представителей определенного направления русской общественной мысли, еще не дает исследователю общественной мысли права отказываться от рассмотрения именно взглядов, идей славянофильства.

Первые же программные выражения славянофильства определили отрицательное отношение нового направления к крепостному праву. В статье Хомякова «О старом и новом» (1839) сказано: «В наше время мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами». Хомяков утверждал, что древняя Русь не знала крепостного состояния крестьян, и, предлагая сделать из этого соответствующие выводы для современной России, иронически спрашивал: «Что делать с отсутствием крепостного права (в древней Руси.— *С. Д.*), если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав?» [4].

Статья И. Киреевского «В ответ А. С. Хомякову» (1839) ставила своей задачей достижение «единомыслия, которое могло бы быть небесполезно для всех». И. Киреевский подверг строгой критике целый ряд положений Хомякова. Но крайне важный, программный тезис Хомякова о необходимости скорейшего искоренения общими и прочными мерами (а такими могли стать только законодательные меры правительства) «мерзости рабства законного», т. е. крепостного права, не вызвал у внимательного, критически настроенного к статье Хомякова И. Киреевского ни малейшего возражения.

Так обстояло дело в 1839 г. при возникновении нового направления.

Накануне революционного 1848 г., который перепугал славянофилов и заставил одного из основоположников этого направления (И. Киреевского) даже усомниться в своевременности немедленной постановки вопроса об отмене крепостного права, произошел обмен мнениями по интересующему нас вопросу между П. Киреевским и Кошелевым. Кошелев защищал тогда, повидимо-

---

[1] Семевский В. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Соч. Т. II, стр. 386—428. СПБ. 1888.

[2] Ленин. Соч. Т. II, стр. 315.

[3] Одной из ошибок Плеханова в освещении славянофильства и была, наряду с отождествлением славянофильства с теорией официальной народности, недооценка им постановки крестьянского вопроса у славянофилов. Плеханов признает, что славянофилы в своих взглядах были противниками крепостного права, но, с нашей точки зрения, совершенно правильно считает, «что стремление освободить крестьян вовсе не вытекало из сущности славянофильского учения» (Плеханов. Соч. Т. XXIII, стр. 103). Однако, вместо того чтобы, установив внутреннюю противоречивость славянофильства, показать реакционную сущность учения и прогрессивные стороны его, Плеханов сводит вторые на нет.

[4] Хомяков А. Соч. Т. III, стр. 3, 18. М. 1914.

му, положение о необходимости и выгодности для помещиков заключать частные сделки с крестьянами и дворовыми на основе законов от 2 апреля 1842 г. и 12 июня 1844 года. П. Киреевский скептически отнесся к мыслям Кошелева. Но вместе с тем Киреевский устанавливает общую исходную точку зрения в споре. «Мы с вами расходимся,— пишет он Кошелеву,— не во мнении нашем о свойстве крепостного права, а только в оценке лекарства против этой глубокой и страшной язвы нашего государственного и общественного быта. Вы знаете, что я не защитник крепостного права»[1]. По мнению Киреевского, единовременное согласие подавляющего большинства помещиков на совершение частных и добровольных сделок об освобождении со своими бывшими крепостными невозможно. Сделки отдельных помещиков с крестьянами на основе законов от 2 апреля 1842 г. и 12 июня 1844 г. не могут решить общего вопроса об уничтожении крепостного права, тем более, что независимо от числа таких сделок и для помещиков и для крестьян нужно «не половинное положение обязанных,— потому что посредничество между помещиками и крестьянами невозможно,— а полный раздел помещика с крестьянами», т. е. полный разрыв феодальных хозяйственных связей между помещиками и крестьянами. Крепостное состояние «не может прекратиться мало-помалу, а должно быть исправлено не иначе, как одною общей правительственной мерой». Уничтожить крепостное право «может только одна коренная центральная, следовательно, правительственная мера». Вместе с этой мерой должны бы быть ликвидированы другими законодательными актами правительства «злоупотребления полицейские и общественные», разрешены в новом духе вопросы управления и суда.

Широко известна статья Кошелева «Охота пуще неволи» (1847), напечатанная тогда же и представляющая собой гимн преимуществам наемного труда в промышленности и в земледелии и острую критику труда крепостного. Заключение статьи Кошелева звучало так: «Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинной работой, вольной жизни перед принужденною»[2].

На каких общих условиях мыслилась отмена крепостного права? Ни разу в 40-х годах ни один из славянофилов ни в печати, ни в писаниях, для печати не предназначенных, не ставил вопроса об освобождении крестьян без земли, или об урезке земельного надела крестьян при освобождении. «По моему мнению,— писал П. Киреевский в 1847 г.,— крестьянам справедливо было бы отдать половину земли»[3]. О необходимости освободить крестьян с землей, в частности со всей той землей, которою они пользовались, будучи крепостными, писал в 1846 г. Самарин[4]. Хомяков в 40-х годах защищал отмену крепостного права одновременно с постоянной защитой сохранения и развития крестьянской поземельной общины. «Необходимость сохранить ее неприкосновенность при всех будущих преобразованиях составляла одно из коренных его убеждений»[5],— писал Самарин о взглядах Хомякова. Защита общинного землевладения—общая мысль всех славянофилов 40-х годов. И. Аксаков писал Аксаковым, в частности К. Аксакову, в начале 1849 г.: «Помещики непременно должны понести правомерный убыток при эмансипации крестьян за то, что целые столетия пользовались безобразными правами над собственностью и лицом крестьянина..., я считаю,... что крестьянин, обрабатывающий землю, крестьянин, для которого она единственная мать и кормилица, более меня имеет на нее прав»[6]. Несмотря на разногласия насчет способов и времени освобождения крестьян, говорит Кошелев, «все мы (славянофильский кружок.— *С. Д.*) были согласны в том, что крестьяне должны быть наделены землею, и что птичья свобода для крестьян была бы не добром, а величайшим бедствием, не шагом вперед, а страшным шагом назад»[7].

Можно было бы при желании во много раз увеличить число примеров. Кружок славянофилов в целом в 40-х годах стоял за отмену законодательным путем крепостного права и освобождение крестьян непременно с землей и общинами, по крайней мере со всей той землей, которой крестьяне пользовались при крепостном праве. Вопрос о выкупе, повидимому, еще не ставился[8].

---

[1] Письмо П. В. Киреевского А. И. Кошелеву (1847). См. «Русский архив» 8 за 1873 год.

[2] Колюпанов Н. «Биография А. И. Кошелева». Т. II. Приложения, стр. 11—13. М. 1893. У Колюпанова восстановлены места, не пропущенные цензурой или измененные по ее требованию.

[3] Письмо П. В. Киреевского А. И. Кошелеву (1847). См. «Русский архив» 8 за 1873 год. По мнению В. И. Семевского, П. Киреевский имел в виду передачу крестьянам половины всей помещичьей земли.

[4] См. Самарин Ю. «Заключение к историческому обозрению уничтожения крепостного права в Лифляндии». Соч. Т. II, стр. 433—438. М. 1878.

[5] Самарин Ю. Соч. Т. I, стр. 246. М. 1877.

[6] «Аксаков И. в его письмах». Т. II, Ч. 1-я, стр. 108—109. М. 1888.

[7] См. «Русский архив». Кн. 3-я, стр. 267. 1879.

[8] См. Самарин Ю. «Заключение к историческому обозрению уничтожения крепостного состояния в Лифляндии» (1846). Самарин. Соч. Т. II, стр. 433—438. М. 1878; Самарин Ю. «Хомяков и крестьянский вопрос». Соч. Т. I, стр. 246. М. 1877; Кошелев А. «Воспоминания о Хомякове». «Русский архив». Кн. 3-я. 1879 г.; «И. С. Аксаков в его письмах». Т. II. Ч. 1-я. стр. 108—109. М. 1888; Кошелев А. «Записки». Берлин. 1884.

Взгляды 40-х годов были развиты и уточнены в первой половине 50-х годов, задолго до гласной постановки правительством крестьянского вопроса. Общеизвестны записки об отмене крепостного права Самарина, Кошелева, Черкасского. Известно, какое крупное значение имели они в дальнейшем в подготовке реформы 1861 года. Известна программная передовица К. Аксакова в «Молве» от 24 августа 1857 г., славящая вольный труд и осуждающая труд крепостной[1]. Ярче других выразил общее мнение славянофилов Самарин в письме к К. Аксакову в июне 1853 г., т. е. еще до Восточной войны 1853—1856 гг.: «Мы должны свое дело сделать для очистки совести, т. е. освободить труд»[2].

Дело славянофилов — освободить труд. Убеждение это усилилось после поражения России в Восточной войне. Славянофилы объясняли это поражение не столько силами западноевропейских противников, сколько «внутренним бессилием» (слова Самарина.— *С. Д.*) России, во всех своих выражениях восходящим в конечном итоге к крепостному строю. «Чем больше думаю,—писал И. Аксаков вскоре после заключения Парижского мира 1856 г.,—тем сильнее убеждаюсь, что это (освобождение крестьян.— *С. Д.*) — единственное средство спасения для России и что, если этого вскоре не совершится, то будем мы биты и опозорены не один раз»[3].

В своих записках об отмене крепостного права Самарин, Кошелев и Черкасский предлагали освобождение крестьян с землей, общинами за выкуп[4]. Еще до опубликования рескрипта Назимову от 20 ноября 1857 г. Кошелев и Хомяков отстаивали сохранение общинного крестьянского землевладения при предстоящей отмене крепостных отношений[5]. Ни в коем случае нельзя обезземелить крестьян при освобождении. Нельзя крестьян «лишить земли и предать батрачеству»,— восклицает Кошелев. «Освобождение с землей и общиной на долгое время, может быть навсегда, устранит «язву пролетариата».» Общинное крестьянское землевладение отстаивал в печати И. Аксаков в 1857—1858 гг., утверждая, что оно внесет в науку политической экономии «новое оригинальное экономическое воззрение»[6].

Эти примеры можно значительно умножить. Кружок славянофилов в целом, славянофильство как направление в 50-х годах стоят за освобождение крестьян, за освобождение непременно с землей. Большинство стоит за освобождение со всей землей, которой крестьяне пользовались при крепостном праве, т. е. без права отрезков для помещиков. Однако в конце 50-х годов, уже на втором этапе, некоторые из славянофилов (например Хомяков в известной записке, представленной Я. И. Ростовцеву) высказывались за уменьшение крестьянских наделов при освобождении. Крестьяне должны быть освобождены за выкуп и обязательно на основе общинного землевладения. К концу 50-х годов во взглядах славянофилов на предстоящую реформу гораздо сильнее выступают классовые, помещичьи интересы. Но и тогда славянофильство как направление в целом стояло за отмену крепостного права, а такие деятели его, как Самарин, Кошелев и Черкасский, приняли большое практическое участие в разработке реформы 1861 года. Органы славянофилов «Русская беседа» (1856—1859) и «Сельское благоустройство» (1858—1859) ратовали за реформу. Принципиальный противник славянофильства революционный демократ Н. А. Добролюбов, остро вскрывавший защиту помещичьих интересов славянофилами, тем не менее заявлял в печати весной 1859 г.: «Гуманнейший и дельнейший журнал по крестьянскому вопросу есть, конечно, «Сельское благоустройство»[7].

По двум основным важнейшим экономическим сторонам крестьянской реформы (вопрос о земле и о выкупе) славянофилы заняли позицию, отличную от позиции обоих главных помещичьих лагерей кануна реформы — «плантаторов» и «манчестерцев». В отличие от первых славянофилы ратовали все время за освобождение крестьян с землей, в отличие от вторых они предлагали относительно меньшие цифры выкупа, т. е. «дани», помещикам. Буржуазное содержание выступает в этих позициях помещиков-славянофилов достаточно определенно.

Необходимо признать, что по основному вопросу эпохи от 40-х до 60-х годов,

---

[1] Газета «Молва» № 20 от 24 августа 1857 года.

[2] Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки имени Ленина, фонд Самариных, папка № 140. Письма Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову. Письмо № 108. Письмо это, полностью до настоящего времени не напечатанное, дважды цитировалось неточно авторами предисловий к сочинениям Самарина. См. Самарин Соч. Т. II, стр. VI, XII. М. 1878; Т. VII, стр. XXVII.

[3] «И. С. Аксаков в его письмах». Т. III, стр. 263. М. 1892.

[4] «Записки» Кошелева см. в приложениях к его «Запискам» (Берлин. 1884); «Записка» Самарина опубликована во II томе собрания сочинений Самарина (М. 1878); «Записка» Черкасского — в приложениях к «Материалам для биографии кн. В. А. Черкасского» О. Трубецкой (Т. I. Кн. 1-я. М. 1901).

[5] Кошелев А. «По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности». См. «Русская беседа» за 1857 г. Кн. 4-я, отд. «Критика», стр. 109—171. Статья Кошелева отослана была в цензуру еще летом 1857 г. и была задержана там до поздней осени, благодаря чему вышла уже после 20 ноября; Хомяков А. «Современный вопрос». См. «Молва» № 29 за сентябрь 1857 года.

[6] Аксаков И. «О ремесленном союзе в Ярославской губернии». «Русская беседа». Кн. 2-я, стр. 209. 1858.

[7] Добролюбов Н. «Литературные мелочи прошлого года». См. Соч. Т. IV, стр. 78. М. 1937.

к которому сводились тогда все общественные вопросы, славянофилы и славянофильство защищали относительно прогрессивные взгляды.

★

Исключительно упорное отстаивание славянофилами общины заставляет (в порядке постановки вопроса) обратить внимание на проблему отношения этой стороны в воззрениях славянофильства к воззрениям реакционного феодально-христианского утопического социализма 30—40-х годов. Однако вопрос об идеях реакционного феодально-поповского утопического социализма в России не только не изучен, но даже еще и не поставлен. Известны роль и значение идей утопического социализма Оуэна, Сен-Симона, Фурье и других для истории русской общественной мысли. Но о влиянии идей Ламеннэ, Лакордера, Монталамбера на русскую общественную мысль середины прошлого века мы почти ничего не знаем. Между тем такие явления, как распространение влияния католичества, взгляды П. Я. Чаадаева, В. С. Печерина, части петрашевцев, кирилло-мефодиевцев, наконец, некоторые стороны славянофильства заставляют поставить эту проблему.

По каким мотивам так упорно отстаивали славянофилы общину? Славянофилы отстаивали сохранение общины и всемерное развитие общинного начала не только для крестьянского мира, но и для всех областей социально-экономической жизни страны, исходя в 40-х годах из следующих трех положений.

Во-первых, община выгодна для помещиков. Этот мотив в пользу общины ясен, он не требует комментариев. В 40-х годах он, впрочем, не занимает первого места среди доводов славянофилов в пользу общины. Только на втором этапе он стал звучать вполне отчетливо, настойчиво и полно.

Во-вторых, славянофилы защищают общину потому, что сохранение общины и всемерное развитие общинного начала предупреждают, по их мнению, пауперизацию крестьян и появление сельского пролетариата. Община предупреждает появление антагонистических общественных отношений между собственниками земли и обезземеленными крестьянами. Община, по мнению славянофилов, предупреждает повседневное в практике капиталистической Западной Европы «принесение производителя в жертву интересам производства»[1]. Она предупреждает это жертвоприношение потому, что в лице общинника совпадали две антагонистические фигуры западного буржуазного мира—фигура производителя и предпринимателя.

Славянофилы защищали общину, надеясь, сохранив и развив общинное устройство, избежать развития антагонистических общественных отношений и тем самым снять проблему революции для России в будущем. Славянофилы внимательно присматривались к росту классовой борьбы на Западе и делали свои выводы из наблюдений. Кошелев, путешествовавший по Западной Европе в 1849 г., более всего поражен был противоположностью интересов труда и капитала. Он писал тогда одному из славянофилов: «Во всей Европе пролетарии грозят броситься на людей, имеющих собственность. Коммунизм не побежден: он все более и более распространяется. Теперешнее спокойствие есть лишь станция. Коммунизм как ни нелеп сам по себе, но он красноречив для людей, ничего не имущих и не желающих работать... Пролетариат есть корень всех зол материальных в Европе, как безверие есть источник бед нравственных»[2]. В программном документе славянофильства об общине, упомянутом выше «Письме к приятелю», «О сельской общине» (1848) Хомяков писал: «Всеобщее стремление во всей Европе свидетельствует об одном, о борьбе капитала и труда и о необходимости помирить этих двух соперников или слить их выгоды»[3].

В общине, по мнению славянофилов, не было места для борьбы капитала и труда, соперники эти были примирены, так как выгоды того и другого слиты в одном лице общинника. Эти мысли были именно славянофильскими мыслями для современников.

Приведу один пример. По словам К. Д. Кавелина, тогда ярого противника славянофильства, В. Г. Белинский в середине 40-х годов однажды в разговоре с Грановским и Кавелиным «выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа»[4].

В-третьих, славянофилы защищают общину потому, что, по их мнению, она при свободном развитии станет новой формой будущего общественного устройства человечества: на основе общины земледельческой возникнет община промышленная («так сказать фаланстер», по словам Хомякова) и торговая, в общины объединятся не только крестьяне, но и купцы, ремесленники, промышленники, а со временем и помещики. Из свободного развития общины может развиться новый гражданский мир, мир, где не будет антагонизма между трудом и капиталом,— новый, идеальный, справедливый общественный строй.

Община отстаивалась славянофилами, таким образом, как один из двух основных

---

[1] Эта мысль Сисмонда со ссылкой на него и с цитированием его сочинений сочувственно излагается на страницах тогда славянофильского «Москвитянина» за 1845 год.

[2] «Из бумаг А. Н. Попова». См. «Русский архив». Кн. 1-я за 1886 г., стр. 352—353. Письмо А. И. Кошелева А. Н. Попову от 29 августа (10 сентября) 1849 г. из Остенде.

[3] См. «Русский архив». Кн. 2-я, № 4 за 1884 г., стр. 268. «А. С. Хомяков о сельской общине».

[4] Пыпин А. «Белинский, его жизнь и переписка», стр. 460. СПБ. 1908.

элементов будущего «справедливого» общественного строя, который будет достигнут всем человечеством вслед за Россией не путем революционных потрясений, а путем мирного постепенного развития. Это два основных элемента — община и «истинное христианство», означавшие в понимании славянофилов православие с будто бы присущими ему идеями единства и свободы.

Эти доводы славянофилов об общине, как видно, представляли собой прекраснодушную утопию помещиков о справедливом общественном строе, утопию, которая заставляет поставить вопрос об отношении их теории — славянофильства — к системам реакционного феодально-поповского утопического социализма того времени, о многочисленных крикливых и пестрых формах которого писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии».

Известная зависимость утопических построений славянофилов от социально-утопических идей Запада чувствовалась и современниками. Приведу три примера, заимствуя их как из лагеря враждебного, так и из кругов, близких славянофильству. В известном письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. В. Г. Белинский отмечал: «Верующий друг (т. е. М. Бакунин.—*С. Д.*) и славянофилы наши оказали мне большую услугу. Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов и в статьях своих цитируют Жорж-Занд и Луи Блана»[1]. И. Киреевский, Хомяков, Самарин, Кошелев цитировали и разбирали в своих писаниях 40-х годов Жорж-Занд, Луи Блана, Фурье, Сен-Симона, Р. Оуэна, Прудона и др.

А. И. Герцен в конце своей статьи «О развитии революционных идей в России» (1851) писал о социализме как открытом поле для примирения подобных ему людей со славянофилами: «Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, не принимается ли он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»[2].

Аполлон Григорьев в конце 50-х годов заявлял, что он не может мириться ни «с слепым и отвергающим все артистическое социализмом Чернышевского», ни «с таким же тупым и безносым, да вдобавок еще начиненным всякой поповщиной социализмом славянофилов»[3].

Не решая положительно вопроса о «социализме» славянофильства, мы привели эти примеры лишь для того, чтобы поставить вопрос перед исследователями и показать, что современники славянофилов находили возможным сближать некоторые стороны славянофильства с социально-утопическими учениями.

Далее, славянофильская теория и славянофилы все время критически-осуждающе относились к реакционной системе Николая I, к «теории официальной народности», высказывались за свободу слова, за гласный суд с представителями от населения, за уничтожение смертной казни и смягчение вообще системы наказаний.

Славянофилы-монархисты считали необходимым создание земского собора (думы). Общеизвестна формула К. Аксакова: «Сила власти — царю, сила мнения — народу». Мнение это для царя формально необязательно, царь — самодержец, но тем не менее требование славянофилов о созыве думы, предоставлении известной свободы слова и признании силы общественного мнения объективно предполагает признание невозможности для царя совершенно не считаться с голосом «народа». Что формула «сила мнения — народу» объективно привела бы при ее реализации к получению элементарной свободы выражения для либерального помещичье-буржуазного «общественного мнения», в этом нет сомнений. Но тем не менее требование созыва, пусть сословного, пусть совещательного, общенационального выборного органа для 40—50-х годов, для николаевской России, не звучало реакционно. По внешней видимости земский собор был бы восстановлением попранных императорской Россией «самобытных» русских начал допетровской Руси — восстановлением «единения царя с народом», а по сути дела в конкретной обстановке 50—60-х годов мог бы стать рупором либерального буржуазно-дворянского общественного мнения.

Наконец, экономические воззрения славянофилов, разработанные не менее чем другие части их учения, несомненно, были для своего времени относительно прогрессивными. Система экономических воззрений славянофилов ставит все важнейшие социально-экономические проблемы середины прошлого века, как то: проблему труда, проблему развития капитализма в промышленности и земледелии, проблему создания нового, капиталистического транспорта и проблему новой финансовой политики. Славянофильство в 40—50-х годах было за ликвидацию крепостного труда и замену его более общественно-производительным «свободным» трудом наемного работника. Экономические воззрения славянофилов на проблему труда и крепостного права предугадывали за 15—20 лет до 1861 г. все основные принципы и социально-экономическое содержание этой реформы. Славянофильство как направление в целом стояло в 40—50-х годах за ускорение развития промышленности, за скорейшее превращение России из страны «земледельческой» в страну «промышленно-земледельческую». Славянофилы в 40—50-х годах пропагандировали железнодорожное строительство в России, защищая в этом вопросе интересы фабрично-заводской промышленности центральных губерний. Но и в экономических воззрениях славянофилов, в общем имевших относительно прогрессивный характер,

---

[1] Белинский В. Письма. Т. III, стр. 339. СПБ. 1914.

[2] Герцен А. Соч. Т. VI, стр. 395. П. 1919.

[3] Григорьев А. Под ред. В. Княжнина, стр. 239. Письмо Григорьева от 26 января 1859 года.

имеется немало и крепостнических, отсталых и реакционных моментов.

Подводя итоги, нужно сказать, что славянофильство — направление очень сложное и во многом внутренне противоречивое. Противоречивость славянофильской теории объективно отразила в конечном итоге противоречия, присущие процессу социально-экономического развития России середины прошлого века, противоречивые тенденции, обнаружившиеся в помещичьем хозяйстве в обстановке кризиса крепостного строя в последние десятилетия перед реформой 1861 года.

Не подлежит сомнению, что по своей классовой сущности славянофильство — теория помещичья. Объективным итогом реализации практической социально-экономической программы славянофилов 40—50-х годов было бы развитие капитализма в земледелии по прусскому пути и ускорение развития капитализма промышленного. Такой итог отвечал широко понятым интересам всего помещичьего класса. Славянофилы были передовыми помещиками, которые пришли к сознанию необходимости и исторической прогрессивности замены труда крепостного более производительным трудом «свободного» наемного рабочего. Такой итог вместе с тем не стоял бы в противоречии и с интересами российской буржуазии. Но, выдвигая свою теорию, славянофилы исходили прежде всего из интересов помещичьего класса. Славянофильство 40—50-х годов не было идеологией русской буржуазии.

Объективно, несмотря на смешение в славянофильстве сторон относительно прогрессивных и реакционных, в общем движении русской общественной мысли середины прошлого века славянофильская теория имела консервативный характер. Но, во-первых, и сами славянофилы, говорившие о консервативном характере своих социально-политических взглядов, придавали своему консерватизму своеобразное толкование. Хомяков, например, давал такое определение: «Консерваторство... есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыз гибелен»[1]. А во-вторых, историк не может упрощать явлений прошлого. Признание консерватизного характера теории в целом не освобождает от необходимости ее всестороннего изучения, с учетом при этом тех немаловажных сторон, которые имели в свое время относительно прогрессивное значение. Эти стороны сыграли крупную роль в подготовке и проведении буржуазной, по ее социальному содержанию, крестьянской реформы 1861 г., когда Россия сделала первый шаг по пути превращения из монархии феодальной в монархию буржуазную. Противоречивость славянофильства, наличие в нем целого ряда относительно прогрессивных для своего времени устремлений ни в какой степени не позволяют отождествлять славянофильство с «теорией официальной народности». Только в отдельных суждениях имело место внешнее сходство, но в целом это были различные системы взглядов. Славянофильство было противоречиво, включало и реакционные и прогрессивные стороны, признавало известное движение вперед, требовало существенных перемен; «теория официальной народности» была монолитна, едина, кургузо-ограниченна в своем единстве, реакционно-охранительна, не допускала никакого движения вперед, ни малейших изменений в существующей русской действительности. Триада Уварова «православие, самодержавие и народность»—это программа полного сохранения существующего социального и политического строя. Отожествление славянофильства с «теорией официальной народности» в работах Плеханова основано на том, что Плеханов зачисляет в славянофилы С. П. Шевырева и М. П. Погодина и превращает «Москвитянина» в славянофильский орган. Но Погодин с Шевыревым никогда не были славянофилами, а «Москвитянин», созданный по мысли Уварова, субсидировавшийся правительством и находившийся в особых цензурных условиях, никогда не был органом славянофильства. Только однажды, в начале 1845 г., «Москвитянин» на 3 месяца попал в руки славянофилов, от чего сразу же заметно переменилась физиономия этого органа. Революционный демократ и просветитель Н. Г. Чернышевский, принципиальный противник славянофильства, еще в 1856 г. указывал в печати, что нельзя считать «Москвитянина» органом славянофильства, а Погодина с Шевыревым—славянофилами[2].

Отличая славянофильство от «теории официальной народности», нельзя забывать о существенном водоразделе в идейной борьбе 40-х годов, об отличии славянофильства и западничества. Провести четкую грань между этими двумя направлениями—значительно менее сложное дело. Западничество в целом тяготело к передовому по отношению к тогдашней России европейскому порядку, оно шло за передовой научно-философской мыслью Европы к материализму, к атеизму, к просветительству. В лице своего левого крыла западничество шло к революции, тяготело к социалистическим учениям. Конечно, ведущим направлением в русской общественной мысли 40-х годов было именно западничество. К нему принадлежали все крупнейшие представители общественной мысли того времени. Ведь не славянофилы Хомяков, Киреевский, Самарин — «властители дум» русской молодежи 40-х годов, а западники Белинский, Герцен, Грановский. Однако если исключить немногочисленных в среде западников революционных просветителей (Белинского, Герцена), то не следует забывать, что большая часть западнического лагеря, в сущности, была тожественна по своей классовой принадлежности со славянофилами.

---

[1] Хомяков А. Соч. Т. VIII, стр. 212. М. 1900. Письмо Хомякова к А. Н. Попову. 1852.

[2] Чернышевский Н. «Очерки гоголевского периода русской литературы». Соч. Т. II, стр. 65.

нельзя забывать, что по основному общественному вопросу того времени во взглядах большинства западников (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, И. С. Тургенев, В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. М. Унковский и др.) классово-своекорыстные интересы помещиков, крепостнические моменты выступали ничуть не менее ярко, чем у славянофилов.

Горячие споры западников со славянофилами в 40-х годах были в значительной степени словесными турнирами по довольно далеким от реальной действительности теоретическим вопросам. Практика 50-х годов привела, как известно, к сближению и даже смыканию правых западников со славянофилами, в частности в ходе подготовки и проведения крестьянской реформы. Славянофил Самарин писал западнику Кавелину в 1859 г.: «На практике, я стою с Вами совершенно за одно» [1]. В качестве примеров позиции «независимых либералов» начала 60-х годов Ленин приводил рядом мнения славянофила Кошелева и западника Кавелина [2].

Так обстояло дело к 60-м годам, открывшим новый, «капиталистический период русской истории» (Ленин). В капиталистическом периоде все помещики почувствовали братскую общность.

[1] Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки имени Ленина, фонд Самариных, папка № 142. Сам. (IV. 7) 8. Письма Ю. Ф. Самарина к К. Д. Кавелину. Письмо от 13 марта 1859 года.

[2] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 127—129.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА С. С. ДМИТРИЕВА «СЛАВЯНОФИЛЫ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО»

(Информация о дискуссии)

И. Ганичев

Обсуждение доклада С. С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство» вылилось в большую оживленную дискуссию, в которой приняло участие 15 человек. Большинство выступавших товарищей указывало на большое положительное значение доклада С. С. Дмитриева, основанного на глубоком изучении источников. Выступавшие говорили, что докладчик сумел осветить славянофильство по-новому, показать своеобразие этого направления русской общественной мысли, отличие его от реакционной теории официальной народности и выяснить не только консервативный характер теории в целом, но и подчеркнуть относительно прогрессивные моменты ее. Однако некоторые из принимавших участие в обсуждении указывали также, что докладчик не вполне обоснованно преувеличил прогрессивные моменты славянофильской идеологии...

Доцент Б. Б. Кафенгауз указал в своем выступлении, что докладчик, справедливо различая славянофильство и теорию официальной народности, сильно преувеличивает прогрессивные черты славянофильства. Нельзя утверждать, как это делает докладчик, что славянофилы стояли за суверенитет народа и отстаивали народное представительство в их требовании созыва земского собора. Они действительно выступали против бюрократии Николая I, за смягчение и некоторое ограничение его деспотизма, но оставались всегда сторонниками самодержавия. Земский собор, в понимании славянофилов, был лишен даже тени реальной власти, был сословным и не мог являться подлинно народным представительством. Славянофилы были сторонниками ярко выраженного национализма, который целиком пронизывал как их теоретические взгляды, так и их практическую политику. В этом отношении они сближались с прямыми реакционерами, представителями теории официальной народности. Хотя между славянофильством и теорией официальной народности и есть определенные различия, однако между ними и много общего.

Проф. Н. М. Дружинин считает, что целый ряд своих положений докладчик убедительно доказал (противоречивость взглядов славянофилов, необходимость различать славянофильство и теорию официальной народности, классовый характер славянофильства как помещичьей идеологии и т. д.). Однако докладчик склонен преувеличивать прогрессивные стороны славянофильства. Нельзя рассматривать идеологию славянофилов оторванно от той идейной борьбы, которая происходила в 1830—1840-х годах. Докладчик исходит из неправильной предпосылки, что теоретические и литературные споры 1840-х гг. между славянофилами и западниками не имели реального значения,—наоборот, в отвлеченно теоретических спорах выражались реальные жизненные противоречия.

Славянофильство как идейное течение возникло и оформилось в эпоху реакции под влиянием немецкой реакционной литературы. Оно заключало в себе принципы, диаметрально противоположные стройному мировоззрению западников, стоящих на почве передовой, прогрессивной идеологии

просветительства. Освобождающемуся человеческому разуму просветителей славянофилы в качестве основной исторической силы противопоставляли веру, свободной и независимой личности — патриархальную, феодальную общину, непрерывному движению вперед, прогрессивному развитию,— теорию неизменности типов общественного развития, теорию сохранности самобытных, «исконных начал». Одновременно славянофилы выступали против идеи закономерности исторического развития. Таким образом, основы мировоззрения славянофилов глубоко реакционны. Это относится также и к их социально-политическим взглядам. Славянофилы — сторонники самодержавия, защитники сословных порядков; за народом они не признавали никакой власти.

Славянофилы выступали против крепостного, принудительного труда — эта позиция их была относительно прогрессивной. Однако не надо забывать, что славянофилы не хотели полной ликвидации крепостничества и постоянно отстаивали различные феодальные институты (самодержавие, сословность и т. д.).

Славянофильство в целом — реакционная, феодальная идеология. Преобладание в нем реакционных, феодальных черт сказалось в том, что именно эти черты оказались более живучими и продолжали существовать и развиваться тогда, когда относительно прогрессивные моменты уже выветрились.

Попытку сопоставления славянофильства с идеями феодального христианского социализма на Западе проф. Дружинин признает необоснованной, так как славянофилы не дают даже и намека на ту критику капитализма, которую мы находим у представителей христианского социализма на Западе.

Проф. Е. А. Мороховец считает, что автор доклада правильно характеризует взгляды славянофилов как противоречивые. В мировоззрении славянофилов имеется большое количество реакционных черт, которые дают возможность сблизить их с представителями теории официальной народности,— это поповщина, «душный византизм», учение об особом пути исторического развития России, о ее самобытности, панславистские взгляды, страх перед развитием классовой борьбы, перед возможностью революции, защита самодержавия, защита общины — орудия крепостнической эксплоатации — и т. д.

Но этим ограничиваться нельзя. Необходимо, как это указывает докладчик, отметить и прогрессивные черты славянофильской идеологии, которые очень существенны, ибо касаются важнейших вопросов: славянофилы требовали отмены крепостного права, признавали необходимость развития промышленности. В целом ряде политических вопросов их взгляды были относительно прогрессивными: в вопросе о свободе слова, о гласном суде, о созыве земского собора. Стоя во многом на феодальных позициях, славянофилы в этих вопросах переходили на точку зрения прогрессивную, буржуазную и сближались с правым крылом западничества. Славянофильство и является промежуточным направлением между теорией официальной народности и правым крылом западничества. Идеологию правых западников (Кавелина, Чичерина и др.) не нужно переоценивать; они не были свободны от целого ряда реакционных взглядов, они боялись революции, защищали самодержавие и признавали конституцию только как элемент далекого будущего. При подготовке крестьянской реформы славянофилы проектировали даже меньшее ограбление крестьян в смысле предоставления крестьянам большего размера наделов и получения за него меньшего выкупа чем правые западники.

Славянофильство в силу его противоречивости нельзя характеризовать в целом как реакционное или прогрессивное течение: в нем было переплетение реакционных черт с прогрессивными, феодальных — с буржуазными.

Проф. Б. Е. Сыроечковский считает, что несмотря на всю противоречивость взглядов славянофилов славянофильство — единое, цельное течение. Славянофилы, по его мнению, стояли по существу (особенно в решении социально-экономических вопросов эпохи) на буржуазных позициях. Славянофилы вместе с западниками, в отличие от сторонников теории официальной народности, были представителями буржуазного мировоззрения в России. В отличие от западников славянофилы были только менее последовательными проводниками буржуазной идеологии. Славянофилы — это помещики, принимающие буржуазный строй, но стремящиеся при этом максимально сохранить старые, крепостнические порядки, социально-экономические основы старого поместья и культурный уклад старого дворянства. Они не переходили решительно и прямо на точку зрения буржуазной идеологии: западный капитализм с проблемой пролетариата и революции их пугал. Славянофилы пытались давать хотя и несколько сдержанную критику буржуазных порядков, и в этом отношении (вместе с их утопическими взглядами на роль общины и христианской религии) они могут быть сравниваемы с представителями христианского социализма на Западе.

Наряду с буржуазными взглядами славянофилов следует подчеркнуть и их лицемерие и ханжество, проявившиеся не только в психологии, но и в политических взглядах.

Вообще славянофильство отражает собой, как и другие течения русской общественной мысли того времени, общий кризис дворянской культуры первой половины XIX в. и зачатки культуры буржуазной. Этот кризис порожден кризисом всей феодально-крепостнической системы.

Тов. Ловецкий указывает, что считать славянофильство относительно прогрессивной идеологией, как это делает докладчик, неправильно. Если в основу оценки принять такой условный признак, как сравнение славянофильства с теорией официальной народности, идеологией еще более реакционной, то мы лишаемся правильного критерия оценки прогрессивной идеологии вообще

ще. Для определения прогрессивности той или другой идеологии надо исходить из объективного исторического развития и задач, стоящих перед страной, и выяснять, как эти задачи решаются представителями разных общественных течений.

Делить историю славянофильства на три этапа не совсем правильно: при определении различных этапов славянофильства необходимо учитывать его связь и зависимость от общего хода исторического развития и идейной жизни России. Поэтому правильно считать два периода в истории славянофильства: до 1861 г. и после реформы 1861 года.

При характеристике идеологии славянофилов нельзя игнорировать работы Плеханова или ограничиться указаниями на неправильную оценку им славянофильства. Эти работы нужно подробнее анализировать. Плеханов был во многом прав, оценивая славянофильство как реакционную теорию. Славянофилы отражали взгляды более культурной, более образованной части помещиков, чувствовавших кризис крепостничества и развитие капиталистических отношений в России, желавших несколько задержать это развитие, отгородиться от него, закрыть глаза на него и звавших не вперед, а назад — к допетровской Руси.

Проф. М. В. Нечкина возражает тов. Ловецкому и считает, что докладчик прав, характеризуя некоторые черты славянофильской идеологии как относительно прогрессивные, ибо всегда, когда говорится о прогрессивности того или другого явления, конечно, имеется в виду именно его относительная прогрессивность, самое понятие прогрессивного относительно по самому своему существу. М. В. Нечкина указывает, что во 2-й части учебника по истории СССР для вузов дана правильная характеристика славянофильства — как такого течения, которое по основному вопросу эпохи, о крепостном праве, стояло отчасти на прогрессивных позициях. К сожалению, докладчик недостаточно подробно осветил эпоху, в которую выступали славянофилы (в 1840-х гг.), и поэтому тезис Ленина о том, что в 1840—1860-х гг. все вопросы сводились к крепостному праву, недостаточно раскрыт. Однако не следует забывать и реакционных черт идеологии славянофилов: их идеализма, мистицизма, национализма и т. д. Нельзя дать общей характеристики славянофильству, нужно конкретно характеризовать различные стороны его идеологии.

Славянофильство—идеология помещичья, враждебная революции. Хотя славянофилы и стояли за отмену крепостного права, но эту отмену они предлагали проводить непоследовательно, они объективно отстаивали прусский путь развития капитализма, мучительный путь для трудящихся, с сохранением целого ряда остатков крепостничества. Но все же прогрессивный момент в идеологии славянофилов нельзя игнорировать. Даже в целом их концепция по сравнению с теорией официальной народности представляла некоторый прогресс, ибо славянофилы все-таки стояли за некоторое развитие страны, хотя и понимали это развитие ограниченно; теория же официальной народности проповедовала полный застой. Славянофильство в некотором смысле было прогрессивным, но, конечно, отнюдь не революционным течением. Неправильно сравнивать идеи славянофилов с христианским социализмом на Западе — они возникают в разных условиях: на Западе феодальный христианский социализм возникает при развитом рабочем движении, в 1840-х гг. в России развитого рабочего движения не было.

Тов. Раимов считает, что для определения характера той или иной идеологии ее необходимо сравнивать не с отсталыми, реакционными теориями, а с передовыми, действительно прогрессивными. В тогдашних исторических условиях передовой, прогрессивной теорией было левое, демократическое течение в западничестве, а в сравнении с ним славянофильство является, конечно, реакционной теорией. Славянофилы были не только противниками революции, но и всеми силами мешали развитию революционной идеологии и революционного движения.

Проф. А. В. Шестаков указывает, что славянофильство можно и даже необходимо сравнивать как с передовой идеологией того времени — западничеством,— так и с реакционной теорией официальной народности. Если в своих экономических воззрениях (о крепостном праве и т. д.) славянофилы были близки к западникам, то по своим социально-политическим взглядам они более сходились с представителями теории официальной народности. К сожалению, многие важнейшие вопросы идеологии славянофилов слабо разработаны в нашей литературе и требуют специального исследования, например вопрос об общине, национальный вопрос и т. д.

Тов. Кондратьев считает, что складывание славянофильского кружка и возникновение славянофильства как идеологии нужно искать раньше 1839 г., а именно: в первой половине 1830-х гг., в тот же период, когда оформляется западническое направление во главе с В. Г. Белинским. Герцен со своими колебаниями нехарактерен для революционного крыла западничества. Характерен именно Белинский.

Тов. Ротенберг указывает, что докладчик и выступавшие в прениях товарищи (М. В. Нечкина и др.), сближающие славянофильство и западничество, неправы и забывают коренное и принципиальное различие этих течений, обусловившее собою те страстные споры, которыми наполнены 1840-е годы. Даже в вопросе о крепостном праве нельзя сказать с полной убежденностью, что славянофилы стояли за отмену его. У них были половинчатые, нерешительные высказывания по этому вопросу. Для 1840-х гг. прогрессивной была идеология западников как представителей нарождающихся буржуазных тенденций. Славянофилы были представителями реакционной идеологии крепостников-помещиков.

Тов. Типеев считает, что славянофилы под давлением объективной действительности стояли за движение вперед, но при не-

применном условии избежания революционного переворота, восстания крестьян и т. д. Славянофилы защищали отсталость России и ее особое положение в Европе — как оплота реакции. В целом славянофильство — реакционная теория.

В своем втором выступлении проф. Е. А. Мороховец указал, что нельзя считать реакционерами всех, кто в 1840-е и 1850-е годы был против революции. Тогда в числе реакционеров окажутся все западники правого крыла: и Грановский, и Тургенев, и Кавелин, и другие. Необходимо конкретно разбирать ту или другую идеологию и ее различные черты. В 1840—1850-х гг. передовой, прогрессивной была буржуазная идеология по сравнению с идеологией крепостнической, феодальной. Буржуазные черты имеются и у славянофилов и у западников, но в разной степени. Славянофилы являются прогрессивными по отношению к представителям «теории официальной народности»; западники правого крыла являются более прогрессивными по отношению к славянофилам, поскольку у них элементов буржуазной идеологии больше чем у славянофилов.

М. В. Нечкина во втором выступлении указала, что во втором издании учебника истории СССР (ч. 2-я) вопрос о западниках и славянофилах будет расширен и резче подчеркнута разница их взглядов. Совершенно неправильно всякого прогрессиста считать революционером. Мы знаем в нашей истории много передовых, прогрессивных людей своего времени (Новиков, Грановский и др.), которых мы никак не можем назвать революционерами.

С. К. Бушуев считает, что для правильной оценки славянофильства необходимо сравнивать его не только с отживающей, реакционной, феодальной идеологией, а и с передовой — с западничеством и главным образом с его революционным крылом. Это сравнение приводит к выводу, что славянофильство—помещичья, реакционная идеология, хотя и имеющая отдельные прогрессивные черты. Тов. Бушуев приводит оценки славянофильства, данные в работах Герцена и Чернышевского, и показывает, как критиковали эти корифеи революционной мысли реакционные взгляды славянофилов.

В заключительном слове С. С. Дмитриев подвел итоги развернувшемуся обсуждению своего доклада и подчеркнул правильность основных положений доклада. Докладчик возражает против того, что славянофильство нельзя характеризовать в целом. Он несогласен также с теми товарищами, которые считают славянофильство или только прогрессивным течением или только реакционным. С. С. Дмитриев считает, что в славянофильстве имеются и реакционные и прогрессивные черты, что в целом это теория консервативная. Нельзя согласиться с Плехановым, не видящим разницы между славянофильством и теорией официальной народности. Славянофилы уже в конце 1830-х гг. ставили вопрос об отмене крепостного права, а Погодин еще в 1850-х гг. стоял за сохранение крепостного права. А этот вопрос о крепостном праве, как указывает Ленин, был самым важным вопросом той эпохи. Славянофильство как идейное течение 1840-х гг. должно быть сравниваемо как с передовыми идеологиями того времени, так и с отсталыми, реакционными теориями. Сравнивать славянофильство с теорией официальной народности тем более необходимо, что эта теория имела в то время большую идейную силу, она вбивалась в мозги через печать, через школу и всякими другими способами. Несогласие славянофилов с этой теорией в отдельных вопросах и их выступления против нее имеют большое значение. Докладчик приводит высказывания славянофилов по вопросу о крепостном праве и показывает, что видные деятели славянофильства: И. Киреевский, Хомяков и др.—в 30—40-х гг. XIX в. высказывались за отмену крепостного права.

ПЯТИСОТЛЕТИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

(Выставка и конференция во Львове)

Н. П. Киселев

I

По случаю пятисотлетнего юбилея книгопечатания львовский филиал Библиотеки Академии наук Украинской ССР (БАН) выступил организатором научной конференции, посвященной изобретению типографской техники и некоторым моментам ее истории, ближайше связанным с культурным развитием Украины. Организаторами конференции явились директор Библиотеки И. Н. Зеленко и ученый секретарь В. Т. Вислоцкий — заслуженный книговед и историк. Конференция происходила во Львове, в зале заседаний Библиотеки, с 25 по 29 октября; на нее были приглашены библиологи и библиотекари Украины. Из РСФСР на конференцию прибыли три делегата: двое— от Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве (ЛБ) и один— от Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ПБ).

К началу работ конференции было приурочено открытие книжной выставки в стенах Библиотеки Академии наук. Кроме того делегатам была предоставлена возмож-

ность ознакомиться с главнейшими книжными учреждениями, находящимися во Львове и представляющими немалый интерес.

Открытие выставки и конференции произошло вечером 25 октября. Экспонентами выставки явились различные отделы, входящие в состав Библиотеки Академии, а также Библиотеки Львовского университета. План выставки свидетельствует о большой предварительной работе, проделанной устроителями; выставка свободна от материалов случайных или маловажных; общее оформление отличается строгой красотой.

Первый раздел выставки показывает книгу, предшествующую и современную изобретению Гутенберга,— рукописную книгу средних веков. Здесь нет особенно старых рукописей, но некоторые являются памятниками превосходного письма и орнаментики. Можно отметить, например, «Эксамерон» Амвросия Миланского [1], писанный в XII веке; трагедии Сенеки очень красивого письма 1396 г., с прекрасными инициалами; Бревиарий римского обряда итальянского письма XIV в., роскошно украшенный; два Миссала: один—1372 г., другой—конца XV в., писанный в Бургундии. Среди церковно-славянских рукописей обращают на себя внимание евангелие тетр, XIV в., на пергаменте, Апостол [2] XIV в. и Измарагд XV в., также на пергаменте.

Древнейшими печатными книгами на выставке и, повидимому, древнейшими, имеющимися в библиотеках Львова, являются две брошюры, выпущенные в Майнце Печатником Католикона; в этом анонимном типографе большинство библиологов видит самого изобретателя книгопечатания — Иоганна Гутенберга. Обе книжки Печатника Католикона, находящиеся на выставке, принадлежат Библиотеке Львовского университета; они не являются большими редкостями, но ценность их, как ранних памятников печати, велика.

Первым произведением Печатника Католикона было сочинение Фомы Аквинского Сумма об артикулах веры, вышедшее в 1459 или 1460 г.; позднее, в 1460 г., появился Разговор разума и совести пражского профессора Матвея Краковского. Последний, кроме Львова, имеется в Киеве (Библиотека Академии наук), Москве (Ленинская Библиотека), Ленинграде (Публичная Библиотека) и в очень многих библиотеках заграницей.

Из книг, напечатанных учеником Гутенберга Петром Шеффером, выставлены послания Иеронима Стридонского (1470), превосходно сохранившийся экземпляр с великолепными инициалами; Декреталии (книга VI) папы Бонифация VIII (1476); Гербарий со множеством изображений растений, гравированных на дереве (1485); Миссал краковский (1487), издание весьма редкое и также украшенное богатыми инициалами.

За первопечатниками Гутенбергом и Шеффером следуют непосредственно инкунабулы польской печати (инкунабулы — печатные книги XV в.). Из трех известных изданий первой типографии в Кракове — Печатника Туррекрематы — показаны два: Johannes de Turrecremata Expositio psalterii, напечатанное около 1474—1475 г., и Franciscus de Platea, opus restitutionum, 1475 г. Вторая краковская типография — Швайполта Феоля, первого, начавшего печатать кириллическим шрифтом,— представлена Октоихом 1491 г. и Триодью цветной [3], вышедшей около того же времени. Кстати сказать, в 1941 г. исполняется ровно 450 лет со времени начала печатания кириллическим шрифтом, прародителем того гражданского шрифта, которым пользуются не только русские, но и многие другие славянские народы.

Среди экспонатов XV в. некоторые представляют первоклассные ценности. Такова, например, Agenda sive Exsequiale sacramentorum, изданная виленским каноником Мартином и напечатанная Конрадом Баумгартеном в Данциге 10 июня 1499. Помимо того что эта книга существует всего в трех экземплярах во всем мире, особую прелесть придает ей большой гравированный на дереве инициал I весьма оригинального рисунка, с белым крестообразным орнаментом на утолщенной черной букве. Весьма редки и интересны по содержанию две книги, напечатанные в Чехии: знаменитый исторический роман Guido de Columna, Historia destructionis Troiae (История разрушения Трои) в чешском переводе, печатано в Праге Печатником чешской псалтири 24 декабря 1488 [1487] — один из девяти известных экземпляров; Johannes de Thwrocz, Chronica Hungarorum (Хроника Венгрии), напечатано в Брно без указания типографии, но известно, что печатали Конрад Штахель и Маттиас Прейнлейн 20 марта 1488.

XVI век — эпоха становления новых книжных форм и окончательного отхода от рукописной традиции, а также время высокого расцвета книжной иллюстрации. На выставке он представлен рядом экспонатов, замечательных как с историко-культурной стороны, так и по красоте печати и редкости экземпляров. Он разделен на две группы: первую составляют книги, напечатанные в Польше и Литве, вторую — западноевропейские. Нельзя не восхищаться такими изданиями, сплошь оттиснутыми на пергаменте, как Миссал Краковский (Краков, на средства Иоанна Халлера, 29 ноября 1515) и особенно Privilegium constitutionum Poloniae Яна Лаского (Краков, в доме Иоанна Халлера, 27 января 1506). В начале этого сборника постановлений находится гравюра, занимающая весь разворот книги и изображающая польского короля Сигизмунда I на троне, в окружении светских и церковных князей; оттиск на пергаменте отличается сверкающей свежестью несмотря на свои 435 лет.

---

[1] «Эксамерон» излагает легендарную историю сотворения мира в шесть дней.

[2] Бревиарий, Миссал, Апостол, Октоих — наименования книг, применяемых в церковной службе.

[3] Октоих и Триодь — книги, содержащие церковные песнопения.

Далее показан удачный подбор ранних книг, напечатанных в польских городах: Варшаве, Познани, Замостье и других; особенный интерес представляют первопечатные книги западных областей Украины и Белоруссии. Таково, например, издание Саксонского зерцала, одного из важнейших юридических памятников средних веков в польском переводе Павла Щербица, напечатанного по заказу переводчика во Львове в 1581 г. странствующим типографом Николаем Шарфенбергом. Как известно, первым печатником Львова (и всей Украины) был москвич Иван Федоров, работавший в 1573—1574 гг., который также должен быть отнесен к распространенной в XV и XVI вв. категории странствующих типографов; он выпустил одну-единственную книгу кириллическим шрифтом. Вторым печатником Львова был поляк Николай Шарфенберг, печатавший готическим и латинским шрифтами в 1578 и 1581 годах. Саксонское зерцало было четвертой или пятой книгой, напечатанной Шарфенбергом во Львове, после чего книгопечатание здесь прекратилось на десять лет, вплоть до 1591 года.

Печать Белоруссии представлена Комментарием на пророка Осию (на польском языке), вышедшим в первый год появления книгопечатания в белорусских землях (1559). Первым печатником был Станислав Мурмелий, устроивший в 1558 или 1559 г. на средства князя Николая Радзивилла (Черного) типографию в Бресте-Литовском, предназначенную служить пропаганде реформации в Польше. С аналогичными целями была основана в 1573 г. на средства другого литовского магната, Яна Кишки, типография Яна Карцана в Лоске (ныне в Барановичской области). Издания этих типографий после торжества католической реакции в Польше подвергались уничтожению и поэтому сделались редкими; на выставке показано сочинение А. Ф. Моджевского о poprawie Rzeczy pospolitey (Лоск 1577, в лист, готической печати).

В группе западноевропейской печати XVI в. следует отметить несколько альдин, т. е. изданий венецианской семьи Мануциев. Старейшая среди них — сборник сочинений греческих и римских астрономов — выпущена Альдом I Мануцием еще в XV в. (июнь — октябрь 1499); несколько других относятся к более позднему времени.

Среди книг германской печати выделяется сочинение Андрея Везалия, основателя научной анатомии,— De humani corporis fabrica (О строении человеческого тела) (Базель, Иоанн Опорин, 1543), — украшенное гравированными на дереве анатомическими таблицами высокой художественной работы. Для истории имеет большое значение собрание гравированных на меди видов городов, Брауна и Хогенберга, 1570-х гг.: Civitates orbis terrarum; здесь, между прочим, имеется вид Львова того времени, когда там находился и работал Иван Федоров.

Из других изданий XVI в. выделяется художественными иллюстрациями книга известного гравера и нумизмата Губерта Гольциуса Fasti magistratum et triumphorum Romanorum — Летописи должностных лиц и триумфов римлян (Brugis Flandrorum, т. е. Брюгге, 1566). Истинной жемчужиной является лечебная книга на шведском языке Benedictus Olai, En nyttig läkarebok (Стокгольм, Андерс Торстенсон, 1578); львовский экземпляр происходит из собрания д-ра Владислава Былицкого и не указан в Sveriges Bibliografi Исака Коллина.

В XVII в. почетное место занимает голландская фирма Эльзевиров, популяризировавшая книгу путем ее стандартизации в карманном, «эльзевирном» формате, который способствовал как ее удешевлению, так и портативности. Широкую известность приобрело выпускавшееся Эльзевирами «собрание республик», т. е. описаний отдельных стран; на выставке оно представлено описаниями России и Польши. Из немногих изданий, напечатанных Эльзевирами в большом формате, выставлено сочинение по военной архитектуре (Adam Freitag, Architectura militaris (Leiden, Bonaventura & Abraham Elzevirii, 1635).

Несколько витрин посвящено книгопечатанию национальными шрифтами: кириллическим, армянским, еврейским. Среди кириллических книг XVI в. оба Апостола Ивана Федорова: московский (1564) и львовский (1574); обе Библии: пражская Франциска Скорины и острожская Ивана Федорова (1580—1581); Евангелие учительное, напечатанное Иваном Федоровым в Заблудове (1569); Четвероевангелие, напечатанное Петром Тимофеевым в Вильно (1575) и его же Псалтирь (1576); Литовский статут, напечатанный своеобразным курсивным шрифтом в Вильно, в типографии Мамоничей (1588); Грамматика эллино-словенского языка (Львов 1591) и т. д.

Среди книг еврейской печати приковывает внимание невзрачная книжка малого формата — еврейская грамматика Илии Бохура под заглавием Пиркей Элиагу, с комментарием Суга Башошаним (Львов 1783), первая книга на еврейском языке, напечатанная во Львове, столь редкая, что до настоящего времени она обнаружена лишь в двух экземплярах: один — во Львове, другой — в Вене.

В ряде витрин показана Книга в оковах — репрессии светской и духовной цензуры против печати, причем эти интереснейшие факты иллюстрированы главным образом местными материалами. Здесь можно видеть различные «индексы» запрещенных целиком или подлежащих кастрации книг: индексы общие (например папские) и специальные—книг польских, украинских, еврейских. Можно видеть, как в 1830—1840 гг. издания Института имени Оссолинских во Львове (теперешняя библиотека Академии наук), будучи запрещены австрийской цензурой, печатались тайно и выходили как подпольные издания. Можно видеть жестокие преследования, которым подвергался украинский язык; в числе запрещавшихся книг величайшие творения украинской литературы: «Кобзарь», «Гайда-

аки» и даже «Тарас Бульба» в украинском переводе; наряду с ними газета «Селянин», нелегально издававшаяся в Черновицах в 1903 году. Можно видеть русскую революционную печать при царизме: газеты «Искра», «Социал-демократ», женевские брошюры Ленина и т. д. Можно видеть, наконец, как поляки, некогда борцы за национальную независимость против русского, прусского и австрийского угнетения, после восстановления своего государства в 1918 г. сами сделались угнетателями национальных меньшинств.

Воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с их восточными частями, входящими в состав Советского Союза, находит отражение в книгопечатании в заключительных витринах выставки. Здесь классики марксизма-ленинизма—книги Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,— Конституция СССР, Краткий курс истории ВКП(б) на разных языках, творения украинской литературы, наконец, свободные, технически совершенные советские издания по литературе и искусству и расцветающая всеми цветами полей детская книга.

Этим заканчивается основная линия экспозиции, показывающая развитие книгопечатания за 500 лет, от Гутенберга до наших дней. В параллельных линиях разработаны еще некоторые специальные темы. Важнейшей из них является история иллюстрационного искусства и книжной орнаментики.

Возвращаясь опять к XV столетию, отмечаем прежде всего Библию, печатанную Антоном Кобергером в Нюрнберге в 1480 г., издание неиллюстрированное, но данный экземпляр украшен 140 цветными инициалами исключительной красоты; в середине каждого инициала помещена целая миниатюра. Тем же Кобергером выпущена в 1493 г. наиболее распространенная иллюстрированная книга XV в.— Хроника Хартмана Шеделя — со множеством гравюр на дереве Михаэля Вольгемута и Вильгельма Плейденвурфа. Прекрасны иллюстрации Ганса Леонарда Шейффелейна, ученика Альбрехта Дюрера, в книге Udalricus Pinder, Speculum passionis domini nostri Jesu Christi (Нюрнберг, без указания типографии, 30 августа 1507).

Из итальянских работ имеется известное издание Божественной комедии Данте (Флоренция 1481) с углубленными гравюрами на металле; из французских — два парижских Livres d'heures на пергаменте: один — печати Тильмана Кервера 1499 г., другой — печати Жермена Ардуэна 1514 г.; из испанских — рыцарский роман Palmerin de Inglaterra (Толедо 1547).

Большую редкость представляет книга кириллической печати Метрика альбо реестр для порядку церкви святой (Львов 1687; 4°); эта книга показана даже в двух экземплярах, различающихся между собою. В одном титульный лист печатан только черной краской, в другом — черной и красной. На титульном листе имеется гравированная рамка.

Иллюстрированные издания XVIII и XIX вв. представлены в большом числе, преимущественно французские. Среди них такие знаменитые вещи, как [Antoine la Barre de Beaumarchais], Le temple des muses (Amsterdam, Zacharie Châtelain, 1733), с 60 гравюрами на меди Бернара Пикара; Метаморфозы Овидия на латинском и французском языках (Париж 1767—1771, 4 тома) с иллюстрациями Буше, Эйзена, Гравело, Моро и других и с орнаментами, рисованными и гравированными Шоффаром.

Наконец, особый раздел выставки посвящен истории и искусству переплета. Среди переплетов XV в. выделяется огромный фолиант, на крышке которого вытиснена надпись штемпелями, красною краской: Per me // richenbach // illigata // in gislingen. // Это — монастырский переплетчик Иоганн Рихенбах, работавший в Гейслингене приблизительно в 1465—1485 гг. и известный тем, что у него появились штампы на роликах. Среди переплетов новейшего времени все прочие затмевают работы львовского переплетчика и реставратора Александра Семковича — произведения несравненного мастерства и безупречного вкуса, не только достигающие уровня лучших французских работ, но даже превосходящие их.

II

Научная конференция, посвященная 500-летнему юбилею книгопечатания, продолжалась три дня: 26, 28 и 29 октября. Было прочитано восемнадцать докладов и сверх программы заслушано одно сообщение. Авторами тринадцати докладов являются работники Львова, два доклада сделаны делегатами Киева, три — делегатами Москвы и один — делегатом Ленинграда. Более половины докладчиков является сотрудниками львовского филиала Библиотеки Академии наук УССР. Доклады читались на украинском, польском и русском языках, в зависимости от национальности или желания автора. К сожалению, зачитывались одни доклады, а прения по ним не открывались, так что весь обмен мнениями ограничивался кулуарными разговорами во время перерывов. Это, несомненно, способствовало большой экономии времени, но не могло не отразиться на глубине работ конференции.

26 октября было прочтено пять докладов. В первом докладе Б. И. Зданевич (Киев, БАН) сообщил о сделанном им открытии первостепенной важности. Из переплетных крышек латинской Библии печати Робера Этьенна (Париж 1557), принадлежащей Библиотеке Академии наук в Киеве, тов. Зданевичу посчастливилось извлечь несколько листов печатного произведения, шрифт которого был им опознан как первый шрифт Гутенберга. В результате кропотливых и весьма добросовестных изысканий Б. И. Зданевичу удалось установить, что шрифт найденных им листов относится примерно к 1456 году. Брошюра сохранилась почти целиком и представляет собой перечисление епископств римско-католической церкви, так называемое Provinciale Romanum. Поскольку это произ-

ведение гутенбергова станка ранее не было известно и даже на существование его не было ни малейшего намека, находку Б. И. Зданевича следует квалифицировать как одно из важнейших открытий XX в. в области истории изобретения книгопечатания.

Е. Ф. Куркова (Львов, БАН) сделала доклад на тему «Гутенбергиана и замечательнейшие инкунабулы во львовских библиотеках». Коснувшись средневекового способа размножения книг рукописным путем, докладчица перешла к изобретению Гутенберга и дала характеристику имеющихся во львовских библиотеках изданий первопечатников — Печатника Католикона и Петера Шеффера. Далее докладчица рассказала об изданиях двух первых печатников в Кракове — первом городе Польши, в котором появились типографии (см. выше обзор выставки),— а также о других книгах XV века в библиотеках Львова — книгах, выдающихся по редкости, внешнему оформлению, переплетам или происхождению.

И. П. Крипьякевич (профессор Львовского университета и директор Института истории) в докладе «Иван Федоров во Львове» характеризовал нашего первопечатника как зачинателя книгопечатания трех народов: русского, белорусского и украинского. Основываясь на архивных документах, докладчик нарисовал картину социальной и культурной жизни Львова во второй половине XVI столетия и особенно остановился на деятельности религиозных братств, поддерживавших Ивана Федорова в его работе. Изложив историю напечатания первой книги на Украине — львовского Апостола 1574 г.,— докладчик закончил повествованием о деятельности Ивана Федорова за последние десять лет его жизни.

Т. К. Ухмылова (Ленинград, ПБ) прочла доклад «Старопечатный славянский фонд Государственной публичной библиотеки в Ленинграде». Докладчица указала, что фонд кириллических и глаголических книг Публичной библиотеки, начиная с глаголического служебника (Венеция 1483) до 1800 г., насчитывает более 3 тыс. названий и около 8 тыс. экземпляров и отличается большой полнотой подбора и ценностью отдельных книг. Поэтому он представляет весьма ценный материал для изучения исторических судеб славянских народов, их литературы, языка, искусства и т. д. Докладчица дала общий обзор развития кириллического книгопечатания и обзор собраний кириллических книг, в течение более 100 лет поступавших в Публичную библиотеку. Вместе с тем докладчица отметила, что изучение старопечатных книг до сих пор не было достаточно углубленным и должно быть поднято на более высокую ступень.

И. С. Свенцицкий (профессор Львовского университета и директор Национального музея) в докладе «Систематизация тематики кириллических старопечатных книг» обрисовал тесную связь, существующую между ними и рукописной традицией конца XV и первой половины XVI века. Эта связь видна и в рисунках полууставных шрифтов, и в орнаментике, и в языке. По содержанию огромное большинство старопечатных книг является богослужебными, имеет твердо установленный и неизменный текст. Однако уже в начале XVI в. делаются попытки дать народу книгу для чтения на доступном ему языке. Так возникает пражская Библия Франциска Скорины (1517—1519), в язык которой типограф-переводчик ввел многочисленные белорусские формы и обороты. В Остроге Иван Федоров не решился на такое смелое новшество, как введение народного языка в текст Библии, но в Остроге народный язык служил для издания полемических сочинений против латинян и униатов. Далее, живые народные говоры проникали в печатную книжность через грамматики и словари. Постепенно расширялась тематика кириллической книги: вслед за книгами чисто богослужебными печатаются книги полемического содержания, исторические (Синопсис), буквари, грамматики, словари. В конце XVIII в. появляются книги по сельскому хозяйству.

28 октября было заслушано шесть докладов.

А. И. Иенджеиовская (Львов, УБ) прочла доклад на тему «Львовская книга XVI столетия». Задолго до введения книгопечатания книга была желанным товаром на львовском рынке; на львовскую ярмарку приезжали книжные торговцы издалека. Позднее появляются постоянные торговцы книгами, крупнейшим из которых был Бальцер Хюбнер. Докладчица дала тщательно разработанную историю первых польских печатников во Львове; это были: Николай Шарфенберг, в 1578 г. работавший один, а в 1581 г. исполнявший заказы королевского секретаря, юриста и переводчика Павла Щербица; Матвей Гарвольчик из Кракова (1592); Матвей Бернат (1593 и 1598—1599); Павел Железо (1600). Параллельно с книгопечатанием развивалось местное производство бумаги и переплетное дело.

И. В. Скочек (Львов, БАН) в докладе «Библиотеки Львова в XVI и XVII столетиях» выяснил, какие социальные и культурные круги Львова занимались собиранием книг и каков был подбор книг в библиотеках по основным дисциплинам: классикам латинским и греческим, риторике, эпистолографии, поэтике, математике и астрономии, естественным наукам, географии, музыке, праву, философии древних и Возрождения, медицине, «магическим» наукам, теологии. Преобладали книги на латинском и славянском языках. Часть собранных в старое время книг нашла себе место в современных научных библиотеках Львова.

М. И. Якубец (Львов, БАН) сделал доклад «Первые печатни у южных славян». После обзора истории разработки вопроса докладчик перешел к истории отдельных типографий, важнейшие из которых находились в Венеции. Оттуда книгопечатание проникло на Балканский полуостров; иеромонах Макарий стал первопечатником спер-

ва Черногории (1493), потом Румынии (1508). Обрисовав деятельность Божидара Вуковича, Викентия Божидарова и других южнославянских издателей и печатников, докладчик закончил свой обзор описанием первой книги, напечатанной в Албании — Триодью цветной (Скутари 1563).

Н. П. Киселев (Москва, ЛБ) в докладе «Неизвестные фрагменты донатов майнцской печати»[1] демонстрировал фотографические снимки с фрагментов трех донатов, более 100 лет хранящихся в библиотеке Московского университета, но до сих пор не изученных и не описанных в специальной литературе. Докладчик рассказал историю этих фрагментов, 140 лет назад вывезенных из библиотек и архивов города Майнца, и затем попытался при помощи типографского анализа определить время их возникновения. Первый донат (27-строчный, шрифтом B[36]) можно приурочить приблизительно к 1447 г., печатником его является Иоганн Гутенберг; это — самое древнее произведение печати, имеющееся в СССР. Второй донат (33-строчный, шрифтом B[42]) напечатан Петером Шеффером между 1456 и 1466 годами. Третий донат (26-строчный, шрифтом B[42]) напечатан им же между 1467 и 1471 годами[2].

А. С. Зернова (Москва, ЛБ) лично не присутствовала, и доклад ее «Новые данные относительно начала книгопечатания в Москве и на Украине» был прочитан членом конференции А. И. Генсиорским. Докладчица подвергла критическому пересмотру некоторые ходячие взгляды, касающиеся Ивана Федорова, например относительно мнимого сожжения его типографии в Москве, и вскрыла их несостоятельность. Ей удалось выяснить совершенно новые, поразительные факты относительно типографской деятельности Ивана Федорова и судеб его типографского материала. Так например А. С. Зернова установила, что гравированные деревянные доски с заставками московских изданий Ивана Федорова были им вывезены в Белоруссию и на Украину, и долгое время эти заставки продолжали появляться в львовских изданиях.

И. А. Кон (Львов, БАН) в начале своего доклада «Еврейские старопечатные книги во Львове» дал краткий общий обзор еврейского книгопечатания до 1540 г., коснулся деятельности странствующих еврейских печатников XV и XVI столетий — братьев Сончино и братьев Гелич — и затем обратился к истории еврейской печати в Галиции. Здесь первая еврейская типография возникла в Жовкве в конце XVII века. Основал ее Файвиш Сегаль из Амстердама, продолжали дело его потомки на протяжении четырех поколений, до 1787 года. После перехода Галиции к Австрии (1772) была введена в 1777 г. цензура для еврейских книг. В целях более удобного надзора за печатью австрийское правительство побудило правнука Файвиша Сегаля, Арона Давидовича Сегаля, перевести типографию из Жовквы во Львов. В 1783 г. во Львове вышла первая книга на еврейском языке: Илия Бохур, Пиркей Элиагу (см. выше описание выставки). За 1783—1800 гг. во Львове напечатано 79 книг на еврейском языке; из них Библиотеке Академии наук удалось собрать 44, среди которых имеются большие редкости и даже уники. Наибольшего развития еврейская печать во Львове достигла в 60-х и 70-х годах XIX века.

В последний день конференции, 29 октября, было зачитано 8 докладов. Первым выступил Ф. В. Маньковский (Львов, БАН) с докладом «Армянские старопечатные книги в львовских библиотеках». Приток армянских книг во Львов объясняется нахождением здесь колонии армянских купцов; благодаря этому и собрание армянских книг в Библиотеке Академии наук оказывается довольно обширным. Докладчик представил сначала сжатый обзор распространения армянского книгопечатания на Западе и на Востоке. Первой книгой на армянском языке был календарь, напечатанный в Венеции в 1516 г.; потом в течение столетий Венеция оставалась главным центром армянского книгопечатания. Большой интерес представляет стилистический анализ армянской книжной орнаментики, в которой тесно переплелись восточные и западные мотивы. В одном издании Нового завета перегравированы в качестве иллюстрации к Апокалипсису знаменитые всадники Альбрехта Дюрера[1], на другой иллюстрации встречается монограмма нидерландского гравера Христофора ван Зихем.

М. И. Хмелёвская (Львов, БАН) сделала доклад «Эльзевиры в львовском филиале Библиотеки Академии наук УССР». Рассказав вкратце историю книгопечатания в Нидерландах в XV—XVII вв., докладчица изложила историю семьи и издательской деятельности Эльзевиров и отметила их выдающееся значение как в деле популяризации научной книги, так и в отношении ее художественного оформления.

В. В. Дорошенко (Львов, БАН) сделал весьма интересный доклад на тему «Женевские издания «Кобзаря» Шевченко». Таких изданий было три: в 1878 г. — издание украинской «Громады» под редакцией Ф. Вовка, книжка I; в 1881 г. — то же, книжки I и II (II занята «Гайдамаками»); в 1890—1891 гг. — собрание стихотворений Шевченко, запрещенных в России, под редакцией М. Драгоманова. На истории этих изданий докладчик показал выдающуюся роль украинских революционеров в деле напечатания сочинений Шевченко и в организации тайного ввоза этих изданий в Россию.

А. И. Генсиорский (Львов, БАН) поставил и рассмотрел чрезвычайно важный вопрос: «Известия о первой печатне на За-

---

[1] Донаты — начальная грамматика латинского языка.

[2] Шрифты B[36], B[42] — первый и второй шрифты Гутенберга.

[1] «Четыре всадника» — один из лучших листов иллюстраций Альбрехта Дюрера к Апокалипсису.

карпатской Украине». С середины XIX в. в науке распространились сведения о существовании в XVI—XVII вв. кириллической печатни в монастыре Грушеве (Закарпатская Украина). Существование этой типографии казалось прочно установленным после опубликования А. Кралицким в 1865 г. записки неизвестного автора по этому вопросу. Первым, кто отнесся к этой записке критически, был А. Петров, но все же и он не отвергал возможности существования грушевской печатни. В 1929 г. удалось обнаружить рукописный оригинал, на котором основывалась записка Кралицкого; это небольшая статья на латинском языке, составленная И. Симончичем и датированная 1804 годом. При сравнении записки Кралицкого со статьей Симончича оказалось, что записка во многом исказила данные своего первоисточника и отнесла к грушевским такие издания, которые Симончич считал напечатанными в других местах. Тщательная проверка показала, что ни одного известного произведения печати нельзя приурочить к грушевской типографии; самое существование ее приходится отвергнуть как легенду, не имеющую под собой исторических оснований.

М. Ф. Гембарович (Львов, БАН) характеризовал «Иллюминованные инкунабулы в Львовском филиале Библиотеки Академии наук УССР», рассмотрев коллекцию библиотеки в целом и перейдя потом к отдельным книгам. Предварительно докладчик выяснил основные черты иллюминованных рукописей и влияние последних на печатную книгу.

Е. Ф. Блюм (Львов, БАН) прочла доклад «Характеристика и эволюция орнаментики итальянских инкунабулов». Рассмотрев книгу эпохи Возрождения «как автономный организм», докладчица произвела анализ ее типографских и декоративных элементов и затем проследила эволюцию книжной орнаментики в главнейших городах и типографиях: Венеции (Эрхард Ратдольт, братья де'Грегори, Октавиан Скот, Альд Мануций), Риме, Флоренции и других городах.

Н. М. Городков (Киев, БАН) в своем докладе осветил «Основные моменты в истории советской книги». Начав с истоков подпольной большевистской печати и с первой книги Ленина (1894), докладчик дал яркую характеристику забот партии о печати, показал, как в самые тяжелые времена гражданской войны книгоиздательская деятельность не замирала: основывались госиздаты РСФСР и УССР, выходили книги и периодические издания. Последовавший за годами разрухи восстановительный период быстро ликвидировал количественное отставание книжной продукции, так что уже продукция 1925 г. превысила продукцию 1913 года. Отметив некоторые специфические черты нашей издательской деятельности, как например интенсивное развитие национальной печати и создание алфавитов для ряда народов, ранее не имевших письменности, докладчик на немногих, но убедительных цифрах показал небывалое развитие и размах советского книжного дела в наши дни и широкое распространение книги в Советском Союзе.

К. Р. Каменецкая (Москва, ЛБ) информировала конференцию о плане и ходе строительства этого центрального хранилища книжной продукции СССР. Сообщение тов. Каменецкой явилось как бы целевым синтезом всех предыдущих докладов: после ряда исследований, посвященных различным эпохам производства книги, была показана крупнейшая в Союзе библиотека, куда стекается вся книжная продукция.

После доклада тов. Каменецкой, по предложению председателя И. Н. Зеленко, была принята резолюция относительно способов увековечения памяти первопечатника Ивана Федорова.

Закрывая конференцию, тов. Зеленко в своем заключительном слове дал высокую оценку ее работе и констатировал, что она явилась ярким выражением дружбы, существующей между учеными трех народов. Председатель отметил, что, начав с первых истоков книгопечатания, докладчики закончили свои исследования прекраснейшей в мире печатью — советской, которая является носительницей великих идей коммунизма, неуклонно растет и развивается под руководством великого вождя народов товарища Сталина.

III

По окончании заседаний конференции московские делегаты осмотрели библиотеки Львова, ознакомились с их фондами и постановкой работы.

Крупнейшие книжные собрания во Львове принадлежат вновь возникшему комбинату научных библиотек, который называется Львовским филиалом Библиотеки Академии наук. В нем насчитывается до полутора миллиона томов. Этот филиал в свою очередь распадается на несколько отдельных собраний, размещенных в разных концах города, а именно: 1. Основную библиотеку — бывший институт имени Оссолинских (Оссолинеум), являющуюся главным центром польской книги; 2 Библиотеку Наукового товариства имени Шевченко — главный центр украинской книги; 3. Библиотеку имени Баворовского; 4. «Студион».

1. Оссолинеум, главный фонд теперешней БАН, был основан по завещанию графа Иосифа Максимилиана Оссолинского (1748—1826); это был просвещенный меценат типа своего современника, графа Н. П. Румянцева. В 1827 г. его собрания были перевезены во Львов; они насчитывали тогда около 20 тыс. томов книг и 552 рукописи. Через 100 лет, в 1928 г., книг было 178 тыс., рукописей — 5727, грамот — 1767, автографов — 5298. В настоящее время это число увеличилось во много раз благодаря поступлениям последних лет. Число сотрудников, также значительно увеличившееся после установления советской власти, доходит до 150.

В рукописном отделе библиотеки имеется сейчас 12 тыс. папок инвентаризованных польских рукописей и 5 тыс. неинвентаризованных. Отдел особенно богат рукописями

великих польских писателей XIX и XX веков. Здесь хранятся как величайшая драгоценность подлинные рукописи Мицкевича, и среди них рукопись Пан Тадеуш, принадлежавшая прежде графу Ивану Тарновскому в Дзикове[1]. Новая оправа и переплет этого автографа (работа Александра Семковича) представляют самое совершенное в техническом отношении из всего, что за многие годы приходилось видеть в области переплетного и консервационного искусства. Здесь же сохраняются некоторые личные вещи Мицкевича: длинная турецкая трубка, перстень с геммой и т. п. Собрание собственноручных рукописей Словацкого обнимает 50 томов. В витринах выложены рукописи: Яна Каспровича — Мгновения, Сенкевича — Потоп, Реймонта — Поздно, Стефана Жеромского и др. Есть одно собственноручное письмо А. С. Пушкина на французском языке.

В отделе старопечатных книг сосредоточено 337 инкунабулов и до 6 тыс. книг XVI в.; среди последних выдающееся место принадлежит польским писателям XVI в., подбор которых отличается большой полнотой. Ввиду сильного притока последних лет некоторое количество книг XVI в. остается еще не освоенным, что сулит в ближайшем будущем немало драгоценных находок.

Число частных фондов, поступавших и продолжающих поступать в библиотеку, весьма велико, и перечислить их нет возможности, но нельзя не остановиться на библиотеке проф. Яна Гвальберта Павликовского, принесенной в дар в 1928 г. и сохраняемой отдельно. В этом собрании насчитывается 21 500 книг и 26 тыс. графических листов, касающихся преимущественно Польши.

Крупную самостоятельную единицу в Библиотеке Академии наук представляет отдел искусства, имеющий и собственный читальный зал. Как книжные, так и листовые собрания его чрезвычайно богаты. Гравюрное собрание, насчитывающее 100 тыс. листов, занимает 20 шкафов с выдвигающимися полками, на которых покоятся папки с гравюрами. Собрание французских литографий XIX в. (Домье, Гаварни и др.) имеет до 2 тыс. листов, монтированных и заключенных в папки. Весьма полно собрание рисунков и гравюр художника-иллюстратора Хростовского. Среди многочисленных произведений альбомного характера имеется такая драгоценность, как галерея английских портретов эпохи Генриха VIII, рисованных с натуры Гансом Гольбейном-младшим и через 250 лет, в 1792 г., воспроизведенных помощью цветной гравюры пунктирной манерой работы Франческо Бартолоцци. Превосходно сохранившийся экземпляр, оцениваемый в несколько тысяч рублей, происходит из собрания Любомирских, наследственных кураторов Оссолинеума.

2. Отдел украинской литературы и языка образован на базе Библиотеки Научного товарищества имени Шевченко и остается в прежнем здании. Товарищество, сыгравшее видную роль в развитии украинского самосознания, было основано в 1873 г. как литературное общество, а через 20 лет преобразовано в научное. Только с этого времени началось планомерное собирание и быстрый рост библиотеки. Начав с 600 томов в 1894 г., она к концу следующего двадцатилетия обладала уже 70 тыс. томов, а в настоящее время располагает фондом в 300 тыс. томов Научным руководителем библиотеки является заместитель директора БАН, известный украинский библиолог В. В. Дорошенко.

Одно из крупнейших мировых собраний украинских и посвященных украиноведению книг, библиотека пополнялась книгами и по другим отраслям знания, с одной стороны, путем систематического обмена изданиями с иностранными научными учреждениями, а с другой, — благодаря поступлению частных библиотек украинских собирателей. Среди последних почетное место занимает библиотека знаменитого украинского писателя Ивана Франко (1856—1916) (более 6 тыс. томов по западной литературе, фольклору, истории религий и т. д.). Библиотека Франко поступила, согласно его завещанию, и хранится в отдельной комнате. Одним из недавних интересных поступлений является музыкальная библиотека Модеста Менцинского.

В рукописном отделе имеются украинские рукописи начиная с XIV в.; представлена и письменность Закарпатской Украины XVII—XVIII веков. Много интересного находится среди рукописных материалов XIX века. Большую культурную ценность представляет собрание Ивана Франко, счастливым образом сохранившееся полностью. Оно содержит весь литературный архив писателя: рукописи его собственных сочинений, его записные книжки и письма к нему разных лиц; в этой переписке встречается немало автографов известных украинских писателей. Здесь же находится собрание старинных рукописей, составленное Франко.

В рукописном отделе имеется архив подпольного Украинского университета, существовавшего нелегально в 20-х годах XX века. Этот материал интересен не только для истории науки и литературы, но и для истории борьбы украинцев за свою национальную независимость. Из отдельных рукописей хочется отметить две: во-первых, труд покойного украинского библиографа Ивана Емельяновича Левицкого «Материалы для биографического словаря украинцев», в 96 томах; во-вторых, сборник писем разных лиц, поступивший от украинского историка и публициста А. Я. Конисского. В сборнике находятся вещи очень ценные, как например неизвестное письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к самому Конисскому, письмо Т. Г. Шевченко, два письма М. С. Щепкина к Шевченко, начинающиеся обращением «Друже Тарасе!»

Этажом выше, над библиотекой, помещается украинский этнографический музей.

3. Библиотека имени Баворовского основана по завещанию страстного библиофила,

---

[1] В литературе эта рукопись Мицкевича известна под названием «Дзиковская рукопись».

любителя искусств и переводчика, графа Виктора Баворовского (1826—1894) и открыта для общественного пользования в 1900 году. В 1914 г. к ней было присоединено большое собрание Polonica, составленное графом Сигизмундом Чарнецким, и после этого рост ее почти остановился. До сего времени библиотека выглядит скорее как частная коллекция чем как учреждение; это впечатление усиливают хранящиеся здесь произведения искусства, которых хватило бы на целую художественную галерею. Статуи, картины, портреты, древности наполняют залы и оспаривают стены у шкафов с книгами, так что, находясь в некоторых комнатах, трудно отдать себе отчет, находишься ли в библиотечном или в музейном учреждении. Естественным продолжением выставленных предметов искусства являются обширные собрания гравюр и иных листовых иллюстраций, хранящиеся в картонах.

Что касается собственно библиотеки, то она не превышает 60 тыс. томов, но имеет в своем составе первоклассные редкости и достопримечательности. Рукописей в ней имеется около 1600, древнейшие из них относятся к XII веку. Старинные книги выделены; их около 7 тыс., в том числе 45 инкунабулов. Главное содержание новых книг составляют классики западноевропейской, особенно французской и польской, литературы, а также книги по искусству. В группе старопечатных книг выделяется подбор сочинений по религиозным движениям XVI и XVII вв. и полемике между католиками и протестантами. Здесь есть, между прочим, сочинение Бонавентуры «Жизнь Иисуса Христа» в польском переводе Бальтазара Опеца, изданное в Кракове одновременно в двух разных типографиях. Одно издание — в четвертку — печатали Флориан Унглер и Ян Сандецкий на средства Иоанна Халлера в 1522 г.; другое—в лист—печатал Иероним Ветор 5 мая 1522 года. В библиотеке Баворовского имеются оба издания. Книга украшена замечательными иллюстрациями и инициалами, гравированными на дереве.

В группе рукописей хранится несколько архивов большого исторического значения. Таков прежде всего архив семьи Баворовских, в котором число документов только первостепенной важности составляет 1300, а также архив историка Д. Зубрицкого, 100 лет назад написавшего несколько работ по истории славянских типографий в Галиции.

Среди имеющихся здесь рукописей самая интересная — из кабинета Генриха Валуа, в 1573—1574 гг. бывшего королем Польши, а в 1574—1589 гг.— королем Франции под именем Генриха III. Эта рукопись, озаглавленная «Les psalmes et cantiques qu'on chante en la chapelle de la congrégatin à ceratains jours», писана на белом, превосходно выделанном пергаменте, разными красками и золотом, с миниатюрами и инициалами; формат небольшой, а на крышках вытиснен суперэкслибрис короля. На последней странице писец этого несравненного манускрипта сообщил свое имя: «Escript par Renoult secretê et escrivain de la Chambre du Roy».

4. К Библиотеке Академии наук ныне причислен так называемый «Студион», комбинированное учреждение, основанное митрополитом Андреем Шептицким и содержащее обширный подбор научной литературы по истории религий. В помещении этого собрания, оборудованном хорошими железными стеллажами, БАН предполагает открыть свой отдел старопечатных книг.

Наряду с БАН крупнейшим научным книгохранилищем является Библиотека Львовского университета, директором которой со времени прихода советской власти состоит заслуженный украинский деятель Б. А. Барвинский. В 1661 г. существовавшая во Львове коллегия иезуитов была преобразована в университет. После присоединения Галиции к Австрии (1772) последовали новые реформы, и библиотека была открыта в 1784 г., после чего приток книг значительно увеличился. В 1848 г. библиотеку постигло несчастье: пожар уничтожил ее здание, а из книжного фонда удалось спасти едва 13 тыс. томов. Тем не менее уже через 4 года книжная наличность возросла до 35 тыс. томов. В 1905 г. библиотека перешла в специально построенное здание, оборудованное железными ярусами и отвечающее современным требованиям.

Книжный фонд университетской библиотеки в значительной степени определяется ее назначением — обслуживать научную работу профессоров и студентов. Соответственно этому главным объектом комплектования является новая научная книга. Наряду с этим библиотека старательно собирала книги, относящиеся к Польше, и особенно материалы краеведческого характера. В 1928 г. библиотека насчитывала 320 тыс. томов печатных книг, 1200 рукописей, 221 инкунабул; в настоящее время в ней насчитывается 800 тыс. томов, а включая отдельные университетские институты,— 1 миллион томов. Число инкунабулов увеличилось до 313; книги XVI в. до сих пор не выделены.

В рукописном отделе сохранилось несколько латинских литургических рукописей XV в.: Graduale, Antiphonarium,— происходящих из древнего бенедиктинского аббатства Тынец, близ Кракова, хотя значительная часть этого замечательного собрания погибла в пожаре 1848 года. Среди церковно-славянских рукописей изумительное Четвероевангелие молдавского письма, оформленное не только с большой роскошью, но и с большим вкусом. Выходные сведения сообщают, что оно писано по поручению молдавского архиепископа Крымковича монахом Феофилом в 1615 году. Между строками текста рассеяно множество небольших миниатюр, рисованных монахом Стефаном в 1617 году. По общему облику эта рукопись является как бы сколком, копией с замечательного Четвероевангелия (но значительно более раннего времени), приобретенного Ленинской библиотекой в октябре 1940 года. В собрании инкунабулов было особенно приятно увидеть Breviarium

Cracoviease, напечатанное в Нюрнберге Георгием Штуксом по заказу Иоанна Халлера из Кракова 19 мая 1498 г.,— один из трех существующих в мире экземпляров.

Чисто украинским учреждением является Национальный музей, основанный в 1905 г. на средства митрополита А. Шептицкого и во всех частях созданный трудами И. С. Свенцицкого, состоящего его директором в течение 35 лет. Музей является комплексным учреждением, соединяющим несколько различных коллекций, выявляющих в разных формах творческий дух украинского народа. Библиотека имеет главным образом подсобное значение для исследователей истории украинского искусства и украинской книги. Самостоятельную и очень большую ценность представляет собрание книг кириллической печати, едва ли не самое обширное во Львове. К этому собранию существует печатный каталог, составленный И. С. Свенцицким (Жовква 1908); но в каталоге описано только 709 номеров, тогда как теперь собрание насчитывает 1800. Рукописей в Национальном музее около 1900.

Исключительный интерес представляет иконное собрание, в котором 1500 икон, частью целыми иконостасами. Сосредоточение в одном месте большого числа местных икон, собранных со всей Галиции, позволило впервые установить существование самостоятельной галицийской школы иконописания и выявить ее оригинальные черты. Результаты работ сотрудников Национального музея в этой области зафиксированы в ряде печатных изданий.

Обширные собрания отображают народное искусство, в частности гуцульское прикладное искусство, которому еще предстоит большая будущность. Наконец, в ряде залов картинной галереи собраны произведения новых украинских художников за последние 100 лет. В первом зале — портрет актера М. С. Щепкина, писанный Т. Г. Шевченко (масло).

Целый ряд крупных и весьма важных библиотечных учреждений не мог быть нами осмотрен за отсутствием времени, а некоторые и не легко доступны. К последним относятся библиотеки католических монастырей, небогатые количеством книг, но изобилующие книгами редкими и старинными. Наличностью рукописей и инкунабулов монастырские библиотеки соперничают с крупнейшими научными библиотеками Львова. Библиотеке Академии наук нужно было бы подумать об охране этих ценностей и о том, чтобы ознакомить с ними более широкие круги путем издания печатных каталогов и устройства специальных выставок. Вообще вопрос об охране и наиболее целесообразном использовании книг бесхозяйных, которых в Западной Украине множество и ценность которых весьма велика, стоит чрезвычайно остро. К сожалению, сделано в этом отношении мало, а разрушение и гибель собраний уже имели место.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

WELLS H. The New World order. London. 1940. Secker and Warburg. *УЭЛЛС Г. Новый мировой порядок.*

В начале 1940 г. в Лондоне вышла в свет книга известного английского писателя Герберта Уэллса, посвященная проблемам мира и войны. Появление книги Уэллса, совпавшее с началом второй империалистической войны в Европе, вызвало широкую дискуссию в европейской и американской печати. Реакционеры и клерикалы встретили новую книгу Уэллса в штыки, обвиняя ее автора в пропаганде идей, подрывающих устои европейской «цивилизации» и религии.

Острая полемика вокруг книги Г. Уэллса как нельзя более ярко выявила идейный разброд и замешательство в среде буржуазной интеллигенции Западной Европы в связи с началом второй империалистической войны.

Свою книгу Г. Уэллс начинает с описания тех пацифистских иллюзий, которые разделяла значительная часть так называемых интеллигентных людей его поколения накануне мировой империалистической войны 1914—1918 годов. Многие из них считали тогда, что эпоха опустошительных войн уходит в область прошлого. В их представлении франко-прусская война 1870—1871 гг. и русско-турецкая война 1877—1878 гг. были последними столкновениями великих держав в Европе. Установившееся после этих войн равновесие сил казалось достаточно прочным и исключающим возможность всеобщей европейской войны. Тройственный союз противостоял англо-французской Антанте, и ни одна из этих коалиций, казалось, не имела достаточных сил и оснований для нападения на другую: «Мы были убеждены, что войны все больше и больше превращаются в простые военные экспедиции на окраинах цивилизованного мира, в своего рода пограничные полицейские инциденты».

В изложении Уэллса период с 70-х годов прошлого века и до начала мировой войны 1914 г. выглядит как «золотой век» в истории нового времени. Автор не без сожаления вспоминает годы «либерализма и терпимости» в области международных отношений, когда можно было объехать большую часть Европы без паспорта; когда Всемирный почтовый союз пересылал письма из одной части мира в другую, минуя цензуру; когда деньги, обеспеченные золотом, не падали в цене так, как теперь, а огромная Британская империя придерживалась принципа свободной торговли. Тогда можно было, пишет Уэллс, проехать из конца в конец всю Англию и США и не увидеть ни одного человека в военной форме: «В 1914 г. в Западной Европе и Америке едва ли можно было найти человека в возрасте до 50 лет, который видел бы войну в своей собственной стране». Конечно, Г. Уэллс не отрицает, что за этот период имел место ряд войн и переделов границ, но, по его мнению, они не влекли за собой развала всей современной буржуазной цивилизации.

Несмотря на повторяющиеся время от времени экономические кризисы и рост недовольства среди трудящихся, говорит автор, ничто, казалось, тогда не предвещало серьезных социальных потрясений и тем более катастрофы. Естественно, что в те времена никто из буржуазных политических и общественных деятелей и не задумывался над проблемой объединения всех стран в одно целое. В эпоху, когда не было радио, сверхскоростных самолетов, когда роман Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней» казался несбыточной фантазией, тогда пестрый конгломерат великих и малых государств мыслился единственно разумной и практически осуществимой формой существования человеческого общества. Однако за обманчивым, «идиллически безмятежным» укладом жизни конца XIX века Г. Уэллс видит действие разрушительных факторов, подтачивающих изнутри все здание современного буржуазного общества.

Как это не звучит парадоксально, но к числу «разрушительных» факторов Уэллс относит прежде всего огромный прогресс производительных сил, средств сообщения и связи. Этот процесс начался давно, и на первых порах он способствовал консолидации отдельных государств, в особенности США и Британской империи. Но современем начали проявляться разрушительные свойства этого процесса. Уэллс

отмечает, что большинство государств мира в их нынешних границах образовалось в эпоху, когда основным средством передвижения были лошадь и парусное судно. Экономическая, политическая и общественная жизнь народов протекала в рамках тех пространств, которые были доступны при тогдашнем уровне техники производства и передвижения. С этой точки зрения, образование отдельных государств было исторически целесообразно и оправдано, в то время как мировые объединения вроде Римской империи были весьма непрочны и представляли собой пестрый конгломерат государств, плохо связанных между собой экономически и политически. Появление пароходов, паровозов, автомобилей, самолетов, телефона, радио, центральных электростанций, передающих электроэнергию за сотни километров, превращает многочисленные границы между отдельными государствами в исторический анахронизм. Узкие рамки национальных государств с их экономической, политической и культурной автаркией оказываются в вопиющем противоречии с ростом производительных сил и гигантским прогрессом военной техники: «Люди не могут жить нормально в нынешних условиях, когда столицы большинства цивилизованных стран мира находятся в нескольких часах полета от границы, за пределами которой совершенно бесконтрольно проводится подготовка к нападению на соседнее государство».

Уэллс обрушивается на «безответственных частных предпринимателей и банкиров» и подвергает довольно резкой критике анархию производства, ведущую к катастрофически быстрому уничтожению лесов, превращению пастбищ и полей в пустыни, истреблению редких, единичных экземпляров животных, подрыву физических и моральных сил населения, короче говоря, к форменному опустошению нашей планеты. «Институт частной собственности на землю и природные богатства, погоня за прибылью, короче говоря, все то, что создало в Европе, Америке и Азии сравнительно сносную, стабильную и цивилизованную жизнь для всех, кроме обездоленных, современем превратилось в чудовищную разрушительную силу. Наша планета опустошается и дезорганизуется помимо войны. Этот «мирный» процесс более разрушительный чем все непрерывные ужасы современной войны».

Наиболее отвратительным проявлением современной буржуазной действительности Уэллс считает хищническую растрату человеческих сил и безработицу. Наличие огромных масс безработной молодежи Уэллс считает основной причиной отсутствия политической стабильности в большинстве капиталистических стран мира. Поколение моложе 16—17 лет не доставляет особых беспокойств правительствам; люди, которым минуло 40 лет, в большинстве своем склонны примириться со своей участью, но молодежь в возрасте от 18 лет, оказавшаяся за бортом жизни, представляет собой чрезвычайно горючий материал. Именно люди этого возраста пополняют ряды наиболее реакционных буржуазных партий, именно они составляют основное ядро армий и флотов капиталистических стран, опустошающих сейчас весь мир. «Массы XX века коренным образом отличаются от почти стадной толпы XVIII века. Они представляют собою бурное море недовольных молодых женщин, не имеющих возможности и не желающих рожать детей, и молодых людей, которые не могут найти применения своим силам и честолюбию,— это массы людей, всегда готовых начать «беспорядки», как только им покажут, как это делать».

Уэллс подчеркивает, что если 100 лет назад темные, безграмотные массы были настолько придавлены изнурительным трудом, что им подчас некогда было задуматься над своим положением, то сейчас грамотная безработная молодежь имеет достаточно времени для этого. Она живет в городах, полных социальных контрастов— роскоши и нищеты. «Она уже не верит в непогрешимую мудрость своих правителей. Она видит их насквозь; она знает о них все: об их расточительстве, пороках и слабостях, причем все это представляется в ее глазах с гипертрофированной яркостью и отчетливостью».

Уэллс высмеивает тех буржуазных «ученых», которые, ссылаясь на падение рождаемости в Европе, утверждают, что сокращение численности населения неизбежно приведет к уничтожению безработицы. По мере того как будет уменьшаться население, неизбежно будет сокращаться и потребление. Между тем производительность машин возрастает с каждым днем за счет сокращения применения человеческих рук. «Государство с населением в пять миллионов человек при полумиллионе безработных будет в два раза неустойчивей, чем государство с населением в сорок миллионов человек при двух миллионах безработных»,— пишет Уэллс.

Что общего у безработных всех стран Европы и США, спрашивает Уэллс. Общее у них — чувство глубокого возмущения теми социальными порядками, которые породили их и затем выбросили из жизни.

Разрушение вековечных устоев буржуазного общества в Европе выражается и в потере у так называемого «среднего» человека обычного доверия друг к другу. Обыватели, по мнению Уэллса, становятся мелочными, склонными к мелкому стяжательству, скрытности, накоплению запасов, что является прежде всего результатом общей неуверенности в завтрашнем дне. И все это происходит в обстановке, когда человеческое общество в целом неизмеримо богаче, чем оно было сто, пятьдесят или двадцать лет назад. В отличие от животных люди в капиталистическом мире страдают сейчас не от недостатка материальных благ, пишет Уэллс, а от их избытка, вернее, от того, что эти материальные блага недоступны им.

Особенно резко Уэллс критикует правящие классы Англии. Английская буржуа-

зия ничего не забыла и ничему не научилась. Он бичует их консерватизм и политическую близорукость. Эти люди, пишет Уэллс, считают нынешнюю войну лишь неприятным эпизодом, нарушившим нормальное течение жизни. Наши снобы надеются, что после победы они снова смогут вернуться в свои особняки, играть в гольф, охотиться и дремать у каминов после сытного обеда. Они не понимают, что возврата к старому уже нет. Нынешняя война является своеобразной сыпью, свидетельствующей о том, что весь организм современного буржуазного общества поражен тяжелым, неизлечимым недугом.

Типичный представитель буржуазной интеллигенции, Уэллс с особой тревогой отмечает, что нынешняя война неизбежно ведет к разорению и исчезновению в Европе так называемых средних классов — мелкой и средней буржуазии. Усиление налогового пресса, мобилизации, эвакуация сотен тысяч людей из промышленных центров — все это переворачивает вверх дном нормальную жизнь «среднего человека» почти во всех странах Европы. «Сотни тысяч семей распались: дети отрываются от родителей и размещаются в домах далеко не всегда гостеприимных хозяев. Паразиты и накожные заболевания, дурные привычки и антисанитария распространяются из трущоб Глазго, Лондона и Ливерпуля по лицу всей страны. В течение каких-нибудь двух месяцев Англия превратилась из организованной и цивилизованной страны в развороченный муравейник».

Приспособление экономики, социальных отношений и привычек людей к нуждам войны сопровождается жесткой регламентацией: переброской сотен тысяч людей из одной области народного хозяйства в другую, что выбивает людей из привычной жизненной колеи.

Какой же вывод делает отсюда Уэллс? Он считает, что противоречия между ростом производительных сил, с одной стороны, и частной собственностью на землю, средства производства—с другой, достигли крайнего предела... Никакие конференции, договоры, политика равновесия сил, переделы территорий, справедливое исправление несправедливых границ не избавят человечество от войн, пока экономическая и политическая жизнь большей части мира будет находиться под контролем промышленных Наполеонов и финансовых Атилл. Поэтому напрасны призывы правящих классов к «сознательности» трудящихся. На улицах Лондона, пишет Уэллс, всюду развешаны афиши со следующими словами, обращенными к народу: «Ваша храбрость, ваша решимость, ваша бодрость принесут нам победу».

«Хорошо,— скажет лондонский обыватель,— вы добьетесь современем победы. Великолепно! Верю вам. Благодаря моей храбрости, решимости и бодрости? Отлично. Вы используете Томми Аткинса. Вы будете добродушно посмеиваться над ним и используете его. А затем вы думаете снова посадить его на мусорную кучу? Опять? Вторично?»

Уэллс все время подчеркивает, что делу не поможет никакая Лига наций, «придуманная отставным профессором старомодной истории с помощью нескольких профессиональных политиканов».

«Лига наций,— пишет Уэллс,— игнорировала те огромные перемены, которые внесли в жизнь людей техническая революция, крупный капитал и финансовая олигархия. Мировая война является лишь побочным продуктом этого процесса, а Лига наций была организована так, как будто ничего не случилось».

Суммируя свои взгляды, Уэллс пишет: «Мир во всем мире означает революцию. Многие из нас начинают понимать, что подлинно длительный мир не может означать чего-либо иного... Мы живем в конце определенного периода в истории — периоде суверенных государств. Мы живем, как привыкли говорить в 80-х годах прошлого столетия, в переходный век. Теперь мы имеем некоторое представление об остроте этого переходного периода. Сейчас наступила такая фаза в жизни человечества, которая может привести либо к новой эре, либо к более или менее длительному периоду насилия, нищеты, разрушения, смерти и поголовному истреблению рода человеческого. Такова дилемма перед нами. Мы должны разрешить не мелочной вопрос салонной политики. В то время как я пишу эти строки, на фронтах и в тылу убивают, калечат, травят, мучают, подвергают моральным пыткам тысячи людей. И что хуже всего, настоящее время не предвещает ничего такого, что могло бы приостановить этот опустошительный процесс и помешать ему настигнуть вас и ваших близких. Этот процесс, как ураган, с стремительной быстротой приближается к вам и вашим близким... Мы должны не уклоняться от разрешения этой проблемы, а встретить ее лицом к лицу. Мы должны разрешить ее, либо человечество постигнет катастрофа».

Каким же путем человечество может достигнуть подлинно незыблемого мира?

Уэллс высмеивает попытки Ватикана установить мир на базе восстановления господства римской церкви. Уэллс разоблачает реакционную сущность политики римской курии, ее закулисные интриги. Римская церковь систематически стремилась «украсть нынешнюю войну», превратить ее в войну религиозную — против атеистов-большевиков. Ватикан пытается внушить всем мысль, что Россия «безбожна», в то время как «мы, европейцы, являемся непорочными младенцами, сражающимися за святой крест, всемогущего бога, великую Польшу, национальную независимость, за лавочника, мелкое, нерентабельное крестьянское хозяйство,—короче говоря, все то, что в нашем представлении олицетворяет христианство». Отношение Советского Союза к такой войне Уэллс считает «холодным, презрительным и абсолютно правильным».

Анализ современного капиталистического общества приводит Г. Уэллса к выводу, что единственным выходом из тупика является революция и переход всех стран на рельсы коллективизма и федерации.

Как мыслит себе Уэллс коллективизм и федерацию? Он отвергает и высмеивает лозунг соединенных штатов Европы в том виде, как его понимали Макс Ветчер, Бриан, граф Куденгов-Калегри и иже с ними. Уэллс не без сарказма замечает, что во всей Европе к числу чисто европейских государств можно отнести лишь Монако, Сан-Марино, Швейцарию и некоторые ублюдочные государства-карлики, созданные версальским миром.

Уэллс ратует за создание более обширной федерации, причем в качестве отправного пункта для своих рассуждений он использует вышедшую в 1938 г. книгу американского писателя Кларенса Стрейта «Union now». В этой книге К. Стрейт предлагал образовать федерацию «демократических» государств с единым правительством, единой денежной системой и тому подобными благоглупостями. Странами-учредителями этой федерации, по мысли Стрейта, должны были стать США, Англия и ее доминионы, Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и скандинавские государства. Однако, по мнению Уэллса, проект Стрейта грешит многими недостатками. Прежде всего Уэллс считает его недостаточно всеобъемлющим; во-вторых, ни одно из вышеназванных государств Уэллс не считает подлинно демократическим; в-третьих, резонно вопрошает Уэллс: согласятся ли правящие классы Англии, Голландии, Франции и других стран передать в «общий котел» свои колоссальные колониальные владения, например Индию? Поэтому Уэллс предлагает не больше не меньше, как сразу создать мировую федерацию, руководящую роль в которой играли бы США и Англия с ее доминионами.

Такого рода федерацию Уэллс рассматривает как панацею от всех напастей, раздирающих капиталистический мир. Уэллс не видит, что идеи, проповедываемые в книге К. Стрейта, и его собственные планы создания англо-саксонской федерации, не только являются достоянием вполне благонамеренных пацифистов и наивных фантазеров, но и стали острейшим оружием в руках американской империалистической буржуазии, стремящейся установить свою гегемонию во всем мире, прикрываясь ширмой англо-саксонской федерации.

Уэллс ратует за революционное переустройство всего мира на началах федерации и коллективизма и вместе с тем он отвергает классовую борьбу и насильственное ниспровержение власти буржуазии.

В этом вопросе он придерживается той же точки зрения, которую он в свое время изложил в беседе с товарищем Сталиным 23 июля 1934 года. Уэллс тогда сказал: «Я могу сформулировать свою точку зрения следующим образом: во-первых, я за порядок; во-вторых, я нападаю на существующую систему, поскольку она не обеспечивает порядка; в-третьих, я считаю, что пропаганда идей классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма» [1].

Но если Уэллс отвергает насильственное ниспровержение капиталистического строя, то какого рода революцию имеет он в виду? На этот вопрос Уэллс отвечает так: «Совершенно другой тип революции, может быть, и возможен, а может быть, и нет. Никто не в состоянии сказать, что он возможен, пока этот тип революции не будет испробован на практике».

Задача революции, оказывается, состоит в том, чтобы произвести прежде всего переворот в умах людей, убедить их в том, что перед человечеством нет иного выбора кроме катастрофы или социализма. По мнению Уэллса, революция это—дело не только одних трудящихся, но и всех классов буржуазного общества вообще. Революцию должны осуществлять наиболее образованные, здоровые и энергичные выходцы из всех классов, поэтому нет никакой необходимости в организованной, дисциплинированной партии.

Вообще Уэллс считает, что в такое напряженное время, какое переживает сейчас весь капиталистический мир, громоздкая и неуклюжая многопартийная система в ряде стран уходит в область прошлого. В Англии «оппозиция его величества уже не претендует на роль единственного защитника рядовых граждан от козней мерзавцев, занимающих правительственные скамьи; в США — республиканцы и демократы все чаще и чаще переходят из одной партии в другую и разница между ними постепенно стирается». Какой же вывод делает Уэллс из факта консолидации и сплочения всех буржуазных партий в период военной опасности и назревающих социальных потрясений? По Уэллсу, оказывается, выходит, что ликвидация последних остатков «демократических» свобод и установление незамаскированной диктатуры буржуазии в ряде стран означает не больше не меньше, как первый шаг на пути к коллективизму.

Вывод чудовищно нелепый и архиреакционный. По Уэллсу, революция должна начаться с коренного изменения системы народного образования в большинстве стран мира. Цель революции: а) полный мировой социализм, научно планированный и руководимый; б) строгое соблюдение законов и уважение к правам человека; в) свобода слова, печати, критики и т. п. Короче говоря, своего рода триада: социализм, закон, знание. «Если мы сейчас не воюем за эти принципы,— говорит Уэллс,— значит мы сражаемся за интересы аристократии, дворянства, короны, официальной церкви, лондонского Сити, «Таймса» и военщины».

Впрочем, и в этом вопросе Уэллс остается верен своим либерально-реформистским взглядам, которые он упорно именует какой-то особенной разновидностью «западно-европейского или англо-саксонского со-

---

[1] И. Сталин. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом, стр. 16. Огиз. 1939.

циализма». Не удивительно поэтому, что «новый мировой порядок» Уэллса не только сохраняет основы капиталистического строя, но даже резервирует место для монархии. По схеме Уэллса, коронованные персоны будут представлять собой одушевленные музейные экспонаты — своего рода живые памятники европейского средневековья. Разумеется, Уэллс возражает против подавления неизбежного сопротивления эксплоататорских классов. «Пусть мертвые хоронят своих мертвых» — таков его девиз в этом вопросе.

Характерно, что сам Уэллс вынужден признать, что отжившие классы едва ли захотят добровольно уйти с исторической сцены. Он признает, что социализм и коллективизм встретят сопротивление со стороны всех реакционных сил буржуазного общества. Он признает, например, что ликвидировать влияние Ватикана можно лишь путем экспроприации материального базиса римско-католического духовенства. Больше того, Уэллс считает, что даже образованному буржуазному интеллигенту, которому перевалило за 40 лет, трудно расстаться со старыми привычками и примириться с идеей социализма: «Я, например, не могу сказать ничего определенного о том, как отнесется к идее коллективизма старшее поколение так называемых образованных и способных людей Британской империи и насколько сильно будет сопротивляться этому их консерватизм. А между тем Англия является моей родиной, которую я должен хорошо знать. А я ее не знаю достаточно хорошо, чтобы ответить на этот вопрос».

Уэллс так и не понял того, что ему говорил товарищ Сталин в 1934 г.: «...классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса» [1].

Из непонимания этого кардинального вопроса и вытекают дальнейшие рассуждения Уэллса о том, что его представление о социализме является чем-то средним между мистической верой в конечную победу человеческого разума и доброй воли, с одной стороны, и стоической решимостью продолжать борьбу за лучшую жизнь до конца—с другой. Таким образом, вопрос о власти попрежнему выпадает из концепции Уэллса. Шесть лет тому назад товарищ Сталин в беседе с Уэллсом говорил: «Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они неспособны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут, в лучшем случае, оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут... Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю — большое плавание» [2].

Правда, Уэллс предлагает составленный им проект декларации прав человека, где упоминается о праве на труд, отдых, образование и т. п., но не говорится, каким путем люди смогут добиться этих прав, если будут следовать его утопическим советам. А советы Уэллса утопичны и порой просто смешны. Так например во Всемирном почтовом союзе и «Братстве св. Троицы» [3] он видит прообразы будущего мирового правительства. Уэллс слепо верит в доброту и здравый смысл «народа» вообще. Ему кажется, что просветительная деятельность может наставить на путь истинный все классы буржуазного общества. Так например, говоря об антидемократическом характере некоторых американских законов, Уэллс пишет: «Я предвижу, что в политике, как и во всем прочем, врожденный юмор и здравый смысл американцев помогут им найти выход из создавшегося положения и сделать невозможное. Я в этом так же твердо убежден, как некогда был уверен в исходе представления уличного фокусника, который неподвижно сидел на коврике, опутанный с ног до головы тяжелыми цепями в ожидании, когда его шляпа наполнится достаточным количеством монет, чтобы стоило тратить усилия на высвобождение от цепей».

Уэллс — не революционер, а реформист до мозга костей. Он, как и многие буржуазные интеллигенты Западной Европы, недоволен существующим строем. Он отчетливо видит пороки и полную несостоятельность буржуазного общества. Уэллс отдает себе отчет, что только революция может вывести человечество из кровавого болота империалистической войны. Но вместе с тем Уэллс и ему подобные боятся «плебейской» революции и, может быть, сами того не подозревая, тормозят социалистическое переустройство общества проповедью утопических идей.

Уэллс был и остается утопистом и фантазером, своеобразным Дон-Кихотом XX века, вооруженным пером вместо копья.

События, развернувшиеся в Европе и во всем мире после выхода последней книги Уэллса, нисколько не изменили его убеждений или, вернее, заблуждений. В октябре—ноябре 1940 г. Уэллс предпринял большую поездку по США, где он проповедывал утопические взгляды, изложенные в его последней книге.

Странствующий рыцарь печального образа продолжает сражаться с ветряными мельницами.

К. Юцак

---

[1] И. Сталин. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом, стр. 15.

[2] Там же, стр. 11.

[3] «Братство св. Троицы» — международная корпорация, ведающая составлением морских карт, маяками и пр.

ADAMSON J. «Eesti ajalugu». Tartu. K. N. *АДАМСОН И. «История Эстонии».* Ч. 1-я 1935. 1 + 86 стр. Ч. 2-я, 1936. 64 стр. Ч. 3-я. 1936. 64 стр. Ч. 4-я. 1937. 128 стр.

Сейчас, когда идет коренная перестройка школы в новых советских республиках: в Литве, Латвии и Эстонии,— своевременно обратить внимание на необходимость переработки учебников вообще и в первую очередь учебников по общественным дисциплинам, в том числе и учебников истории. Прежние учебники буржуазной Эстонии, составлявшиеся применительно к программам буржуазной школы и имевшие целью оправдать существование буржуазно-капиталистического строя, понятно, неприемлемы для советской школы. Это прежде всего относится к учебникам истории, ибо всем понятно, каким могучим орудием в деле распространения и внедрения в обществе тех или иных идей служит школьный учебник, в особенности учебник истории. С этим оружием в силе его воздействия на широкие народные массы не могут соперничать никакие другие средства пропаганды— ни самые распространенные газеты, ни самые популярные кинофильмы, ибо при системе всеобщего обучения по школьному учебнику учатся все дети школьного возраста, независимо от классовой принадлежности или политических симпатий их родителей. Учебник для народной школы проникает в самые отдаленные уголки страны. Учебник не только читается, а систематически, планомерно, урок за уроком выучивается и запоминается учащимися обычно в таком возрасте, когда всякие впечатления и мысли наиболее сильно и некритически воспринимаются. В руках опытного педагога учебник далеко превосходит все остальные средства воздействия на подрастающее поколение, а через него и на все общество.

Перед нами лежит один из наиболее распространенных в школах бывшей буржуазной Эстонии учебник истории Эстонии И. Адамсона, предназначавшийся для гимназий. На обложке четвертой части учебника указано: «Министерством просвещения пользоваться школам разрешено». Годы издания (1935—1937) указывают, что учебник отражает политические установки правительства при режиме, господствовавшем на последнем этапе существования буржуазной Эстонии. Понятно, что учебник, составленный буржуазным историком, не пользовавшимся марксистским диалектическим методом в объяснении общественных явлений, и приноровленный к определенной программе идеологически и политически чуждой нам буржуазной школы в целом, не может не быть тенденциозным и не может не страдать в методологическом отношении.

В учебнике Адамсона дается следующая периодизация истории Эстонии: 1) время древней самостоятельности эстов (до XIII в. включительно), 2) борьба эстов за свою независимость, против западноевропейских крестоносцев и феодалов (XIII в.), 3) период господства Ливонского ордена (XIII—XVI вв.), 4) время раздробления территории Эстонии между Данией, Швецией и Польшей, 5) шведское владычество над Эстонией, 6) начало русского владычества (XVIII в.), 7) социально-экономическое и культурное освобождение эстов в XIX и XX вв. и 8) время государственной самостоятельности Эстонии (имеется в виду существование буржуазной Эстонии).

Эта общераспространенная периодизация в буржуазной исторической литературе прибалтийских стран в то же время отражает и буржуазно-националистическую концепцию автора. Автор рассматривает всю историю эстонского народа под углом зрения борьбы эстов за свободу и независимость.

Автор распространяет понятие нации и национальной борьбы на все периоды развития Эстонии, в то время как марксистско-ленинская наука установила, что нация — продукт капиталистического развития. Буржуазному национализму свойственно категории буржуазного общества выдавать как общечеловеческие, «вечные категории». Это отразилось на данном учебнике.

Национально - освободительная борьба эстов против царского, угнетательского, эксплоататорского правительства была освободительной, прогрессивной борьбой. Но и в данном случае в интересах исторической правды надо подчеркнуть, что эстов угнетали не русские трудящиеся, а русские эксплоататоры, которые одновременно угнетали и русский народ и эстов. Этого в учебнике нет.

Другой характер принимает борьба буржуазных националистов против Советской России. Трудящиеся России, сбросив власть буржуазии и помещиков и установив полное национальное равноправие и советскую форму государственной власти как самой демократической, интернациональной власти, тем самым устранили прежние поводы для национально-освободительной борьбы трудящихся Эстонии.

Теперь уже не трудящиеся Эстонии стремились отделиться от Советской России, а эксплоататорские классы Эстонии, и именно вследствие своей эксплоататорской природы. Отделение от Советской России означало переход на сторону империалистов. Проповедь буржуазного национализма в этих условиях означала идеологическую поддержку контрреволюционной деятельности своей буржуазии. Этой разницы в учебнике Адамсона нет. Национализм у него на всех порах прогрессивен, что ошибочно политически и противоречит научным данным.

Буржуазно-националистическая концепция автора меньше мешает ему при изложении первых шести разделов учебника.

Первый раздел учебника посвящен древнейшему, палеолитическому и неолитическому периоду развития Эстонии. Раздел этот, по нашему мнению, изложен слишком схематично. Ничего также не сказано о родовом строе.

Весьма подробно изложен второй раздел учебника, посвященный борьбе эстов с на-

ступающими на них немцами-рыцарями, борьбе за независимость и против насильственного обращения их в христианство. Здесь автору удалось представить довольно яркую и широко развернутую картину долгой и упорной борьбы эстонского народа с иноземными захватчиками. Показаны, с одной стороны, упорство и героизм маленького народа в неравной борьбе и с другой,— беспощадная жестокость, хитрость и коварство рыцарей, и в особенности представителей католической церкви, инициаторов и организаторов завоевания.

Третий и четвертый разделы, охватывающие период владычества Ливонского ордена и период борьбы за Лифляндию и Эстляндию между орденом, Швецией, Данией и Польшей и раздел Эстонии между ними, изложены очень обстоятельно.

В конце 20-х годов XVIII в. Лифляндия и Эстляндия были окончательно завоеваны немецкими и датскими рыцарями. Завоеванные земли были розданы рыцарям в ленное владение; дотоле независимое население облагается всякого рода повинностями и оброком, которые по мере развития феодальных отношений все увеличиваются, и, в конце концов, эсты оказываются закрепощенными. Неоднократные их попытки избавиться от тяжелого гнета иноземцев путем восстаний терпят неудачу. Сложные отношения между различными слоями феодального общества в учебнике нашли достаточное отражение, за исключением моментов классовой борьбы, которые отмечены слабо.

Подробно и понятно изложен автором и пятый раздел — время шведского владычества в Эстонии. Автор сумел дать вполне отчетливую и ясную картину дальнейшего развития феодального гнета: все больше растет могущество и власть, а вместе с тем и произвол шведских феодалов, которых не в состоянии обуздать слабеющая центральная власть; чем дальше, тем больше увеличиваются всякого рода повинности крестьянства в пользу феодалов-помещиков. Обременительны для населения и постоянные войны. По сравнению со временем владычества Ливонского ордена и польского владычества положение крестьянства в Эстляндии и Лифляндии, отмечает автор, заметно ухудшилось. Только редукция государственных земель энергичным Карлом XI в последней четверти XVII в. и прочие проведенные этим королем реформы несколько облегчили положение крестьянства. Но намерение Карла XI освободить совсем крестьян от крепостничества встретило со стороны сильного дворянства такой дружный отпор, что король вынужден был уступить и реформа не была осуществлена. Автор отмечает и кризис в жизни городов Эстонии при шведском владычестве: прекращение связи с Московией вызвало сильное сокращение торговли, ремесленной деятельности и общий упадок городской жизни.

В результате Северной войны Эстония, завоеванная Петром I, отошла к России.

Северную войну автор правильно представил как потрясающую картину народного бедствия: с одной стороны, русские войска под командой Шереметьева грабили, опустошали и разоряли население, угоняли многих людей в плен, с другой стороны, шведские власти усиленно брали рекрутов и производили всякие усиленные поборы на ведение войны с населения, главным образом с крестьянства. Много народу пало на войне, но еще больше погибло от голода и болезней. Разразившиеся в 1710 г. эпидемии унесли только в Лифляндии около 126 тыс. эстов и латышей. Не только во время войны, но и на многие годы после нее более половины пахотной земли Эстонии оставалось невозделанной. Крестьяне, потерявшие во время войны свои жилища, скот и инвентарь, не в состоянии были вновь обрабатывать землю. Они бродили по стране, замерзая, голодая, собирая подаяние и отыскивая места, менее разоренные войной.

Из этой войны страна эстов вышла до крайности опустошенной. «Война кровопролитием, пожарами, грабежами, мором и голодом была столь ужасна, что многие последующие поколения рассказывали о ней страшные истории. О господствовавшем в конце войны состоянии рассказывали, например, что «людей осталось так мало, что они, находя следы друг друга, от радости целовали их...» «На развалинах (печищах) селений рос молодой лес, а оставшиеся без отца и матери дети вырастали в волчьих логовах». «Конечно,— продолжает автор,— эти народные рассказы преувеличены, но, во всяком случае, было много приходов, где на протяжении годов молчали церковные колокола, и были опустевшие деревни, грустной тишины коих никогда не нарушало пение петуха».

В шестом разделе говорится о начале русского периода.

Здесь подробно излагается история развития в Эстонии крепостничества, доведенного прибалтийскими феодалами до состояния, близкого к рабству, вскрываются и способствовавшие этому причины.

При завоевании Прибалтики Петр I, очень дороживший в своей реформаторской деятельности помощью западноевропейцев, старался поладить с балтийскими немцами и, чтобы расположить к русской власти прибалтийское дворянство, обещал ему сохранение за ним всех привилегий, полученных дворянами как от Ливонского ордена, так и от польского и шведского правительств; обещано было восстановить в стране порядок, существовавший до реформ Карла XI. Сохранение этих привилегий было подтверждено и Ништадтским мирным договором. К этому побуждало царя и то обстоятельство, что в 1710 г. ему еще не совсем ясно было, истощена ли Швеция настолько, чтобы отказаться от попыток возвратить утраченные прибалтийские земли. Это обещание Петра I склонило дворянство к капитуляции. И действительно, дворянству в Эстляндии и Лифляндии были возвращены имения, отобранные у него по редукции Карла XI, и восстановлены были все прежние привилегии. Вся административная и судебная власть и все местное управление в Эстляндии и Лифляндии перешли всецело опять в руки дворянства и

лице его съездов (лапотагов), которые выбирали из своей среды и всех должностных лиц.

Царское правительство и его местные представители не препятствуют произволу феодалов в отношении крестьян, а попустительствуют этому. Попытки эстонских крестьян искать защиты от помещичьего произвола перед законом терпят неудачу. Прибалтийские крестьяне в середине XVIII в. оказываются в положении рабов. Это положение было четко формулировано в 1739 г. декларацией ландрата Розена, гласившей, что 1) лифляндские крестьяне со времени покорения их орденом меченосцев стали вполне рабами дворян, 2) что дворянину (помещику) принадлежит неограниченное право собственности над имуществом крестьянина и 3) что дворянину никогда не предписывались нормы крестьянских повинностей и что он может их увеличивать вполне по своему благоусмотрению. Декларация Розена фиксировала действительную практику и правовое состояние крестьянства в это время. Почти также квалифицирует состояние крестьян и выработанный в 1740 г. дворянской комиссией под председательством Будберга и Шралера законопроект. Попытки Екатерины II несколько смягчить положение прибалтийского крестьянства ничего существенно не изменили.

Седьмой раздел учебника, в котором рассматривается процесс «социально-экономического и культурного освобождения эстов в XIX и XX вв.», охватывающий более столетия—от начала царствования Александра I до февральской революции в России,—изложен также достаточно обстоятельно. Главное внимание здесь отведено темам: 1) «Крестьянский вопрос в Эстонии на различных стадиях его разрешения в XIX в.», 2) «Национально-освободительное движение в Эстонии во второй половине XIX в. и образование эстонской национальной буржуазии и интеллигенции» и 3) «Революция 1905 г. в Эстонии».

Здесь изложены и подвергнуты критической оценке все мероприятия царского правительства в Эстонии на протяжении всего XIX века. Либерально настроенный в начале царствования, Александр I оказывает некоторое давление на прибалтийских помещиков, побуждая их к смягчению крайне тяжелого положения крепостного крестьянства. К этому вопросу не могли не привлечь его внимания происходившие в начале века в Прибалтике волнения крестьян. Наконец, в 1816 г. в Эстляндии и в 1819 г. в Лифляндии был проведен новый закон о крестьянах, дававший крестьянам личную свободу, лишая одновременно их земли. Вся земля осталась теперь за помещиками. Взаимоотношения между помещиками и крестьянами с этого времени покоились на «свободных» договорных отношениях, которые не принесли крестьянину никакого улучшения в его материальном положении. Кроме того за помещиком осталась большая полицейская и судебная власть над крестьянами. Помещик попрежнему мог по своему произволу подвергать крестьян позорному телесному наказанию.

В результате реформы ускорился переход помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы. Это значительно увеличивает потребность в рабочих руках. Но эту увеличившуюся потребность в рабочих помещики удовлетворяют не вольнонаемным трудом, а ловко придуманным новым видом барщины своих «свободных» крестьян-арендаторов. Вместо прежней барщины, определявшейся количеством рабочих дней, была введена сдельная, или урочная, барщина (tükkitöö), более выгодная помещику и более изнурительная для крестьянина. В результате крестьянство крайне обнищало. На почве такой чрезмерной эксплоатации в начале 40-х годов опять происходят крестьянские волнения. Обеспокоенное этим, царское правительство побуждает балтийских баронов пойти на некоторые уступки, а к прежним законам о прибалтийских крестьянах проводятся новые поправки и дополнения (в 1844 г. изданы дополнительные параграфы к закону 1819 г.; в 1850 г. издан новый крестьянский закон в Лифляндии и в 1856 г.—крестьянский закон в Эстляндии). Но эти паллиативные меры, не облегчая положения массы крестьянства, еще больше его запутывали. Новые крестьянские волнения, круто и жестоко подавляемые военной силой, вынудили, в конце концов, прибалтийских феодалов отказаться в 1868 г. от угнетавшей крестьян барщинной повинности. Изданный в 1866 г. новый волостной закон освободил волостное самоуправление из-под влияния власти помещика, упразднив и полицейскую власть помещика над крестьянами.

Это дало возможность части крестьянства приобрести в собственность участки земли; из среды этого крестьянства постепенно складывался небольшой слой «серых баронов». Большинство же эстонского крестьянства попрежнему вынуждено было или арендовать у помещиков на тяжелых условиях землю или работать в помещичьих имениях (у «серых баронов») в качестве батраков, испольщиков и сезонных рабочих. В начале XX в. в Эстляндии и Лифляндии почти ¾ всего крестьянства составляли такой безземельный сельскохозяйственный пролетариат.

Все отмеченное во II—VII разделах учебника можно отнести к его положительным качествам. К этому следует еще добавить, что в каждом разделе отводится много места экономическому развитию культурной жизни, влиянию церкви (причем автор в общем неодобрительно расценивает деятельность лютеранской церкви, видя в ней орудие и средство угнетения масс в руках феодалов), народному образованию и материальной культуре. Изложение важнейших исторических явлений из истории Эстонии дается в связи с историей соседних стран и народов.

Но Адамсон — националист, и поэтому вся его концепция пронизана стремлением затушевать классовые противоречия. Классовая борьба как в деревне, так и в городе выявлена недостаточно. Классу феодалов (светских и духовных) противопоставляется класс крестьян, но борьба между этими

классами, по учебнику, происходит не столько на почве классовых противоречий, сколько на почве национального угнетения, и поэтому почти все отмечаемые в учебнике факты из истории классовой борьбы эстонских крестьян против помещиков окрашены под цвет национальной борьбы против немецких или датских феодалов. Особенно национальный характер придается борьбе крестьян против помещиков в конце XIX и начале XX века. Это не случайно. Несомненно, в Эстонии аграрный вопрос обострялся и осложнялся национальным. Марксист в этих условиях, отдавая дань национальному, первое место отвел бы классовому. Буржуазный националист, наоборот, во всем изложении приоритет отдает национальному. В угоду этой буржуазно-националистической идеологии все классовые выступления крестьян конца XIX и начала XX в. объясняются в буржуазных учебниках как национально-освободительная борьба.

Смазана совсем в учебнике классовая борьба в деревне. В эстонской деревне существовало резко выраженное классовое расслоение. Кроме зажиточного крестьянина-дворохозяина — talumees — в деревне существовали еще многочисленные категории малоимущего сельского населения: мелкие арендаторы, испольщики, батраки, сезонные сельскохозяйственные рабочие и т. п.,— которые сильно эксплоатировались не только помещиками, но также и зажиточным крестьянством. В центре же внимания Адамсона стоит только этот talumees, интересы и нужды которого им отождествляются с жизненными интересами всего народа. Что же касается нижестоящих слоев крестьянства, то хотя в учебнике о них и упоминается, но очень мало, как-то мимоходом.

То же самое приходится сказать о главах, посвященных городам Эстонии. И здесь классовые отношения сведены к национальным противоречиям: немцы составляют высшее и среднее бюргерство, низы же городского населения — эсты. Как будто никаких иных отношений, кроме национальных, между слоями городского населения и не существовало. Понятно, что при такой методологии классовые столкновения из учебника выпадают. Не дано, например, сколько-нибудь подробного описания цеховой жизни и отношений между цеховыми мастерами, подмастерьями и учениками.

Националистические тенденции автора обнаруживаются иногда совсем ясно. Так, в первом разделе, говоря об образовании русского государства, он утверждает, что при этом «руководящую роль играли именно финские племена (подчеркнуто автором. — *А. М.*)—чудь, весь, мурома, меря и варяги. Пришедшие с запада властители (варяги.—*А. М.*) прочно обосновались в области финских племен, ибо окрестности Новгорода и Ладоги принадлежали в то время (вторая половина IX века.—*А. М.*) финским племенам. Это же положение распространяется и на Белоозеро и Изборск». Лишь отчасти допускает Адамсон участие в этом словен и кривичей в качестве «пришельцев». Разделяя теорию варяжского завоевания, автор дает такую концепцию основания русского государства: «...Викинги, воины-купцы, основав поселения и колонии, позже стали требовать от местных жителей и даней. Многие из варягов обосновались на службе у отдельных правителей в качестве воинов, образовав там высший слой, класс наемных воинов. Основанные колонии и торговые города с течением времени превратились в центры, вокруг которых объединились (сосредоточились) окружающие (вокруг лежащие) области. Так сложился в области финских племен круг самостоятельных городов-государств. К сожалению, это начало (ядро) государственного образования переместилось из Новгорода в Киев, в чисто славянскую область, откуда славяне благодаря своему быстрому размножению распространились в область финских племен и с течением времени их ославянили, ассимилировали» (ч. 1-я, стр. 14). Это эклектическое построение не отвечает современному научному воззрению на образование русского государства. Немного ниже Адамсон утверждает, что и свое наименование— Русь, Россия — русское государство получило от финнов, находя эти наименования идентичными с эстонским словом «roots» («швед») (ч. 1-я, стр. 14). Вопрос о происхождении слова «Русь» в исторической науке вызывает немалый спор на протяжении почти 200 лет и все же остается окончательно не решенным. Адамсон же решает его с удивительной решительностью и легкостью. Из-за этих неверных построений и утверждений явно проглядывает профинская тенденция автора.

Общественное движение XIX в. в Эстонии автор рассматривает только в аспекте национального движения, которому он уделяет много места. Пробуждение у эстов в 50—60-х годах прошлого века национального самосознания и быстрый рост национального движения на базе развивающегося капитализма — появление в последующие десятилетия национальной буржуазии, национальной интеллигенции, расцвет национальной литературы — имели, конечно, важное общественное значение. Но автор, затушевывая буржуазный, классовый характер движения, изображает его как «общенародное» освободительное движение. В то же время Адамсон обходит молчанием рабочее движение. В последней четверти XIX в. в таких промышленных городах, как Нарва, Таллин, Пярну и др., в связи со значительным развитием промышленности и торговли, что отмечается и в учебнике, создается класс промышленных рабочих, интересы которого были противоположны интересам предпринимателей. Уже в 1872 г. произошло первое памятное выступление рабочих нарвской Кренгольмской мануфактуры. Однако о рабочем движении в учебнике почти ничего не сказано, так же как и об экономическом положении рабочих на прибалтийских фабриках, об условиях их труда, заработной плате и бытовых условиях. Автор не видит классового расслоения общества накануне революции 1905 года. По его словам, «эсты составляли несмотря на выявившиеся отдельные общественные прослойки единое целое,

которое дружно (üksmeelselt) боролось против чужого гнета» (ч. 4-я, стр. 72).

Встречаются в разных местах учебника и некоторые неточности и неясности. Укажем хотя бы следующую: на странице 36 части 3-й говорится, что реформаторский пыл (планы — kawatsused) у Екатерины II скоро остыл и что первым большим толчком к этому были крестьянские волнения и пугачевский мятеж. Это неверно. Известно, что реформаторский пыл в духе просветительских идей у Екатерины остыл гораздо раньше пугачевского восстания: комиссия по выработке нового уложения, заседавшая в Москве в 1767 г., была распущена, за исключением нескольких, не имевших значения подкомиссий, уже в 1768 году. Этим и ограничился широко намечавшийся план либеральных реформ. И не пугачевское восстание, начавшееся в 1773 г., было причиной охлаждения реформаторских начинаний императрицы, а сильная оппозиция дворянства, с которой Екатерина не могла не считаться.

На последнем разделе, озаглавленном «Время (эпоха) государственной самостоятельности Эстонии», подробно останавливаться нет надобности. Если в предыдущих разделах в изложении и освещении фактов автор старался быть более или менее объективным, то этого нельзя сказать о последнем, VIII разделе. Здесь автор открыто выражает свое сочувствие буржуазно-капиталистическому, авторитарному строю, от которого Эстония так недавно избавилась. Буржуазно-националистические симпатии автора сказываются здесь в освещении многих фактов. Великая Октябрьская революция в России в учебнике представлена не как мощное революционное выступление широких масс трудящихся против обанкротившегося и потерявшего народное доверие Временного правительства, а только как захват большевиками власти в результате всеобщей разрухи и развала распропагандированной армии. «Сразу же после укрепления своей власти,— говорит автор,— большевики начали вводить коммунистический порядок. Следствием этого была полная дезорганизация». Образование Эстонской буржуазной республики объясняется тенденциозно, в буржуазно - националистическом вкусе «Эстонские войска при содействии белоэмигрантских отрядов и финских добровольцев одерживали блестящие победы над советскими, вытеснили их из пределов Эстонии и так стойко и храбро защищали ее границы, что несравненно более многочисленные советские войска не могли их одолеть, а потому советское правительство вынуждено было предложить и заключить с Эстонией мир». Комментарии здесь излишни. Адамсон — сторонник авторитарного строя. «Уже рано поняли,— говорится в учебнике,— недостатки нашей партийной правительственной системы и начали жаждать (igatsema) твердой власти (направляющей руки). Для этого решили усилить власть президента (государственного старосты)» (ч. 4-я, стр. 112).

Об экономике и всей хозяйственной жизни Эстонии последних лет (ч. 4-я учебника вышла из печати в 1937 г.) и ее культурном строительстве в учебнике говорится почти в идиллическом тоне. Перечисляются достижения в различных отраслях сельского хозяйства, в промышленности, указывается, что вполне удовлетворяются запросы внутреннего рынка и сверх того значительные излишки экспортируются на внешние рынки,— словом, можно подумать об изобилии и процветании в стране. Но мы теперь знаем, что на самом деле процветания и изобилия там не было и что, наоборот, положение трудящихся народных масс было доведено до крайности; результатом этого явилось свержение режима, установленного К. Пятсем. Выступления делегатов Государственной думы Эстонии на заседании Верховного Совета СССР показали потрясающую картину угнетения трудящихся буржуазией и правящей кликой и расстройства народнохозяйственной жизни, совсем далекую от той идиллии, какую рисует автор на страницах учебника.

Последний раздел учебника ни по изложению фактического материала, ни тем более в политическом отношении для советской школы неприемлем.

Конечно, кроме рассмотренного учебника, в Эстонии имеется ряд учебников истории других буржуазных авторов. Мы имеем основание предполагать, что они также несвободны от недостатков, свойственных учебнику Адамсона.

Эстонским историкам предстоит преодолеть немалые трудности идеологического порядка как при составлении учебников, так и при преподавании, пока они не усвоят марксистскую методологию. Эти трудности в несколько дней и даже месяцев изжить нельзя. Им придется приложить всю энергию и настойчивость, присущую эстам, для скорейшего усвоения великого учения марксизма-ленинизма, в первую очередь учения о диалектическом и историческом материализме, без знания которого не может быть подлинно научного понимания истории. Но задача эстонских коллег значительно облегчается тем, что они могут использовать опыт историков СССР, постановления партии и правительства о преподавании истории и «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», который уже издан на эстонском языке.

А. Митт

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

МАВРОДИН В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Изд. Ленинград. гос. университета. 1940. 320 стр. 30 руб.

В работе В. В. Мавродина, являющейся его докторской диссертацией, пять глав: I. Географический очерк Северской земли; II. Дофеодальный период; III. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодализма; IV. Днепровское Левобережье в составе Киевского государства; V. Период феодальной раздробленности.

Книга В. В. Мавродина затрагивает много интересных проблем истории древней Руси. Можно сказать, что содержание книги гораздо шире ее заглавия и представляет собрание большого материала по русским древностям вообще. Достоинством книги, помимо постановки ряда важных исторических проблем, является использование автором не только письменных источников, но также археологических памятников и лингвистических данных. Заслуживает внимания попытка автора использовать и работы Н. Я. Марра для выяснения вопроса о происхождении племен.

Новая книга В. В. Мавродина, имеющая, таким образом, положительные данные, вызовет несомненное внимание как советских историков, так и всех интересующихся эпохой древней Руси.

Нельзя, однако, умолчать о некоторых недочетах данного исследования. Первое, что можно поставить в упрек автору,— это значительные отступления его в сторону жизни не только Киева, радимичей и вятичей, но также и далеких Тмуторокани, Новгорода и Галиции. Так, можно отметить большие сторонние экскурсы: о восстании волхвов и смердов на севере (стр. 173—181), о походах Руси на Каспий (стр. 125—132), о вещественных памятниках Тмуторокани (стр. 121—125), о социальной борьбе в Галиции (стр. 223—226, 230—237) и др. Это отвлекает внимание читателя от основной темы книги и таит в себе опасность беглого, несколько упрощенного рассмотрения такого рода вопросов.

Далее, заслуживает быть отмеченным отношение В. Мавродина к источникам и пособиям: данные источников нередко берутся из вторых и даже из третьих рук. Так например византийские авторы цитируются по рукописному курсу истории СССР (стр. 33). Подобные ссылки — вообще не редкость в этой книге. В пользовании пособиями также нет должной градации, и автор иногда апеллирует к авторитету бытописателя города Рыльска, некоего Н. Сенаторского (стр. 50, 120, 309, 313 и др.), оставляя без внимания ряд солидных работ известных ученых.

Особенно не посчастливилось работам покойного академика А. А. Шахматова. Автор очень редко и не всегда удачно вспоминает о выдающихся работах Шахматова и не пользуется ими при рассмотрении ряда вопросов, разбиравшихся покойным академиком. Ввиду этого у автора, например, не обоснованы и противоречивы данные из летописной хронологии IX—X вв. (стр. 112—114, 130 и др.): так, с одной стороны, даты, связанные с Олегом, вызывают сомнение у автора (стр. 113), с другой стороны, автор верит в точность даты смерти Олега (стр. 130) и т. д. Встречающиеся в книге ссылки на труды Шахматова нередко неудачны. Так, говоря об антах, В. В. Мавродин ссылается на известную работу Шахматова—«Древнейшие судьбы русского племени»,— приписывая ему сближение антов с вятичами (стр. 31), между тем как Шахматов именно в этой работе категорически утверждал, что имя антов «невозможно связывать с именем вятичей» (в упомянутой книге, стр. 11). Внимательное знакомство с этой небольшой книжкой Шахматова могло бы удержать В. Мавродина от некоторых поспешных суждений его об антах.

Невнимание автора к большому труду Шахматова — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» — имеет своим последствием, например, усвоение им совершенно неудачного объяснения тов. Рыбаковым того обстоятельства, что в летописи по два раза говорится о покорении радимичей и вятичей. Это объяснение сводится к тому, что в повторениях проявляется «отражение столкновений во время сборов дани» (стр. 117—118); Рыбаков и Мавродин в данном случае не учитывают того, что подобные столкновения, естественно, могли возникать ежегодно, и не считаются со своеобразием отношений Киева к племенам и сложностью самой летописной композиции.

К числу таких же промахов автора относится, например, приписывание тов. Рыбакову сближения имени антов с «Вантит» и «Артанией» арабских писателей (стр. 35), между тем как это сопоставление принадлежит известному чешскому слависту-археологу Любору Нидерле. Таких промахов можно указать немало.

Автор очень увлекается ролью и значением антов на заре нашей истории, слишком категорически разрешает вопрос о них (стр. 30—35), забывая о скудости имеющихся о них материалов и о том, что «антская археология» — термин весьма условный и проблематичный.

В вопросе о смердах автор также слишком увлекается, явно выходя за рамки данной эпохи, когда говорит: «Сидя на земле феодала, смерд превращается в его собственность, передается по наследству, продается, дарится, как дарится и передается любая вещь» (стр. 101).

Вообще вопрос о взаимоотношениях социальных групп в достаточной степени автором не выяснен. Особенно неясным остается вопрос о крупных феодалах и их отношениях к дружинникам; автор то противопоставляет их друг другу (стр. 147, 151, 195—196 и др.), то объединяет их (стр. 146—147, 153 и др.) и в то же время говорит о каком-то «мельчайшем боярстве» (стр. 154). Тут, между прочим, автор высказывает такую точку зрения, что «феодализирующаяся полуродовая» социальная верхушка во «времена далеких походов Олега, Игоря, Святослава» «оторвалась от земли, от хозяйств» и «лишь со времен Владимира получила возможность целиком заняться вотчинным хозяйством» (стр. 195—196). Но, во-первых, кто же в таком случае в этом X веке вел «хозяйство на земле» и являлся действительным феодалом? Во-вторых, летопись говорит о другом: «лучшие люди», «иже держаху Деревскую землю», в том же, X веке идут не с Игорем, а со своим племенным князем Малом против Игоря (945 г.).

В связи со всем этим неясны и отличительные черты княжеской социальной политики в Северской земле. Протестуя против приписывания черниговским Ольговичам «демократизма» (стр. 152—153), автор вместе с тем пишет: «Одновременно со стремлением опереться на местную знать, на туземные феодальные и торговые элементы, на местную феодальную дружину («тысячу», «полк»), черниговские князья подчеркивали свое внешнее уважение к вечу» (стр. 175); от такой фразы один шаг к признанию трогательного единения князя со всей своей землей. А между тем автор явно отдает предпочтение Мономаховичам перед Ольговичами (стр. 186—189, 206 и др.).

Следует отметить, что у автора, описывающего эпоху феодализации, как-то не вяжется с общей картиной феодальных отношений стремление выдвигать и подчеркивать роль сильных князей, последовательно господствовавших в это время на Руси. Автор явно идеализирует Владимира Мономаха, ставя ему в особую заслугу, между прочим, то, что он строит город Владимир, населенный ремесленниками, сослужившими службу его внукам. Тот же элемент идеализации мы видим и в отношении к внуку Мономаха—Андрею Боголюбскому (стр. 243, 252 и др.). А так как между Мономахом и Андреем получается некоторый перерыв в наличии сильного князя на Руси, то автор готов между ними выдвинуть бесцветного и неудачливого сына Мономаха и отца Андрея—Юрия Долгорукого, приписывая ему какую-то особенную «систему вотчинного хозяйства, сочетающегося со всевозможного рода поборами», а также «стремление вернуть времена Мономаха» и создать такую политику, которая была «прототипом политики его сына — Андрея» (стр. 243).

Нельзя признать удачной попытку автора объяснить раздачу Ярославом Мудрым городов и земель своим сыновьям сознательным содействием его «политическим тенденциям и стремлениям самого боярства к самостоятельности», а также «желанию боярства организоваться для эксплоатации сельского населения и закрепить за собою господствующую роль в земле, что было важно для походов и установления торговых связей» (стр. 156). Но, говоря о выделении одному из Ярославичей Переяслава, автор сам признает, что подобные стремления переяславского боярства «не имели за собой достаточных оснований» (стр. 156).

Исключительное и, пожалуй, излишне большое внимание автор уделяет Тмутороканн, которой посвящены десятки страниц в книге. Однако он не дает определенного разрешения этой исторической загадки, приводя явно непримиримые, несогласованные данные о начале Тмутороканского княжества и проблематичные до фантастичности предположения о конце его.

Здесь мы встречаем привычную манеру компромиссного разрешения проблемы: следуя за Марром в признании в районе Тмуторокани давнего существования «реальных россов» и славянского населения (стр. 27—29, 47—49, 126 и др.), автор в то же время не может отрешиться от традиции буржуазной историографии приписывать организацию Тмутороканского княжества «налетам» Руси с Днепра в поздние времена Святослава и Владимира (стр. 50, 126, 132 и др.). Та же компромиссность и в вопросе о взаимоотношениях северянского населения с северокавказским: с одной стороны, отмечается их давняя связь (стр. 37, 41, 53, 59 и др.), с другой—дань традиции: Тмуторокань—позднейшая «колония» Северщины (стр. 135 и др.).

То же и по норманскому вопросу: с одной стороны, «не отрицая наличия в составе «Руси» «собственно норманов», автор не может признать в «Руси» «исключительно норманов» (стр. 47), причем в данном случае игнорируется все предыдущее построение, основанное на теории Н. Я. Марра.

Компромиссность проявляется и в разрешении вопроса о князе Мстиславе: с одной стороны, автор готов признать Мстислава не сыном Владимира (ссылка тут на Шахматова (стр. 132) опять неудачна), а местным князем, а с другой стороны, приписывает ему стремление вернуться из колонии Тмуторокани в ее метрополию — в Чернигов (стр. 135—136), причем, однако,

северяне представляются для Мстислава как «нечто чуждое» (стр. 136), вопреки и теории о «колонии» и всем прежним суждениям о связи северян с Кавказом.

Попытку автора затронуть вопрос о происхождении украинского и белорусского языков и народностей (стр. 302—304) нельзя считать серьезной: она носит характер легкого эскиза, брошенного вскользь, мимоходом.

Из мелочей можно отметить именование половецкого хана Кончака «Отроковичем» (стр. 256—257): летописный «Отрок» получился, конечно, из половецкого имени «Атрек», каковое имя встречается в грузинской летописи.

Конечно, можно много еще высказать недоумений и поставить автору ряд вопросов. В общем нужно констатировать в книге отсутствие единой, цельной концепции, отмечавшееся стремление к компромиссному примирению непримиримых противоречий, наличие постоянных оговорок и частой несогласованности суждений. В данном случае сказалась перегруженность книги обильным и разнообразным материалом. Думается, что книгу следовало бы тщательно пересмотреть, хорошенько проредактировать весь ее материал и вдохнуть в нее «душу живую». Однако даже в настоящем своем виде она будет полезна для читателей.

В. Пархоменко

«20 років під ярмом польских панів». Державне видавництво політичної літератури при РНК УРСР. Київ. 1940. 64 стр.

Авторы брошюры «20 лет под игом польских панов» не ставили перед собой задачи—дать систематическое изложение истории Польши за период с 1919 до 1939 года. Тем не менее эта брошюра для советского читателя представляет известный интерес. В основу ее положены архивные материалы бывших польских учреждений (фонды львовского воеводского управления, окружного криминального суда, инспекции школ, полиции, жандармерии и фондов газет «Наша правда», «Сильроб», «Курьер львовский», «Дило» и др.). Кратко анализируя эти материалы, авторы рассказывают об экономическом и политическом положении трудящихся масс Западной Украины, находившихся 20 лет под гнетом польских панов и буржуазии.

Образование польского государства было делом рук англо-франко-американского империализма, вышедшего победителем из первой империалистической войны. «Из Польши Версальский мир создал государство-буфер,.. который Антанта рассматривает как оружие против большевиков» [1].

Санкционируя границы лоскутного польского государства, англо-французские империалисты всеми силами и средствами помогали польским панам подавлять революционное движение народов бывшей Польши, боровшихся вместе с народами Советской России за власть советов, и создали там плацдарм интервенции против Советской республики.

Организовав и вооружив польскую армию в 1919—1920 гг., руководители Антанты, опираясь на авантюристически настроенную военщину Польши, попытались удушить Советскую республику при помощи польских войск. Естественно, что «...эта война с Польшей оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны» [2].

Панской Польше удалось спастись тогда от окончательного разгрома лишь благодаря всесторонней помощи империалистов Запада и черной измене троцкистско-тухачевских предателей.

В угоду западноевропейскому капиталу, польской буржуазии и шляхте были принесены в жертву многие миллионы украинцев, белоруссов, литовцев, евреев, очутившихся в рабских цепях «великодержавной Польши».

С самого начала существования «независимой» Польши польские правители разделили ее на Польшу «А» и Польшу «Б». Первая — коренная Польша, вторая — окраины, или «крессы», как называли ее официально. Западная Украина и Западная Белоруссия были «крессами» и составляли 51% всей территории Польши.

Основная промышленность была сконцентрирована в Польше «А». Окраины были ее колониальным придатком. В одном из документов львовского воеводского управления, приведенных в брошюре, говорится: «Здесь (в Польше «А») концентрируется около 80% металлической, электрической, бумажной, текстильной промышленности, около 80% производства кирпича, соды, соли и сахара. Здесь имеется около 80% заводов, наибольшее количество водопроводов, механических хлебозаводов, наибольшая сеть железнодорожных и трамвайных линий, больше 80% типографий, культурных и лечебных заведений» (стр. 5).

Промышленность Западной Украины не развивалась, а, наоборот, из году в год сокращалась. Подавляющее количество занятых в производстве рабочих вело полуголодное существование. Еще более хищническую политику проводили польские оккупанты в селах. Нищета, разорение, голод и полуфеодальный гнет — вот что характерно для западноукраинского села. Наиболее сильным бичом западноукраинского села было осадничество. Колонисты-осадники состояли в большинстве из бывших польских офицеров и унтер-офицеров, принимавших участие в борьбе против Советского Союза в 1920 году.

Польские оккупанты передали осадникам лучшие земли, леса и снабжали их сельскохозяйственным инвентарем. Насаждая осадников на окраинах, польские правители стремились ополячить украинцев и бе-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 401.

[2] Там же.

лоруссов. Осадники занимали высшие административные посты, шпионили, сотрудничали с полицией и расправлялись с революционным движением. Вместе с панами и осадниками грабило и разоряло трудящиеся массы католическое духовенство. Оно сеяло темноту, невежество, занималось шпионажем и проповедовало рабскую покорность польским грабителям. Польские сатрапы жестоко преследовали всякое проявление культуры украинского народа. Постепенно закрывались даже низшие частные украинские школы и семинарии для учителей, запрещалось вывешивать портреты украинских писателей и общественных деятелей В одном из циркуляров министерства просвещения запрещалось не только говорить на украинском языке, но даже употреблять слово «украинец».

Недовольство угнетенного украинского народа часто принимало формы открытых выступлений против польских панов. За один только май 1930 г. в 3 западных воеводствах: Львовском, Станиславском и Тарнопольском—было 170 местных крестьянских волнений.

В одном из документов львовского воеводского управления говорится: «В селе Купчице карательная экспедиция была четыре раза. Первый раз в село прибыл 6-й полк из Станиславова. В селе разорили и сожгли большинство крестьянских домов и почти все население избили. Второй раз в село прибыл отряд полиции в 150 человек Они провели массовые обыски, при этом уничтожали хлеб, сельскохозяйственный инвентарь, сжигали украинские книги. Еще две экспедиции делали то же самое.

При последней экспедиции, которая состояла из полиции и жандармерии, крестьян принуждали лезть в воду, а кто поднимал голову из воды, того били по голове нагайками» (стр. 34).

Почти половина брошюры посвящена характеристике главнейших контрреволюционных буржуазно-националистических партий: УНДО (украинское национал-демократическое объединение), ОУН (организация украинских националистов и боевая террористическая организация), ВУО (волынско-украинское объединение), УКС (украинский католический союз «Обновление»), УСРП (украинская социал-радикальная партия), УСДП (украинская социал-демократическая партия).

Буржуазия угнетенных наций по-лакейски выслуживалась перед польской буржуазией и империалистическими странами Запада. Она всеми силами вела борьбу за участие в грабеже и эксплоатации трудящихся масс. На этой почве в лагере буржуазии были некоторые разногласия, которые приводили к формированию многочисленных партий и группировок. Но все разногласия были вокруг вопросов о том, каким образом лучше обмануть народ и какими способами укрепить свое господство над трудящимися массами.

Орган коммунистической партии Западной Украины «Наша правда» характеризовал буржуазно-националистические партии так: «Вооруженная интервенция против СССР является целью всех буржуазных националистических партий и групп. Война против СССР поддерживается всем табором националистов и является консолидационной основой для объединения всего буржуазно-националистического табора — от УНДО до УСРП и УСДП. Правда, есть определенные «расхождения» относительно форм антисоветской политики украинской буржуазии, но это ни на один момент не обманет трудящиеся массы Западной Украины, которые знают, что буржуазия всех направлений преследует одну цель — свержение советской власти в СССР, реставрацию капитализма, и поэтому трудящиеся решительно и до конца стоят на позиции обороны СССР, стремятся воссоединиться со всеми свободными братьями и сестрами Советской Украины» (стр. 38).

Следует отметить, что авторы, дав в общем правильную характеристику политики правящих классов Польши и ее буржуазных партий, все же мало остановились на характеристике гнусной работы церкви и духовенства в Западной Украине. Известно, что церковь здесь была одной из твердынь, на которую опирались польские оккупанты в проведении своей грабительской политики.

Серьезным недостатком брошюры является то, что в ней мало уделено внимания коммунистической организации Западной Украины. Приводя многочисленные факты революционной борьбы трудящихся масс Западной Украины на протяжении 20 лет, авторы не сумели показать читателю руководящей роли коммунистической партии, самоотверженно боровшейся за освобождение народа от польских оккупантов, за великое дело Ленина—Сталина.

Только в конце брошюры этому уделено несколько строк: «Из всех многочисленных партий и групп, существовавших в Западной Украине, только одна коммунистическая партия была до конца предана делу рабочего класса, делу трудящихся. За эту преданность делу пролетариата и непримиримость к польской оккупации, за революционную борьбу и борьбу за воссоединение Западной Украины с Советской Украиной польское правительство свирепо преследовало коммунистическую партию революционных рабочих и крестьян» (стр. 59).

Однако несмотря на указанные недостатки брошюра является полезной для советского читателя. Она восполняет до некоторой степени пробел в литературе по истории Западной Украины за время пребывания ее под гнетом польских оккупантов.

Н. Прокопенко

Сборник. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК Мордовской Автономной ССР. Саранск. 1940. 169 стр. 6 руб.

Кто бы поверил 25 лет назад, что в 1940 г. перед нашими глазами будет лежать книга с вышецитированным заголовком?! Однако факт этот налицо, и факт весьма показательный и серьезный. В городе, бывшем в прошлом глухой провинцией, том за томом стали выпускаться серьезные, научные работы, являющиеся солидным вкладом в историю литературы, этнографии, гражданской истории, в фольклор, археологию и лингвистику.

В первом выпуске сборника мы прежде всего останавливаемся на очерке Верендякина, посвященном пятилетию Мордовской АССР и десятилетию Мордовской автономной области. После исторического введения тов. Верендякин дает ряд весьма выразительных сопоставлений, которым можно было бы присвоить общий заголовок: «Прежде и теперь». Картине дореволюционной Мордовии, когда на горизонте мордовской деревни виднелись только помещичьи имения, винокуренные заводы и монастыри, автор противопоставляет картину Мордовии современной—с фабриками, заводами, электростанциями, автомобильными шоссейными дорогами, цветущими колхозами, тракторными станциями, с 1250 школами, вузами, библиотеками, театрами, кино, газетами.

Интересные бытовые очерки тов. Руткевича посвящены делу «управителя» ясашной мордвы Тяпкина. Это дело освещает бытовые условия пензенской провинции начала XVIII в. и гнет, под которым жили в эту тяжелую эпоху Российской империи так называемые «инородцы». Очерк тов. Руткевича снабжен интересным общим введением, дающим экономическую характеристику Саранского уезда в начале XVIII века. Небольшая работа автора построена на новом архивном материале и представляет собою ценный вклад в историю Мордовии.

Интересен и очерк тов. Коткова, посвященный движению рабочих Авгорского железоплавильного завода уже в позднейшую эпоху, в 1858 г. (территория МАССР), когда, не снеся гнета заводовладельца Манухина, рабочие подняли движение протеста, длившееся 10 месяцев и окончившееся, как и тысячи других, беспощадным подавлением и разгромом рабочих.

Большой интерес представляет статья Воронина, посвященная биографии поэта Полежаева, уроженца Мордовии, и носящая заглавие «Новые данные о Полежаеве». Как известно, этот одаренный поэт николаевской эпохи, погубленный ужасными условиями времени, был незаконным, по тогдашней терминологии, сыном крепостника-самодура помещика Струйского и крестьянской девушки, выданной барином замуж за саранского мещанина Полежаева. Воронин публикует в цитируемой статье несколько документов, относящихся к семье Полежаевых и к таинственному исчезновению юридического отца поэта, в частности определение суда по делу о его пропаже.

Первый том заканчивается четырьмя лингвистическими работами, написанными тт. Коляденковым, Тарасовым, Потапкиным и Пигиным.

Книга хорошо издана и недорога. К сожалению, она несвободна от корректурных погрешностей.

КУПРЯШКИН Т. и САМАРКИН В. *1917 год в Мордовии* (Из истории Октябрьской социалистической революции на территории МАССР). Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК Мордовской Автономной ССР. Саранск. 1939. 63 стр.

Очерк Купряшкина и Самаркина дает яркую картину Мордовии накануне 1917 г., с ее убогой промышленностью, крупным помещичьим и монастырским землевладением и малоземельным крестьянством, 40% которого имели менее чем по 2,5 дес. земли на двор. Чтобы просуществовать, население должно было уходить на заработки, причем нужда гнала на сторону от 20 до 58% всего взрослого мужского населения. «Не жили, а на ногах гнили»,— так окрестил мордовский народ те условия, в которых он проживал в империи царей. Авторы дали хорошо документированный очерк истории Мордовии в 1905 г. и в период реакции, когда крестьянству пришлось расплачиваться за пережитый тогдашними правящими «сферами» империи испуг и растерянность.

Вторая глава посвящена февральской буржуазно-демократической революции и борьбе трудящихся Мордовии против помещиков и капиталистов.

В книге излагается также история восьми месяцев, отделявших февральскую революцию от Октябрьской. Общая схема событий хорошо, конечно, известна, но для историка весьма ценны конкретные бытовые данные, извлеченные авторами из архивных хранилищ Мордовии.

В содержательной третьей главе — «Борьба трудящихся Мордовии за победу Октябрьской социалистической революции»—авторы дают картину прихода к власти большевиков. Авторы приводят любопытные статистические данные относительно нарастания активных выступлений крестьянства против местных кулаков и помещиков. За март—октябрь 1917 г. насчитывается 129 выступлений крестьян по одному только Саранскому уезду. Количество выступлений последовательно нарастало, и к одному только октябрю относятся 40 случаев.

К октябрю борьба крестьянства против помещиков и кулаков «перерастает», по выражению авторов, в крестьянскую войну.

Используя много архивного материала, авторы дают выразительную картину раз-

...тия событий, важную для исследователя-историка, так как переход власти к Советам происходил не одновременно и в некоторых уездах Мордовии затянулся до середины февраля 1918 года.

Книжка Купряшкина и Самаркина заканчивается изображением успехов Мордовии за два десятилетия советской власти, в течение которых Мордовия сумела перейти от условий почти первобытной дикости к формам новой, социалистической, культурной жизни.

Член-корреспондент АН СССР
А. Яковлев

Труды исторического факультета Одесского государственного университета. Т. I. Одесса. 1939.

Первый том «Трудов исторического факультета Одесского государственного университета» по своему содержанию весьма разнообразен. Наряду с исследованиями известных в науке ученых в него включены труды молодых научных работников, частью воспитанников Одесского университета.

Тов. А. Фадеев в статье «Абхазия в первой четверти XIX в.» исследует вопрос о восстании абхазских крестьян против гнета русского царизма. Часть абхазских феодалов во главе с Келеш-беком Шервашидзе, а затем во главе с его сыном Сафар-беем была сторонниками русской ориентации, и в 1809 г. Абхазия официально была принята в подданство России. Другая часть феодалов во главе со старшим сыном Келеш-бека — Аслан-беем — ориентировалась на Турцию. Занятие русскими войсками Поти в 1809 г., а затем, в 1810 г., Сухуми, репрессии против мирных жителей вызвали возмущение абхазского крестьянства. С 1822 г. происходят набеги на гарнизоны Сухуми, на отряды царских войск и имения абхазских феодалов, а в [illegible] г. восстание охватило почти всю страну. При помощи ополчения имеретинского и мегрельского дворянства восстание это было подавлено.

Тов. Нудельман посвящает свою краткую заметку разбору свидетельств древних авторов об острове Березани на Черном море. Автор приходит к выводу, что первой греческой факторией на северном Причерноморье был остров Березань. Решить им же поставленный вопрос, является ли одновременно Березань также островом Ахилла, автор не мог ввиду недостаточности археологического материала, добытого из раскопок на острове.

Следующая статья, тов. Горбатюка, посвящена теме «Т. Г. Шевченко и Кирилло-Мефодиевское братство». Статья разоблачает буржуазно-националистические концепции о Шевченко. Автор, анализируя творчество великого украинского писателя-демократа и документы, относящиеся к Кирилло-мефодиевскому братству, заостряет вопрос о принципиальном расхождении взглядов Шевченко с Костомаровым и др., подчеркивая, что участие Шевченко в братстве было случайным.

Эпизоду неповиновения команды почтово-пассажирского парохода «Император Николай II» во время восстания в Одессе матросов броненосца «Потемкин» посвящена небольшая заметка Ю. Л. Портного. На обратном пути из заграничного рейса пароход «Николай II» зашел в константинопольский порт, где было получено категорическое распоряжение правления пароходного общества отправиться в Александрию. Команда машинного отделения парохода, до которой дошли слухи о событиях в Одессе, отказалась выполнить распоряжение, требуя движения парохода по маршруту, в Одессу. Увещевания капитана, лейтенанта русского военного судна, затем угрозы турецкой полиции не подействовали. Под давлением команды пароход был направлен в Одессу, куда прибыл уже после ухода «Потемкина». Матросы по возвращении в Одессу были переданы в руки следственных властей.

Установить дальнейшую судьбу матросов автору не удалось. Известно лишь, что мировой судья, к которому поступило дело, нашел привлечение их по 1261-й статье уложения о наказаниях мягким и, изменив ее на 1262-ю, направил дело в окружной суд.

Позиции различных классов и общественно-политических групп и партий в России во время балканской войны 1912 г. рассматривает в своей статье тов. Магазинер. Панслависты и кадеты требовали от царизма более активной политики на Балканах, подталкивая на захват проливов. Черносотенцы, реакционные круги, группировавшиеся вокруг таких газет, как «Земщина», «Русское знамя», «Гражданин», занимали более умеренную позицию, что вызывалось их ориентацией на кайзеровскую Германию и опасениями подъема революционного движения внутри страны.

Автор останавливается и на взглядах по этому вопросу большевиков, которые во главе с Лениным и газетой «Правда» выступали с революционными лозунгами, против вовлечения в войну.

Тов. Колесников поставил себе целью показать, как была проведена реформа 1861 г. на юге Украины. Анализ документов и источников привел его к выводу, что крестьяне Екатеринославской, Херсонской и материковой части Таврической губернии в ходе проведения реформы потеряли от 34,2 до 39,5% надельной земли, т. е. 469 998,5 десятины. За оставшиеся у них наделы в размере 815 117 десятин крестьяне заплатили выкупных платежей, процентов и оброка 60 066 700 рублей, т. е. в 6,2 раза больше их рыночной цены в 9 735 800 рублей. Эти данные убедительно свидетельствуют о том грабеже крестьян, который совершили помещики под флагом «освобождения» от крепостного права.

В I том «Трудов» включены статьи профессоров: доктора исторических наук Добролюбского «Вандемьерский мятеж (1795)», доктора филологических наук Варнеке «Из истории Рима I века до

нашей эры» и Белякевича «Южноиранское восстание племен 1929 г.». Б. Варнеке в своей статье дает анализ переписки, речей и писаний Цицерона.

На большом количестве документальных материалов и свидетельств основаны статьи Добролюбского и Белякевича. Научный анализ, соединенный со строгой последовательностью изложения, дает основание назвать их наиболее интересными статьями тома. Профессор Белякевич, используя главным образом прессу, вскрывает в своей статье ход восстания на юге Ирана в 1929 году. Политика новой династии Пехлеви, направленная на создание централистского государства, сопровождалась увеличением податного бремени, насильственными мероприятиями против кочевников в целях принуждения их к оседлой жизни, что возбуждало недовольство. Этим воспользовались реакционные слои феодалов и духовенства. Пользуясь темнотой народных масс, они захватили руководство восстанием в свои руки. Англия, заинтересованная в сохранении раздробленности Ирана, оказывала помощь феодалам. Восстание было подавлено военной силой и путем компромисса с феодальной племенной верхушкой.

Том несвободен от недостатков. Некоторые статьи носят преимущественно описательный характер. Так, тов. Магазинер, рассказав о различии позиции панславистских и черносотенных кругов по вопросу о балканской войне, не дал все же убедительного анализа причин, вызвавших это различие в тактике обеих реакционных групп. Тем же недостатком страдает и статья тов. Колесникова. Поставив себе целью показать, как были ограблены крестьяне, он упустил из виду, что проведение реформы на местах стояло в связи не только со стремлением помещиков. как можно меньше дать крестьянам и как можно больше получить с них, но и с более широкими экономическими соображениями. Так, брошенная вскользь мысль о том, что помещики «стремились обеспечить свои имения даровой рабочей силой ограбленных ими крестьян», осталась неразвитой, и автор к ней больше не возвращается.

В статье Колесникова много лишнего, не относящегося к теме, например о рескрипте 20 ноября 1857 г., о редакционных комиссиях и др., без чего статья только бы выиграла.

На стр. 135 тов. Колесников приводит слова Маркса, не связывая их с текстом своей статьи, и они повисают в воздухе, не достигая цели.

Редакции «Трудов» необходимо усилить работу с авторами, особенно молодыми.

Подготавливая к изданию следующие томы, нужно продумать вопрос о тематическом стержне каждого отдельного тома. Нужно обратить больше внимания и на редактирование статей. Так, на стр. 135 говорится о нападении крестьян на отряд Белоусова, а следующая фраза приводит имя начальника отряда Громеко. Остается неясным, кто же был начальником отряда: Белоусов или Громеко? На стр. 160 приводится выкупная сумма в 60 066 700 рублей, подсчет же слагаемых даст 50 330 900 рублей, недостающие 9 755 800 рублей автором сочтены дважды.

Несмотря на отмеченные выше недостатки необходимо признать, что выпуском своих «Трудов» исторический факультет Одесского государственного университета положил начало важному делу.

Л. Иванов

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

«*История средних веков*». Учебник для 6—7-х классов средней школы. Под редакцией проф. Е. А. Косминского. Учпедгиз. 1940. 283 стр. 5 р. 50 к.

Выпущенный под редакцией Е. А. Косминского учебник по истории средних веков для средней школы — результат большой работы коллектива медиевистов Института истории Академии наук СССР. Новый учебник построен на прочной базе марксистско-ленинской методологии. По богатству конкретно-исторического материала учебник Е. А. Косминского — явление выдающееся даже для нашей быстро растущей учебно-исторической литературы. Как всегда бывает в таком большом коллективном труде, нелегкая задача выпала на долю редактора. Нужно сказать, что Е. А. Косминский со своей задачей справился в общем прекрасно. Тщательная разбивка учебного материала на отделы, главы и параграфы, простота и лаконичность стиля, наличие географических карт и обилие рисунков — все это делает учебник легким для усвоения несмотря на несколько преувеличенные его размеры (283 стр.).

Учебник не только дает доброкачественный материал для работы детского ума, но он явится превосходным воспитательным средством в руках опытного педагога. Усвоение интереснейших фактов прошлого незаметно подводит школьника к некоторым обобщениям, которые в простой и лаконичной форме даются в конце каждой главы. Первая и важнейшая идея, которую усвоят учащиеся из книги,— это идея прогрессивности феодализма по сравнению с предшествующим, рабовладельческим общественным строем. Второе важнейшее обобщение они сделают о значении второго в истории человечества общественного разделения труда, связанного с возникновением городов. Третье принципиальное положение учебника — о прогрессивном характере крупных национальных государств, которые дают возможность городскому сословию сложиться в класс современной буржуазии. И, наконец, четвертая важнейшая идея учебника — о роли крестьянства как революционной армии, которую возглавляет буржуазия в антифеодальной борьбе. С усвоением этих руководящих идей учебника закладываются основы для понимания марксистско-ленинского учения об обществе и основных закономерностях его развития.

★

Хронологические рамки учебника очень обширны. В нем изложены события V—XVIII веков. Первый отдел учебника, озаглавленный «Раннее средневековье», охватывает период с V по XI век. Второй отдел носит заглавие «Европа и Азия XI—XV веков». Третий отдел — «Позднее средневековье»; в нем излагаются события с XV в. до английской революции. Четвертый отдел называется «Начало нового времени»; в нем дана история английской революции, история Франции при Людовике XIV и Людовике XV; специальная глава отведена истории Пруссии и Австрии в XVII—XVIII вв.; за ней следует глава о Китае и Японии в XVI—XVIII вв. и, наконец, глава о реставрации в Англии. Этот отдел учебника не может не вызвать недоумения. Авторы и редактор учебника рассматривают английскую революцию как начало новой истории, но в таком случае зачем же кусок новой истории давать в учебнике по истории средневековья? Было бы правильней перенести весь этот отдел в учебник по новой истории.

Большого внимания заслуживает попытка проф. Косминского дать школьникам действительно всеобщую историю V—XVIII вв., а не только историю некоторых европейских стран. Главы по истории Китая, обладавшего в раннем средневековье более высокой культурой чем Европа, главы, посвященные средневековой Индии, Ирану, Японии,— все это новый и весьма ценный материал в учебнике по истории средних веков. Даже в соответствующем учебнике для вузов этот материал отсутствует. А специальный учебник по средневековому Востоку пока не издан. Тем большего внимания заслуживает новаторство проф. Косминского в этой области. Но, подчеркивая смелость его замысла, широту и сложность поставленной им перед собой задачи, мы все же должны констатировать целый ряд дефектов в выполнении этого плана. Материал по истории восточных стран в учебнике качественно отличается от того материала, который дается по истории европейских стран: он более суммарен, а поэтому отличается несколько поверхностным характером; описательные моменты преобладают в нем над повествованием, и отделан он хуже чем европейский материал. Еще хуже то, что этот восточный материал вклинивается в историю европейских стран, не образуя с ней органического целого. В отдельных случаях главы по Востоку даже нарушают стройность и последовательность в изложении и объяснении европейской истории.

Так, в первом отделе учебника на конкретном материале франкского общества, Каролингской империи, Византии последовательно изучается возникновение феодализма в Европе, оформление феодальных учреждений и феодальной идеологии. Но включенная в тот же отдел глава «Индия в раннее средневековье» написана совсем в ином плане. Здесь излагается культурная история Индии начиная с IV в., история религии, отчасти внешнеполитическая история. Об общественно-политическом строе Индии учащийся может лишь догадываться по двум фразам, в которых говорится об угнетении феодалами и царскими чиновниками крестьянских общин. Но как и когда зародился феодальный строй в Индии, в каких учреждениях он был закреплен, какими специфическими чертами отличался феодализм Индии от западноевропейского феодализма,— на эти законные вопросы учащийся не найдет ответа в учебнике.

Повидимому, чувствуя неудовлетворительность этой главы, редактор дает ее мелким шрифтом, указывая тем самым на необязательность ее изучения.

Глава о Китае в раннее средневековье также возбуждает ряд недоуменных вопросов. В этой главе, правда, имеется особый подраздел о феодальном строе в Танской империи. Изложение событий в этом подразделе начинается с IV в., но и здесь учащийся ничего не узнает о происхождении китайского феодализма. Таким образом, феодальный строй в восточных странах школьник должен изучать как нечто данное, в то время как на европейском материале он мог сделать принципиально важное обобщение о происхождении феодализма: «Революция рабов и колонов и варварские завоевания совсем изменили весь строй Западной Европы... Рабовладельческая форма эксплоатации трудящихся прекратилась, и рабы превратились в крепостных».

В той же главе о Танской империи дан материал о городах. Здесь говорится о том, что «появляются новые города с красивыми дворцами и храмами, обнесенные высокими стенами. В городах живут многочисленные ремесленники, купцы, открываются большие лавки, базары, идет оживленная торговля» (стр. 72). Никаких пояснений к этому описательному тексту не дано. Между тем ученик еще ничего не знает ни о происхождении города, ни о его населении, ни о характере городского ремесла, ни о его значении в феодальном обществе. Все эти вопросы будут разъяснены в следующем отделе учебника, и опять-таки на европейском материале.

Такую же неувязку между европейскими и восточными главами можно отметить и в вопросе о крестьянских восстаниях. Крестьянские восстания в Европе рассматриваются главным образом во втором отделе учебника, где дан материал о восстании Уота Тайлера, о Жакерии и о гуситских войнах. Обобщающие выводы, объяснение причин поражения крестьянских восстаний в средние века даются тут же. Однако уже в первом отделе учебника мы находим материал о грандиозном крестьянском восстании в Китае в 874 году. Учащийся узнает здесь, что это крестьянское восстание охватило все районы Китая, что оно сопровождалось победой крестьян и захватом ими власти в столице. Вождь восставших крестьян Хуан Чао «два с половиной года... держал столицу в своих руках». Как было достигнуто сплочение крестьян в этом восстании? Какую роль играли при этом города? Эти важнейшие ме-

тодологические вопросы остаются невыясненными. Конец восстания Хуан Чао изложен так, что может породить неправильное представление о причинах поражения крестьянских восстаний вообще. В учебнике рассказывается о том, что «император и феодалы обратились за помощью к соседним кочевникам». И тогда «огромная орда нахлынула на Китай, чтобы подавить восстание». Как согласовать такое изображение конца крестьянского восстания с тем принципиальным объяснением, которое дается в отделе втором при изложении событий Жакерии: «Жакерия потерпела поражение потому, что крестьяне были плохо организованы, не дисциплинированы, не имели общего плана действий».

Конечно, некоторые конструктивные недочеты в учебнике, нарушающие последовательность в развитии основных его идей, легко могут быть устранены. Труднее будет добиться того, чтобы главы по средневековому Востоку стали такими же содержательными, четкими и убедительными, как и главы по европейскому средневековью. Трудность здесь в неразработанности целого ряда проблем истории средневекового Востока. Советские историки должны еще не мало поработать над такими проблемами, как происхождение феодализма на Востоке, роль крестьянской общины в средние века, значение нашествий кочевников, формирование наций, образование централизованных государств, чтобы достигнуть в этих вопросах той степени ясности, какая достигнута в основных вопросах европейского средневековья.

В главах по истории европейских стран и народов в учебнике особого внимания заслуживают разделы о славянах. Так, в главе III мы находим ценный материал по истории западных славян. В главе IV большой интерес представляют §§ 3 и 4, где говорится о славянской колонизации Византии. Автор этой главы подчеркивает, что «славяне не разрушили Византийскую империю, как германцы и другие варвары разрушили Западную римскую империю; но славяне изменили общественный строй Византии». Правильно отмечено здесь и влияние византийской культуры на славянские страны и культурническая роль византийских проповедников христианства, которые «переводили византийские книги на местные языки и, таким образом, помогали развитию национальной культуры» (стр. 52).

В главе XII—«Завоевания монголов»—показано общеевропейское значение героической борьбы славянских народов против монголов. Здесь отмечено, в частности, храброе сопротивление чехов, выступивших против армии Батыя и задержавших дальнейшее продвижение монголов в глубь Европы (1241). Глава XVIII целиком отведена истории Чехии XII—XV веков. В главе XXX коротко изложена история Польши XVI—XVII веков.

★

Немало места в учебнике отведено истории культуры и истории религии. Во II главе правильно отмечается разрушение римской культуры в результате варварских нашествий на Рим. В этой же главе, в параграфе об империи Карла Великого, дан материал о каролингской культуре. В главе V дан очерк арабской культуры; в главе VII — культуры Китая, и т. д. Кроме этих очерков культуры по отдельным странам мы находим в учебнике две обзорные главы о развитии культуры в средние века: это глава X — о культуре Западной Европы в XII—XIII вв.— и глава XXXI — о развитии европейской науки и техники в XVI—XVII веках. В главе X собраны очень интересные для школьников сведения о средневековой школе и университетах, об астрологии и алхимии. В этой главе правильно отмечена ограниченность в развитии феодальной культуры, зависимость средневековой науки от богословия. Не совсем верно охарактеризована в учебнике связь средневековой науки с античной. В главе X об этой связи сказано так: «Заимствованные у древних писателей верные сведения обычно смешивались у средневековых ученых с фантастическими представлениями» (стр. 96). Однако известно, что у античных писателей гениальные догадки, правильные обобщения зачастую перемешивались с самыми наивными, детскими представлениями о частностях. А в средние века как раз была проделана большая черновая работа по собиранию и уточнению научных наблюдений в различных областях.

Несколько упрощенно, на наш взгляд, трактуется в учебнике значение христианства и католической церкви для западноевропейских стран в раннее средневековье. В то время как для Восточной Европы подчеркнуто прогрессивное значение христианства, для Западной Европы, наоборот, отмечается только эксплоататорская, реакционная роль католической церкви начиная с первого момента христианизации этих стран. Чем объяснить столь различную оценку аналогичного по существу явления истории Западной и Восточной Европы? В учебнике все объяснение сводится к тому, что православные проповедники христианства переводили священные книги на местные языки, а католические проповедники распространяли христианство на латинском языке. На это можно возразить, что латинский язык, сделавшись универсальным средством культурного общения между различными странами, на первых порах являлся скорее стимулом к развитию чем тормозом культурного развития западноевропейских народов в первый период средневековья. Католическое учение, выражавшее идеологию феодального общества, не могло не быть прогрессивным на той ступени, когда феодальный строй означал шаг вперед в историческом развитии человечества.

Литературное оформление учебника на большой высоте. Ни лишних слов, ни громоздких, запутанных фраз в нем найти нельзя. Язык простой, ясный и точный.

Все же некоторые редакционные погрешности нам хотелось бы отметить. В конце III главы, где говорится о полабских и прибалтийских славянах, их западные соседи называются «немцами», «немецкими феода-

лами» (стр. 36); никаких пояснений при этом не дается. Школьникам предоставляется догадываться, что немцы и германцы — одно и то же. На стр. 58 сказано: «Затем арабы перешли через Пиренеи и стали нападать на Галлию». Как известно, в VIII в. на месте Галлии было уже франкское королевство, а Галлия, как римская провинция, задолго до этого перестала существовать. Для VIII в. «Галлия» является устаревшим термином, и лучше его не употреблять, чтобы не запутать учеников. На стр. 108 возбуждает сомнение следующая фраза: «Тимучин был провозглашен императором и получил титул Чингис-хана». На стр. 190 сформулированы цели княжеской реформации в Германии. Здесь говорится, что «князья, дворянство и богатые горожане стремились лишь к церковной реформе, т. е. хотели упразднить католическую церковь и завладеть ее имуществом и землями». Князья и богатые бюргеры стремились не «упразднить» католическую церковь, а изменить ее, реформировать в своих интересах. Несколько выше, на стр. 172, о Колумбе говорится следующее: «Он увлек королеву Изабеллу смелым планом — достичь Азии». Эта фраза создаст совершенно неправильное представление у школьников о королеве Изабелле, этой тупой фанатичке и религиозной ханже[1]. В главе XVIII автор очень легко разделывается с французской феодальной знатью, заявляя на стр. 220: «Большинство крупных феодальных родов погибло в войнах и смутах XV в.; а оставшиеся мало-помалу превращались в придворных». Но на следующей странице он опровергает себя: «На юге Франции было еще много крупных сеньеров».

В учебнике много имен, но это имена действительно выдающихся исторических деятелей: талантливых полководцев, завоевателей, государственных реформаторов, народных вождей, знаменитых путешественников и деятелей науки. Короткие и яркие характеристики, а также портреты, данные в учебнике, помогут детям запомнить образы Карла Великого, императора Юстиниана, Вань Ань-ши, папы Иннокентия III, Чингис-хана, Жанны д'Арк, Уота Тайлера, Яна Гуса, деятелей итальянского Возрождения, Колумба, Томаса Мюнцера, Лютера, Кальвина, а также Филиппа II Испанского, герцога Альбы, Ришелье, Шекспира, Томаса Мора и многих других. Не стоило бы помещать, пожалуй, тех портретов государей, которые являются явно приукрашенными и противоречат историческим фактам. Таковы, например, портреты королевы Елизаветы Тюдор, Генриха IV и Марии-Терезы Австрийской. Елизавета Английская выглядит на портрете в учебнике такой молоденькой красавицей, что удивительным становится, почему Маркс называл ее «старой ревнивой ведьмой»[2], «толстой, отвратительной, бесстыжей старой бабой»[3], и т. д. Генрих IV также явно приукрашен художником, рисовавшим его портрет; он не соответствует тем описаниям, которые оставлены современниками Генриха IV в мемуарах, а также и отзывам о себе самом Генриха IV.

К числу значительных достоинств учебника необходимо отнести карты, которые даны тут же, в тексте, а не ввиде приложения. Всего в учебнике даны 7 больших цветных карт и 24 черные карты. Из цветных карт 2 иллюстрируют морские путешествия и колониальные захваты европейцев, а остальные—Европу в различные периоды средних веков. Из черных карт только одна, изображающая державу Чингис-хана, иллюстрирует историю Востока. Все остальные карты даны в пояснение тех или иных событий европейской истории. Внеевропейские страны в этом отношении обойдены.

Кроме карт и портретов в учебнике дано большое количество художественных иллюстраций. Здесь целый ряд батальных картин, бытовых сценок, изображения архитектурных сооружений, статуй и т. д. Особенно интересен иллюстративный материал по восточным странам, но и более знакомые нам иллюстрации по европейской истории подобраны очень умело. Ввиде приложения к тексту в конце дана небольшая хронологическая таблица. В ней всего 76 дат. Тщательность в оформлении учебника характеризуется, в частности, тем, что в именах, названиях и вообще впервые встречающихся иностранных словах заботливо проставлены ударения. За эту заботливость редактору учебника будут признательны не только учащиеся, но и преподаватели средней школы, которые очень часто сомневаются в произношении иностранных слов.

Учебник Е. А. Косминского — очень ценное учебное пособие. По научному уровню, богатству содержания и тщательности отделки он, безусловно, выше всех старых учебников по истории средних веков для средней школы.

З. Мосина

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

JAURÈS JEAN. Oeuvres. Textes rassemblés, présentés et annotés par Max Bonnafous. T. IX. Pour la paix. Au bord de l'abime. Paris. 1939. 400 p.

ЖОРЕС Ж. Сочинения. Тексты, собранные, подготовленные и снабженные примечаниями Макса Боннафу. Т. IX. За мир. На краю пропасти.

IX том сочинений Жореса издан в 1939 г., в дни, когда Франция вновь оказалась «на краю пропасти». И — злая ирония судьбы! — протестующий голос Жореса снова, вторично, оборван империалистической войной, ввергнувшей на этот

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. VII, стр. 82, 99 и 101.
[2] «Архив Маркса и Энгельса». Т. VII, стр. 388.
[3] Там же, стр. 397.

раз Францию на дно пропасти. Издание сочинений Жореса, начатое в 1931 г. и рассчитанное на 20 томов, прекратилось на IX томе.

Борьба за мир, против надвигающейся войны — вот основное содержание IX тома. И в свете современных событий старые, отдаленные от нас почти тридцатилетним сроком статьи и речи Жореса не только сохраняют свою историческую ценность, но и приобретают новый, почти злободневный интерес.

IX том, как и ранее вышедшие, построен на тематическом единстве материала. Он объединяет важнейшие статьи и речи Жореса по вопросам внешней политики и военной опасности за 1912—1914 гг.; в этом смысле он является продолжением V и VII томов, посвященных этим же вопросам за предыдущие годы

После Агадира, марокканский вопрос, итало-турецкая война, первая и вторая балканские войны, цаберский инцидент, внешняя политика европейских держав 1912—1914 гг., сараевское убийство, июльский кризис 1914 г., борьба за мир — вот основной круг событий и вопросов, освещаемых Жоресом на страницах IX тома.

В томе собраны статьи Жореса из «Humanité», «La dépêche de Toulouse», «L'avenir socialiste» и других периодических изданий; речи Жореса в палате депутатов (по официальным отчетам) и, с меньшей полнотой, выступления Жореса по частным поводам: речи на избирательных собраниях, международном митинге в Брюсселе и т. п.

Однако редактор и составитель тома Макс Боннафу, стремящийся придать своей редакторской работе характер «бесстрастно-академического» труда, скорее преднамеренно чем случайно не включил в том некоторые очень важные для понимания позиции Жореса в кризисные дни 1914 г. документы. Так например не включена беседа Жореса с помощником Вивиани — Абделем Ферри — 31 июля, за несколько часов до убийства Жореса. Как известно, в этой беседе Аббель Ферри прельщал Жореса министерским портфелем и грозил, что он, Жорес, может быть убит на первом углу. Жорес твердо отвечал: «Мы будем продолжать нашу кампанию против войны!» Содержание этой беседы, хотя и в несколько различных толкованиях, было воспроизведено еще в годы войны в газете «Berner Tagewacht», в брошюре «Jean Jaurès et les causes de la guerre» и затем в ряде других изданий. Это последнее выступление Жореса является очень важным и для определения его позиции в дни возникновения войны, и для понимания обстановки и характера его убийства, и для разоблачения постыдной спекуляции его именем, которой занялись после его смерти прямые и косвенные вдохновители наемной руки Виллена. Редактор Макс Боннафу не счел нужным обмолвиться об этом последнем выступлении Жореса хотя бы двумя строками в примечаниях.

Собранные вместе, статьи и речи Жореса предвоенных лет ярко и выпукло рисуют политический и моральный облик Жореса.

Том антивоенных произведений Жореса — это прежде всего книга больших чувств и острых мыслей, книга искренняя и волнующая. В ней нет холодных, равнодушных страниц, нет и словесной эквилибристики мелочного политиканства. Голос Жореса всегда приподнят; его речь предельно напряжена. И это не ораторский прием крупнейшего трибуна своего времени: за этой внешней взволнованностью скрывается подлинная страстность чувств, глубокая убежденность в правоте своего дела, искренняя ненависть и презрение к тем, кто обрушивает на народы несчастия и бедствия войны.

Конечно, Жорес—не марксист и не пролетарский революционер: идеалист-эклектик, он и в своих выступлениях против войны остается таким же реформистом, как и в своей практической работе в руководстве французской социалистической партией, как в своей «Новой армии», «Социалистических этюдах» и других книгах.

Даже язык его тот же. Это не язык рабочего вождя, марксиста-диалектика: в нем много «тех расплывчатых, неопределенных, вполне приемлемых для идеологов мелкого хозяйчика и для теоретиков буржуазного реформизма фраз, на которые Жорес такой мастер и до которых он такой охотник» [1].

Жорес — реформист. Но реформизм Жореса — это не реформизм Мильерана или Бернштейна, Макдональда или Зюдекума: Жорес никогда не был лакеем или продажным агентом буржуазии.

Жорес был и остался до последней минуты своей жизни честным демократом, горячо, бескорыстно и мужественно боровшимся против реакции. Вырождение буржуазно-демократических партий в Третьей республике, проституированных коррупцией и беспринципным политиканством, привело Жореса в ряды социалистической партии.

Он примкнул к социалистическому движению вместе с Мильераном и Вивиани, но если для этих прожженных политиканов и беспринципных карьеристов социалистическая партия играла роль трамплина для прыжка к власти, деньгам и славе, для Жореса социалистическая партия была последовательной формой борьбы за защиту демократической республики от буржуазного растления.

Реформизм Жореса, если позволено так выразиться,— это наивный реформизм. Жоресовские рецепты разрешения социальных вопросов были неосуществимы, утопичны, так как они базировались не на действительности, а на мелкобуржуазных иллюзиях, идеализирующих и прикрашивающих эту действительность. Эти иллюзии заводили нередко Жореса весьма далеко. Известно, что мнение Жореса о Тройственном согласии как о «гарантии мира» Ленин в 1908 г. приводил в качестве примера того, «до каких геркулесовых стол-

[1] Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 361.

бов способен доходить оппортунизм»[1]. Но и в 1914 г. Жорес видит в союзе Франции с Англией и Россией средство предотвращения войны и одобряет внешнеполитические соглашения Франции с другими империалистическими государствами. Выступая в палате депутатов в июне 1914 г. с мотивировкой голосования социалистов против кредитов на поездку Пуанкаре в Петербург, Жорес оговаривается: «Это не потому, что мы не имеем самой живой симпатии ко всем шагам международной учтивости, которые могут способствовать или сохранению мира или сохранению вероятности мира... Мы не хотим разбивать, мы хотим расширять нашу систему соглашений и союзов» (стр. 355).

А чего стоит, например, восхищение Жореса взаимоотношениями Англии с доминионами и всей структурой Британской империи: «То, что составляет благородство этого британского единства, что придает ему значение образца и силы будущего, это то, что оно основано на свободе. Британская федерация... не может быть силой агрессии» (стр. 112)! И он советует английскому правительству, чтобы избежать «сюрпризов» в Индии и Египте, создать там такой режим, «такую совокупность благодеяний (bienfaits) и гарантий», которые превратили бы народы этих стран в действительных союзников Англии.

Какой английский буржуазный либерал не подписался бы под этими словами?!

Жорес неоднократно апеллирует к правящим классам — к их разуму, совести; он сохраняет наивную надежду, что их можно переубедить доводами разума. С этим наивным реформизмом неразрывно слит и наивный пацифизм Жореса: «Если бы народы смогли еще в течение нескольких лет сохранить мир, предотвратить роковой взрыв назревающих конфликтов. Если бы они смогли дать время силам разума и гармонии, чтобы распознать друг друга, сорганизоваться, преисполнить сознанием самих себя» (стр. 110).

Жорес писал это в 1912 году. Это очень характерные для Жореса мысли. В годину ожесточенной империалистической борьбы и напряженных классовых схваток, на пороге мировой империалистической войны, Жорес мечтает о победе «сил разума и гармонии», если им дадут еще несколько лет мира.

Жорес вырабатывает один за другим социальные рецепты сохранения мира. В 1911 г. он пропагандирует свой план «новой армии», в 1912—1914 гг. он рекомендует арбитраж и сокращение вооружений, в ряде своих выступлений он выдвигает до смешного наивное требование «революционизирования дипломатии».

Со стороны Жореса это не сознательный обман рабочих, как например у Бриана с его инсценировками «борьбы» за разоружение, а добросовестное заблуждение. Ленин, говоря о позиции Жореса во время «казуса Мильерана», подчеркивал: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия»[2]. Это указание Ленина сохраняет все свое значение и для понимания последующей деятельности Жореса.

Значение Жореса в истории общественной борьбы не в его утопически реформистских рецептах и безнадежных попытках их применения на практике, а в той смелой и мужественной борьбе с открытыми и тайными врагами демократии, которой он отдал свою большую жизнь.

Жорес открыто и смело разоблачал политику французского империализма. Он восставал и на страницах «Humanité» и в своих выступлениях в палате депутатов против грабительской политики Франции в Марокко. Он доказывал, что эта захватническая политика в Марокко, осуществляемая правящей верхушкой, глубоко чужда, позорна для подлинно национальных интересов Франции.

«На протяжении 7 лет в этом марокканском вопросе страну систематически обманывали». Ее обманывали и Делькассе, и Пишон, и Клемансо, и Кайо, и Круппи. Тот «кровавый порядок», который был создан усилиями господствующей клики в Марокко,— это моральный крах республиканской Франции. Жорес разоблачает в палате депутатов преступления и жестокости французских властей в Марокко. Под негодующие выкрики правых он цитирует в палате программу действий генерала Гуро: «Разорять, сжигать у них всё, пройти среди них, как Аттила,—вот единственный способ внушить им (марокканцам. — *А. М.*) уважение и восхищение» (стр. 97). Выступая с мотивировкой голосования против договора о протекторате над Марокко в 1912 г., Жорес восклицает: «Я вас спрашиваю, по какому праву мы берем Марокко? Где наши оправдательные грамоты?» (стр. 89).

Жорес совершенно правильно связывает французскую политику в Марокко с итало-турецкой войной 1911—1912 годов. Он разоблачает провокационную роль Франции в этой войне. В дни итало-турецкой войны Жорес пишет: «Только пусть Франция не забывает, что это наша дипломатия направила Италию в Триполитанию. Это Делькассе ей сказал: «Возьми Триполи и дай мне взять Марокко» (стр. 19). И Жорес резюмирует: «Мы разнуздали всеобщий разбой, чтобы прикрыть им наш» (стр. 21).

Эту мысль Жорес повторяет неоднократно. Он подчеркивает долю ответственности Франции за обострение международных противоречий и во время кризиса, вызванного балканскими войнами, и с особой силой в последние дни развязывания первой империалистической войны.

Жорес прекрасно понимает, что при создавшемся в Европе положении каждый локальный конфликт таит в себе прямую опасность превратиться в мировую войну. Он не жалеет слов и красок, чтобы представить все ужасы, все бедствия, которые принесет народам мировая война.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XII, стр. 318.

[2] Ленин. Соч. Т. VII, стр. 198.

Жорес — патриот. Он патриот «Франции великой революции», патриот демократической французской республики, традиций 1793, 1848, 1871 годов.

Как подлинный патриот, он возвышает голос протеста, бичует тех «патриотов», которые в угоду своим корыстным интересам вовлекают Францию в преступную политику разжигания войны.

В 1912 г. Жорес разоблачает темные дела группы французских «патриотических» политиканов и дельцов, вступивших в ущерб французским интересам в преступные связи с германским капиталом в компаниях Н'Гоко-Санга и Хомс-Багдад. 8 марта 1912 г., выступая в палате депутатов, Жорес разоблачает и бичует позорную и преступную роль Тардье. Тардье, выступавший в дни Агадира в качестве непримиримого врага Германии, Тардье-«патриот», отстаивающий на страницах «Тан» «великие интересы Франции»,—этот Тардье оказывается замешанным в самых грязных делах и махинациях, граничащих с прямой изменой государственным интересам Франции. Роль, которую играл Тардье «во всех этих делах, во всех этих комбинациях,— говорит Жорес в палате,— останется удивлением и печалью в истории Франции» [1] (стр. 42).

Жорес бичует и клерикалов. Он подчеркивает роль Ватикана, роль папы Пия X в захвате Италией Триполи. Жорес не устает повторять, что эта политика разжигания войны, келейно подготавливаемой правящей кликой, глубоко чужда и враждебна народным интересам: «Если бы Франция, Англия, Германия устремились друг против друга, если бы кровь хлынула потоком в долины Рейна и Марны, если бы красный Гольфштрем пересек океаны, народы не смогли бы узнать, они не смогли бы с уверенностью сказать, каковы же истинные причины, каков же действительный смысл этого ужасающего бедствия» (стр. 6). Это было написано в «Humanité» в январе 1912 года.

Жорес не ограничивается разоблачением империалистской политики, ведущей народы к катастрофе войны. Он постоянно апеллирует к пролетариату. Он призывает рабочих и социалистов «удвоить активность в укреплении их связей, умножить их солидарность, чтобы дать почувствовать всем державам варварства силу цивилизации, которую несет в себе всемирный пролетариат» (стр. 25).

Жорес твердо убежден, что если вопреки воле народов война будет все-таки развязана, то из нее родится революция. Эту мысль он повторяет десятки раз. Он считает несомненным, что война породит революционную ситуацию в умах, в сердцах, в сознании масс, что миллионы вооруженных людей «закончат тем, что повернут свою силу в другую сторону, против европейского режима безумия и преступления» (стр. 187).

Жорес предостерегает воинствующих империалистов, что ни одно европейское правительство не сможет безнаказанно развязать катастрофу войны. И когда катастрофа надвинулась, когда Франция и Европа, по образному выражению Жореса, оказались «на краю пропасти», Жорес напрягает все свои силы, чтобы предотвратить катастрофу.

В дни июльского кризиса Жорес пишет десятки статей, выступает на митингах, агитирует, убеждает, предостерегает.

Он сразу понял опасность превращения австро-сербского конфликта в общеевропейскую войну; он голосует в палате против предоставления кредитов на поездку Пуанкаре в Петербург в июне 1914 года. Он открыто говорит о своем недоверии к целям этой поездки, он подчеркивает, «что мы сейчас более решительно, чем когда-либо, отказываемся санкционировать практику и политику секретных договоров. ...они нам кажутся вдвойне опасными, опаснее, чем когда-либо в настоящий час» (стр. 356).

В своем последнем публичном выступлении во Франции, на избирательном собрании в Вез, близ Лиона, 25 июня 1914 г. Жорес говорил: «Мы несем свою ответственность (за возникновение войны. — *А. М.*). ...и я подтверждаю перед лицом истории, что мы ее предвидели, что мы о ней предупреждали, когда мы заявляли, что проникать насильственно с оружием в руках в Марокко—это значит открыть в Европе эру честолюбивых, жадных замыслов и конфликтов; нас клеймили, как плохих французов, а ведь именно мы заботились о Франции».

И дальше Жорес в общепонятной, образной форме развивает эту мысль. Франция захватила Марокко и на условиях взаимности уступила Австрии Боснию и Герцеговину, Италии — Триполи. Французский министр иностранных дел говорил им: «Ты можешь воровать на одном конце улицы потому, что я украл на другом» (стр. 384).

Жорес разоблачает истинное лицо буржуазных «патриотов». В «Humanité» от 23 июля 1914 г. он пишет об одной из больших «патриотических» газет Франции, завязавшей прибыльные связи с немецкими банкирами и венгерскими группами, наиболее враждебными Франции. Он с презрением и ненавистью говорит о бесстыдстве шовинистов, разжигающих огонь войны.

Жорес становится опасен. Воинствующие империалисты, беснующаяся реакция ведут бешеную травлю Жореса.

Но Жорес продолжает борьбу. У него, правда, сохранились еще кое-какие иллюзии о мирных намерениях французского правительства, но главные надежды он возлагает теперь на силу и организованность пролетариата. В той же речи в Вез Жорес говорит: «В момент, когда мы стоим перед угрозой убийства и одичания, у нас остается только один шанс на сохранение мира и спасение цивилизации — это, чтобы пролетариат собрал все свои силы, насчитывающие большое число братьев, и чтобы все пролетарии: французы, англичане, немцы, итальянцы, русские и мы—потребовали бы у

---

[1] О роли Тардье в деле Н'Гоко-Санга и Хомс-Багдад и о выступлении Жореса см. подробно: Darnar P. «Tardieu. Les publications révolutionnaires». Paris. 1934.

этих тысяч людей объединения для того, чтобы единодушное биение их сердец предотвратило ужасный кошмар» (стр. 356).

Жорес с восторгом приветствует забастовку петербургских рабочих в июле 1914 г.; он с восхищением пишет об этой «волнующей манифестации народной России, через голову франко-русской реакции призывающей к народной Франции» (стр. 376).

В своей речи в Брюсселе, на международном социалистическом митинге 29 июля, Жорес предупреждал, что если правящие классы все же развяжут войну и обрекут массы на смерть и нищету, то «отрезвленные люди повернутся против своих немецких, французских, русских, итальянских хозяев и спросят, какое они могут дать оправдание всем этим трупам. И тогда раскованная Революция им скажет: «Убирайтесь вон и просите прощения у бога и у людей» (стр. 395).

Бесстрашная борьба Жореса против преступной политики поджигателей войны делала его слишком опасным для воинствующей реакции.

31 июля «Humanité» вышла с очередной статьей Жореса против войны. Статья заканчивалась энергичным призывом к борьбе: «То, что сейчас нужнее всего, это — непрерывность действия, это — постоянная бдительность пролетарской мысли и совести. В этом — истинная защита. В этом — гарантия будущего» (стр. 398).

Эта статья в «Humanité» была последней, написанной Жоресом. В этот же день воинствующая реакция рукою Виллена убрала Жореса со своего пути.

Со страниц IX тома вырисовывается мужественный облик смелого борца, «на краю пропасти» открыто боровшегося против преступной политики империалистов, вовлекших страну в катастрофу войны.

25 лет спустя французская коммунистическая партия и ее боевой орган, основанный Жоресом, «Humanité» мужественно и бесстрашно боролись против тех же империалистов, вторично толкавших Францию в пропасть войны.

В 1914 г. реакция, вставшая на путь войны, убила Жореса. В 1939 г. она же запретила компартию и обрушила на коммунистов град репрессий.

Но уничтожить партию, кровными узами связанную с французским народом, партию, прошедшую большую революционную школу, не по силам даже свирепствующей реакции. И в дни беспримерной национальной измены французской буржуазии, в дни катастрофы, позора и бесчестия Франции многие вспомнят предостерегающий голос компартии и сумеют сделать выводы из происшедшего.

Книга Жореса сыграет, несомненно, свою роль в формировании этих взглядов.

А. Манфред

ANCHIERI ETTORE. Storia della politica inglese nel Sudan (1882—1938). Milano. Fratelli Bocca. 1939.

АНКЬЕРИ Э. История английской политики в Судане (1882—1938).

Небольшая книжка Анкьери, посвященная Судану, принадлежит к серии «La civiltà contemporanea»; около полусотни книг, уже опубликованных в этой серии, посвящено самым разнообразным темам: здесь и сборники очерков («Жизнь в Константинополе» Цакканьини), и публицистика («Французское общество по наблюдениям немца» Шмица), и самостоятельные научные исследования, к которым, например, принадлежит и рецензируемая книга. Автор, перу которого принадлежат и другие работы по вопросам Ближнего Востока (например книга о Суэцком канале), задается целью обрисовать политику Англии в Судане с момента оккупации Египта Англией и последующих захватов на африканском материке. Опираясь главным образом на известную книгу Кромера «Modern Egypt» и дополняя ее официальными английскими публикациями, материалами периодической печати и монографий, автор пытается вскрыть движущие мотивы политики англичан в Судане и рисует в довольно неприглядном виде эту политику. При этом автор всецело остается на позиции итальянского империалиста; он не столько осуждает англичан, сколько восхищается их цинизмом и ловкостью, негодуя лишь на то, что Италия оказалась обойденной. Тем не менее фактический материал, приведенный в книге, представляет интерес.

Автор делит всю историю Судана после 1882 г. на три периода: до эвакуации его английскими и египетскими войсками (приблизительно до 1894 г.), затем период вторичного завоевания Судана — до англо-египетской конвенции 1899 г. — и, наконец, последний период — время бесконтрольного хозяйничания английских империалистов в Судане.

Стремясь монополизировать в своих руках путь в Индию, английские империалисты рано начали захватывать стратегические пункты на побережье Красного моря; одним из средств эффективного контроля над судоходством в этом районе явилась так называемая антирабовладельческая кампания, которую с большим шумом вела английская буржуазия начиная с первых десятилетий XIX века. Автор показывает, как искусно Англия пользовалась этим оружием: «Борьба с торговлей рабами давала Англии возможность контролировать арабское судоходство в Красном море и у побережья Сомали, создать здесь собственную эффективную морскую полицию и подстерегать передвижения египтян у побережья Египта» (стр. 11). Автор усматривает в английской борьбе с работорговлей лишь маскировку для прикрытия совершенно дру-

гих целей. «Если можно,— пишет он,— не соглашаться с крайней точкой зрения некоторых авторов, которые в английском плане насильственного прекращения работорговли видят умышленную тактику разжигания недовольства и восстаний против Египта, все же очевидным является намерение англичан создавать и умножать причины и предлоги для своего вмешательства в дела, происходящие на египетской территории» (стр. 12).

Отвергая «крайнюю точку зрения», автор в ряде вопросов и сам склонен к «своеобразным» заключениям; например причиной мощного народного восстания махдистов он считает наряду с угнетением со стороны турецких и египетских чиновников также и... преследование работорговли и работорговцев. Это предположение, нелепость которого обнаруживается при простом анализе социального состава последователей махди Мухамеда-Ахмеда, даже не заслуживает критики.

Также натянута и другая гипотеза автора, которую он прямо не высказывает, но о которой заставляет читателя догадываться. Автор всем своим изложением событий, предшествовавших падению Хартума и гибели экспедиции Гордона, намекает на то, что эта неудача была подстроена самими англичанами как маневр, который им позволит позже заявить свои самостоятельные притязания на Судан. Дело в том, что Египет владел Суданом в силу более раннего завоевания. Поражение англо-египетской экспедиции против махдистского восстания заставило бы Египет вывести свои войска из Судана. Этим путем англичане устраняли зависимость Судана от Египта с тем, чтобы позже самим уже окончательно покорить оружием эту территорию. Такова концепция автора, который явно переоценивает дальновидность английской политики: последней приписывается ловкий ход даже там, где налицо настоящий провал. В действительности обстояло проще. Гладстон в силу внутренних и внешних политических соображений не мог во-время оказать эффективную помощь Гордону, а когда экспедиция двинулась в путь, бездарные офицеры мешкали до тех пор, пока помощь стала бесполезной. Видеть хитрость во всей этой истории может лишь человек с очень богатой фантазией. Как известно, англичанам пришлось убраться из Судана после того, как они не раз были разбиты махдистами и не могли надеяться на успех в борьбе с повстанцами.

Английское правительство было стеснено в своих действиях также оппозицией со стороны общественного мнения внутри страны; автор рецензируемой книги извращает факты, утверждая, что английское общественное мнение требовало посылки карательной экспедиции, а правительство в лице сначала Гладстона, а затем Сольсбери противилось этому: автор смешал общественное мнение с голосом некоторых газет, отличавшихся особым империалистическим пылом. В действительности английский народ в целом был решительно против всякого военного вмешательства как в Судане, так и в других точках земного шара.

★

Промежуток между 1884 и 1894 гг., когда Судан оставался фактически независимым, заполнен борьбой между державами за раздел африканского материка. Автор показывает, как англичане, участвуя в этой борьбе, стремились создать сплошную цепь владений от южной оконечности африканского материка до Египта. В то же время англичане захватывают в Северовосточной Африке ряд территорий, которые рассматривались ими как будущие опорные пункты для похода в Судан: Берберу, Зейлу, Уганду и др.; в некоторых случаях, сталкиваясь с основными своими конкурентами в борьбе за Африку—Францией, позже с Германией,— Англия использовала подставные фигуры: Италию, Абиссинию, Бельгийское Конго. Уступая им ту или иную территорию, англичане только с большей выгодой для себя ограждали свои владения.

Особенно подробно автор излагает в этой связи эпизод с передачей итальянцам Кассалы и признанием за ними «исключительного влияния» в Абиссинии. Автор горько сожалеет о том, что во всей этой истории Италия сыграла весьма неблаговидную роль «пешки в игре англичан на суданской шахматной доске» (стр. 73). «Мы должны были,— пишет автор,— играть в Эритрее роль сторожа» (стр. 73). Позже, когда англичане сочли момент подходящим, они отобрали у итальянцев Кассалу, а из Абиссинии итальянцы были изгнаны Менеликом, которого Рим надеялся сделать своим орудием.

В 1896 г. англичане сочли момент подходящим для вторичного и на этот раз окончательного завоевания Судана.

Автор считает, что англичане искусственно раздували ту борьбу, которую их войска вели в Судане, и поход Китченера был якобы простой прогулкой. Это неверно. Автор сам же сообщает любопытный факт, опровергающий этот тезис: войско Китченера целиком зависело от сообщений с тылом, и охрана этих сообщений была весьма слабой. Кромер долгие недели жил в состоянии кошмара, боясь, как бы махдисты не догадались перерезать коммуникации, что было бы нетрудно. К величайшему облегчению английских завоевателей этого не произошло.

По мнению автора, завоевание Судана предполагалось значительно позже; события ускорили якобы тот факт, что туго завинчивая налоговый пресс, англичанам удалось неслыханно быстрыми темпами «поправить» финансы Египта, что и позволило снарядить экспедицию уже в 1896 году. Это утверждение, конечно, не выдерживает критики. Автор не видит как раз самого главного: международная борьба за Африку достигла на этом этапе такой стадии, когда медлить дольше с оформлением своих притязаний на Судан англичанам было просто невозможно.

Решение было принято английским правительством 22 марта настолько внезапно, что

Китченер получил приказание выступить в поход для оккупации Донголы в полночь того же дня. Что заставило англичан так внезапно принять решение? Автор считает, что основной причиной этого было поражение итальянцев при Адуе (1 марта 1896 г.), однако сам меланхолично вопрошает: «Трудно понять, как может экспедиция в Донголу оказать давление на фронт у Кассалы, за 800 километров оттуда?» (стр. 120). Действительно, Адуа была только внешним поводом; на самом деле выступление англичан было подготовлено французским наступлением со стороны Конго; англичане боялись как огня, что Франции и Германии удастся договориться по поводу их колониальных интересов. Перед такой угрозой Англии приходилось спешить, тем более что поражение итальянцев при Адуе могло послужить предлогом для вмешательства в абиссинские дела других европейских держав, в частности той же Франции. Выступление англичан было подготовлено и обусловлено сложившейся международной обстановкой. Автор это обстоятельство игнорирует.

Последняя часть книги посвящена хозяйничанию англичан в Судане после его завоевания. Автор описывает административно-политическую систему Судана, рисуя картину английского управления и подчеркивая фактическое всевластие английских чиновников. Он отмечает, что в последние годы в Судане англичане стали переходить к системе так называемого двойственного управления, что означает в переводе на обычный язык попытку оккупантов опереться на местных князей и родовых старшин. Сохраняя и закрепляя самые отсталые и дикие формы эксплоатации трудовых масс, англичане передоверяют племенной верхушке известные административные и судебные функции, привязывая их этим крепче к своей колеснице.

Автор кратко рассказывает о попытках англичан договориться с Египтом по поводу Судана, попытках, закончившихся на данном этапе заключением англо-египетского договора 26 января 1936 года. При этом автор пытается замазать тот факт, что заключение этого соглашения было ускорено завоеванием итальянцами Абиссинии.

Автор настойчиво стремится доказать, что англичане напрасно боялись итальянцев в Африке, напрасно обделяли их в прошлом: Италия, мол, никогда не представляла угрозы для англичан. Он пытается успокоить последних и в связи с захватом Абиссинии. Говоря об опасениях англичан по поводу верховьев Голубого Нила, в частности озера Тан, автор категорически отвергает эти опасения. Он утверждает, что даже устройство плотины на этом озере не повлияет на режим Нила, ибо вода озера не доходит до Нила и Голубой Нил фактически питается своими притоками вниде горных рек, а не водами озера Тан.

Эти попытки успокоить англичан насчет итальянских планов (книга появилась до начала нынешней англо-итальянской войны) весьма характерны для позиции Италии: они показывают, что итальянские хищники пытались выторговать себе кусок у всех враждующих сторон. При этом автор, однако, не отказывает себе в удовольствии припугнуть англичан. «Англо-египетский Судан,— пишет он,— теперь включен в новую политическую систему восточной Африки» (стр. VIII). А в другом месте он пишет: «Итальянская Абиссиния, в силу своего обеспеченного великолепного будущего в области сельского хозяйства и промышленности, явится новым притягательным полюсом в восточной Африке, а Судан, несомненно, окажется страной, которая раньше и решительнее всех испытает это притяжение» (стр. 214).

Автор стоит на позициях итальянского империализма и с этих позиций критикует политику британских колониальных захватчиков. При всей неполноте и односторонности этой критики книжка Анкьери, изобилующая фактами по такому, в сущности, недостаточно изученному вопросу, как английская политика в Судане, безусловно заслуживает внимания советских историков.

Н. Ерофеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

История СССР

Гирченко В. *Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.).* Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Бурят-монгольское государственное издательство. Улан-Удэ. 1940. 108 стр.

Автор начинает свой очерк введением, в котором наряду с краткими сведениями об общем социально-политическом положении бурят-монгольского народа при царизме показывает ход социалистической революции в Бурят-Монголии, начало гражданской войны и интервенции и ее новые этапы. В главе V автор на основе конкретных фактов показывает борьбу трудящихся Бурят-Монголии под руководством большевиков против белогвардейцев и интервентов. Глава VI посвящена итогам этой борьбы.

Лочмель И. *Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов.* Воениздат. 1940. 162 стр.

Книга представляет популярный очерк многовековой борьбы белорусского народа со своими угнетателями, польскими панами. Начиная свой очерк с вопроса о формировании белорусской народности, автор показывает, далее, борьбу белоруссов против литовско-польского владычества, подчеркивая ее своеобразие на разных этапах. Половина книги посвящена одному из важнейших периодов в жизни белорусского народа—его героической борьбе с белопольскими оккупантами в 1919—1920 гг. и борьбе трудящихся Западной Белоруссии за освобождение от ига польских панов.

История нового времени

Бушмонов И. *Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае. 1931—1933 гг.* Воениздат. М. 1940. 143 стр.

Книга является оперативно-тактическим очерком боевых действий японской армии в Китае в период 1931—1933 годов. В I главе — «Подготовка интервенции» — автор дает краткое объяснение политико-экономических причин и целей японской интервенции. В следующих главах в хронологической последовательности дано описание цицикарской, цзиньчжоуской, харбинской и других операций. Последняя, XI глава посвящена оперативно-тактическим выводам. Книга снабжена схемами, показывающими развитие операций.

Татарченко Е. *Воздушные силы в итало-абиссинской войне.* Воениздат. 1940. 192 стр.

В книге дается описание действий и роли военно-воздушных сил в военном поражении и оккупации Абиссинии.

В первой части книги автор кратко излагает историю проникновения Италии в Абиссинию, останавливается на разделе Африки вообще, на прежних попытках проникновения Италии в Абиссинию.

Вторая часть книги посвящена характеристике театра итало-абиссинской войны и подготовке сторон к войне.

В третьей части автор дает описание нападения Италии на Абиссинию и войны 1935—1936 гг., останавливаясь, в частности, на характерных чертах оперативно-стратегического искусства сторон и на боевой работе наземной техники.

Четвертая часть целиком посвящена оценке воздушных сил и их взаимодействию в основных операциях войны.

В дальнейшем автор описывает результаты войны, объясняет причины поражения Абиссинии и делает основные выводы — о роли и значении военно-воздушных сил в войне.

Самойлов П. *Гвадалахара.* Воениздат. 1940. 155 стр.

В книге излагается история разгрома в марте 1937 г. под Гвадалахарой войсками республиканской Испании отборных итальянских войск в составе экспедиционного корпуса.

Давая описание общей военно-политической обстановки перед началом гвадалахарской операции, автор подробно останавливается на состоянии войск республиканской Испании перед гвадалахарской операцией, на плане и ходе подготовки к ней, анализирует наступление итальянцев и контрнаступление республиканцев.

В заключительной главе подводятся итоги операции, подробно освещается ее значение, причины разгрома итальянцев, их оперативные и тактические ошибки.

К книге приложены оперативно-боевые документы итальянского экспедиционного корпуса и схемы, характеризующие подготовку, развитие и исход операций.

М. О.

Древняя история

Cary M. *A history of Rome down to the reign of Constantine.* London. 1938. XVI + 820 p.

Кэри М. *История Рима до правления Константина.*

Систематический курс римской истории до конца правления Константина Великого. Не углубляясь в детали, автор стремится провести главные линии политической истории Римской республики и империи. Большое внимание уделено литературе, искусству, религии. Каждая глава оканчивается кратким заключением. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, картами и планами; в числе последних планы римского форума и центральной части Рима при Константине Великом.

Teggart Frederick. *Rome and China.* A study of correlations in historical events. Berkeley, California. 1939. XVII + 283 p.

Теггарт Ф. *Рим и Китай.* Исследование взаимосвязи исторических событий.

Автор доказывает, что между войнами древнего Рима и событиями в Китае существовала взаимосвязь. Рассматривая политическую жизнь римского Востока и Европы, Парфии, Армении, Китая в период от 60-х годов до н. э. по 107 г. н. э., он приходит к выводу, что влияние событий в Китае на Рим осуществлялось главным образом через Парфию и Армению. Глава I книги посвящена эпохе Цезаря — Августа — Тиверия; глава II — эпохе Калигулы — Клавдия — Нерона; глава III — эпохе Веспасиана — Домициана — Траяна. К книге приложена подробная библиография.

Thompson James Westfall. *Ancient libraries.* Berkeley. 1940. 120 p.

Томпсон Дж. Уестфал. *Античные библиотеки.*

Автор дает описание библиотек древнего Востока, Греции, Рима. Вторая половина книги посвящена описанию техники библиотечного дела древности. Приводятся сведения о формате и внешнем виде книг, их производстве и продаже, о каталогизации, классификации, архитектуре библиотек и т. п.

История средних веков

Higgins Martin. *The Persian war of the emperor Maurice (582—602).* Part I. The chronology, with a brief history of the Persian calendar. Washington. 1939. XII + 85 p.

Хиггинс М. *Персидская война императора Маврикия (582 — 602).* Ч. 1-я. Хронология с краткой историей персидского календаря.

Книга представляет собою первую часть большой работы, посвященной войне императора Маврикия с Ираном. Считая, что традиционная хронология этой войны страдает неточностью, автор ставит себе целью внести ясность в этот вопрос. Подвергая анализу систему иранского календаря и привлекая многочисленные источники (в основном восточные), автор устанавливает даты основных событий и дает новую хронологию всего рассматриваемого периода.

Hanse, Downing street und Deutshlands Lebensraum. Herausgeber Prof. Dr. Heinrich Hunke. Berlin. 1940. 168 S.

Ганза. Даунинг-стрит и жизненное пространство Германии.

Книга является коллективным трудом, посвященным истории Ганзейского союза. Цель авторов, по их собственным словам,— показать борьбу Ганзы и ее принципов с Англией. Книга снабжена большим количеством ценных фотоснимков и репродукций, иллюстрирующих историю и быт ганзейских городов. К работе приложены 4 карты.

История нового времени

Boeckel Richard M. *Record of the 76th Congress.* Washington. 1940. 51 p.

Бэкель Р. *Запись (протокол) 76-го конгресса.*

Книга является отчетом о сессии 1939 г. и первых 6 месяцах сессии 1940 г. 76-го конгресса США. Большое внимание уделяется автором вопросам внешней политики и вооружений США в связи с войной в Европе. К книге приложены таблицы, иллюстрирующие голосования конгресса по различным вопросам.

Barker H. E. *Abraham Lincoln. His life in Illinois. 1830—1865.* New York. 1940. 64 p.

Баркер Г. Е. *Авраам Линкольн. Его жизнь в Иллинойсе. 1830 — 1865.*

Автор дает краткий очерк жизни и политической деятельности Линкольна — со времени появления его в Иллинойсе юношей 21 года и до победы Северных штатов над рабовладельческим Югом. Книга интересна тем, что в ней почти нет слов автора. Жизнь Линкольна дается в описаниях его современников, в речах и письмах самого Линкольна. Книга прекрасно иллюстрирована 37 репродукциями из фильма «А. Линкольн в Иллинойсе».

Der Blitzkrieg in Polen. Achtzehn Tage Krieg in Polen in Berichten des Oberkommandos der Wehrmacht. Essen. 32 S.

Молниеносная война в Польше. 18 дней войны в Польше в сводках верховного командования вооруженных сил.

Книга представляет собой сборник сводок германского командования о войне с Польшей — с начала этой войны до сдачи Варшавы. К сводкам приложены пояснения и 5 карт. Книга заканчивается текстом советско-германского договора о дружбе и границе и описанием границы государственных интересов СССР и Германии.

Kesler Hermann. *Politische Bewegungen in Nördlingen und dem Bayerischen Ries während der deutschen Revolution 1848—1849.* München. 1939. 330 S.

Кеслер Г. *Политические движения в Нордлингене и в Западной Баварии во время революции 1848—1849 гг. в Германии.*

Автор дает совершенно новый материал по истории баварских политических обществ в 1848 г., выходящий по своему значению из узких территориальных рамок его работы. К книге приложены документы и список литературы и источников по ее теме. Работа хорошо документирована и написана главным образом на основе неопубликованного архивного материала и прессы 1848—1849 годов.

Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Erste Folge. 1940. 40 + 84 S.

Польские документы к предыстории войны. Первый выпуск.

Публикация предвоенных документов из архива польского министерства иностранных дел. Большинство документов — сообщения польских послов в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Стокгольме министру иностранных дел Польши, относящиеся к 1938—1939 годам. К каждому документу дается его фотография и немецкий перевод (с польского оригинала). Комментариев нет, так как документы, по выражению составителей сборника, сами говорят за себя.

Young Lloyd Arthur. *The slaverz controversy 1831—1860.* Chapel Hill. 1939. XI + 337 p.

Юнг, Л. А. *Полемика о рабстве 1831—1860 годов.*

Автор рассматривает вопрос о полемике между аболиционистами и сторонниками рабства в США в 1831—1860 годах. Работа составлена на основе полемической литературы рассматриваемого периода, архивных материалов конгресса, докладов аболиционистских обществ, современной прессы и т. д.

Peterson H. *Propaganda for war. The compaign against American neutrality, 1914—1917.* Norman. 1939. VII + 357 p.

Петерсон Г. *Пропаганда войны. Кампания против американского нейтралитета (1914—1917).*

Автор стремится показать, как США вступили в первую мировую империалистическую войну. Важнейшим фактором, обусловившим вступление США в войну, он считает английскую пропаганду, которой и посвящена значительная часть книги. Подробно разбираются методы английской пропаганды, ее организация и т. д. Наряду с этим освещается и германская пропаганда. Анализируются также и экономические и политические причины вступления США в войну. Особенно подробно освещены события последнего года перед вступлением США в войну.

Der Weltkrieg 1914—1918. XII Band. Die Kriegführung im Frühjahr 1917. Berlin. 1939. XVI + 606 S.

Мировая война 1914—1918 годов. Т. XII. Ведение войны весной 1917 года.

XII том издающегося по распоряжению верховного командования германской армии большого труда по истории мировой войны 1914—1918 гг. охватывает период с февраля по июнь 1917 года. В книге даются характеристика состояния и численность вооруженных сил Германии и союзников, планы германского и англо-французского командования, подробное описание военных операций обеих сторон в этот период. Специальные главы посвящены описанию и разбору битвы при Аррасе, сражений на реке Эн и в Шампани. Обстоятельно рассматривается положение на восточном фронте, причем особенное внимание уделяется влиянию февральской революции в России на ход военных действий. В главе X дается краткий обзор военных действий на итальянском фронте (битва на реке Изонцо 12 мая — 5 июня 1917 г.), на македонском фронте, в Болгарии, в Турции, а также на море и в воздухе. К книге приложено большое число карт, схем и таблиц.

Weitere Dokumente zur Kriegsausweitungspolitik der Westmächte. Die Generalstabsbesprechungen England und Frankreichs mit Belgien und den Niederlanden. Berlin. 1940. 104 S.

Новые документы к политике расширения войны западных держав. Соглашения генеральных штабов Англии и Франции с Бельгией и Нидерландами.

Публикация германского министерства иностранных дел содержит приказы о не-

редвижениях английских и французских воинских частей в Бельгии, Голландии и Люксембурге и о взаимодействии войск союзников с бельгийской и голландской армиями, относящиеся к периоду, предшествовавшему наступлению германской армии в мае 1940 года. К тексту прилагается факсимиле всех публикуемых документов.

Englands Griff nach Norwegen. Auswahl aus dem IV amtlichen deutschen Weissbuch. Berlin. 1940. 63 S.

Английская попытка захвата Норвегии. Выдержки из IV официальной германской Белой книги.

Документация, характеризующая англо-французскую политику в отношении Норвегии в конце 1939 — начале 1940 года. Публикуемые документы делятся на три группы: 1) англо-французский шпионаж как подготовка к захвату Норвегии (декабрь 1939 — апрель 1940); 2) неудачная высадка англо-французских войск в Норвегии (6—9 апреля 1940 г.); 3) позиция норвежского правительства.

Colonial questions and Peace. A. syrvey prepared under the direction of Emanuel Moresco. League of Nations. Paris. 1939. 345 p.

Колониальный вопрос и мир. Обзор, составленный под руководством Э. Мореско.

Книга начинается с классификации колоний по их экономическому развитию и форме управления и с распределения колониальных владений между державами. Затем дается обзор колониального вопроса до первой мировой империалистической войны и после нее. Автор особо останавливается на колониальных требованиях Германии и Италии. Значительная часть книги посвящена экономике колониальных стран и системе управления ими. К книге приложена документация и обширная библиография.

Robles Miguel Alessio. *Historia politica de la Revolución.* Mexico. 1938. 473 p.

Роблес М. *Политическая история революции.*

Книга посвящена истории мексиканской революции с самого ее начала (с 1910 г.) и до 1935 года. Автор — сторонник либеральной партии и горячий поклонник ее вождя Каррансы — особенно подробно описывает события, развернувшиеся после контрреволюционного переворота Уэрты и ареста президента Мадеро (1913). В книге имеется большой материал о вождях революционного движения мексиканских крестьян — Сапате и Вилье. Ряд глав посвящен позиции США по отношению к мексиканской революции, обеим американским интервенциям (1914 и 1916 гг.) в Мексике, а также борьбе мексиканского народа против интервентов. Книга богата интересным фактическим материалом. Автор является современником описываемых им событий, и его работа поэтому носит полумемуарный характер.

История культуры

Bossenbroock W. and Yohannesen R. *A History of Western Civilisation.* Part I. Foundations of Western Civilisation. USA. Wayne University. XXI + 695 p. 1939.

Боссенбрук В. и Иоганнесен Р. *История западной цивилизации. Ч. 1-я.* Основание западной цивилизации.

Настоящая книга является учебным пособием для американских студентов, изучающих историю культуры. Авторы, учитывая ограниченность времени студента, отобрали, по их словам, лишь самые основные моменты развития культуры, делая при этом особое ударение на изобразительных искусствах (живопись, скульптура). Книга делится на шесть основных разделов: 1) доисторическая и восточная культура (охватывает каменный век в Европе и культуру стран древнего Востока); 2) греческая культура; 3) культура средиземноморских стран в эпоху эллинизма и римского господства в Средиземноморье; 4) образование новых культур (западнохристианская, византийская и арабская культуры); 5) прогресс западного христианства (культура средневековья) и 6) возникновение национальных культур (культура эпохи позднего средневековья и зарождения капитализма). Каждому разделу предпосылается синхроническая таблица. Книга снабжена 12 историческими картами, многочисленными иллюстрациями и библиографией.

М. Альперович и А. Беленький

Библиография по международным отношениям на Дальнем Востоке

(Краткая справка) *

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. М. и Л. Госиздат. 1929—1940.

Том IX. Революция в Китае и в Европе, стр. 311—318 (1853); Дороговизна жизни, стр. 219—220 (1853); Азия и Россия, стр. 660—661 (1854).

Том XI, ч. 1-я. Парламентские прения о военных действиях в Китае, стр. 139—144 (1857); Англо-китайский конфликт, стр. 145—147 (1857); Поражение министерства Пальмерстона, стр. 148—153 (1857); Английские жестокости в Китае, стр. 154—157 (1857); Новая экспедиция англичан в Китае, стр. 158—161 (1857); Персия и Китай, стр. 162—167 (1857); Предстоящие выборы в Англии, стр. 179—182 (1857); Торговля опиумом, стр. 345—352 (1858); Договор между Китаем и Британией, стр. 353—362 (1858); Успехи России на Дальнем Востоке, стр. 368—372 (1858).

Том XI, ч. 2-я. Новая китайская война, стр. 260—276 (1859); Торговля с Китаем, стр. 291—294 (1859).

Том XII, ч. 2-я. Китайские дела, стр. 360—362 (1862).

Том XXII. Переписка (1854—1860), стр. 362—363 (1858) и стр. 372—373 (1858).

В. И. Ленин. Соч. 3-е изд. М. Госиздат. 1926—1935.

Том IV. Китайская война, стр. 60—64 (1900); Уроки кризиса, стр. 165 (1901).

Том VII. Падение Порт-Артура, стр. 44—50 (1905); Разгром, стр. 335—338 (1905).

Том XII. Горючий материал в мировой политике, стр. 304—309 (1908).

Том XVI. Демократия и народничество в Китае, стр. 26—31 (1912); Обновленный Китай, стр. 188—189 (1912); Крупный успех Китайской республики, стр. 354—355 (1913); Пробуждение Азии, стр. 383—384 (1913); Отсталая Европа и передовая Азия, стр. 395—396 (1913).

Том XIX. Империализм и раскол социализма, стр. 309—310 (1916).

Том XXII. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г., стр. 479.

Том XXV. Речь на I всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г., стр. 57, II конгресс Коммунистического Интернационала, стр. 340 (1920); Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г., стр. 501—506 (1920).

Том XXVI. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря, стр. 5—7 (1920).

Том XXVII. Привет освобожденному Приморью, стр. 310 (1922); Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г., стр. 317 (1922).

Том XXX. Тезисы о современном политическом положении, стр. 383—385 (1918); Война и революция, стр. 347 (1917).

И. В. Сталин

Вопросы китайской революции. Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б), 2-е изд. М. и Л. 1927, или в сборнике «Об оппозиции». М. и Л. Госиздат. 1928, стр. 549—557.

О перспективах революции в Китае. Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. М. и Л. Госиздат. 1927, или в сборнике «Об оппозиции», стр. 421—435.

Революция в Китае и ошибки оппозиции (две речи). 2-е изд. М. и Л. Госиздат. 1927, или в сборнике «Об оппозиции», стр. 559—581, 583—605.

Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. М. и Л. Госиздат. 1928. а) Заметки на современные темы, стр. 607—636; или отд. изд. М. и Л. Госиздат. 1927 г.; б) Международное положение и оборона СССР. Речь на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г., стр. 637—680. Раздел о Китае, стр. 644—663; опубликован также в сборнике «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник избранных статей и речей. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936, стр. 174—188.

Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. О политических задачах университета народов Востока (речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г.), стр. 155, 165.

Вопросы ленинизма. 10-е изд. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938, стр. 345—361, 538—552.

Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III. 2-е изд., доп. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937, стр. 660—667. Беседа с г-ном Рой Говардом.

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М. Госполитиздат. 1939.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938. М. Госполитиздат. 1938, особенно стр. 52—56, 154—157, 215—236, 287—289, 316—320.

В. М. Молотов

В борьбе за социализм. Речи и статьи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М. Партиздат. 1934, стр. 226—228, 262—264, 278, 328—329, 414—415, 460—462, 485—486.

---

* См. «Историк-марксист» № 4 за 1939 г. и №№ 2, 4—5 за 1940 год.

Статьи и речи 1935—1936 гг. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937, стр. 61—63, 168—179, 261—266.

21-я годовщина Октябрьской революции. (Доклад на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1938 г.) М. Огиз, Госполитиздат. 1938.

22-я годовщина Октябрьской революции. (Доклад на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1939 г.) М. Огиз. Госполитиздат. 1939.

О международном положении и внешней политике СССР. Доклад на третьей сессии Верховного Совета 31 мая 1939 г. М. Госполитиздат. 1939.

О внешней политике Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. М. Огиз. Госполитиздат. 1939.

Внешняя политика правительства. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. М. Огиз. Госполитиздат. 1940.

Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел на заседании VII сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. М. Госполитиздат. 1940.

К. Е. Ворошилов

Статьи и речи. М. Партиздат ЦК ВКП(б), стр. 616—619, 625—626 (1937).

Речь на Красной площади в день 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в СССР 7 ноября 1938 г. М. Госвоениздат Наркомата обороны Союза ССР. 1938.

Речь на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. М. Госполитиздат. 1939.

Документы Коминтерна

Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М. ИМХ и МП. 1934.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932. М. Партиздат. 1933.

Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935.

Библиография важнейших работ на иностранных языках и документация по международным отношениям на Дальнем Востоке

Morse H. B. *The International Relations of the Chinese Empire.* London. 1910—1918, vol. I. The Period of conflict 1834—1860; vol. II. The Period of submission 1861—1893; vol. III. The Period of subjection 1894—1911.

Книга является ценным исследованием по вопросам политики капиталистических держав в Китае, основанным на дипломатической переписке, часть которой приведена автором в тексте и в приложениях. Книга снабжена обстоятельной хронологией событий в Китае. Автор издал ряд других ценных трудов о Китае (The Trade and Administration of China. London. 1920; The Gilds of China. Shanghai. 1922; The chronicles of the East India company trading to China). 1635—1834, vol. I—IV, Oxford. 1926).

Mac Nair H. E. *Modern chinese history.* Selected Readings. Shanghai. 1923.

В работе собрана документация и отдельные выдержки из различных работ о Китае, характеризующие внешние отношения Китая и важнейшие вопросы внутренней политики за период с начала XIX столетия до Вашингтонской конференции (1921—1922). По богатству документального материала и использованной автором литературы книга Mac Nair чрезвычайно ценна.

Mc Cordock R. S. *British Far Eastern Policy 1894—1900.* New York. 1931.

Книга представляет собой исследование (проанглийское) главным образом по английской политике в Китае, более детальное для периода 1894—1900 гг., основанное на документах, опубликованных после первой мировой империалистической войны в Англии и Германии (см. ниже). Книга снабжена богатым библиографическим указателем.

Hanotaux, G. et Martineau A. Ed. *Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde.* Tt. I—VI. Paris. 1929—1933.

Том V посвящен Индии и Индо-Китаю. История выдержана в типичном для подобных изданий шовинистическом, захватническо-империалистическом духе; по фактическим данным, приведенным в книге, она представляет интерес. Приложены схемы, карты, рисунки.

Mazelière, Marquis de la. *Le Japon. Histoire et civilisation.* Tt. I—VIII. Paris. 1907—1923.

Работа дает историю Японии с древнейших времен (включая мифологию) до конца периода Мэйдзи (1912). История Японии, написанная автором частично по материалам, переведенным с японского, является несмотря на некоторую устарелость одним из лучших и наиболее подробных буржуазных исследований по истории этой страны. Автор приводит подробные данные по экономике, крестьянскому движению в различные периоды японской истории. Книга не снабжена достаточно исчерпывающей библиографией. К периоду XVIII, XIX и XX веков относятся тома IV—VIII.

Murdoch J. A. *History of Japan.* Vol. I—III. London. 1925—1926.

Период XVIII—XIX вв. охватывает том третий, в котором даны подробные данные о политической истории Японии и ее внеш-

них сношениях до революции 1868 года. Книга имеет серьезное значение только в силу богатства и достоверности приведенного в ней фактического материала. Автор не пытается вскрывать или объяснять приводимые им факты. Книга снабжена библиографией (включающей и японские источники) и историческими схемами.

Dennett, T. *Americans in Eastern Asia.* New York. 1922. 725 р.

Наиболее серьезное из американских исследований о Дальнем Востоке, основанное на изучении богатейшего документального и книжного материала (библиография, стр. 695—708, характеристика источников и книг, использованных автором, стр. 682—694). Книга охватывает период с конца XVIII в. и до боксерского восстания. Автор приводит статистико-экономический материал по торговле США с азиатскими странами. По сравнению с другими американскими работами по Дальнему Востоку, как Foster J. W. American Diplomacy in the Orient, Boston, 1903; Dulles F. R. America in the Pacific. 2-nd. ed. Boston. 1938 и др., книга Деннета должна быть признана наиболее ценной. Для освещения американской политики на Дальнем Востоке в XX столетии дополнением к книге Деннета может служить книга Griswold A. The Far Eastern policy of the United States» (N. Y. 1938), основанная, так же как и книга Деннета, на богатой документации (библиография, стр. 503—517).

Dennett, T. *Roosevelt and the Russo-Japanese War.* New York. 1925.

Книга основана на изучении автором личной переписки президента Рузвельта и посвящена периоду чрезвычайного обострения империалистических противоречий на Дальнем Востоке (1902—1905 гг.). Автор в общем выгораживает Рузвельта, хотя и приводит несколько чрезвычайно важных документов, показывающих, как Рузвельт толкал Японию на войну и как он ее поддерживал во время войны.

Takeuchi, Tatsuji. *War and Diplomacy in the Japanese Empire.* New York. 1935.

Книга охватывает период от пересмотра неравноправных договоров до оккупации Маньчжурии, основана на большой журнальной и газетной литературе на японском языке. Дает богатый материал по так называемой двойной дипломатии (военщины и министерства иностранных дел) и вообще о борьбе в правящем лагере Японии вокруг вопросов внешней политики.

Griffis, W. *Corea, the Hermit nation.* New York. 1897.

История Кореи до сих пор еще не написана. Книга Грифиса также не является историей Кореи, в ней собраны отдельные факты, достоверность которых не всегда бесспорна, главным образом из области внешних сношений Кореи. Это, скорее, отдельные очерки по политической истории Кореи с древнейших времен до периода китайско-японской войны 1894—1895 годов. В книге проскальзывают японофильские тенденции, поскольку США в тот период поддерживали Японию. Автором использована большая литература на китайском, японском и европейских языках.

Forbes W. C. *The Philippine Islands.* Vol. I—II. New York. 1928.

Автор — американец, был губернатором Филиппин, и отсюда все качества книги, отражающей точку зрения американской буржуазии в филиппинском вопросе. Книга важна богатой документацией, занимающей 150 страниц и обнимающей период с момента захвата Филиппин американцами (1898) и до 1927 года. В книге описаны режим колоний, политические партии, население и пр. Имеется краткий исторический очерк.

Toynbee A. J., Comp. *Survey of International Affairs.* London.

Издается с 1925 г. ежегодно[1]; в книгах дается краткий обзор важнейших событий в различных странах мира за истекший год, причем обычно приводится подробная историческая справка о предшествующем периоде, особенно в тех случаях, когда вопрос идет о странах, обзор по которым дается не ежегодно. Книги составляются по газетной и журнальной литературе и представляют ценный материал для ознакомления с международными отношениями после первой мировой империалистической войны.

Treaties, conventions etc. between China and Foreign States. 2-nd ed. Vol. I—II. Shanghai. Stat. Dep. of the Insp. General of Customs. 1917

Сборник договоров Китая с иностранными государствами с 1689 г. (Нерчинский договор на русском и латинском языках) до 1915 года. Сборник не включает договоров китайского правительства с отдельными иностранными капиталистами или компаниями, в нем приведены только договоры между правительствами.

Rockhill W.[2] W., ed. *Treaties and conventions with or concerning China and Korea.* Washington. 1904.

В сборнике помещены договоры, заключенные иностранными компаниями с корейским правительством на горные, железнодорожные и иные концессии. В этом отношении сборник очень важен, так как в других источниках текстов этих договоров нет (частично они напечатаны в книге «Описание Кореи». Изд. министерства финансов 1900 г., ч. 3-я, стр. 165—171). Все прочие договоры, приведенные у Рокхилла, имеются в нижеуказанной книге, в которой они даны полнее.

Mac Murray[3], J., *Ed. Treaties and agreements with and concerning China 1894—1919.* Vol. I (1894—1911); vol. II (1912—1919). New York. 1921.

---

[1] Первый обзор за 1920—1923 гг. издан в 1924 году.

[2] Американский посланник в Китае.

[3] Американский посланник в Китае.

Нумерация страниц общая, всего 1729 страниц. Наиболее полное собрание всех договоров с Китаем (государственных, концессионных и пр.) и о Китае между другими государствами. В книге имеется хронологический перечень всех договоров, указатель, список открытых портов и отдельные карты (приложенные к договорам). Книга является незаменимым пособием по внешней политике Китая и политике капиталистических держав в Китае в период 1894—1919 годов.

Treaties and agreements with and concerning China 1919—1929. Washington. Carnegie Endowment for Int Peace.

По идее составителя (Brown Scott), книга должна была явиться продолжением работы Мак Мюррея, однако она не отличается полнотой. Книга снабжена хронологическим списком договоров; тексты этих договоров можно найти в изданиях «China Year Book» за различные годы.

Treaties and conventions between the Empire of Japan and other Powers... Ed. by Order of the Foreign Office. Tokyo.

Имеются издания 1874, 1884, 1894 годов. Эти издания являются официальными сборниками японских договоров: тексты их приведены на тех языках, на которых они заключались (обычно на двух, в том числе один европейский). Издание 1884 г. и соответственно 1894 г. не воспроизводят договоров, приведенных в издании 1874 г., но утерявших силу. Таким образом, при необходимости изучить все договоры, заключенные Японией, надо ознакомиться со всеми изданиями.

Traités et Conventions entre l'Empire du Japon et les puissances étrangères. Tt. I—II. Tokyo. Ministère des affaires étrangères. 1908.

Составлен по тому же принципу, что и предыдущие сборники.

Сборник договоров Японии с другими государствами Т. I (на японском языке). Токио. 1925. В оглавлении и тексте большая часть договоров изложена на японском и на одном из европейских языков.

Hertslet's Commercial Treaties. A complete collection of the treaties and conventions... between Great Britain and Foreign Powers and of the Laws, Decrees, Orders in Council, etc. Vols. I—XXXI. London. 1840—1925.

Сборник охватывает XVIII, XIX и XX вв. до 1925 года. Указатели к нему помещены в томах XVI, XXII и XXXI, составлены в хронологическом порядке и по вопросам. Является наиболее полным и систематизированным сборником договоров и соглашений Англии с другими государствами, а также законов и распоряжений внутриимперского характера (Англия и доминионы, Англия и колонии).

Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and other Powers 1776—1937. Vol. I—IV. Washington. 1910—1938.

Издание официальное (сенатское). Приведены все договоры США с другими государствами.

Сборник договоров России с Китаем 1689—1881 гг. СПБ. Мин. ин. дел. 1889.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг. СПБ. Мин. ин. дел. 1906.

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925).* М. 1927.

В книге многие договоры приведены в сокращенном изложении, многие вовсе не приведены, встречаются ошибки (даты и пр.). Все же книга дает большой договорный материал по истории Дальнего Востока.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг. Серия II, 1900—1913 гг., т. XVIII, ч. 1-я и 2-я; т. XIX, ч. 1-я и 2-я; т. XX, ч 1-я и 2-я. Серия III, 1914—1917 гг., тт. I—X. М. и Л. 1931—1938.

Издание охватывает период до первой мировой империалистической войны и первые годы войны. Многочисленные документы касаются положения на Дальнем Востоке и соперничества империалистических держав в этом районе (Монголия, Тибет и т. д.). Документы, касающиеся Дальнего Востока, легко разыскиваются по указателю, помещенному в конце каждого тома. Обе серии являются важнейшим источником для предвоенного и военного периодов, в значительной мере исправляющим и дополняющим документацию того же периода, выпущенную в капиталистических странах (см. ниже).

Много документов по дипломатии царской России опубликовано в «Красном архиве», как например т. XVIII за 1926 г. «Китайская революция 1911 г.»; т. XIV. Боксерское восстание; т. XXXII (1929). Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. и т. д.[1].

British Documents on the Origins of the War. 1898—1914. Ed. by G. P. Gooch, H. and Temperley, H. Vols. I—XI. London. 1926—1936.

Как все подобные сборники, выпущенные в империалистических государствах с тем, чтобы переложить ответственность за войну на противника, эта документация не является вполне полноценным источником. Тем

---

[1] В царской России довольно обширная документация по внешней политике (конечно, специально подобранная) печаталась в «Известиях министерства иностранных дел», а также в различных официальных записках, выпускавшихся министерством иностранных дел по отдельным вопросам, как например «Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.» (1906), «Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу» (23 августа 1912 г.—2 ноября 1913 г.) и т. д.

не менее она дает весьма интересный материал, нигде до того не опубликованный, в частности об англо-японском союзе (1901—1902) и о роли Англии в русско-японских переговорах накануне войны 1904—1905 гг. (т. II), а также о политике Англии и других держав в период войны, в период портсмутских переговоров и об англо-японском договоре 1905 г. (т. IV). В последнем — XI — томе любопытны англо-японские переговоры об участии Японии в первой мировой империалистической войне.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin. Bd. I--XL. 1922—1927.

Собрание составлено по типу упомянутого выше. Во многих томах имеются отдельные разделы по Дальнему Востоку; целиком посвящены этим вопросам т. XVI (Китай и державы в 1900—1902 гг.), т. XIX (ч. 1-я и 2-я. Русско-японская война); т. XXXII—Державы и восточная Азия (период 1909—1914 гг.) и др. В т. XVII имеется раздел об англо-германо-японских переговорах о союзе (1901—1902); в т. XV — об испано-американской войне 1898 г.; в т. XIV (ч. 1-я)—о подготовке и захвате Циндао, и т. д.

Papers relating to the Foreign Relations of the United States. Publication of the Department of State. Washington.

Американская дипломатическая переписка издана за 1895—1922 годы. Особенно ценны годы, относящиеся к японской интервенции на Советском Дальнем Востоке (1918—1922), по ним можно проследить важнейшие моменты истории интервенции и обострения противоречий между империалистическими державами в этот период. Весьма интересна также документация по Вашингтонской конференции.

Documents diplomatiques français (1871—1914). Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1914. Paris. Imprimerie Nationale. Alfred Costes. L'Europe nouvelle.

Собрание французских документов, составленное по типу предыдущих, с тем, однако, отличием, что документы размещены не по тематическому признаку, а в хронологическом порядке. Каждый том снабжен хорошо составленным указателем. Издание состоит из трех серий: I серия охватывает период 1871—1900; II серия — 1901 — 1911; III серия—1911—1914 годы. Издание не закончено.

Documents on International Affairs, с указанием года (вышли томы с 1929 по 1936 гг.). Ed. by J. W. Wheeler-Bennett and S. A. Heald. London.

В этих сборниках печатаются важнейшие договоры, переписка, выступления руководящих государственных деятелей, выдержки из стенограмм международных конференций и т. п. за определенный год. Каждому разделу предпосылается краткая историческая справка. Такого же рода документация опубликовывалась в последние годы (1932—1934) в изданиях Наркоминдела — «Сборники документов по международной политике и международному праву». М. Вып. I—XI. Опубликован, например, в этом издании доклад комиссии Литтона, прения по поводу оккупации Маньчжурии в Лиге нации и т. д.

Издания Международного института тихоокеанских сношений (The Institute of Pacific relations). Институт организован в 1925 г. по инициативе американцев как неофициальное учреждение с целью изучения стран и народов Тихоокеанского бассейна. Во всех тихоокеанских странах созданы самостоятельные институты тихоокеанских сношений (под разными наименованиями), входящие в состав Международного института. В СССР Институт тихоокеанских сношений создан в 1934 году. Всего с 1925 г. состоялось шесть конференций Международного института тихоокеанских сношений (последняя — в 1936 г.). Издаются доклады, сделанные на конференциях или представленные к каждой конференции, которые дают довольно богатый материал для изучения экономического и политического положения тихоокеанских стран («Problems of the Pacific. Proceedings of the... conference of the Institute of Pacific relations»). Особенно широкую деятельность развил за последние годы американский институт, опубликовавший солидные работы об Австралии и ее интересах на Дальнем Востоке («Australia's interest and policies in the Far East» by J. Shepherd), о Новой Зеландии («New Zealand interest and policies in the Far East» by J. F. C. Milner), об американской политике на Дальнем Востоке («American Policy in the Far East 1931—1940» by T. A. Bisson), об английской политике в Китае («The relations of Great Britain with China 1933—1939») и т. д.

Весьма важная документация по современной войне Японии в Китае (1937—1940 гг.) печатается в Женеве в публикациях китайской делегации в Лиге наций, под названием «Japanese Agression and the League of Nations» (или на французском языке: «L'agression japonaise et la société des nations»). Вышло уже восемь выпусков, в которых приведены тексты выступлений различных делегатов при обсуждении в Лиге наций вопроса о японской агрессии, ноты держав Японии (1938—1939 гг.), выступления и обращения крупнейших китайских деятелей (Чан Кай-ши, Веллингтон Ку и т. д.) по поводу японской политики в Китае и на Дальнем Востоке (о договоре между Японией и Ван Цзин-веем, о «новом порядке в Восточной Азии» и т. п.). Собранные в этих выпусках материалы дают довольно полное представление о позиции китайского национального правительства на различных этапах современной войны в Китае.

А. Гальперин

В. А. Быстрянский

В ночь на 14 декабря 1940 г. скончался один из старейших деятелей большевистской партии, видный пропагандист и партийный литератор, доктор исторических наук профессор Вадим Александрович Быстрянский.

Вступив в 1907 г. в ряды большевистской партии, В. А. Быстрянский все свои силы отдал великому делу борьбы за социализм. Верный сын партии Ленина—Сталина, мужественный пролетарский революционер-профессионал, неутомимый партийный литератор, горячий патриот социалистического отечества, большевик кристальной чистоты, исключительно скромный, чуткий товарищ, В. А. Быстрянский в то же время являлся крупным научным работником. Будучи высокообразованным марксистом, глубоким знатоком произведений классиков марксизма-ленинизма, партийным деятелем с широким политическим кругозором и всесторонним историческим образованием, В. А. Быстрянский принимал самое деятельное участие в творческой научной работе исторического фронта СССР.

Основным видом научной деятельности тов. Быстрянского являлась неустанная печатная пропаганда, популяризация марксистско-ленинской теории, редактирование ряда работ по вопросам истории ВКП(б) и истории СССР.

Всю свою деятельность В. А. Быстрянский подчинил интересам классовой борьбы пролетариата за социализм, строго следуя принципу партийности в науке. С большевистской страстностью и принципиальной непримиримостью боролся он за чистоту марксистско-ленинской теории со всеми врагами диктатуры пролетариата. По вопросам теории марксизма-ленинизма и конкретным вопросам государственного советского строительства Вадимом Александровичем написано множество статей, брошюр. Он показывал пример исключительной работоспособности, внимательно следя за жизнью партии и советского государства, за очередными мероприятиями партии и правительства.

В. А. Быстрянский был представителем передовой науки, не отрывавшим теории от практики, всегда сохранявшим чувство нового, подчинявшим свою научно-литературную деятельность очередным задачам момента.

Враг формализма, начетничества, голого, беспредметного теоретизирования и социологических абстракций, В. А. Быстрянский всегда стоял на базе конкретного и к анализу конкретного подходил как марксист-диалектик. Все его работы стоят на высоком идейно-политическом уровне, проникнуты знанием законов исторического развития, законов классовой борьбы. Неутомимый пропагандист выступал как политический деятель ленинско-сталинской школы.

Печатные труды В. А. Быстрянского проникнуты идеями творческого марксизма. В своей пропагандистской практике он никогда не рассматривал марксизм-ленинизм в отрыве от исторического процесса, условий материальной жизни общества, условий классовой борьбы. Он никогда не отрывал ленинизма от конкретной истории большевистской партии и истории страны, так же как не отрывал ленинизма от марксизма.

Для В. А. Быстрянского характерен весьма широкий диапазон исторического исследования. Он проявлял живой интерес к самым разнообразным вопросам теории и практики. Всякий изучающий историю ВКП(б) и советский период истории СССР встретит в газетах (прежде всего в «Северной коммуне», «Петроградской правде» и «Ленинградской правде») и журналах большое количество статей В. А. Быстрянского. Решения партийных съездов, конференций, ЦК партии, съездов советов, декреты правительства, вопросы классовой и партийной борьбы, борьба с троцкистами и всякого рода оппортунистами, международное положение—все это не ускользало из поля зрения В. А. Быстрянского и являлось предметом его исследования. Книги и брошюры В. А. Быстрянского также посвящены актуальным вопросам («Не полиция, а всенародная милиция»—за 1917 год. «Империалистическая Англия против социалистической России», «Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная», «Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики»—за 1919 год. «Антанта, Россия и революция», «Фридрих Энгельс. К его характеристике», «Контрреволюция и ее методы (белый террор прежде и теперь)»—за 1920 год. «Меньшевики и эсеры в русской революции», «Из истории гражданской войны в России», «Газета в буржуазном и пролетарском государстве» — за 1921 год. «Ленин и 1905 год», «Ленин как материалист-диалектик», «Ленин-историк. Историзм в ленинизме» — за 1925 год. «Правый уклон на новом этапе», «Без Ленина по ленинскому пути», «Красная Армия — армия освобождения трудящихся», «Сталин — величайший теоретик современности» и др.).

В. А. Быстрянский, систематически следивший за строительством новой жизни, находил время и для изучения истории далекого прошлого.

Особенно большое политическое значение и научную ценность приобретают работы В. А. Быстрянского, посвященные Ленину и Сталину. В книге «Ленин как материалист-диалектик» («Прибой». Ленинград. 1925), в которой делается опыт изложения

взглядов Ленина по коренным вопросам марксистской философии и социологии, диалектического и исторического материализма, В. А. Быстрянский пишет:

«Гигантские размеры ленинского дела, давшего толчок пересозданию мира, заслонили в значительной степени в наших глазах фигуру Ленина-теоретика. Между тем, Ленин именно потому и стал гениальнейшим тактиком пролетарской революции, что он был и величайшим ее теоретиком, которого мы по праву можем поставить рядом с Марксом. Деятельность Ленина оказалась столь практичной именно потому, что дышала живительным воздухом теории. Теория и практика сливаются в жизни Ленина в беспримерном в истории народов единстве, образуя гармоничное, стройно согласованное целое...» (стр. 3).

В заключение своей работы В. А. Быстрянский пишет: «...печать ленинского гения лежит не только на его делах, не только на решении им вопросов текущей жизни, но и на постановке теоретических проблем.

Величайший практик всех времен не мыслит плодотворной практики, которая бы не была основана на гранитном фундаменте правильной теории...» (стр. 290).

В том же 1925 г. выходит новая работа В. А. Быстрянского—«Ленин-историк. Историзм в ленинизме».

«Гений Ленина,— пишет В. А. Быстрянский,— позволяет ему решать самую трудную для марксиста задачу — ориентироваться в современной истории, когда нет и не может еще быть налицо того фактического материала — статистического и документального,— который позволяет историку вскрывать подлинную физиономию давно минувших событий... И ни в чем, может быть, так ярко не проявлялся гений Ленина, как в том, что он, подобно Марксу, умел и в эпохи революций — локомотивов истории — схватывать движущие пружины развития, учиться у истории, подмечать форму и характер каждого нового звена в исторической цепи, за которое должна ухватиться партия передового класса, чтобы воздействовать на ход развития для осуществления поставленных ею себе целей... Вот почему ленинизм есть summa summarum новейшей истории; факел ленинизма освещает нам ярким светом мировые события первой четверти XX века. Если для уяснения истории Европы во вторую половину XIX столетия лучшее, что мы имеем — это труды Маркса и Энгельса, то судьбы человечества в первые десятилетия XX века мы поймем лишь по сочинениям Ленина» (стр. 7, 34).

В период острой партийной борьбы с троцкизмом, а затем с зиновьевской оппозицией в Ленинграде, выступившими с ревизией ленинизма, В. А. Быстрянским овладевает мысль сделать изучение произведений В. И. Ленина доступным широким массам членов партии. В. А. Быстрянский первый составляет систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина, оказавший большую помощь членам партии в деле их идейного вооружения.

Так же взволнованно, страстно звучит голос В. А. Быстрянского в его работах, посвященных Сталину.

В статье «Великий продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина» В. А. Быстрянский пишет:

«Дело, начатое Марксом и Энгельсом, продолжал великий Ленин — отец советской власти в России. Дело Маркса—Энгельса—Ленина продолжает в наши дни товарищ Сталин — величайший ум современности, гениальнейший теоретик и практик, крупнейший государственный деятель, которого только знает история... Нет ни одной отрасли знания, которую бы не развивал Сталин. Нет той отрасли научного исследования, которой не давал бы толчка своими руководящими указаниями Сталин.

За последние годы особое значение приобрели в системе нашего образования исторические науки... Исключительную роль здесь сыграло появление в сентябре 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором ряд важнейших глав принадлежит перу самого Сталина. «История ВКП(б)»— детище сталинской мудрости, прекраснейший образец исторического исследования. Она показывает всем нашим историкам, как нужно писать историю, как нужно сочетать раскрытие законов исторического развития с конкретным изображением прошлого...

Товарищ Сталин двинул вперед философию марксизма-ленинизма, дал нам дальнейшую разработку диалектического метода, развил учение о неодолимости того, что возникает и развивается. Это положение Сталина пронизывает ярким светом всю практическую деятельность коммунистов во всех концах земного шара, оно обосновывает нашу непререкаемую уверенность в неизбежности победы коммунизма на всей нашей планете...» [1].

Под редакцией В. А. Быстрянского, в последние годы возглавлявшего Ленинградский институт истории ВКП(б), вышли в свет ценные работы, как то: «Большевистская фракция IV Государственной думы», «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге», «История Путиловского завода», «Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг.» и другие работы.

В. А. Быстрянский принимал деятельное участие в работе над первым томом «Истории гражданской войны в СССР», а с 1936 г. в работе комиссии по учебникам, назначенной ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Одновременно с большой своей научно-исследовательской работой В. А. Быстрянский повседневно руководил работой коллектива научных сотрудников Ленинградского института истории ВКП(б), руково-

---

[1] «Пропаганда и агитация». Журнал Ленобкома и горкома ВКП(б) № 23, 1939 г., стр. 25—26.

дил научной подготовкой аспирантов Ленинградского государственного университета и Политико-просветительного института им. Крупской, принимал участие в публичной защите диссертаций.

За 23 года своей работы в Ленинграде В. А. Быстрянский воспитал тысячи большевистских пропагандистов, студентов, научных работников. Светлое имя этого старого большевика, революционера-ученого стало известно широким массам советской интеллигенции. Жизнь и работа тов. Быстрянского является образцом беззаветного служения делу коммунизма.

Н. Корнатовский

Акад. И. А. Джавахишвили

18 ноября минувшего года, в 9 ч. 45 м. вечера, на публичном заседании Института истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии наук, во время чтения научного доклада, внезапно скончался акад. И. А. Джавахишвили.

Историческая наука Грузии потеряла своего крупнейшего представителя. Тяжела эта потеря и для всего советского ученого мира.

И. А. Джавахишвили всю свою жизнь посвятил науке и службе народу. Он был исследователем великого исторического прошлого грузинского народа. На его долю выпала честь расшифровать древнейшую культуру Грузии.

Иван Александрович начал ученую деятельность в стенах Петербургского университета, на факультете восточных языков. В 1898—1899 гг. он получил свое научное крещение и, будучи еще приват-доцентом, организовал научный кружок для собирания грузинских научных сил. Грузинский научный кружок, формально утвержденный для чтения научных докладов, фактически стал очагом собирания ученых-грузин. Подготовлялась почва для великого дела— организации грузинского университета. Осуществить эту цель — основать в Грузии университет в царское время — было невозможно. Университет был организован в Тбилиси в 1918 году. По зову И. А. Джавахишвили на работу туда в качестве первых профессоров прибыли прославленные в России и на Западе старейшие ученые-грузины. Оставленный без всякой материальной помощи и поддержки, университет при меньшевистской диктатуре был обречен на гибель. В это время профессора, по примеру Джавахишвили, безвозмездно читали лекции. Советизация Грузии спасла университет.

Партия Ленина—Сталина, советское правительство взяли университет в свои руки. Из частного он сделался государственным. За годы советской власти университет вырос и так окреп, что теперь наряду с древнейшими университетами считается одним из крупнейших научных центров всего Советского Союза. Сбылась мечта И. А. Джавахишвили и всей передовой интеллигенции Грузии. На базе университета возник целый ряд специальных институтов, число которых достигает двадцати двух, а также и сам Грузинский филиал АН СССР.

В деле возрождения и расцвета грузинской советской науки И. А. Джавахишвили памятен не только как основоположник Грузинского университета, ректором которого до 1926 г. он состоял, но и как исследователь, создавший капитальные труды на грузинском языке еще в царское время, когда считалось невозможным мыслить и говорить по-грузински.

Свой первый труд, который еще в 1899 г. И. А. Джавахишвили представил Петербургскому университету в качестве конкурсного сочинения, он печатает в Тбилиси в грузинском журнале «Моамбэ» — 1900 год. С тех пор Иван Александрович становится сотрудником таких печатных органов, как «Моамбэ», «Иверия» и затем «Сахалхо Пурцели».

И. А. Джавахишвили не только сотрудничал в грузинских журналах и газетах, но и читал публичные лекции в Тбилиси и Кутаиси, приезжая из России в Грузию три раза в год на несколько месяцев.

Замечательный писатель престарелый Илья Чавчавадзе в 900-х годах охотно посещал лекции И. А. Джавахишвили, с большим интересом относился ко всем положениям, выдвинутым Иваном Александровичем. Уже в 900-х годах Джавахишвили стал популярным и весьма авторитетным общественным деятелем. Безграничная преданность своей стране, любовь к памятникам культурной древности Грузии, протест и борьба против царского самодержавия — таковы те истоки, которые с самого начала питали творчество И. А. Джавахишвили.

В 1902 г. И. А. Джавахишвили вместе с Н. Я. Марром совершил экспедицию в Иерусалим и на Синайскую гору для собирания древних грузинских манускриптов.

Опираясь на первоисточники ввиде эпиграфических данных и рукописных грузинских материалов, на известия древних грузинских, армянских, греческих, римских, арабских и иранских писателей, И. А. Джавахишвили приступает к разработке вопросов истории Грузии.

В 1902 г. в Берлине в «Известиях Академии наук» был напечатан его труд «Das Martyrium des heiligen Eustatius von Mzcheta».

В 1905 г. вышла в свет его магистерская диссертация «Государственный строй древней Грузии и древней Армении». В 1907 г. на грузинском языке выходит первая часть «Экономической истории Грузии».

Параллельно с вопросами социально-экономической и политической истории Грузии И. А. Джавахишвили большое внимание уделял вопросу искусства и культуры древней Грузии и источниковедческим проблемам. Отдельные монографии по этим вопросам он обобщил в своем капитальном труде «История грузинского народа», тт. I и II — 1913 и 1914 годы.

В 1916 г. выходит его классический труд «Древнегрузинская историческая письменность». Однако широкий размах деятельность И. А. Джавахишвили получает только при советской власти. За этот период ему удалось осуществить в капитальных трудах свои замыслы.

«Древнегрузинская историческая письменность», над которой Иван Александрович работал в продолжение 17 лет, составляет первую часть его громаднейшего труда «Цель, методы и источники истории». Вторая часть этого труда — «Грузинская палеография» — вышла в свет в 1925 г., третья часть — «Нумизматика-метрология» — в том же году. Наконец в 1926 г. была напечатана и четвертая часть — «Грузинская дипломатика».

В 1928—1929 гг. выходит «История грузинского права» в двух томах. В 1930—1934 гг. И. А. Джавахишвили публикует две монументальные книги своего труда «Экономическая история Грузии».

Параллельно с грузиноведческими вопросами И. А. Джавахишвили работал и над проблемами истории Ближнего Востока. В 1934 г. он опубликовал замечательный труд «Древнеармянская историческая письменность». В арменологии этот труд — единственная монография, дающая обзор древнеармянской исторической письменности.

Не приходится говорить о том, что эти труды характеризуют акад. Джавахишвили как многостороннего знатока и крупнейшего ученого. Прекрасно владея классическими (греческий и латинский) и восточными (армянский, ассирийский, персидский) языками, акад. Джавахишвили мог углубиться в тонкости историко-филологических проблем.

И. А. Джавахишвили принадлежит ряд открытий в области грузинской палеографии, эпиграфики и исторической письменности (см. «Известия Тбилисского университета» за 1922—1923 годы. Тт. II, III).

Все университетские курсы, прочитанные акад. Джавахишвили в течение продолжительной педагогической работы, были основаны на его монографических исследовательских работах. И. А. Джавахишвили создал следующие университетские курсы: 1. История Грузии (общий курс); 2. Экономическая история Грузии; 3. История грузинского права; 4. Древнегрузинская историческая письменность; 5. Вспомогательные дисциплины истории (грузинская палеография, нумизматика-метрология, грузинская дипломатика); 6. История материальной культуры Грузии; 7. История Армении; 8. Древнеармянская историческая письменность; 9. Этнолого-лингвистические проблемы Кавказа и Ближнего Востока; 10. История Ближнего Востока; 11. Древнеперсидская историческая письменность. Всем этим дисциплинам в разное время были посвящены лекции И. А. Джавахишвили в Тбилисском государственном университете имени Сталина.

О научной, педагогической и общественной деятельности И. А. Джавахишвили можно написать целую книгу, и это — дело ближайшего будущего. Из его многочисленных монографий мы здесь указали только наиболее значительные.

За выдающиеся заслуги в связи с 20-летием Тбилисского университета И. А. Джавахишвили был награжден орденом Трудового красного знамени. В 1938 г. трудящиеся Грузии избрали его депутатом Верховного совета Грузинской ССР. 28 января 1939 г. И. А. Джавахишвили избирается в члены Академии наук СССР.

Последние годы И. А. Джавахишвили продолжал работу над проблемами истории Ближнего Востока: из серии трудов, касающихся проблем истории Ближнего Востока, в 1937 г. вышла в свет его замечательная книга «Природа и родство картвельских и кавказских языков». Этот труд представляет только вторую часть того труда, опубликовать который И. А. Джавахишвили не успел.

И. А. Джавахишвили оставил большое научное наследство. Третья часть его труда — «История грузинского народа» — только теперь сдана в печать Институтом истории и материальной культуры имени акад. Марра. Пятая часть этого труда (четвертая часть была опубликована в 1924 г.), как и остальные труды: о древнегрузинских исторических памятниках, о вновь найденных рукописях «Картлис цховреба», «Историк царицы Тамары», целые томы по истории музыки, искусства и материальной культуры Грузии, — пока не изданы.

Все свои работы, как и все свое богатейшее научное наследство, И. А. Джавахишвили завещал своей социалистической родине.

А. Киквидзе

Тридцатилетие научной деятельности доктора исторических наук проф. Н. П. Грацианского

Ученый совет исторического факультета Московского государственного педагогического института 25 ноября 1940 г. отмечал тридцатилетие плодотворной научной деятельности доктора исторических наук проф. Н. П. Грацианского. Юбиляра приветствовали акад. Д. М. Петрушевский, зав. кафедрой истории средних веков МИФЛИ проф. А. И. Неусыхин, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков МОПИ проф. Б. Ф. Поршнев и проф. Семенов. Юбиляр получил ряд приветственных телеграмм[1].

Н. П. Грацианский родился в 1886 году. В 1910 г., по окончании историко-филологического факультета Казанского университета, он начал чтение лекций по истории средних веков на Казанских высших женских курсах. Изданный в 1912 г. на правах рукописи курс его лекций, читанных в Казани, свидетельствует о крупных лекторских и ученых дарованиях молодого преподавателя. В 1911 г. Н. П. Грацианский выпускает в свет книгу «Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях», написанную им еще в студенческие годы. С 1914 г. по 1921 г. он преподает в Казанском университете. С 1928 г. Н. П. Грацианский является профессором 2-го МГУ, действительным членом Института истории РАНИОН. В настоящее время Н. П. Грацианский возглавляет кафедры истории средних веков МГПИ и ГПИ им. К. Либкнехта. Н. П. Грацианский является активным деятелем секции медиевистов АН СССР.

Список ученых трудов Н. П. Грацианского обширен и разнообразен. Однако основное внимание Н. П. Грацианский обращал и обращает на историю производительных сил в средние века, на историю производителей материальных благ, т. е. на историю трудящихся, что находит свое подтверждение в его работах «Крестьянское движение в Западной Европе» и «Французская деревня XII—XIV вв. «Жакерия». В 1913 г. он напечатал статью «К вопросу об аграрных отношениях древних германцев в эпоху Цезаря» (Сборник статей в честь Корсакова). В 1912 г. издает «Салическую правду». В 1913 г. он напечатал статью «Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX столетия» (Сборник статей в честь Бузескула). Расцвет ученой деятельности Н. П. Грацианского начался после революции 1917 года. В 1919 г. он напечатал статью «К критике Capitulare de villis» в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXX, вып. 2-й. В 1926 г. им напечатана статья «Traditiones каролингской эпохи в освещении Допша» («Труды Института истории РАНИОН», вып. 1-й), в которой он подвергает критике концепцию Допша о значении precaria remuneratoria в развитии церковных аграрных отношений. В 1935 г. вышла в свет его книга «Бургундская деревня X—XIII столетий», а в последующие годы ряд других работ.

В журнале «Историк-марксист» он напечатал статью «Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв.» (№ 6 за 1938 г.) и «Материальные взыскания в варварских правдах» (№ 7 за 1940 г.). В 1939 г. Н. П. Грацианский издал в двух частях свои «Лекции по истории средних веков», читанные в МГПИ. Под его редакцией вышла в 3 книгах «Хрестоматия по истории средних веков» (1938—1939—1940). Ему же принадлежат интересные главы «Истории средних веков»—учебного пособия для высших учебных заведений. Являясь прекрасным руководителем студенческих и аспирантских семинаров, он воспитал десятки талантливых учеников, которые с успехом работают в учебных и научно-исследовательских учреждениях Советского Союза.

И. Ивашин

[1] Юбилею Н. П. Грацианского посвящено было расширенное заседание Ученого совета МГПИ им. К. Либкнехта 29 декабря 1940 г., где в свою очередь юбиляра приветствовали профессора Бахрушин, Зильберман, Радциг, Дьяков, Савич, Беляев, представители АН СССР, НКП РСФСР, ВКВШ, студенческих и аспирантских организаций.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ В США создана специальная служба военной документации, которая должна обеспечить систематическую регистрацию всех источников информации о европейских событиях начиная с сентября 1938 года. Составляемый таким образом указатель охватывает книги, официальные документы, публицистику, карты, специальные периодические издания, газеты, журналы, кинофильмы, радиопередачи и т. д.

◆ С начала японо-китайской войны в результате военных действий в сорока институтах, библиотеках и других культурных учреждениях Китая уничтожено в общей сложности свыше 15 млн. книг, всевозможных редких изданий и рукописей.

◆ В Италии основан институт колониального права и колониальной политики. Институт ставит себе задачей создание обширной библиографии по вопросам колониального права и колониальной политики, предназначенной главным образом для заграницы. В план работ Института входят также создание словарей, изучение законов иностранных колоний, этнографические и лингвистические исследования. С целью развития международных связей Институт предполагает войти в соглашение с иностран-

ными учебными заведениями об обмене студентами и периодически созывать международные сессии специалистов, посвященные колониальным вопросам.

◆ В сентябре 1939 г. Иэльский университет создал специальную комиссию под руководством проф. Кента с целью собирания коллекции материалов, связанных со второй мировой империалистической войной. По словам проф. Кента, комиссия ставит себе целью «сохранять документы всякого рода, печатные издания и рукописи, официальные и неофициальные, связанные прямо или косвенно с современной войной». Особое внимание комиссия обращает на коллекционирование прокламаций, плакатов, пропагандистской литературы и памфлетов, изданных гражданскими и военными властями, обществами и частными лицами, и, наконец, частных дневников и писем. Среди многочисленных собранных комиссией документов имеются газеты, журналы, памфлеты, пропагандистская литература, изданные не только правительствами воюющих европейских стран, но и правительствами Японии и Китая, разнообразные английские и французские военные плакаты, записи рассказов очевидцев. Значительную часть собранных комиссией материалов составляют относящиеся к войне публикации нейтральных стран. Один из интереснейших разделов коллекции содержит американские документы, связанные с борьбой за сохранение нейтралитета США, в том числе около 150 тысяч писем и телеграмм, посланных сенатору-изоляционисту Тафту перед голосованием в сенате по вопросу об отмене эмбарго на вывоз оружия из США.

◆ В результате решений состоявшегося в 1939 г. съезда Австралийской и Новозеландской научных ассоциаций в ближайшее время начнет издаваться «Австралийский и Новозеландский исторический журнал» («Journal of Australian and New Zealand Historical studies»). Журнал будет первым изданием подобного рода в обоих доминионах. В журнале будут печататься работы по следующим вопросам: философия истории и проблемы историографии, история Австралии и Новой Зеландии, отношения между странами, входящими в Британскую империю, и история международных отношений в южной части Тихого океана. Кроме того журнал будет помещать исторические обзоры, статьи, посвященные вопросам преподавания истории, рецензии, библиографические заметки и др. Журнал будет издаваться Мельбурнским университетом и выходить два раза в год.

◆ В феврале 1940 г. в Лейдене состоялось открытие «Голландского археологического и филологического института Ближнего Востока». В Институте имеются два отделения: 1) Передняя Азия (руководитель проф. Бель) (Böhl) и 2) Египет (руководитель проф. де Бук). В залах Института будет размещена лейденская коллекция клинописных табличек, принадлежащая проф. Белю. Институт основан главным образом на средства частных лиц.

◆ Международный комитет исторических наук опубликовал в конце 1939 г. XII том «Международной библиографии исторических наук» за 1937 год. В томе содержатся названия 6520 исторических публикаций на всех языках. Одновременно тот же комитет опубликовал «Международный указатель исторических периодических изданий и библиографий». Этот указатель охватывает 2351 публикацию. К обеим книгам приложены алфавитные и предметные указатели.

◆ В газете «Giornale d'Italia» за апрель, май и июнь 1940 г. опубликован ряд статей, описывающих по документам государственного архива эпизоды революции 1848—1849 гг. в Сицилии.

◆ При раскопках погребения в древнем Танисе (Египет) весной 1939 г. (французская экспедиция под руководством Пьера Монте) был обнаружен сделанный из серебра или электрона саркофаг в форме мумии. Он был охвачен кольцами с именем фараона Шошенка с неизвестным до сего времени прозвищем «Heka-heper-Re-Setep-en-Re». В саркофаге находилась мумия в украшенной золотом одежде, в золотой маске, с золотым коршуном с распростертыми крыльями, тремя амулетами и семью браслетами. Рядом с саркофагом лежали две плохо сохранившиеся мумии. На одной из них был только большой скарабей, на другой же—золотая повязка с амулетом из красной яшмы—изображения Анубиса и Тота. В том же помещении найдено десять сосудов, в четырех из них оказались маленькие серебряные изображения саркофага Шошенка.

М. Альперович,
А. Беленький

SOMMAIRE:

ARTICLES: Daougué P. Les pays baltes dans la période de 1917–1940.— Dérjavine N., acad. Contribution à l'histoire du capitalisme en Bulgarie.— Kabaktchiev Chr. et Karakolov P. La Bulgarie pendant la première guerre impérialiste. COMMUNICATIONS: Brandenbourski L. Trois rencontres avec Lénine (Souvenirs du temps de l'illégalité).— Ossipov K. N. E. Baouman — agent de „l'Iskra".— Dmitriev S. Slavophiles et slavophilisme.— Ganitchev I. A propos du rapport de S. Dmitriev „Slavophiles et slavophilisme".— Kisselev N. Le cinq centenaire de l'invention de l'imprimerie. Exposition et conférence à Lwow. CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Acad. I. A. Djavakhichvili (nécrologe).— B. A. Bystrianski (nécrologe)

CONTENTS:

ARTICLES: Dauge P. The Baltic States: 1917 to 1940.—Derzhavin N. A Contribution to the History of Capitalism in Bulgaria.—Kabaktchiev Chr. and Karakolov R. Bulgaria in the First Imperialist World War. SHORTER NOTES: Brandenburgsky L. Three Meetings with Lenin. (Reminiscences of Underground Days).— Ossipov K. N. E. Baumann in the "Iskra„ organization.— Dmitriev S. Pan-Slavism and the Pan-Slavists.— Ganichev I. Opinions aroused by S. Dmitriev's Paper on Pan-Slavism.— Kisselev N. Five Hundred Years of the Printing Press. Exhibition and Conference at Lwow. CRITICISM and BIBLIOGRAPHY. CHRONICLE.

Obituaries: Acad. I. A. Tavakhishvili, V. A. Bystriansky

INHALT:

ARTIKEL: Dauge P. Die baltischen Länder in den Jahren 1917—1940.— Dershawin Akad. Zur Geschichte des Kapitalismus in Bulgarien.— Kabakischieff Chr und Karakoloff R. Bulgarien im ersten imperialistischen Weltkrieg. MITTEILUNGEN: Brandenburgski L. Drei Begegnungen mit W. I. Lenin (aus der Zeit der revolutionären Illegalität).— Ossipow K., M. E. Baumann als Vertrauensmann der „Iskra".— Dmitrijew S. Die Slawophilen und das Slawophilentum.— Ganitschew I. Die Erörterung von S. Dmitrijews Referat „Die Slawophilen und das Slawophilentum".— Kisselew N. 500 Jahre Buchdruckerkunst. Austellung und Konferenz in Lwow.— KRITIK und BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK.

Akademiemitglied Dshawachischwili I. A. Nachruf. W. A. Bysirjanski Nachruf.

Редакционная коллегия: Ем. Ярославский, Б. Д. Греков, И. И. Минц, С. Н. Ростовский

Адрес редакции: Москва. Волхонка, 14, комн. 113. Тел. К 0-70-16

А35461. Изд. № 192. Зак. № 4544. Тираж 35 000

Подп. к печати 10/II 1941 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.